

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: прошлое, настоящее, будущее 2022

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 908(5-012)
ББК 26.89(55)
В78

*Утверждено к печати
Ученым советом ИКСА РАН*

Редакторы:

к.э.н. Т.М. Мамахатов (отв. ред.), н.с. А.Л. Поленова (отв.ред.),
с.н.с. А.Ч. Мокрецкий, Д.Е. Шкатов, к.и.н. К.В. Асмолов

В78 Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022 / Рос. акад. наук;
Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М. : ИКСА РАН, 2022. — 324 с.

ISBN 978-5-8381-0453-3

DOI 10.48647/ICSA.2022.92.11.025

Сборник статей является результатом работы международной научной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее», прошедшей в Институте Дальнего Востока РАН в 2021 г. Представленные статьи посвящены вопросам регионального развития Восточной Азии: Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, а также Вьетнама. Одной из ключевых тем сборника является сотрудничество стран Азии с Россией, перспективы развития отношений в кратко- и долгосрочной перспективе. Авторы также проанализировали вопросы социально-экономического развития стран Азии, затронули тему глобальных вызовов и угроз, таких как пандемия коронавируса или обострение политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ряд статей посвящён вопросам социально-экономического развития и выстраиванию международного сотрудничества в эпоху глобальных потрясений. В сборник также вошли статьи, освещающие вопросы истории и развития культуры государств Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Япония, Корея, Вьетнам, политика, история, экономика, культура.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

**УДК 908(5-012)
ББК 26.89(55)**

ISBN 978-5-8381-0453-3

© Коллектив авторов, 2022
© ИКСА РАН, 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia

**EAST ASIA:
PAST, PRESENT
AND FUTURE.
2022**

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of China and Contemporary Asia
2022

*Recommended for publication
by the Academic Council of the Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences*

Editorial Board:

Mamakhatov T.M., Polenova A.L. (Editors-in-Chief), Mokretskii A.C.,
Shkatov D.E., Asmolov K.V.

East Asia: past, present and future. 2022. Moscow, ICCA RAS, 2022.

The collection of articles is published as a result of the international scientific conference of young orientalists “East Asia: Past, Present, Future”, held at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences in 2021. The articles cover development of the countries of the region of East Asia such as China, Japan, North and South Korea, Vietnam. One of the central topics of the volume is cooperation between Russia and East Asian countries and possibilities for its expansion in both short- and long-term perspective. The authors also analyzed most topical issues of socio-economic development of East Asian countries as well as global challenges including COVID-19 pandemic and political tension in the region. A number of articles focus on socio-economic development and international cooperation in the era of political and economic turmoil. The volume also includes papers on the questions of history and culture of the East Asian countries.

Keywords: East Asia, Russia, China, Japan, Korea, Vietnam, politics, history, economy, culture.

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Волошина А.В.</i> Китайско-американские отношения: итоги первого года президентства Дж. Байдена	11
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Китайская внешняя политика и дипломатия в период пандемии	23
<i>Нежданов В.Л.</i> «Управление» как стержневая конструкция «Идей Си Цзиньпина о дипломатии»	32
<i>Ширгазина Э.Р.</i> Взаимодействие Индии и Китая в восточном секторе ЛФК: ретроспектива и современное состояние проблемы	43
<i>Поленова А.Л.</i> Голосование по резолюциям ГА ООН как отражение внешнеполитического курса КНДР	53
<i>Семенов О.Ю.</i> Взаимодействие ФРГ и КНР в контексте пандемии COVID-19: новые горизонты и вызовы	59
<i>Виноградов И.С.</i> КНР и страны Балтии. Проблемы сотрудничества	71

ЭКОНОМИКА

<i>Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй.</i> Российско-китайское газовое сотрудничество	82
<i>Елисеева М.В.</i> Российский экспорт несырьевых товаров в Китай: текущее состояние и перспективы наращивания	91
<i>Захарова Л.В.</i> VIII съезд Трудовой партии Кореи и его экономические задачи	103
<i>Купина Л.К.</i> Эволюция внешнеэкономической стратегии Республики Корея в Центральной Азии	113
<i>Зуева А.Г.</i> Реализация целей устойчивого развития в национальной стратегии Республики Корея (Корейский новый курс)	123

<i>Игнатов А.А.</i> Стратегия цифрового лидерства Республики Корея: обзор приоритетов, инструментов и ресурсов	133
<i>Корнеев К.А.</i> Торгово-экономические отношения Японии с Евразийским экономическим союзом	141
<i>Печищева Л.А.</i> Энергетическая безопасность на пространстве ШОС: новые идеи и подходы	152
<i>Мамахатов Т.М.</i> Россия на энергетическом рынке стран Юго-Восточной Азии	163
<i>Акуленко В.С.</i> Нынешнее состояние и перспективы развития сотрудничества в области противодействия ННН-промыслу в СВА	179

ИСТОРИЯ

<i>Харитоновна А.М.</i> Исследования XXI века на китайском языке о западных представлениях о Китае XIX века	189
<i>Нолев Е.В.</i> Современные российско-монгольские отношения в отражении историографии и исторической памяти: к 100-летию установления дипломатических отношений	201
<i>Гурковский А.А.</i> Организационный и финансовый аспекты археологической и культуроохранной деятельности в Японии	212
<i>Шуплецова К.В.</i> «Инцидент Цуда» (1940 г.) и его влияние на взгляды историка Цуда Сокити (1873—1961)	222
<i>Моргунова П.В.</i> Особенности корейской буддийской архитектуры (нач. IX — XVI вв.)	232
<i>Логиновский Е.Л.</i> Кризисный этап отношений КНР и КНДР в работах северокорейских историков (2014—2017)	241
<i>Финько Н.В.</i> Вопросы социальной и городской гигиены в Корею в контексте модернизационных реформ 1896—1905 гг.	252

ОБЩЕСТВО

<i>Абрамов С.А.</i> Патентное право КНР в периоды 13-й и 14-й пятилеток: сравнительное исследование	261
<i>Селезнева Н.В.</i> Институты Конфуция в новую эпоху: проблема позиционирования	268

<i>Залязьминская Е.О.</i> «Красный» туризм в Китае: идеологическая пропаганда и культурное строительство в условиях пандемии.	279
<i>Дьячков И.В.</i> Борьба с пандемией коронавируса в Республике Корея и КНДР	287
<i>Старшинов А.С.</i> Влияние пандемии COVID-19 на положение христианства в Республике Корея	298
<i>Шкатов Д.Е.</i> Система пропаганды КНДР в эпоху коронавируса	307
Список авторов	317
List of authors	321

Content

POLITICS

<i>VOLOSHINA Anna V.</i> Sino-American Relations in the Wake of the First Year of Joe Biden's Presidency	11
<i>MOKRETSKII Alexander Ch.</i> China's Foreign Policy and Diplomacy in Pandemic Period	23
<i>NEZH DANOV Vladimir L.</i> «Governance» as the Pivot of "Xi Jinping's Thought on Diplomacy"	32
<i>SHIRGAZINA Elsa R.</i> Interaction between China and India in the eastern sector of LAC: retrospect and the current status of the problem	43
<i>POLENOVA Anna L.</i> Voting on UNGA resolutions as a reflection of the DPRK's foreign policy	53
<i>SEMENOV Oleg Y.</i> German-Chinese interaction within COVID-19 pandemic context: new horizons and challenges	59
<i>VINOGRADOV Ilia S.</i> China and the Baltic countries. Cooperation	71
problems	

ECONOMY

<i>SAZONOV Sergey L., WAN Jinwei.</i> Sino-Russian Gas Cooperation	82
<i>ELISEEVA Maria V.</i> Russian non-primary goods' export to China: the current state and the prospects for increasing	91
<i>ZAKHAROVA Liudmila V.</i> Eighth Congress of the Workers' Party of Korea and Its Economic Agenda	103
<i>KUPINA Liudmila K.</i> Evolution of Foreign Economic Strategy of the Republic of Korea towards Central Asia	113
<i>ZUEVA Alexandra G.</i> Implementing Sustainable development goals in national strategy of the Republic of Korea (Korean New Deal)	123
<i>IGNATOV Alexander A.</i> Korea's digital leadership strategy: priorities, instruments and resources	133

<i>KORNEEV Konstantin A.</i> Japan's Trade and Economic Relations with the Eurasian Economic Union (EAEU)	141
<i>PECHISHCHEVA Liudmila A.</i> Energy security in the SCO: new ideas and approaches	152
<i>MAMAKHATOV Tlesh M.</i> Russia in the South-East Asian Energy Market	163
<i>AKULENKO Vadim S.</i> The current state and prospects for the development of cooperation in the field of countering IUU fishing in the NEA region	179

HISTORY

<i>KHARITONOVA Anna M.</i> Research of the XXI Century in Chinese about Western Beliefs About China in the 19th Century . . .	189
<i>NOLEV Evgenii V.</i> Contemporary Russian-Mongolian relations in historiography and memory studies: to the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations	201
<i>GURKOVSKII Alexandr A.</i> Administrational and Financial Aspects of Archaeology and Cultural Heritage Management in Japan	212
<i>SHUPLETSOVA Kseniya V.</i> The Tsuda Incident (1940) and its Impact on the Views of the Historian Tsuda Sokichi (1873—1961)	222
<i>MORGUNOVA Polina V.</i> Features of Korean Buddhist architecture (early IX — XVI centuries)	232
<i>LOGINOVSKII Egor L.</i> The Crisis in Sino-DPRK Relations: Proceeding from North Korean History Research Papers, 2014—2017	241
<i>FINKO Nina V.</i> Social and Urban Hygiene Issues in Korea in the Context of the Modernization Reforms of 1896—1905	252

SOCIETY

<i>ABRAMOV Sergey A.</i> Chinese patent law during the 13-th and 14-th five year plan: a comparative study	261
<i>SELEZNEVA Natalia V.</i> Confucius Institutes in the New Era: The Problems of the Status	268

<i>ZAKLIAZMINSKAIA Ekaterina O.</i> “Red” Tourism in China: Ideological Propaganda and Cultural Construction in a Pandemic	279
<i>DYACHKOV Ilya V.</i> Battle Against the COVID-19 Pandemic in the DPRK and the Republic of Korea	287
<i>STARSHINOV Alexander S.</i> Impact of COVID-19 Pandemic on Christianity in the Republic of Korea	298
<i>SHKATOV Danil E.</i> The DPRK propaganda system during the age of coronavirus	307
List of authors	321

А.В. Волошина

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИТОГИ ПЕРВОГО ГОДА ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БАЙДЕНА

Аннотация. Отношения между США и КНР продолжают оставаться самыми значимыми двусторонними отношениями в мире, от динамики которых будут зависеть контуры глобального порядка в XXI веке. Вместе с тем в последние годы связи между этими странами достигли низшей точки в своем развитии с 1972 г., вступив в беспрецедентный период всеобъемлющего и долгосрочного стратегического соперничества. Неудивительно, что в начале 2021 г. внимание всего мирового сообщества оказалось направлено на пришедшего на смену республиканцу Дональду Трампу президента-демократа Джозефа Байдена. Спустя почти год пребывания новой американской администрации у власти у научного сообщества появляется возможность для того, чтобы вынести первые оценки курса команды Дж. Байдена в отношении Китая; выделить его приоритетные направления и способы реализации; проанализировать, как на него отвечает Пекин; и предположить, по какой траектории будет происходить развитие китайско-американских отношений в последующие три года. Предпринята попытка дать ответы на эти вопросы. Проведенный анализ основных аспектов отношений США и КНР позволил прийти к выводу о том, что курс новой администрации демонстрирует значительную преемственность с политикой времен Д. Трампа, причем «окно возможностей» для перевода связей в более здоровое, стабильное русло постепенно закрывается в связи с растущим давле-

нием на политику обеих держав внутривнутриполитических факторов. Серьезные структурные силы, коренящиеся в изменяющейся международной системе, особенности развития экономических и политических систем США и КНР продолжают задавать устойчивые конкурентные тенденции во взаимодействии Пекина и Вашингтона на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: США, КНР, отношения, администрация Байдена, соперничество, Тайвань.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, м.н.с. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН¹. ORCID: 0000-0002-7508-8735.

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Voloshina A. V.

Sino-American Relations in the Wake of the First Year of Joe Biden's Presidency

Abstract. US-China relations continue to be the most significant bilateral relations in the world, which will define the contours of the global order in the 21st century. At the same time, in the past few years, the ties between these countries have reached the lowest point in their development since 1972 and entered an unprecedented period of comprehensive and long-term strategic competition. It is not surprising that at the beginning of 2021 the international community turned its attention to Democrat Joe Biden who replaced Republican Donald Trump as the US President. After the new American administration's first year in office, the academic community has an opportunity to make the first assessments of the Biden team's policy on China; to identify its priorities and the ways of implementation; to analyze Beijing's response; and to suggest the possible trajectory of Sino-American relations in the next three years. In this article, the author attempts to provide some answers to these questions. The analysis of the main aspects of the current US-PRC relations has demonstrated that there has been significant continuity in the new administration's and D. Trump's policies. Moreover, the "window of opportunity" to bring the relations back to the track of healthier and more stable development is gradually closing due to the growing pressure of domestic political factors on both countries' policies. Powerful structural forces rooted in the changing international system and the differences in the development of the economic and political systems of the United States and China set steady competitive trends in the interaction between Beijing and Washington in the short and medium term.

---

¹ Институт Китая и современной Азии РАН (ИКАС РАН) в прошлом носил название Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН).

Keywords: the United States, China, relations, the Biden administration, competition, Taiwan.

Author: Anna V. VOLOSHINA, Junior researcher, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-7508-8735 (e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru).

После четырех лет нахождения у власти администрации президента США Д. Трампа отношения Вашингтона и Пекина оказались, по признанию как китайских, так и американских ведущих экспертов, в низшей точке своего развития за последние 50 лет. Впервые после визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г. и последовавшего стратегического сближения двух держав ключевой движущей силой их связей стало стратегическое соперничество, охватывающее практически все сферы: безопасность, торговлю и финансы, новейшие технологии и научные исследования, идеологию и продвигаемые ценности.

Неудивительно, что в 2021 г. внимание всего мира оказалось направлено на команду пришедшего на смену Д. Трампу демократа Дж. Байдена. Многие представители политического и экспертного сообщества как внутри Соединенных Штатов, так и в дружественных им странах желали увидеть трансформацию зачастую хаотичного конфронтационного подхода к Китаю Д. Трампа во взвешенную долгосрочную стратегию с четко определенными целями, средствами и методами их достижения, которая бы реализовывалась в тесной координации с союзниками и партнерами. Китайские наблюдатели высказывали надежды на появление «окна возможностей» для возмещения «ущерба, нанесенного связям США и КНР [республиканской] администрацией», и, если не коренное изменение траектории двусторонних отношений, то хотя бы на их стабилизацию при Байдене [Ван Дун тань Байдэн чжэнфу...].

Однако, несмотря на то, что Белый дом дал понять, что усиление Пекина представляет для него наиболее серьезный внешнеполитический вызов, в конце 2021 г. можно говорить скорее о контурах формулирующегося подхода к управлению этим вызовом, чем о наличии у новой американской администрации ясной и целостной стратегии в отношении КНР.

Курс нынешней администрации, очевидно, базируется на восприятии Пекина как «системного соперника» Вашингтона, бросающего вызов глобальному положению США и возглавляемому ими либерально-демократическому миру по всем направлениям [Ikenberry, p. 14—15]. Это представление нашло отражение во Временном страте-

гическом руководстве по национальной безопасности 2021 г.: Китай является единственным серьезным конкурентом Америки, потенциально способным «объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы на долгосрочную перспективу бросить вызов стабильной и открытой международной системе» [Interim National Security Strategic Guidance, p. 8].

Госсекретарь США Э. Блинкен в программной речи 3 марта 2021 г. предложил следующую формулу для выстраивания отношений с КНР: для того чтобы справиться с «крупнейшим геополитическим испытанием XXI века», Америка будет соперничать с Китаем, когда следует, сотрудничать, когда возможно, и противостоять ему, когда необходимо, взаимодействуя с Пекином с позиции силы [Blinken].

Унаследовав идею стратегического соперничества с Китаем администрации Д. Трампа, команда Дж. Байдена, таким образом, дополнила её несколькими важными декларируемыми элементами: намерением сочетать соперничество с избирательным сотрудничеством; нежеланием развязывания новой холодной войны, разделения мира на противостоящие блоки или вооруженного столкновения двух держав. Как подчеркнул Дж. Байден в разговоре с Си Цзиньпином в ходе ноябрьской видеоконференции, лидеры Китая и США должны «обеспечить, чтобы соперничество между ... странами не переросло в конфликт, преднамеренный или непреднамеренный. [*Достаточно — А.В.*] лишь простого, непосредственного соперничества» [Remarks by President Biden and President Xi...]. Поиск концептуальной формулы, которая бы отражала суть этого курса, привел к выдвиганию тезиса о необходимости гарантирования «ответственного соперничества», или необходимости «ответственного управления соперничеством» между США и КНР. Своим появлением на политической арене этот термин обязан самому Дж. Байдену. Еще в 2015 г., занимая должность вице-президента в администрации Б. Обамы, он заявил, что США и Китай должны быть как «ответственными участниками» (responsible stakeholders) международной системы, так и «ответственными соперниками» (responsible competitors), которые вместе будут работать для того, чтобы поддерживать равные, справедливые и прозрачные условия в своей конкуренции и гарантировать здоровое соперничество [Secretary Kerry Co-hosts a Lunch...]. Такая связка, видимо, подразумевала перевод отношений в формат «конкурентного сосуществования» или «долговременного сосуществования» в рамках нынешней международной системы, а также совместные усилия двух держав по поддержке этой системы и решению глобальных проблем. Вновь обратившись к этой «формуле», уже в сентябре 2021 г. Байден призвал «все

крупные державы мира тщательно управлять своими отношениями, чтобы ... не перейти от ответственного соперничества к конфликту» [Remarks by President Biden...]. Необходимость обеспечения ответственного соперничества была также подчеркнута в сообщениях Белого дома по итогам встреч советника по национальной безопасности Дж. Салливана с членом Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи 6 октября 2021 г., госсекретаря США Э. Блинкена и министра иностранных дел КНР Ван И 31 октября 2021 г., а также президента США Дж. Байдена и председателя КНР Си Цзиньпина 16 ноября 2021 г.

В соответствии с выдвинутой концепцией «ответственного соперничества» курс по отношению к Китаю новой команды претерпел некоторые корректировки по сравнению с политикой администрации Д. Трампа. Во-первых, на фоне атрофировавшихся регулярных двусторонних диалоговых механизмов и более чем годового отсутствия посла США в КНР (бывший американский посол Т. Бранстад покинул Пекин в октябре 2020 г.) были предприняты усилия для установления каналов коммуникации между странами на высшем уровне. После «тупиковых» встреч Э. Блинкена и Дж. Салливана с их китайскими коллегами в марте и заместителя госсекретаря США В. Шерман с заместителем главы МИД КНР Се Фэном и министром иностранных дел Ван И в июле 2021 г. команда Дж. Байдена предприняла усилия по налаживанию личного общения лидеров двух стран, благодаря чему в сентябре 2021 г. состоялся второй телефонный звонок глав США и КНР, а 16 ноября — их личная встреча посредством видеоконференции. Во-вторых, для снижения двусторонней напряженности американская сторона пошла на некоторые уступки Пекину: благодаря договоренности, достигнутой с Министерством юстиции США об отсрочке судебного преследования, финансовый директор компании Huawei Мэн Ваньчжоу была освобождена из-под ареста в Канаде и вернулась в Китай; также администрация Байдена пока избегает дальнейшей политизации вопроса происхождения коронавирусной инфекции. В-третьих, были предприняты шаги для налаживания «избирательного» сотрудничества. 17 апреля 2021 г. Вашингтон и Пекин приняли Совместное заявление по борьбе с изменением климата, а 10 ноября этого же года подписали Декларацию о сотрудничестве в борьбе с изменением климата. Кроме этого, две страны отмечают возможность совместной работы по вопросам здравоохранения; энергетики; по проблемам, касающимся КНДР, Мьянмы, Ирана, Афганистана.

Но, несмотря на эти подвижки, стержневой элемент американской политики в отношении Китая — это активное соперничество

практически по всему спектру направлений: в дипломатии, военной и технологической сферах, экономике и идеологии.

В связи с этим одним из ключевых направлений работы для команды Дж. Байдена стало «формирование международной среды таким образом, чтобы она была наиболее благоприятна для интересов и ценностей Соединенных Штатов, их союзников и партнеров и демократий-«единомышленников»» в противовес Пекину [US wants coexistence not cold war with China...]. Предпринимая усилия по укреплению координации между союзниками и партнерами, Америка успешно подняла уровень работы четверки «QUAD» до встреч лидеров США, Японии, Индии и Австралии. В марте 2021 г. главы четверки провели свой первый онлайн-саммит, а в сентябре — первую «живую» встречу в Вашингтоне. Также в сентябре было объявлено о создании оборонного союза (AUKUS) США, Австралии и Великобритании, который позволит углубить технологическое сотрудничество держав, в частности, снабдить Канберру атомными подводными лодками и расширить диапазон её стратегического реагирования в регионе. 2021 год также был отмечен активизацией американской дипломатии в Юго-Восточной Азии. Символичным стал выбор места для программной речи Э. Блинкена «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» в декабре 2021 г. — в столице Индонезии, Джакарте. Вашингтон работает с европейскими и азиатскими союзниками и партнерами по вопросам торговли, инвестиций, технологий, космоса, кибербезопасности, обеспечения безопасности цепочек поставок, а также по проблемам Гонконга, Синьцзяна, Тибета, Тайваня с целью оказания давления на Пекин «объединенным фронтом». Отдельного упоминания в связи с этим стоит объявление о запуске инициативы «Build Back Better World» по итогам встречи G7 в июне 2021 г., которая позиционируется как альтернатива китайскому проекту «Пояса и пути», и проведение в декабре 2021 г. Саммита за демократию, призванного напомнить о важности демократических ценностей как объединяющего фактора для США, их союзников и партнеров из либерально-демократического лагеря.

Активность Вашингтона по «формированию среды» вокруг Китая привела к усилению напряженности в районе Тайваньского пролива. Администрация Байдена продолжает повышать уровень отношений с Тайванем, применяя «тактику салями». Представитель Тайваня в США стал первым посланником, который представлял остров на инаугурации президента США с 1979 г. В марте посол США в Палау посетил Тайвань — это первый действующий американский посол, ступивший на остров за последние 42 года. В октябре Э. Блинкен вы-

ступил с поддержкой участия Тайваня в системе ООН. Вашингтон продолжает сотрудничество с Тайванем в военной сфере: в августе 2021 г. Байден одобрил первую продажу оружия Тайбэю на 750 млн долл.; тайваньскими властями было обнаружено нахождение военного персонала США на острове; символом поддержки стали практически ежемесячные проходы кораблей ВМС США через Тайваньский пролив. Для сравнения, при президенте Б. Обаме такие прохождения случались от 1 до 3 раз в год. Очевидны попытки США заручиться поддержкой своих союзников и партнеров: в сентябре 2021 г. Великобритания направила военный корабль через Тайваньский пролив впервые с 2008 г.; военно-морские суда Австралии, Франции и Канады стали осуществлять такие проходы с конца 2018 г. Формулировки о важности мира и стабильности в Тайваньском проливе были включены в совместные заявления лидеров США—Японии, США—Южной Кореи, сделанные в апреле и мае 2021 г., и итоговое заявление саммита G-7 в июне того же года.

Всплеск напряженности вокруг Тайваня вновь обратил внимание на возможность возгорания вооруженного конфликта между США и КНР. Вызовом для Вашингтона стали испытания Китаем орбитальной гиперзвуковой ракеты. Как заявил генерал М. Милли, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, такие достижения Пекина представляют собой «фундаментальный сдвиг» в военном балансе сил [China's nuclear arsenal is expanding...]. Новый доклад Пентагона выражает беспокойство ростом ядерного потенциала КНР: к 2030 г. у Китая, скорее всего, будет «по меньшей мере» 1000 доставляемых ядерных боеголовок — значительное увеличение запасов, оцениваемых примерно в 200 боеголовок по состоянию на 2020 г. [Annual Report to Congress, p. 92]. Вопрос о необходимости начала переговоров по контролю за вооружениями был поднят американской стороной во время видео-встречи лидеров США и КНР 16 ноября 2021 г.

В сферах торговли и технологий команда Дж. Байдена использует инструментарий времен Д. Трампа. По состоянию на декабрь 2021 г. пошлины на импорт китайских товаров на сумму 350 млрд долл. были все еще в силе, несмотря на запрос части американского бизнес-сообщества на пересмотр новой администрацией подхода к торговым вопросам. Китаю не удалось выполнить первую фазу торговой сделки, предполагавшей закупку им американских товаров и услуг на сумму 200 млрд долл.: процент выполнения Пекином обязательств за период с января 2020 по ноябрь 2021 г. составил 62 % (таможенные данные

КНР), или 60 % (таможенные данные США) [US-China phase one tracker].

Команда Дж. Байдена также продолжила практику внесения технологических компаний КНР в «черные списки» юридических лиц Министерства торговли и Министерства обороны, стремясь в то же время оформить долгосрочную комплексную стратегию по опережающему развитию США [Ли Чжэн, Ли Мо, Сунь Цифан, с. 48]. В частности, этой цели призван служить находящийся на утверждении в конгрессе Закон об инновациях и конкуренции, предполагающий выделение на финансирование высокотехнологичных секторов, исследовательских центров и университетов США около 190 млрд долл. (из общей суммы в 250 млрд долл.) в течение 5 лет. Еще одной задачей на фоне растущего соперничества с Китаем стало обеспечение безопасности цепочек поставок. Учитывая серьезную стратегическую зависимость Америки от китайского импорта, рабочая группа Белого дома с февраля 2021 г. проводила исследование рисков в цепочках производства микрочипов, аккумуляторов большой емкости, фармацевтических товаров, критических минералов и в июне 2021 г. представила доклад с предложениями по устранению существующих уязвимостей через наращивание производственных мощностей в США (включая планы по развитию отечественного производства литиевых батарей, по добыче и переработке редкоземельных металлов), а также усиление роли Управления торгового представителя в борьбе с «недобросовестной» внешнеторговой деятельностью Китая. Белый дом обсуждает с союзниками и партнерами совместные меры для создания устойчивых цепочек поставок, не зависящих от Китая, объединенного давления на Пекин в рамках Всемирной торговой организации и установления своих технологических стандартов в мировом масштабе.

Несмотря на то, что администрация Дж. Байдена подчеркнула, что Соединенные Штаты не стремятся к трансформации китайской системы, вопрос соблюдения прав человека в Китае активно используется Америкой в качестве еще одного инструмента давления на КНР, примером чего служит принятие в декабре 2021 г. Закона о предотвращении принудительного труда уйгуров, запрещающий импорт на американские рынки товаров, произведенных с использованием принудительного труда в Синьцзяне.

Китайская сторона критикует команду Дж. Байдена за то, что она «не вышла из тени предыдущей администрации... и не нашла верного пути в отношениях с Китаем» [Ван И]. С точки зрения Пекина, трехкомпонентная формула Э. Блинкена для выстраивания отношений с

Китаем лишь разжигает противостояние двух держав. Так, «соперничество» представляется китайской стороне кодовым обозначением борьбы за гегемонию, из-за чего Пекин не желает принимать американское определение их отношений как «отношений соперничества». Более того, Пекин считает, что США не должны выдвигать требования о сотрудничестве по интересующим их вопросам в условиях, когда они продолжают ущемлять китайские коренные интересы [Wang Dong, p. 10]. В июле 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И обозначил три красные линии, которые должен соблюдать Вашингтон в отношении Пекина: не бросать вызов и не пытаться низвергнуть политическую систему КНР, не препятствовать развитию Китая; не вмешиваться в вопросы, затрагивающие его суверенитет, такие как дела в Гонконге, Тибете, Синьцзяне и Тайване.

Китайские исследователи отмечают, что для хеджирования стратегических рисков, вызванных политикой Вашингтона, рациональным подходом для Пекина сейчас была бы попытка «вбить клин» между США и их союзниками и партнерами, такими как Япония, Австралия и Индия [Wang Dong, p. 10]. Однако в последние годы противоречия в отношениях Китая с этими государствами лишь нарастают. Более того, присоединение Австралии к AUKUS поставило перед Китаем задачу переосмысления эффективности использования рычагов политического и экономического давления для достижения своих внешнеполитических целей.

В сложившихся условиях КНР активно развивает сотрудничество с Россией, странами АСЕАН, ШОС. Вдобавок к членству в Соглашении о региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве Китай в сентябре 2021 г. направил заявку на вступление во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, в октябре — Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики.

Одним из важнейших элементов китайской стратегии в условиях внешней неопределенности стали задачи перехода к модели «двойной циркуляции» для использования потенциала внутреннего потребления в стимулировании экономического развития страны; устранения рисков в цепочках поставок; достижения большей технологической независимости и поощрения самостоятельных инноваций, особенно в сфере технологий нового поколения — микрочипов, искусственного интеллекта, телекоммуникаций, квантовых вычислений и квантовой информации, новых материалов. Поставив цель превращения Китая к 2035 г. в ведущую инновационную державу, китайское руководство предусмотрело ежегодное увеличение расходов на НИОКР

более чем на 7 % в рамках 14-го пятилетнего плана развития страны (2021—2025) и предоставление значительной господдержки технологическим предприятиям в ключевых отраслях.

Пекин также вступил в «битву нарративов» с США, пытаясь через зарубежные редакции агентств «Жэньминь жибао», Синьхуа и ССТV противостоять стигматизации Китая [Zuo Xiying, p. 109], а также дать ответ на продвигаемую Вашингтоном «ценностную дипломатию», подчеркивающую общность либерально-демократических режимов в противовес авторитарным моделям, с помощью нарратива о существовании «общих ценностей человечества», таких как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода.

Подводя итоги, отметим, что, хотя команде Дж. Байдена все еще предстоит обнародовать ключевые документы, излагающие детали политики на китайском направлении, уже сейчас очевидно, что США продолжают линию давления на Пекин, особенно в деле подрыва технологической конкурентоспособности КНР. Долгосрочные тенденции соперничества во взаимодействии двух стран задаются структурными силами, коренящимися в изменяющейся международной системе, а на краткосрочную перспективу в игру вступают значимые внутривластные факторы — приближающиеся выборы в конгресс в ноябре 2022 г., президентская кампания 2024 г. в США и подготовка к XX съезду КПК во второй половине 2022 г. в КНР могут вынудить лидеров США и КНР занимать более жесткую позицию по вопросам двусторонней повестки.

Библиографический список

Ван Дун тань Байдэн чжэнфу дуй Хуа чжэнцэ [Ван Дун рассказывает о политике администрации Байдена в отношении Китая] // Peking University. 26.08.2021. URL: <https://news.pku.edu.cn/mtbdnew/09b8253ad5cf48a59556cf9d9cdc0cfe.htm> (дата обращения: 25.12.2021). (На кит.)

Ван И. Мэйго синь чжэнфу хай вэй чжаодао юй Чжунго да цзяодао дэ чжэнцзэ луцзин [Новое правительство США не нашло верного пути в отношениях с Китаем] // Sina Finance. 24.04.2021. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/dgby/2021-04-24/doc-ikmyaawc1509513.shtml> (дата обращения: 15.12.2021). (На кит.)

Ли Чжэн, Ли Мо, Сунь Цифан. Байдэн чжэнфу «чхунцзянь мэйхао вэйлай» ичэн цзици дуй Чжун-Мэй гуаньси дэ инсян [Программа администрации Байдена «Отстроим лучше» и ее влияние на китайско-американские отношения] // Мэйго вэньти яньцзю. 2021. № 2. С. 48—64. (На кит.)

Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // Washington: Office of the Secretary of Defense, 2021, 173 p. URL: <https://clck.ru/ahUBG> (дата обращения: 18.12.2021).

Blinken, Antony. A Foreign Policy for the American People // U.S. Department of State. 23.03.2021. URL: <https://clck.ru/ahUBi> (дата обращения: 15.12.2021).

China's nuclear arsenal is expanding faster than US military officials anticipated one year ago, says Pentagon report // *South China Morning Post*. 04.11.2021. URL: <https://clck.ru/ahUC6> (дата обращения: 15.12.2021).

Ikenberry, John. Systemic Rivals: America's Emerging Grand Strategy toward China // *Global Asia*, 2021, Vol. 16, No. 4. P. 14–17.

Interim National Security Strategic Guidance // Washington: The White House, 2021, 23 p. URL: <https://clck.ru/ahUCT> (дата обращения: 26.12.2021).

Remarks by President Biden and President Xi of the People's Republic of China Before Virtual Meeting // Washington: The White House. 15.11.2021. URL: <https://clck.ru/ahSDG> (дата обращения: 15.12.2021).

Remarks by President Biden Before the 76th Session of the United Nations General Assembly // Washington: The White House. 21.09.2021. URL: <https://clck.ru/ahSE3> (дата обращения: 18.12.2021).

Secretary Kerry Co-hosts a Lunch for Chinese President Xi Jinping Along with Vice President Joe Biden // U.S. Department of State. 25.09.2015. URL: <https://clck.ru/ahUD3> (дата обращения: 16.12.2021).

US-China phase one tracker: China's purchases of US goods // The Peterson Institute for International Economics. URL: <https://clck.ru/WfFc4> (дата обращения: 26.12.2021).

Wang Dong. Reluctant Rival: Beijing's Approach to US-China Competition // *Global Asia*. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 8–13.

Zuo Xiyang. The Trump Effect: China's New Thoughts on the United States // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. № 1. P. 107–127. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1893515.

References

Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. *Washington: Office of the Secretary of Defense*. 2021. 173 p. URL: <https://clck.ru/ahUBG> (accessed: December 18, 2021).

Blinken, Antony (2021). A Foreign Policy for the American People. *U.S. Department of State*. 23.03.2021. URL: <https://clck.ru/ahUBi> (accessed: December 15, 2021).

China's nuclear arsenal is expanding faster than US military officials anticipated one year ago, says Pentagon report. *South China Morning Post*. 04.11.2021. URL: <https://clck.ru/ahUC6> (accessed: December 15, 2021).

Ikenberry, John (2021). Systemic Rivals: America's Emerging Grand Strategy toward China. *Global Asia*. Vol. 16. No. 4: 14–17.

Interim National Security Strategic Guidance. *Washington: The White House*. 2021. 23 p. URL: <https://clck.ru/ahUCT> (accessed: December 26, 2021).

Li Zheng, Li Mo, Sun Qifang (2021). Baideng zhengfu “Chongjian meihao weilai” yicheng jiqi dui Zhong Mei guanxi de yingxiang [The Biden Administration's “Build Back Better” Agenda and Its Impact on Sino-US Relations]. *Meiguo wenti yanjiu*. № 2: 48–64. (In Chinese)

Readout of President Biden's Virtual Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China. *Washington: The White House*. 16.11.2021. URL: <https://clck.ru/ahSEY> (accessed: December 15, 2021).

Remarks by President Biden and President Xi of the People's Republic of China Before Virtual Meeting. *Washington: The White House*. 15.11.2021. URL: <https://clck.ru/ahSDG> (accessed: December 15, 2021).

Secretary Kerry Co-hosts a Lunch for Chinese President Xi Jinping Along with Vice President Joe Biden. *U.S. Department of State*. 25.09.2015. URL: <https://clck.ru/ahUD3> (accessed: December 16, 2021).

US-China phase one tracker: China's purchases of US goods. *The Peterson Institute for International Economics*. URL: <https://clck.ru/WfFc4> (accessed: December 26, 2021).

Wang Dong (2021). Reluctant Rival: Beijing's Approach to US-China Competition. *Global Asia*. Vol. 16, No. 4: 8–13.

Wang Dong tan Baideng zhengfu dui hua zhengce [Wang Dong talks about the Biden administration's China policy]. *Peking University*. URL: <https://news.pku.edu.cn/mtbdnew/09b8253ad5cf48a59556cf9d9cdc0cfe.htm> (accessed: December 25, 2021). (In Chinese)

Wang Yi (2021). Meiguo xin zhengfu hai wei zhaodao yu Zhongguo dajiaodao de zhengque lujing [Wang Yi: The new US administration has not found the right way to deal with China]. *Sina Finance*. 24.04.2021. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/dgby/2021-04-24/doc-ikmyaawc1509513.shtml> (accessed: December 15, 2021). (In Chinese)

Zuo Xiyang (2021). The Trump Effect: China's New Thoughts on the United States. *The Washington Quarterly*. Vol. 44, № 1: 107–127. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1893515.

А. Ч. Мокрецкий

КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. Накануне XX съезда Коммунистической партии Китая подводятся предварительные итоги, в том числе во внешнеполитической и дипломатической работе. Торжественно отмечая юбилейные даты в истории страны, и прежде всего 100-летие КПК, в КНР констатируется растущая взаимосвязь усложняющейся международной среды и появляющихся шансов для многопланового социально-экономического развития.

Рассмотрены характерные в последние годы для Китая два переплетающихся между собой фактора: «столетние изменения, которых не видел мир» (*шицзе байнянь вэйю чжи да бяньцзюй* 世界百年未有之大变局) и новая коронавирусная инфекция (*синьгуань фэйянь ицин* 新冠肺炎疫情). Вместе с тем анализируется дискурс в партийных и медийных текстах о «китайском» видении существующей мировой структуры, которую можно представить через четыре иероглифа «хуа» (или «четыре превращения»): политическая многополюсность, экономическая глобализация, социальная информатизация и культурное многообразие/плюрализм.

Ключевые слова: Китай, дипломатия, внешняя политика, «новая эпоха», «столетние изменения», новая коронавирусная инфекция, «четыре превращения».

Автор: Мокрецкий Александр Чеславович, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

*Mokretskii A.Ch.***China's Foreign Policy and Diplomacy in Pandemic Period**

Abstract. On the eve of the Twentieth Congress of the Communist Party, China is summing up preliminary results, including in foreign policy and diplomatic work. Solemnly celebrating anniversaries in the history of the country and, above all, the 100th anniversary of the CPC, the PRC states the growing interconnection of the increasingly complex international environment and emerging opportunities for multifaceted socio-economic development.

The article examines two intertwining factors characteristic of China in recent years: “century-old changes that the world has not seen” (世界百年未有之大变局) and a new coronavirus infection (新冠肺炎疫情). At the same time, the discourse in party and media texts about the “Chinese” vision of the existing world structure, which can be represented through the four hieroglyphs “hua” (or “four transformations”), is analyzed: political multipolarity, economic globalization, social informatization and cultural diversity/pluralism.

Keywords: China, diplomacy, foreign policy, “new era”, “centennial changes”, new coronavirus infection, “four transformations”.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKII, Senior Researcher of the Center “Russia, China, the world”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-5150-7747 (e-mail: 88am@mail.ru).

На прошедшем в ноябре 2021 г. 6-м пленуме 19-го созыва была констатирована усложняющаяся и становящаяся все более серьезной международная среда. При этом стоящие перед партией и страной задачи не менее значительны и сложны. В число приоритетных задач вошли профилактика и контроль над новой коронавирусной инфекцией и многоаспектное социально-экономическое развитие. Зафиксирован успех в построении общества малого благоденствия (*сяокан*), намечен план к достижению второй 100-летней цели — к всеобщей зажиточности и процветанию в 2049 г.

В плане дипломатической работы было отмечено, что «китайская самобытная дипломатия великой державы всесторонне продвигается, создание сообщества единой судьбы человечества стало ярким знаменем, направляющим тренды эпохи и движение человечества вперед». С чувством уверенности в своих силах в Коммюнике гордо звучит тезис о том, что китайская дипломатия «создает новую обстановку в текущих больших переменах в мире, в глобальном хаосе превращает кризисы/вызовы в возможности, а сила влияния, притяжения (или вдохновения) и созидания значительно возрастает [Дан дэ шицзю].

И отдельно стоит упомянуть основной рабочий «цех» КНР, в том числе в деле формулирования и реализации внешнеполитических целей и задач — КПК. В Коммюнике говорится, что «коммунистическая партия и китайский народ в героической и упорной борьбе торжественно объявляют, что китайская нация совершила великий скачок от “становления на ноги”, “обогащения” к “становлению могущественным государством”» [Дан дэ шицзю]. В передовице «Жэньминь жибао» еще более торжественно заявляется о том, что КПК в неуклонной борьбе глубоко изменила тренды мирового развития и структуру, а в будущем обязательно внесет свою мудрость и силу в прогресс человеческой цивилизации [Бу дуань вэй].

«Столетние изменения» и новая коронавирусная инфекция

Для Китая в последние годы характерно упоминание двух переплетающихся между собой факторов: «столетних изменений, которых не видел мир» (*шицзе байнянь вэйю чжи да бьяньцзюй*, кит. 世界百年未有之大变局), и новой коронавирусной инфекции (*синьгуань фэйянь ицин*, кит. 新冠肺炎疫情).

Впервые о «столетних изменениях» в Китае заговорили в 2018 г. 22—23 июня 2018 г. состоялось второе при Си Цзиньпине Центральное рабочее совещание по внешней политике. Выступая с докладом, генсек ЦК КПК подчеркнул, что внешнеполитический курс КНР должен руководствоваться дипломатическими идеями китайского самобытного социализма новой эпохи (в дальнейшем получив название идея Си Цзиньпина о дипломатии). В речи лидера партии и страны служение целям национального возрождения тесно увязывается с содействием прогрессу человечества, в то время как тезис о строительстве сообщества единой судьбы человечества упоминается вместе с решительной защитой государственного суверенитета, безопасностью и интересами развития. Кроме того, Си Цзиньпин призвал страну активнее принимать участие и направлять реформу системы глобального управления, создавать более совершенную глобальную сеть партнерских связей [Си Цзиньпин: нули...].

Важно отметить тезис Си Цзиньпина о правильных взглядах/вззрениях (*гуань*, кит. 观) в целях овладения международной обстановкой. Всего было названо три взгляда: на историю (*лиши гуань*, кит. 历史观), на общую обстановку (*дацзюй гуань*, кит. 大局观) и роль (*цзюэсе гуань*, кит. 角色观). Охарактеризовав три взгляда, Си Цзиньпин отметил, что страна находится в наилучшем периоде развития с момента

новой истории, а мир переживает невиданные за 100 лет большие перемены, оба периода тесно увязаны между собой и «будоражат» друг друга. Далее генсек отметил, что Китай переживает исторический период, когда «две столетние цели» пересекаются между собой, т. е. после XIX и до XX съездов 1-я столетняя цель будет выполнена, о чем в 2021 г. торжественно объявили (успешное строительство общества малого благоденствия — *сяокан*), а 2-я столетняя цель начнет воплощаться в реальности [Си Цзиньпин: нули...].

Что касается упомянутого выше второго фактора, то на очередной пресс-конференции в период «двух сессий» 7 марта 2021 г. МИД КНР Ван И назвал борьбу с пандемией (точнее, дипломатию по борьбе с пандемией) наиболее «энергозатратной» сферой внешнеполитической деятельности КНР в 2020 г. Китай проявил ответственность в купировании новой коронавирусной инфекции в стране, вместе с международным сообществом стоял на страже («*взаимно помогал в охране территории и в наблюдении за врагом*»; *шоу ван сян чжу*, кит. 守望相助), развернул самую масштабную в истории Китая экстренную гуманитарную помощь и внес вклад в глобальную борьбу с пандемией [Гоу вэйюань цзянь вайцзяо бучжан]. Страны получали безвозмездно или приобретали по рыночной цене китайские вакцины (Sinopharm или CoronaVac). Кроме того, Китай отправлял группы экспертов для обмена опытом с местными специалистами в борьбе с COVID-19 или проводил он-лайн семинары.

Как отметил проректор Дипакадемии КНР, профессор Гао Фэй, предоставив материальную помощь более 150 государствам мира, Пекин транслировал успешный опыт борьбы с пандемией, только к марту 2020 г. дважды жертвовал Всемирной организации здравоохранения 50 млн долл., вступил в инициативу COVAX (всемирная инициатива, направленная на обеспечение равного доступа к вакцинам COVID-19), объявил китайскую вакцину «общественным достоянием» или глобальным «общественным продуктом» (公共产品) по завершении ее разработки и запуска в массовое производство [Гао Фэй]. По данным, которые приводили официальные китайские СМИ, Китай развернул сотрудничество с более 10 государствами в разработке и производстве вакцины, в работе приняли участие более 100 тыс. волонтеров из 100 стран, 17 китайских вакцин находятся на этапе клинических исследований, более 60 государств получили право на использование китайских вакцин. В Китае гордо заявляют, что безопасность и эффективность китайских вакцин получили широкую поддержку и признание мирового сообщества [Гоу вэйюань цзянь вайцзяо бучжан].

Приведенные данные наглядно показывают, как партийное руководство достаточно быстро определилось с намерением конвертировать существующие вызовы пандемии в новые достижения, включая продвижение сформировавшихся на тот момент доктринальных установок. В широко распространенной за рубежом статье Ван И, опубликованной в апреле 2020 г., характерно утверждалось, что «в отстаивании своей позиции Китай всячески способствует сложению усилий человечества ради победы над пандемией» [К формированию сообщества...]. Причем «успехами в купировании коронавируса, как подчеркивал глава китайской дипломатии, мы обязаны ЦК КПК во главе с товарищем Си Цзиньпином, под руководством которого предпринимаемые правительством шаги полностью оправданы и обоснованы».

«Четыре хуа» мировой структуры

Вместе с тем в партийных и медийных текстах повторяется «китайское» видение существующей мировой структуры, которую можно представить через четыре иероглифа «хуа» (или «четыре превращения»): политическая многополюсность, экономическая глобализация, социальная информатизация и культурное многообразие/плюрализм.

Пожалуй, из представленных выше «четырех хуа», последние годы наибольшее значение приобретают два: многополюсность и глобализация. Если китайскую версию экономической глобализации можно коротко представить в виде глобальных инициатив Пекина (венцом которой стоит инициатива «Пояса и пути») и крупных финансовых механизмов контроля (как различные фонды и Банки развития), то второе «хуа» — многополюсность — претерпевает некоторые изменения и дополнения. Теперь речь идет больше о многосторонней дипломатии/мультилатерализме или, как встречается в наших переводах, многостороннем подходе.

21 февраля 2021 г. на сайте МИД КНР появилась обстоятельная статья члена Политбюро Ян Цзечи «Решительно защищать и продвигать мультилатерализм. Содействовать строительству сообщества единой судьбы человечества». В публикации главы канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам вновь повторяется тезис о мультилатерализме и сообществе единой судьбы. Только теперь в виде «теории и практики мультилатерализма в новую эпоху», которые генсек Си Цзиньпин углубил, тщательно изучив тренды мирового развития. Стоит отметить, что, по мнению ведущего китайского чиновни-

ка, эта теория и практика завоевала высокую похвалу международного сообщества и получила широкую поддержку.

Статья Ян Цзечи стала развитием речей Си Цзиньпина, с которыми он выступил на юбилейной сессии ГА ООН в год 75-летия окончания второй мировой войны и основания Организации Объединенных наций и в Давосе (конец января 2021 г.). Председатель КНР Си Цзиньпин, охарактеризовав 75-летие Организации как 75 лет стремительного развития человеческого сообщества, глубоких перемен международной обстановки, ускоренного формирования мультилатерализма, предложил руководствоваться справедливостью (против гегемонизма, унилатерализма), строго придерживаться верховенства закона (защищая принципы и цели Устава ООН), стимулировать сотрудничество (отказавшись от мышления времен холодной войны) и сосредоточиться на действиях (продвигая мультилатерализм) [Си Цзиньпин цзай Ляньхэго].

На другом саммите в 2020 г. (саммит БРИКС) Си Цзиньпин отметил эволюцию международной архитектоники на фоне двух переплетающихся процессов — изменений, невиданных миром за последние 100 лет, или «столетних изменений» (*байнянь бяньцзюй*, кит.百年变局), и пандемией века (*шицзи ицин*, кит.世纪疫情). Другими словами, к известной формуле о факторах «неопределенности и нестабильности» (*бувэндзинсин, буцюэдинсин иньсу*, кит.不稳定型, 不确定型因素), которые в последние годы часто сопровождались различными «зоологическими» категориями типа «черных лебедей» и «серых носорогов», добавляются новые.

В то же время председатель КНР убежден, что такие тренды эпохи, как мир и развитие, сохранились, в целях же создания еще более красивого мира необходимо внести посильный вклад реальными делами. К таким делам, по китайской версии, относятся: продвижение мультилатерализма и защита международного мира и стабильности; поддержание сплоченности и координации в общей борьбе с пандемией; сохранение открытости и инноваций, содействие восстановлению мировой экономики; способствование глобальному устойчивому развитию, в приоритете которого уровень жизни народа; поддержание «зеленого», низкоуглеродного развития, сохранение гармоничного сосуществования человека и природы [Си Цзиньпин цзай Цзиньчжуань гоцзя].

И здесь на страны БРИКС, по китайскому видению, накладывается особая ответственность в отстаивании международной правды и справедливости, когда ведётся «борьба между унилатерализмом и мультилатерализмом, между путём правды (*гундао*, кит.公道) и путём

тирании (*бадао*, кит. 霸道): защита целей и принципов Устава ООН и системы международного права, сохранение международной системы, в ядре которой ООН.

2021 год в китайской внешней политике отмечен празднованием нескольких круглых дат. Наиважнейшей или веховой является 100-летие образования КПК. В ознаменование торжественной даты был проведен крупный международный форум с привлечением широкого круга участников — Саммит КПК и политических партий мира.

Кроме того, Пекин отметил 20-летие подписания Большого Договора с Россией, 20-летие вступления КНР в ВТО, 30-летие установления диалога Китай — страны АСЕАН, 50-летие восстановления официального статуса (членства) КНР в ООН, 50-летие тайного визита Г. Киссинджера в КНР и др.

Таким образом, накануне XX съезда КПК Китай продолжает реализовывать гибкую, системную, часто «точечную» и дифференцированную политику. Заявленные на XIX съезде «все векторность», «многослойность» и «объемность» китайской дипломатии последовательно осуществляются, отвечая на новые вызовы и возможности. При этом Пекину важно соблюсти баланс между декларируемыми идеями/концепциями, многогранными национальными интересами всех участников международного сообщества и реальной обстановкой, чтобы диалог цивилизаций был действительно плодотворным и способствовал решению комплексных международных проблем.

Библиографический список

Бу дуань вэй жэньлэй цзиньбу шиэ цзочу синь дэ гунсянь [Непрерывно вносить новый вклад в дело прогресса человечества] // Жэньминь жибао. 23.11.2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1123/c1002-32289202.html> (дата обращения: 23.12.2021). (На кит.)

Гао Фэй. Цзяньчи хэпин фачжань даолу туйдун гоуцзянь жэньлэй минъюнь гунгунти [Гао Фэй. Придерживаясь пути мирного развития, продвигать строительство сообщества единой судьбы человечества] // Цюши. 26.03.2021. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2021-03/26/c_1127258695.htm (дата обращения: 23.12.2021). (На кит.)

Гоу вэйюань цзянь вайцзяо бучжан Ван И цзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуэйда чжунвай цзичжэ тивэнь [Член Госсовета и МИД КНР Ван И отвечает на вопросы отечественных и зарубежных журналистов о дипломатическом курсе Китая и внешних связях] // Сайт Госсовета КНР. 08.03.2021. URL:

http://www.gov.cn/guowuyuan/2021-03/08/content_5591330.htm (дата обращения: 23.12.2021). (На кит.)

Дан дэ шицзю цзе лю чжун цюаньхуэй гунбао (цюаньвэнь) [Коммюнике 6-го пленума 19-го созыва (полный текст)]. 12.11.2021. URL: https://m.thepaper.cn/baijia hao_15347742 (дата обращения: 23.12.2021). (На кит.)

К формированию сообщества единой судьбы человечества в контексте международного противоэпидемического сотрудничества под знаменем идеи Си Цзиньпина о дипломатии // Посольство КНР в РФ. 17.04.2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1770843.htm> (дата обращения: 13.12.2020).

Си Цзиньпин: нули кайчуан Чжунго тэсэ даго вайцзюо синь цзюймянь [Си Цзиньпин: создать новую обстановку для китайской самобытной дипломатии великого государства] // Синьхуа. 23.06.2018. URL: https://baike.baidu.com/reference/22680791/6137li1F3x9jNvMEzEwsiroU2eLACR1XFkjV7xWZVPAxmJ3mtrncCd4_0du nNzX5S9cd-bx3qaxSLA_f1FB7TLogBUAKiiFRdwZKJssI51__uIPbHP mkywCv (дата обращения: 23.12.2021). (На кит.)

Си Цзиньпин цзай Ляньхэго чэнли 75 чжоунянь цзиньнянь фэнхуэй шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на сессии ГА ООН в честь 75-летия основания Организации (полный текст)] // МИД КНР. 22.09.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.)

Си Цзиньпин цзай Цзиньчжуань гоцзя линдаожэнь ди шиэр ци хуэйу шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на 12-й встрече лидеров стран БРИКС (полный текст)] // МИД КНР. 17.11.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1833116.shtml> (дата обращения: 20.07.2021). (На кит.)

Ян Цзечи. Цзяньдин вэйху хэ цзяньсин добяньчжуи. Цзяньчши туйдун гоуцзянь жэньлэй миньюнь гунтунти [*Ян Цзечи.* Решительно защищать и продвигать мультилатерализм. Содействовать строительству сообщества единой судьбы человечества] // МИД КНР. 21.02.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1855418.shtml> (дата обращения: 20.07.2021). (На кит.)

References

Bu duan wei renlei jinbu shiye zuochu xin de gongxian [Continuously Make a New Contribution to the Cause of Humankind Progress]. *People's Daily*. 23.11.2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1123/c1002-32289202.html> (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

Dang de shijiu jie liu zhong quanwei gongbao (quanwen) [Communique of the 6th Plenum of the 19th Convocation (Full Text)]. 12.11.2021. URL: https://m.thepaper.cn/baijia hao_15347742 (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

Gao Fei (2021). Jianchi heping fazhan daolu Tuidong goujian renlei mingyun gongtongti [Adhering to the Path of Peaceful Development, Promote the Construction of a Community of the Common Destiny of Mankind]. *Qiushi*. 26.03.2021. URL: <http://>

www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2021-03/26/c_1127258695.htm (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

Guowu weiyuan jian waijiao buzhang Wang Yi jiu Zhongguo waijiao zhengce he duiwai guanxi huida zhongwai jizhe tiwen [Member of the State Council and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China Wang Yi Answers Questions from Domestic and Foreign Journalists about China's Diplomatic Course and Foreign Relations]. *The State Council of the People's Republic of China*. 08.03.2021. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2021-03/08/content_5591330.htm (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

K formirovaniyu soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva v kontekste mezhdunarodnogo protivoepidemicheskogo sotrudnichestva pod znamenem idei Si Czin'pina o diplomatii [Towards the Formation of a Community of a Common Destiny of Humanity in the Context of International Anti-epidemic Cooperation under the Banner of Xi Jinping's Idea of Diplomacy]. *Embassy of PRC in Russia*. 17.04.2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1770843.htm> (accessed: December 23, 2021). (In Russian)

Xi Jinping: nuli kaichuang Zhongguo tese daguo waijiao xin jumian [Xi Jinping: to Create a New Environment for Diplomacy of a Great State with Chinese Characteristics]. *Xinhua*. 23.06.2018. URL: https://baike.baidu.com/reference/22680791/6137li1F3x9jNvMEzEwsiroU2eLACR1XFkjV7xWZVPAXmJ3mtrncCd4_0dunNzX5S9cd-bx3qaxSLA_f1FB7TLogBUAKiiFRdwZKJss151__uiPbHPmkywCv (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

Xi Jinping zai Lianheguo chengli 75 zhounian jinian fenghui shang de jianghua (quanwen) [Full Text: Statement by Xi Jinping at General Debate of 75th UNGA]. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 22.09.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

Xi Jinping zai Jinzhuanguo jia lingdaoren di shier ci huiwu shang de jianghua (quanwen) [Full Text: Remarks by Chinese President Xi Jinping at 12th BRICS Summit]. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 17.11.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1833116.shtml> (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

Yang Jiechi (2021). Jianding weihe he jianxing duobianzhuyi Jianchi tuidong goujian renlei mingyun gongtongti [Firmly Uphold and Practice Multilateralism and Build a Community with a Shared Future for Mankind]. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 21.02.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1855418.shtml> (accessed: December 23, 2021). (In Chinese)

В.Л. Нежданов

«УПРАВЛЕНИЕ» КАК СТЕРЖНЕВАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ИДЕЙ СИ ЦЗИНЬПИНА О ДИПЛОМАТИИ»

Аннотация. Изменение партийного дискурса КПК, начавшееся с прихода к власти пятого поколения руководителей в 2012—2013 гг., привело к формированию «Идей Си Цзиньпина о дипломатии», которые выступают частью «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры» и руководством для зарубежной работы Китая на современном этапе. Одной из стержневых конструкций «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» выступает «управление», которое можно рассматривать как часть комплекса «Идей Си Цзиньпина», определяющей основные механизмы политики Пекина на современном этапе, в качестве инструмента для решения конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических задач в ограниченный период времени и механизма для реформирования системы международных отношений. При этом внесение концепции «управление» в международную повестку ведет к конкуренции с западными подходами, которые рассматривают международные отношения как анархичную среду.

Ключевые слова: КНР, Китай, КПК, «Идеи Си Цзиньпина», управление, дипломатия, международные отношения.

Автор: Нежданов Владимир Львович, ассистент Тюменского государственного университета, соискатель в Дипломатической академии МИД России. ORCID: 0000-0002-1533-069X.

E-mail: vn1993@yandex.ru

Nezhdanov V.L.

«Governance» as the Pivot of «Xi Jinping's Thought on Diplomacy»

Abstract. The shift in the CCP's discourse, which began with the coming to power of the fifth generation of leaders in 2012—2013, has led to the formation of «Xi Jinping Thought on Diplomacy», which is part of «Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era» and guidance for overseas work of China at the present stage. One of the pivotal constructions of «Xi Jinping Thought on Diplomacy» is «governance», which can be seen as part of the complex of «Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era», defines the main mechanisms of Beijing's policy at the present stage; as a tool for solving specific domestic and foreign policy tasks in a limited period of time; mechanism for reforming the system of international relations. At the same time, the introduction of the concept of “governance” into the international agenda leads to competition with Western approaches, which regard international relations as an anarchic environment.

Keywords: PRC, China, CPC, «Xi Jinping Thought», governance, diplomacy, international relations.

Author: Vladimir L. NEZH DANOV, assistant teacher, Tyumen State University; applicant, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, ORCID: 0000-0002-1533-069X (e-mail: vn1993@yandex.ru).

Развитие внешнеполитической стратегии Китая происходит в контексте изменений партийного дискурса КПК, что связано с приходом к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином в 2012—2013 гг.

В июне 2018 г. стало известно о формировании «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» как части «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры» и руководства для зарубежной работы Китая в «новую эпоху» [Чэнь Сянян. [Сюэси юли]...].

При этом база для формирования «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» начала складываться еще в 2013 г.

В конце июня 2013 г. министр иностранных дел КНР Ван И в выступлении на втором Форуме мира (*World Peace Forum*) обратил внимание, что Китай как большая страна в системе международных отношений выдвигает новые идеи и создает себе новый имидж. По мнению министра, китайская дипломатия в новую эпоху приобретает более предприимчивый и новаторский дух, что определяется как «дипломатия большой страны с китайской спецификой» (中国特色大国外交/чжунго тэсэ даго вайцзяо) [Exploring the Path of Major-Country Diplomacy With Chinese Characteristics].

В августе 2013 г. была опубликована статья главы канцелярии Комиссии ЦК Коммунистической партии Китая по иностранным делам, члена Политбюро Яна Цзечи, в которой шла речь о формировании системной теории дипломатии с китайской спецификой (中国特色外交理论体系/*Чжунго тэсэ вайцзяо лилунь тиси*) [Ян Цзечи].

Наконец, 24 октября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с речью о дипломатической работе в соседних странах, обобщил ранее высказанные идеи и выдвинул формулу «стремиться к достижениям» (奋发有为/*фэньфа ювэй*) [Си Цзиньпин цзай чжоубянь вайцзяо гунцзо].

«Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» основываются на 10 базовых принципах, которые включают в себя: 1) отстаивание авторитета ЦК КПК в качестве источника внешнеполитической деятельности КНР; 2) развитие принципов дипломатии большой страны с китайской спецификой для достижения целей «китайской мечты» (中国梦/*Чжунго мэн*); 3) создание сообщества единой судьбы человечества (人类命运共同体/*жэньлэй минъюнь гунтунти*) с целью защиты мира и содействия общему развитию; 4) повышение стратегического доверия на основе принципов социализма с китайской спецификой; 5) содействие международному сотрудничеству в рамках инициативы «Пояса и пути» (一带一路/*и дай и лу*); 6) стремление к мирному развитию на основе взаимовыгодного сотрудничества; 7) содействие глобальному партнерству; 8) проведение реформы системы глобального управления; 9) отстаивание интересов суверенитета, безопасности и развития Китая, что соответствует «коренным интересам» страны (核心利益/*хэсинь ли'и*); 10) развитие китайской дипломатии при со внимании в ней традиций и современных подходов [Чэнь Сянян].

Как следствие, «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» можно рассматривать в качестве индикатора, демонстрирующего восприятие руководством КПК—КНР приемлемой для Пекина внешнеполитической стратегии.

Развитие «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» происходит в рамках трех ключевых положений: 1) внесение «китайской специфики» в международные отношения, что нацелено на замену традиционного западного мышления, которое рассматривает систему международных отношений как «анархичную» и не приспособленную к управлению по своей сути среде; 2) укрепление позиций КНР как лидера в принятии международных решений; 3) обеспечение защиты «коренных интересов» КНР.

По мнению Дж. Бланшет, сиолога из Центра стратегических международных исследований (США), формирование обновленной

внешнеполитической стратегии КНР в начале XXI века можно связать с рядом факторов [Blanchette, с. 13—16].

Так, экономический рост Китая в период политики «реформ и открытости» именно к этому времени привел к увеличению экономических возможностей Пекина, что повлекло за собой стремление получить более привилегированное положение в системе международных отношений.

Вместе с этим возрастающая уверенность Пекина в ослаблении Запада приводит китайское руководство к мысли, что в данный момент существует окно возможностей для реформирования системы международных отношений.

Наконец, демографические исследования демонстрируют, что КНР достигнет пика населения в 2029—2030 гг., после чего последует этап старения, что скажется на темпах экономического роста страны.

Говоря о проблематике глобального управления, председатель КНР Си Цзиньпин отмечает ряд факторов, среди которых: необходимость обеспечения общемирового развития, увеличение роли КНР в реформировании системы глобального управления, укрепление роли ООН и международного права, а также укрепление позиций развивающихся стран в системе глобального управления. Подчеркнуто, что ни одна страна не имеет права доминировать в системе глобального управления, поскольку сегодня странам мира необходимо заменить конфликт диалогом, принуждение — консультацией, а игру с нулевой суммой — взаимовыгодным сотрудничеством [Xi Focus-Quotable Quotes: Xi Jinping on global governance, int'l relations].

Руководство КПК—КНР начало уделять особое внимание участию Китая в глобальном управлении после XVIII съезда КПК (2012 г.). В частности, проводились специализированные исследования под патронатом Политбюро [Чэнь Сянян. Си Цзиньпин цзун...].

Основная цель участия Китая в глобальном управлении состоит в использовании международных возможностей для достижения «двух столетних целей». Участие в глобальном управлении должно помочь Пекину играть большую роль при установлении правил международного порядка, содействовать реформированию Международного валютного фонда, Всемирного банка и других международных организаций, чтобы они отражали изменения в международной обстановке, уделяя внимание увеличению представительства и голоса развивающихся стран [Чэнь Сянян. Си Цзиньпин цзун...].

В связи с этим изучение понимания руководством КПК—КНР специфики «управления» в международных отношениях имеет особое значение.

Согласно Конституции КНР, руководство со стороны Коммунистической партии Китая выступает важнейшим элементом при построении социализма с китайской спецификой, а значит, поддержание лидерства КПК — ключ как к управлению страной, так и к принципам глобального управления, продвигаемым со стороны КНР [Cao Yin].

Подобный взгляд подтверждают выводы Шэнь Хайсюна, заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК, который, проанализировав подходы пятого поколения руководителей к развитию внешнеполитической стратегии страны, отметил, что КПК выступает не только в качестве партии Китая, но и в качестве международной политической силы [Шэнь Хайсюн, 2021, с. 734—735]. В связи с этим акцент на то, что успех КПК в борьбе с эпидемией коронавируса в КНР имеет значение не только для китайского народа, но и для всего мира, становится дополнительным маркером увеличения значения подходов КПК во внешней политике КНР [Тянься ицзя...]. Наконец, важно учитывать, что пятое поколение руководителей отдает предпочтение политической идеологии, а не технократическим принципам в сфере управления [Rudd].

Развитие идеологических подходов и государственного управления КПК-КНР привело к тому, что КПК разработала новый подход к управлению, отличающийся от западного. Несмотря на разные оценки «китайского подхода», необходимо учитывать, что сегодня он выступает альтернативой взглядам, продвигаемым странами Запада [Wo-Lap Lam, 2018, с. 38].

Трехтомник выступлений и статей Си Цзиньпина «О государственном управлении», выступающий ключевым источником «Идей Си Цзиньпина», непосредственно акцентирует внимание на аспектах руководства внутренней и внешней политикой [Xi Jinping].

Издание «Ключевые слова Си Цзиньпина» обращает внимание, что такие концепции, как: «международные отношения нового типа» (新型国际关系/*синьсин гоцзи гуаньси*) [Ключевые слова Си Цзиньпина, 2021, с. 310], «сообщество единой судьбы» (人类命运共同体/*жэньлэй миньюнь гунтунти*) [Ключевые слова Си Цзиньпина, 2021, с. 324], «концепция правильного понимания справедливости и выгоды» (正确义利观/*чжэньцюзэ и ли гуань*) [Ключевые слова Си Цзиньпина, 2021, с. 330] и др., — предполагают реформирование и совершенствование существующего мирового порядка и системы ООН для управления в более справедливом, рациональном и эффективном направлении.

Через другой сборник — «Истории из уст Си Цзиньпина» — также красной нитью проходит концепция «управления». Проецируя

концепт «управление» на внешнеполитическую сферу, отмечаются усилия властей в формировании и реализации политики за рубежом, задача которой заключается в создании мирной и стабильной международной среды для осуществления «китайской мечты», что подразумевает в международном масштабе создание «сообщества единой судьбы человечества». Говоря о проблемах управления в виде поучительных историй, Си Цзиньпин обращает внимание на «основные ценности социализма» [Истории из уст Си Цзиньпина, 2020, с. 7—9].

Эксперт в области исследования руководства Китая Чжоу Синьминь в книге «Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая» отмечает, что экономическая глобализация приводит к интеграции китайской системы управления в мировой контекст. В связи с этим КНР должна интегрироваться с остальным миром для создания открытой модели управления, именно для этого руководство КПК — КНР стремится активнее работать в рамках более значимых платформ [Чжоу Синьминь, 2019, с. 22—24].

Продвигая понимание управления с китайской спецификой в международных отношениях, Китай будет комбинировать старые и новые подходы. Янь Сюэтуан отмечает, что «новая эра» Си Цзиньпина во внешней политике продолжит следовать формуле Дэн Сяопина о том, что практика будет выступать ключевым мерилем успешности китайской внешней политики [Yan Xuetong, с. 47]. Вместе с этим в предисловии к книге Чжоу Синьминя Фу Чэньюй отмечает, что теоретическое обоснование управления предназначено для направления практики политики КПК [Чжоу Синьминь, 2019, с. 7—8].

К. Радд, специалист по внешней политике КНР и бывший премьер-министр Австралии, обращает внимание, что руководство КПК-КНР начало проработку подходов в сфере глобального управления в 2014 г. В этот период времени Си Цзиньпин акцентировал внимание китайского руководства на надвигающуюся борьбу за будущую структуру международного порядка, после чего были активизированы исследования, посвященные трем концепциям: «международный порядок» (国际秩序/*гоцзи чжисюй*), «международная система» (国际系统/*гоцзи ситун*) и «глобальное управление» (全球治理/*цюаньцю чжили*) [Rudd].

Оценивая подходы к «управлению» со стороны КНР, важно учитывать, что внешняя политика Пекина базируется на ценностной основе, сформированной под влиянием китайской традиционной культуры, марксизма, практики китаизации социализма и политики «реформ и открытости» [Han Zhen, Zhang Weiwen, 2018, с. 37]. Подход Китая к современной внешней политике включает в себя в том числе

использование механизмов политики памяти [Нежданов]. Наконец, уверенность руководства КПК—КНР в правоте выбранного курса укрепляется благодаря методологии диалектического материализма, используемой для объяснения ситуации в системе международных отношений [Xi Jinping. *Dialectical Materialism...*].

Слабой стороной «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» выступает то, что они не содержат в себе объяснения, почему КНР не будет использовать возросшую военную, экономическую и политическую силу, чтобы навязывать собственные интересы другим государствам по аналогии с действиями стран Запада. Подобный аспект ослабляет позиции китайской внешнеполитической стратегии, учитывая рост противоречий Пекина с Вашингтоном в последние годы.

Лидеры КПК—КНР косвенно пытаются дать объяснение своему «моральному» поведению, в сравнении со странами Запада. Подчеркивается опыт «национального унижения» Китая в период Опиумных войн, который, став частью национальной памяти, не позволяет Пекину действовать с позиции гегемона [Deborah, 2015, с. 332].

Таким образом, можно сделать пять выводов в отношении «управления» как стержневой конструкции «Идей Си Цзиньпина о дипломатии».

Во-первых, вопросы, связанные с идеей управления, руководства и т. п., выступают основой для комплексного понимания «Идей Си Цзиньпина». При этом в международных отношениях китайская концепция «управление» фактически входит в противоречие с западным подходом, рассматривающим систему международных отношений как анархичную систему по своей природе.

Во-вторых, управление рассматривается как инструмент для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических задач КНР в короткий период времени, ориентировочно до начала 2030-х гг., поскольку в партийно-государственном дискурсе китайского руководства постоянно отмечается необходимость воспользоваться историческим моментом для укрепления международных позиций страны.

В-третьих, вероятным путем формирования механизмов глобального управления в Китае станет теоретизация подходов на первом этапе, пробация подходов в реальных условиях на втором этапе и их последующая доработка исходя из практики на третьем этапе. Такой подход уже применяется в развитии концепций «Сообщества единой судьбы человечества» и инициативе «Пояса и пути».

В-четвертых, включение КНР в глобальное управление легитимизируется как через его изображение в качестве естественного процесса в рамках экономической глобализации, так и через механизмы поли-

тики памяти, отмечая роль КНР в победе во Второй мировой войне и в основании ООН ['Old-school tub-thumping'...]. Пекин не предлагает выстраивание новой системы, а подчеркивает необходимость реформирования уже существующей, что призвано расценивать Китай как одного из главных гарантов международного права и системы во главе с ООН.

Наконец, внесение «Идей Си Цзиньпина о новой эре социализма с китайской спецификой» в Устав КПК превращает подход председателя КНР к «управлению» в долгосрочную цель китайской внешней политики.

Библиографический список

Истории из уст Си Цзиньпина. Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 398 с.

Ключевые слова Си Цзиньпина. «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». ООО Международная издательская компания «Шанс», 2021. 351 с.

Нежданов В.Л. Отпор мировому фашизму: как Россия и Китай сближают позиции в исторической памяти // Евразия.Эксперт. 09.05.2021. URL: <https://eurasia.expert/kak-rossiya-i-kitay-sblizhayut-pozitsii-v-istoricheskoy-pamyati/> (дата обращения: 03.11.2021).

Си Цзиньпин цзай чжоубянь вайцзяо гунцзо цзотань хуэй шан фабяо чжунъю цзянхуа цяндяо: вэй вого фачжань чжэнцзо лянхао чжоубянь хуаньцзин [Си Цзиньпин выступил на форуме с важной речью о дипломатической работе в соседних странах, подчеркнув: «Стремление к созданию благоприятной окружающей среды для развития моей страны»] // People's Daily. 26.10.2013. URL: <http://src.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (дата обращения: 19.08.2021) (На кит.)

Тянься ицзя, туйдун гоуцзянь «жэньлэй минъюнь гунтунти» [Мир — это одна семья, способствующая построению «Сообщества единой судьбы человечества»] // Синьхуа. 21.08.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/comments/2020-08/21/c_1126394392.htm (дата обращения: 12.10.2021). (На кит.)

Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая. Издательство «Весь мир». 2019. 184 с.

Чэнь Сянян. Си Цзиньпин цзун шуцзи дэ цюаньцзо чжили сысян [Идеи Генерального секретаря Си Цзиньпина о глобальном управлении] // People's Daily. 17.08.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0817/c83859-29476848.html> (дата обращения: 09.11.2021). (На кит.)

Чэнь Сянян. [Сюэси юли] Си Цзиньпин вайцзяо сысян чжиинь синь шидай Чжунго тэсэ даго вайцзяо [[Учиться разумно] «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» направляют дипломатию крупных стран с китайской спецификой] // *People's Daily*. 10.08.2018. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0810/c1001-30222342.html> (дата обращения: 31.05.2021). (На кит.)

Шэнь Хайсюн. Си Цзиньпин и политика реформ и открытости. ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2021, 799 с.

Ян Цзечи. Синь синши ся Чжунго вайцзяо лилунь хэ шицзянь чуансинь [Инновации в дипломатической теории и практике Китая на новом этапе] // *People's Daily*. 16.08.2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0816/c64094-22584472.html> (дата обращения: 19.08.2021). (На кит.)

Blanchette, Jude. Xi's Gamble // *Foreign Affairs*. July/August 2021. Vol. 100. #4. P. 10—19.

Cao Yin. Xi's thought key to law-based governance // *China Daily*. 16.08.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202108/16/WS6119a0aea310efa1bd668e39.html> (дата обращения: 01.11.2021).

Deborah, Welch Larson. Will China be a New Type of Great Power? // *The Chinese Journal of International Politics*. Qinghua University, Oxford. 2015. P. 323—348.

Exploring the Path of Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics. Remarks by Foreign Minister Wang Yi at the Luncheon of the Second World Peace Forum // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1053908.shtml (дата обращения: 19.08.2021).

Han Zhen, Zhang Weiwén. Contemporary Value Systems in China. Springer. China Social Sciences Press. 2018. P. 256.

'Old-school tub-thumping': 12,000 Chinese troops prepare for WW2 parade // *The Guardian*. 21.08.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/aug/21/chinese-second-world-war-parade-xi-jinping> (дата обращения: 15.01.2021).

Rudd, Kevin. Xi Jinping's Vision for Global Governance // *Project Syndicate*. 11.07.2018. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/xi-jinping-has-a-coherent-global-vision-by-kevin-rudd-2018-07> (дата обращения: 08.11.2021).

Wo-Lap Lam, Willy. Routledge Handbook of the Chinese Communist Party. New York, 2018. P. 698.

Xi Focus-Quotable Quotes: Xi Jinping on global governance, int'l relations // *Xinhua*. 24.10.2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-10/24/c_1310265545.htm (дата обращения: 02.11.2021).

Xi Jinping. Dialectical Materialism Is the Worldview and Methodology of Chinese Communists // *Qiushi Journal*. January-March 2019. Vol. 11, No. 1, Issue 38. URL: <https://www.ccdpcc.com/dialectical-materialism-is-the-worldview-and-methodology-of-chinese-communists/> (дата обращения: 08.11.2021).

Xi Jinping. The Governance of China, Vol. 1, Vol. 2.

Yan Xuetong. Becoming Strong: The New Chinese Foreign Policy // *Foreign Affairs*, July/August 2021, Vol. 100, #4, P. 40—47.

References

- Blanchette, Jude* (2021). Xi's Gamble. *Foreign Affairs*, Vol. 100, #4, 10—19.
- Cao Yin*. Xi's thought key to law-based governance. *China Daily*. 16.08.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202108/16/WS6119a0aea310efa1bd668e39.html> (accessed: November 1, 2021).
- Chen Xiangyang*. Xi Jinping zong shuji de quanqiu zhili sixiang [General Secretary Xi Jinping's Global Governance Thoughts]. *People's Daily*. 17.08.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0817/c83859-29476848.html> (accessed: November 9, 2021). (In Chinese).
- Chen Xiangyang*. [Xuexi youli] Xi Jinping waijiao sixiang zhiyin xin shidai Zhongguo tese daguo waijiao [[Learning Reasonable] Xi Jinping Thought on Diplomacy Guides Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics in the New Era]. *People's Daily*. 10.08.2018. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0810/c1001-3022342.html> (accessed: 31 May, 2021). (In Chinese)
- Deborah, Welch Larson* (2015). Will China be a New Type of Great Power? *The Chinese Journal of International Politics*. Qinghua University, Oxford, 2015: 323—348.
- Exploring the Path of Major-Country Diplomacy With Chinese Characteristics. Remarks by Foreign Minister Wang Yi At the Luncheon of the Second World Peace Forum. *Ministry of Foreign Affairs of the PRC*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1053908.shtml (accessed: 19 August, 2021).
- Han Zhen, Zhang Weiwen* (2018). *Contemporary Value Systems in China*. Springer, China Social Sciences Press, 256 p.
- Istorii iz ust Xi Jinpina [Stories from the Xi Jinping' mouth] (2020). Otdel komentariyev i retsenziy gazety «Zhen'min' zhibao». OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 398 p. (In Russian)
- Klyuchevyye slova Xi Jinpina [Key words of Xi Jinping] (2021). «Uchebnaya gruppya» zarubezhnogo izdaniya «Zhen'min' zhibao». OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 351 p. (In Russian)
- Nezhdanov V.L.* Otpor mirovomu fashizmu: kak Rossiya i Kitay sblizhayut pozitsii v istoricheskoy pamyati [Rebuffing International Fascism: How Russia and China Bring Positions Together in Historical Memory]. *Eurasia.Expert*. 09.05.2021. URL: <https://eurasia.expert/kak-rossiya-i-kitay-sblizhayut-pozitsii-v-istoricheskoy-pamyati/> (accessed: November 3, 2021). (In Russian)
- 'Old-school tub-thumping': 12,000 Chinese troops prepare for WW2 parade. *The Guardian*. 21.08.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/aug/21/chinese-second-world-war-parade-xi-jinping> (accessed: October 15, 2021).
- Rudd, Kevin* (2018). Xi Jinping's Vision for Global Governance. *Project Syndicate*. 11.07.2018. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/xi-jinping-has-a-coherent-global-vision-by-kevin-rudd-2018-07> (accessed: November 8, 2021).

Shen Haixiong (2021). Xi Jinping i politika reform i otkrytosti [Xi Jinping and the policy of reform and opening up]. OOO «Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 799 p. (In Russian)

Tianxia yijia, tuidong goujian «renlei mingyun gongtongti» [The world is one family, promoting the construction of a «community of a shared future for mankind»]. *Xinhua*. 21.08.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/comments/2020-08/21/c_1126394392.htm (accessed: October 12, 2021). (In Chinese)

Wo-Lap Lam, Willy (2018). Routledge Handbook of the Chinese Communist Party. New York, 698 p.

Xi Jinping Quotable Quotes: Xi Jinping on global governance, int'l relations. *Xinhua*. 24.10.2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-10/24/c_1310265545.htm (accessed: November 2, 2021).

Xi Jinping zai zhoubian wajiao gongzuo zuotan hui shang fabiao zhongyao jianghua qiangdiao: Wei woguo fazhan zhengqu lianghao zhoubian huanjing [Xi Jinping delivered an important speech at the forum on neighboring diplomatic work, emphasizing: Striving for a good surrounding environment for my country's development]. *People's Daily*. 26.10.2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (accessed: August 19, 2021). (In Chinese)

Xi Jinping. Dialectical Materialism Is the Worldview and Methodology of Chinese Communists. *Qiushi Journal*. January-March 2019. Vol. 11, No. 1, Issue 38. URL: <https://www.ccdpcc.com/dialectical-materialism-is-the-worldview-and-methodology-of-chinese-communists/> (accessed: November 8, 2021).

Xi Jinping. The Governance of China, Vol. 1, Vol. 2.

Yan Xuetong (2021). Becoming Strong: The New Chinese Foreign Policy. *Foreign Affairs*. Vol. 100, № 4: 40–47.

Yang Jiechi. Xin xingshi xia Zhongguo wajiao lilun he shijian chuangxin [China's Diplomatic Theory and Practice Innovation in the New Situation]. *People's Daily*. 16.08.2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0816/c64094-22584472.html> (accessed: August 19, 2021). (In Chinese)

Zhou Xinmin (2019). Rukovodstvo Xi Jinpina i budushcheye Kitaya [Xi Jinping's leadership and the future of China]. Izdatel'stvo «Ves' mir», 184 p. (In Russian)

Э.Р. Ширгазина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНДИИ И КИТАЯ В ВОСТОЧНОМ СЕКТОРЕ ЛФК: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Рассмотрена проблема восточного сектора индо-китайской границы и оспариваемой КНР территории индийского штата Аруначал-Прадеш. Во внешнеполитическом дискурсе Пекина это пространство именуется Южным Тибетом с акцентом на тесные исторические, религиозные и культурные связи с регионом, вошедшим в состав Китайской Народной Республики в 1951 г. Сложная история попыток территориального разграничения и последующая конкуренция за контроль горных пространств остаются сегодня ключевыми моментами для понимания непростой природы отношений между Пекином и Нью-Дели. На основе официальных данных проводится поэтапное исследование действий основных участников событий в субрегионе, их позиций, процесса становления и оформления штата Аруначал-Прадеш в составе Индии и значение настоящего пространства для руководства Китайской Народной Республики. Сторонами периодически дается переоценка своих стратегических интересов, а, следовательно, и их позиции претерпевают изменения. Вместе с тем перспективы окончательного урегулирования в настоящий момент представляются достаточно неопределенными ввиду целого ряда факторов, начиная от сложности его практической реализации и заканчивая все более углубляющимся расхождением указанных интересов в отношении друг друга. Несомненно, что двусторонний переговорный процесс будет продолжаться, пусть и в усложняющейся атмосфере, и, как представляется, главное для обеих сторон — не

потерять точки «соприкосновения», стремление к достижению взаимоприемлемых решений. На данный момент отношения Пекина и Нью-Дели явно испытывают недостаток подобного импульса и уже укоренившееся взаимное недоверие, что с течением времени может стать лишь глубже.

Ключевые слова: Китай, Индия, территориальный спор, линия Мак-Магона, линия фактического контроля (ЛФК), восточный сектор ЛФК.

Автор: Ширгазина Эльза Рифовна, м.н.с. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0001-7715-2991. E-mail: e.shirgazina8@imemo.ru

Shirgazina E.R.

Interaction Between China and India in the Eastern Sector of LAC: Retrospect and the Current Status of the Problem

Abstract. The article analyzes the eastern sector of the Indo-Chinese border problem and the disputed territory of the Indian state of Arunachal Pradesh by the PRC. In Beijing's foreign policy discourse, this space is defined as South Tibet, with an emphasis on close historical, religious and cultural ties with the region that became part of the People's Republic of China in 1951. The complex history of attempts at territorial delimitation and the subsequent competition for control of mountain spaces remain today key points for understanding the complicated nature of relations between Beijing and New Delhi. Based on official data, a step-by-step study is carried out. It considers the activities of the main actors in the subregion, their positions, the formation process of the state of Arunachal Pradesh as part of India and the significance of this space for the leadership of the People's Republic of China. In the course of the work carried out, it becomes obvious that the parties periodically reassess their strategic interests, and, consequently, their positions undergo changes. At the same time, the prospects for a final settlement at the moment seem rather uncertain due to a number of factors, ranging from the complexity of its practical implementation and to an increasingly deepening divergence of these interests in relation to each other. There is no doubt that the bilateral negotiation process will continue, albeit in an increasingly tensed atmosphere, and, as it seems, the main thing for both sides is not to lose the point of "contact", the desire to achieve mutually acceptable solutions. At the time of preparing this article, relations between Beijing and New Delhi are clearly lacking such impetus and already suffer from ingrained mutual distrust, which unfortunately may only become deeper over time.

Keywords: China, India, territorial dispute, the McMahon Line, the Line of Actual Control (LAC), the eastern sector of LAC.

Author: Elsa R. SHIRGAZINA, junior researcher, Primakov Institute of World Economy and International relations.
ORCID: 0000-0001-7715-2991 (e-mail: e.shirgazina8@imemo.ru).

Взаимодействие Китая со странами Южной Азии временами остается достаточно противоречивым. Пожалуй, основной причиной тому является сложная история взаимодействия с государствами региона. В частности, особенно неоднозначными остаются отношения с Индией, так как, помимо экономической и геополитической конкуренции, между ними не теряет актуальность приграничный территориальный спор, который, как представляется, в обозримом будущем не найдет разрешения. Это обусловлено в первую очередь переплетением таких моментов, как сложности делимитации и демаркации границы, расхождение стратегических интересов сторон и отдельные вопросы культурного и религиозного характера. В целом, все перечисленное является ключевыми проблемами для гималайского субрегиона. Однако во взаимоотношениях Пекина и Нью-Дели их нагнетание в целях разрешения внутривосточных проблем, а также с подачи внешних акторов может перерасти до крайне опасного состояния конфронтации двух государств, ядерный и экономический потенциалы которых вызывают вполне обоснованные опасения о перспективах развития подобного конфликта.

По этой причине взаимодействие Индии и Китая в приграничье, а также территориальный спор, остающийся основным камнем преткновения для нормализации двусторонних отношений, являются объектом изучения настоящей статьи. Традиционно западному сектору границы двух государств в экспертном сообществе уделяется гораздо больше внимания, однако не менее важным является и восточный. Здесь сохраняется напряженность, что позволяет назвать район еще одним тлеющим очагом, потенциально способным привести к «взрыву» в индо-китайских отношениях. Таким образом, в достаточно широком спектре взаимных претензий одним из спорных участков на границах двух государств является территория, которая де-факто составляет большую часть современного индийского штата Аруначал-Прадеш и которая в свою очередь включается китайской стороной в состав исторической части Тибета, представляя его юго-восток. В аспекте приграничного спора эта территория, площадь которой составляет около 90 000 кв. км, обозначается Пекином как Южный Тибет.

Предметом изучения выступает эволюция взаимодействия здесь двух акторов, а также предпринимаемые ими шаги для обеспечения своего присутствия в субрегионе. Для раскрытия темы проводится

анализ ретроспективы взаимоотношений в субрегионе, политическо-го дискурса Пекина и Нью-Дели в отношении него. В работе используются методы исторического и сравнительного анализа, дискурс-анализа на основе исторических документов, официальных позиций органов государственной власти обеих стран, а также оценок их экспертных сообществ с изучением текущего состояния двусторонних отношений двух азиатских гигантов.

После развала Тибетской империи, ближе к середине IX века н.э., на протяжении большей части своей истории Тибет представлял собой конгломерат государственных образований, разделенных по принадлежности той или иной школе буддизма и борющихся между собой за распространение влияния на соседние территории. Однако границы этих политий в субрегионе никогда четко не были делимитированы или демаркированы. Между тем в пределах Тибетского наргорья принято выделять следующие исторические области:

- охватывающая западную и центральную части — У-Цан (объединила в своем составе Нгари на западе, центральный Цан и южный У);
- расположенная на северо-востоке — Амдо;
- занимающая территории на юго-востоке — Кхам (Кам).

Если перенести на карту проблему делимитации границы между Пекином и Нью-Дели, становится очевидным, что соприкосновение Китая с Индией в восточном секторе границы происходит в поясе юга исторических У-Цана и Кхама.

Помимо определения географических рамок исследования для понимания корней проблемы, необходимо проследить ее развитие. Ретроспектива взаимоотношений Китая с Тибетом показывает, что как минимум до начала XVIII века последний скорее рассматривался как один из регионов на периферии китайской империи в рамках так называемой даннической системы взаимоотношений и активных шагов по управлению им до этого времени не предпринималось. Но вместе с изменением китайского подхода Великобритания, на тот момент уже достаточно прочно закрепившаяся на индийском субконтиненте, начинает свое медленное и уверенное продвижение на север для получения доступа к Тибету. Намерения Лондона обозначились еще самой первой дипломатической миссией Джорджа Богля в 1774—1775 гг., а по итогам экспедиции 1903—1904 гг., которая уже по своей сути представляла собой военное вторжение, привели к заключению нужного ему договора в Лхасе. В результате империя получила признание тибетской стороной англо-китайского договора 1890 г. в части определения границы Тибета с Сиккимом, право на беспопышную

торговлю в Гартоке, Ятуне (ныне Сясима) и Гьянгдзе (Цзянцзы) с расширением своего экономического влияния, а также и значительную компенсацию в размере 7 500 000 рупий с оккупацией долины Чумби на период выплат и выполнения условий договора [Convention between the Great Britain and Tibet Signed at Lhasa...].

Вместе с тем попытки разграничения в гималайском субрегионе, предпринятые участниками событий периода конца XIX — начала XX века не носили целенаправленный и системный характер. Такое положение в конечном счете привело к современному состоянию проблемы: воспользовавшись ситуацией ослабления империи Цин и последующей революционной волной, которая привела к гражданской войне в Китае, Британия уже с 1912 г. начинает постепенное продвижение с юга на север в области территорий, составляющих сегодня штат Аруначал-Прадеш. Для закрепления своего контроля на новых пространствах образуются Участки Северо-Восточных границ (*North-East Frontier Tracts, NEFT*), позднее преобразованные в Агентство Северо-Восточной границы (*North-East Frontier Agency, NEFA*). А в 1914 г. Великобритания организывает конференцию в индийском городе Симла для закрепления свободы своих действий в регионе, куда также были приглашены представители Китая и Тибета. Симлская конвенция (далее — Конвенция), формально признавая «суверенитет» Китая над Тибетом, суверенитета Пекином над настоящей территорией фактически не предусматривала. Согласно тексту, на китайскую сторону налагались ограничения в части возможностей административных преобразований, управления, населения региона, в то время как британская сторона получала возможность прочно закрепиться здесь и напрямую влиять на внутривосточные процессы [Convention Between Great Britain, China, and Tibet, Simla...]. К тому же, в прилагаемой к документу карте была обозначена новая граница между Британской Индией и Тибетом, что прошла приблизительно на 97 км севернее изначального пояса соприкосновения по гребню Гималайских гор в Ассаме, в результате чего участок района Таванг оказался включенным в состав Британской Индии [Gupta K., 1971, p. 522]. Эта граница и получила название линии Мак-Магона.

Как известно, в результате подобного подхода представитель Китая отказался от подписания итогового варианта Конвенции, и она была принята лишь тибетской и британской сторонами, которые определили указанные выше условия в ходе двусторонних переговоров еще в феврале-марте 1914 г. Впоследствии документ и введение его в действие были отложены на неопределенное время, а администрация приграничья Индии признавала власть Тибета над территорией, обо-

значенной в карте-приложении к нему. Вопрос ее принадлежности и актуальности линии Мак-Магона был снова поднят ближе к концу 1935 г. и принят в официальном дискурсе под давлением заместителя министра иностранных дел британского правительства в Индии О.К. Кэроу [Gupta K., 1971, p. 527].

После 1914 г. Пекин неуклонно придерживался позиции, что Конвенция составлена на неравных началах (в череде других договоров, подписанных страной на закате империи Цин), а тибетцы не имели полномочий для его подписания, так как регион не обладал суверенитетом. Однако укрепить свои позиции в Тибете или как-либо изменить положение вещей китайской стороне было на тот момент не под силу: страна переживала фундаментальные изменения, что далось ценой затяжной кровопролитной гражданской войны. По этой причине возвращение состоялось лишь через год после основания Китайской Народной Республики, в октябре 1950 г., в ходе успешного проведения Народно-освободительной армией Китая (НОАК) операции через Чамдо (в Кхаме). По итогам настоящей экспедиции тибетцы были вынуждены принять предложение о переговорах и, как известно, 23 мая 1951 г. в Пекине подписано «Соглашение между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мерах по мирному освобождению Тибета» (Соглашение).

После присоединения Тибета к КНР к тому времени уже правительство независимой Индии заявило, что рассматривает линию Мак-Магона как границу между двумя государствами. В то же время китайская сторона, взяв ее за основу, исходила из необходимости проведения двусторонних переговоров. Однако, несмотря на неразрешенный пограничный вопрос, в первое время он не выходил на первый план, а в отношениях двух стран была достаточно благожелательная атмосфера, основанная на «пяти принципах мирного сосуществования».

Ситуация начинает меняться после 1959 г., когда сначала правительство Индии предоставило убежище бежавшему из Лхасы Далай-ламе, а продолжавшиеся в 1960—1962 гг. попытки Пекина изменить сложившийся на границах статус-кво посредством дипломатических контактов и переговоров не дали результатов. Обстановка в приграничье двух стран постепенно накаляется, участились стычки патрулирующих военных. В этих условиях военное руководство Индии предпринимает политику продвижения вперед своих аванпостов (включая посты севернее линии Мак-Магона). Такая тактика соседа в совокупности с имевшимися сомнениями китайского руководства

относительно деятельности Нью-Дели в Тибете, а также в среде тибетской эмиграции привели в конечном счете к развязыванию войны 1962 г.

В ходе вооруженного конфликта в восточном секторе приграничья Пекину удалось установить контроль над районом Таванга, который дает существенные стратегические преимущества в позициях для обеих сторон и исторически представляет собой ключевой пункт на пути из Индии в Тибет. Однако по одностороннему окончанию военных действий китайская сторона отвела войска на 20 км за линию Мак-Магона, что возможно на тот момент было обусловлено сложностью транспортной логистики в горной местности для доставки необходимого армии снаряжения и припасов. Удержать занятые позиции без бóльших потерь в подобных условиях было бы маловероятным. В свою очередь индийские войска, ранее отступившие отсюда, вернулись на свои позиции в районе. Таким образом, по итогам вооруженного конфликта здесь в целом сохранился статус-кво, а между странами фактически начинает оформляться Линия фактического контроля. После конфликта диалог между Нью-Дели и Пекином предсказуемо прервался, ни одна из сторон не принимала позиции другой. Агентство Северо-Восточной границы сначала было преобразовано Индией в союзную территорию (в 1972 г.), которая управлялась федеральным правительством, а затем в штат Аруначал-Прадеш (1986 г.). Это стало одной из причин наиболее крупного послевоенного столкновения здесь — противостояния в долине реки Сумдоронг Чу с конца 1986 по май 1987 г. Едва не переросший в полномасштабную войну, кризис удалось затушить дипломатическими усилиями, завершившимися визитом министра иностранных дел Индии Н.Д. Тивари в Пекин. После возобновления переговоров по пограничному урегулированию сторонам удалось закрепить достигнутые результаты консенсуса в ряде соглашений, касающихся сотрудничества в военной области и поддержания мира на границах. Однако, как показали события 2020 г., работа в этом направлении должна быть продолжена и, очевидно, расширена. Тлеющее напряжение на восточном участке границы сохраняется и периодически дает о себе знать стычками пограничных служб двух государств и более мелкими инцидентами.

Сегодня Пекин уделяет гораздо больше внимания вопросам инфраструктурного и экономического развития приграничных провинций и регионов страны. Очевидно, что для руководства КНР проблема восточного сектора границы очень тесно привязана к проблеме стабилизации Тибетского автономного района (ТАР). И, как отмечает профессор Института исследований Южной Азии Университета Сы-

чуаня Чжан Ли, вероятно, фактор Таванга и всего этого отрезка приграничья для китайской стороны представляет собой часть тибетского вопроса вкупе с фигурой Далай-ламы. По этой причине район играет значимую роль для поддержания стабильности и нивелирования негативного «внешнего» влияния в ТАР от так называемой Центральной тибетской администрации, базирующейся в индийском Химачал-Прадеше [Ajai Shukla, 2015].

Помимо этого, необходимо отметить, что любые административные преобразования настоящей территории или визиты официальных лиц до сих пор вызывают критику со стороны Пекина. Он не признает суверенитет Нью-Дели над этой территорией. Самым последним на настоящий момент подобным случаем был визит вице-президента Индии Венкая Найду, состоявшийся в октябре текущего года, на который незамедлительно последовала реакция с призывом воздержаться от действий усложняющих и расширяющих пограничную проблему [Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 13, 2021].

Несомненно, что проблема восточного сектора приграничья двух стран неотъемлема от всего комплекса взаимных территориальных претензий. На фоне обострения на западном участке приграничья Китая и Индии, начавшегося в 2020 г., не удалось избежать проблем и на восточном. За 19 месяцев, что прошли с момента начала противостояния в западном секторе, стороны неоднократно обвиняли друг друга в провокациях, попытке изменения статус-кво на границах (путем строительства населенных пунктов и переименования уже имеющихся) и, несмотря на регулярные встречи уполномоченных лиц для урегулирования спора, до сих пор не смогли прийти к взаимному пониманию и консенсусу. В частности, прошедший 10 октября этого года 13-й раунд переговоров не только не способствовал разрядке территориального спора, но и явно сигнализирует о необходимости выстраивания в первую очередь активного политического диалога между странами и на более высоких уровнях. Хотя подробности взаимных претензий сторонами не раскрываются, известно, что в ходе последней встречи Нью-Дели были выдвинуты «необоснованные требования», а Пекин, отвергнув их, иных вариантов пограничного урегулирования не предложил [Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 11, 2021].

Нынешний виток напряженности в пограничье Китая и Индии, его динамика не позволяют говорить о возможности скорого урегулирования проблемы, включая восточный сектор границы, индийский штат Аруначал-Прадеш, обозначаемый китайской стороной как Юж-

ный Тибет. Пекин в первую очередь будет заинтересован в развитии инфраструктуры и Тибетского автономного района, сохранении здесь стабильности и росте благополучия местного населения, что закономерно приведет к шагам по закреплению на приграничных территориях. Нью-Дели, не желая уступать соседу ни пяди земли, в свою очередь передислоцирует воинский контингент, подтягивая его ближе к границам с КНР, развивает дорожно-транспортную сеть и будет также пытаться открывать и укреплять приграничные населенные пункты, хотя и в меньших масштабах и с меньшей скоростью.

Библиографический список

Ajai Shukla. Beijing believes unrest in Tibet linked with Tawang: Zhang Li // *Business Standart*. 14.05.2015. URL: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/beijing-believes-unrest-in-tibet-linked-with-tawang-zhang-li-115051301282_1.html (дата обращения: 11.11.2021).

Convention Between Great Britain, China, and Tibet, Simla (1914) // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/treaties/treaties16.html> (дата обращения: 10.11.2021).

Convention between the Great Britain and Tibet Signed at Lhasa, September 7, 1904 // Clude Arpi Website. URL: <https://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/11/1904Convention.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 11, 2021 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1913649.shtml (дата обращения: 15.10.2021).

Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 13, 2021 // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1914160.shtml (дата обращения: 15.10.2021).

Gupta, K. The McMahon Line 1911—45: The British Legacy // *The China Quarterly*. 1971. No. 47. P. 521—545.

References

Ajai Shukla (2015). Beijing believes unrest in Tibet linked with Tawang: Zhang Li. *Business Standart*. 14.05.2015. URL: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/beijing-believes-unrest-in-tibet-linked-with-tawang-zhang-li-115051301282_1.html (accessed: November 11, 2021).

Convention Between Great Britain, China, and Tibet, Simla (1914). *Tibet Justice Center*. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/treaties/treaties16.html> (accessed: 10.11.2021).

Convention between the Great Britain and Tibet Signed at Lhasa, September 7, 1904. *Claude Arpu Website*. URL: <https://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/11/1904Convention.pdf> (accessed: November 10, 2021).

Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 11, 2021. *Ministry of Foreign Affairs of the PRC*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1913649.shtml (accessed: October 15, 2021).

Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 13, 2021. *Ministry of Foreign Affairs of the PRC*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1914160.shtml (accessed: October 15, 2021).

Gupta, K. (1971). The McMahon Line 1911—45: The British Legacy. *The China Quarterly*. No. 47: 521—545.

А.Л. Поленова

ГОЛОСОВАНИЕ ПО РЕЗОЛЮЦИЯМ ГА ООН КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КНДР

Аннотация. Внешняя политика КНДР в сравнении с другими государствами оставляет значительно меньший информационный след, поэтому для изучения позиции Пхеньяна крайне важно задействовать максимально возможное количество источников, которые могли бы дополнить картину. Одним из таких источников являются материалы Генеральной Ассамблеи ООН, в работе которой КНДР активно участвует. Рассмотрены данные о голосовании по резолюциям ГА ООН как средство по выявлению позиции КНДР по принципиальным вопросам международного значения. В частности, предлагается сравнить, насколько внешнеполитическая линия Пхеньяна схожа или отлична от линии других государств. Для сопоставления были взяты сведения о голосовании России, Китая и Кубы, а также Республики Корея, США, Японии. Сравнив то, как государства высказываются по принципиальным вопросам мировой политики в рамках ГА ООН, можно понять, насколько их противостояние или партнёрство основано на прочной базе общих ценностей.

Ключевые слова: внешняя политика КНДР, ГА ООН, голосование по резолюциям ООН, международные отношения.

Автор: Поленова Анна Львовна, н.с. Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Polenova A.L.

Voting on UNGA resolutions as a reflection of the DPRK's foreign policy

Abstract. The foreign policy of the DPRK, in comparison with other states, leaves a much smaller information trail, therefore, in order to study the position of Pyongyang, it is extremely important to use the maximum possible number of sources that could complete the picture. One such source is the materials of the UN General Assembly, in which the DPRK actively participates. The presented article considers data on voting on UN General Assembly resolutions as a means of identifying the position of the DPRK on fundamental issues of international importance. In particular, it is proposed to compare how Pyongyang's foreign policy line is similar or different from the line of other states. For comparison, data on the voting of Russia, China and Cuba, as well as the Republic of Korea, the USA, and Japan were taken. Comparing how states speak out on fundamental issues of world politics within the framework of the UN General Assembly, one can understand to what extent their opposition or partnership is based on a solid foundation of common values.

Keywords: North Korean foreign policy, UNGA, UN resolution vote, international relations.

Author: Anna L. POLENOVA, Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1854-6733 (e-mail: polenova@ifes-ras.ru).

Исследования внешней политики КНДР представляют собой непростую задачу. Прежде всего вызывает сложность относительная «неразговорчивость» Пхеньяна: в сравнении с другими государствами он оставляет значительно меньший информационный след. Заявления официальных лиц, сообщения северокорейских СМИ и т. д., даже касающиеся крайне значимых для северокорейской политики вопросов, зачастую крайне лаконичны — поэтому очень кстати приходятся дополнительные источники данных, которые могли бы дополнить складывающуюся картину. Одним из таких источников является информация об участии КНДР в работе международных институтов, в частности, Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на скептицизм Пхеньяна по поводу демократичности ГА как площадки, КНДР активно участвует в её работе, для анализа доступны материалы выступлений постпреда КНДР при ООН, а также записи реплик членов северокорейской делегации в отчётах по заседаниям отдельных комитетов. Генассамблея для КНДР является важным способом донесения своей позиции. Выступления официальных представителей Северной Кореи касаются, как правило, критичных для Пхеньяна

вопросов: недопущения военных действий на Корейском полуострове, сохранения ядерной угрозы в отношении КНДР, а также вопроса о нарушениях прав человека в Северной Корее [Nuclear Threat...]. Тем не менее, в этих выступлениях заметен выход на более общую тематику: проблемы нераспространения ОМУ, использование правозащитной риторики для урегулирования военно-политических конфликтов и т. д. Иными словами, эти выступления можно рассматривать не только как сугубо реактивное поведение, но и как попытку представить своё понимание тех или иных проблем, возникающих в международном пространстве.

В рамках представленной статьи будет рассмотрен ещё один доступный благодаря ООН источник информации о северокорейской политике, а именно данные голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи, которые могут быть использованы как средство по выявлению позиции КНДР по принципиальным вопросам международного значения (информация представлена на сайте Цифровой библиотеки ООН). В частности, при помощи анализа результатов голосования можно сравнить, насколько внешнеполитическая линия Пхеньяна схожа или отлична от линии других государств. В ходе исследования для сопоставления были взяты также сведения о голосовании России, Китая и Кубы, а также Республики Корея, США, Японии. Москва и Пекин считаются «друзьями» КНДР, однако обе страны — державы, поэтому для контраста и более объёмной картины также к сравнению добавлена Гавана как традиционный партнёр Пхеньяна, не относящийся к числу крупных государств, тёплые отношения с которой КНДР последнее время регулярно подчёркивает [Joint Internet Photo Exhibition...]. Сеул включён в исследование для сличения внешнеполитических позиций двух корейских государств. В то же время Вашингтон и Токио являются двумя наиболее очевидными оппонентами КНДР в международном пространстве. Сравнив то, как государства высказываются по принципиальным вопросам мировой политики в рамках работы такого значимого международного института как Генеральная Ассамблея, можно понять, насколько их противостояние или партнёрство основано на прочной базе общих ценностей.

Предложенная статья представляет собой первичный анализ массива данных о голосовании КНДР с 2017 по 2020 г. в сравнении с уже упомянутыми государствами. Хронологические рамки исследования привязаны к периоду с момента предположительного обретения КНДР статуса государства, обладающего термоядерным оружием [DPRK Nuclear...], по год, за который была доступна полная информация о голосовании на момент написания статьи. Сопоставление

было проведено следующим образом: для каждого года были рассмотрены резолюции Генеральной Ассамблеи ООН за исключением принятых без голосования, т. е., всего 411 резолюций за 4 года, среди которых оценивались те документы, в голосовании за которые КНДР приняла участие. Для этих резолюций подсчитывались случаи полного (оба государства голосовали «за», «против» или воздержались) или частичного совпадения (одна из сторон воздержалась от голосования), а также полного расхождения позиций по каждой резолюции (в случае, когда одно из государств высказалось за, а другое — против). В соответствии с этим шёл подсчёт числа случаев совпадения того, как государства проголосовали на основе балльной системы: 1 балл, 0,5 балла или 0 баллов за полное, частичное совпадение или же расхождение позиций соответственно. Затем полученное число представлялось в виде процентной доли от всего числа резолюций, в голосовании по которым КНДР и государство, с которым проводится сравнение, выражали своё мнение в тот или иной год.

В 2017 г. голосованием было принято 94 резолюции, КНДР приняла участие в голосовании по 78 из них; в 2018 г. — прошло голосование по 107 резолюциям, КНДР участвует в голосовании по 95 из них; в 2019 г. — 100 и 89 резолюций соответственно; в 2020 г. — 100 и 92 резолюции.

Совпадение результатов голосования Пхеньяна с выбором других рассматриваемых государств за рассматриваемый период можно отобразить в виде следующей таблицы (государства размещены в таблице в порядке уменьшения процента схожих результатов в первом году).

Государство	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
КНР	97 %	89,9 %	90,3 %	92 %
Куба	90,4 %	92 %	90,2 %	90,7 %
РФ	90 %	86 %	86,6 %	87 %
РК	67 %	78,7 %	66 %	68,5 %
Япония	65,4 %	66 %	70 %	71 %
США	16 %	15,2 %	21,3 %	20 %

Таблица составлена на основе данных, представленных на портале Цифровой библиотеки ООН: URL: <https://digitallibrary.un.org> (дата обращения: 20.12.2022).

Сопоставление полученных данных показывает, что в тройке «друзей» КНДР (КНР, Куба, РФ) наиболее схожую линию по вопросам международного характера чаще всего имеет Пекин, Россия за-

мыкает этот короткий список союзников. Сравнение с Гаваной в то же время даёт наиболее стабильный показатель.

Если мы обратим внимание на вторую группу государств (РК, США, Япония), то можно заметить значительное «отставание» показателей, касающихся сопоставления того, как голосовали Пхеньян и Вашингтон — что отражает представления об их ярко выраженной оппозиции друг другу в международном пространстве. В то же время нет кардинальных отличий в процентных показателях совпадения позиций КНДР с Сеулом или Токио; особенно обращает на себя внимание, что сильно расходятся взгляды двух корейских государств, что затрудняет поиск устойчивой почвы для сотрудничества и осложняет взаимопонимание.

Нельзя оставить без внимания и колебания в показателях, полученных в результате подсчётов. Сопоставить их с развитием международно-политической обстановки на Корейском полуострове в рассматриваемый период, можно заметить следующее.

1. 2018 год показывает сближение позиций Северной и Южной Корей, что по времени совпадает с периодом так называемого «Олимпийского потепления» (КНДР приняла участие в Зимней олимпиаде в Пхёнчхане, в ряде состязаний выступила объединённая корейская сборная команда; позже международное сообщество стало свидетелем не только спортивного, но и политического «потепления» в виде серии из трёх межкорейских саммитов в апреле, мае и сентябре). Успех развить не удалось, и 2019 и 2020 годы характеризуются скорее разочарованием от неоправдавшихся ожиданий дальнейшего сближения [Milani]: в эти годы и в представленных показателях также заметен откат к прежним значениям. На фоне положительной динамики в графе, касающейся РК, заметно «проседание» показателей, связанных с позицией КНР и РФ.

2. Значительный рост процента совпадающих результатов голосования КНДР и США приходится на 2019 г., когда состоялся второй из исторических американо-северокорейских саммитов. Первый из них, прошедший в Сингапуре годом ранее, воодушевил вовлечённых участников; однако, несмотря на большие надежды и ажиотаж вокруг события, последующую встречу лидеров двух стран в феврале 2019 г. в Ханое можно считать безрезультатной [Why did...]. Накладывая полученные при подсчётах результаты на хронологию событий, в этом случае можно заметить, что процент совпадений мнений Пхеньяна и Вашингтона вырастает с запозданием по отношению к позитивным событиям в двусторонних отношениях.

Библиографический список

Цифровая библиотека ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org> (дата обращения: 20.12.2022).

DPRK Nuclear Weapons Institute on Successful Test of H-bomb for ICBM // KCNA. 03.09.2017.

Joint Internet Photo Exhibition Marks 55th Anniversary of Raul Castro Ruz's Visit to DPRK // *Rodong Sinmun*. 22.10.2021 (дата обращения: 20.11.2021).

Milani, Marco. Inter-Korean Relations in the Era of Kim Jong Un // ISPI. 21.12.2021. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/inter-korean-relations-era-kim-jong-un-32742> (дата обращения: 29.12.2021).

Nuclear threat against North Korea 'continues unabated', UN ambassador tells Assembly // UN. 29.09.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1074282> (дата обращения: 20.11.2022).

Why did the Hanoi Summit fail and what comes next? // Korea Economic Institute. 2019. URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/kei_jointus-korea_2019_4.0.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

References

DPRK Nuclear Weapons Institute on Successful Test of H-bomb for ICBM. *KCNA*. 03.09.2017.

Joint Internet Photo Exhibition Marks 55th Anniversary of Raul Castro Ruz's Visit to DPRK. *Rodong Sinmun*. 22.10.2021 (accessed: November 20, 2021).

Milani, Marco (2021). Inter-Korean Relations in the Era of Kim Jong Un. *ISPI*. 21.12.2021. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/inter-korean-relations-era-kim-jong-un-32742> (accessed: December 29, 2021).

Nuclear threat against North Korea 'continues unabated', UN ambassador tells Assembly. UN. 29.09.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1074282> (accessed: November 20, 2022).

UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org> (accessed: December 20, 2022).

Why did the Hanoi Summit fail and what comes next? *Korea Economic Institute*. 2019. URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/kei_jointus-korea_2019_4.0.pdf (accessed: December 12, 2021).

О.Ю. Семенов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРГ И КНР В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. Рассмотрены ключевые особенности политического диалога Германии и Китая как до пандемии коронавируса, так и в ее контексте. Актуальность поставленной проблемы предопределяется такими важными объективными обстоятельствами, как важность двусторонних германо-китайских отношений для выработки политики Европейского союза по отношению к КНР, а также безусловное влияние коронавирусной тематики на самые различные аспекты международных отношений в целом и германо-китайского взаимодействия в частности. Показана динамика изменений двусторонней повестки дня в диалоге ФРГ—КНР, от доминирования экономических сюжетов до растущей роли тематики региональной и глобальной безопасности, равно как и проблемы прав человека. Источниковая база представлена официальными материалами ведомства федерального канцлера ФРГ, выступлениями государственных лидеров, документами Европейского союза. Для проведения качественного анализа заявленной проблематики используется структурно-функциональный вариант системного анализа, ориентирующий на анализ структурных характеристик германо-китайского диалога в контексте коронавирусной пандемии. Специфика рассматриваемого объекта предопределила также использование децизионного и прогностического методов, которые позволяют сконцентрировать внимание на центрах принятия решений (в данном случае, Берлине и Пекине), процессе их выработки и последующей реализации с уче-

том фактора парламентских выборов ФРГ и прогнозирования китайского вектора внешней политики новой правительственной коалиции. Сделан вывод и приведены примеры наличия нескольких ключевых аспектов взаимодействия ФРГ и КНР в борьбе с COVID-19: медицинские исследования, поставки медикаментов и средств индивидуальной защиты, координация позиций в многосторонних механизмах и институтах. Дан прогноз, что новое германское правительство займет более жесткую позицию в отношении Китая и будет уделять более пристальное внимание проблемам Синьцзяна, Гонконга и Тайваня.

Ключевые слова: ФРГ, КНР, COVID-19, Европейский союз, Синьцзян, Ангела Меркель, Олаф Шольц, Си Цзиньпин.

Автор: Семенов Олег Юрьевич, к.и.н., доцент, начальник Отдела сопровождения учебного процесса в бакалавриате по направлению «Востоковедение и африканистика», НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. E-mail: osemenov@hse.ru

Semenov O. Yu.

German-Chinese interaction within COVID-19 pandemic context: new horizons and challenges

Abstract. The article deals with the key features of the political dialogue between Germany and China both before the coronavirus pandemic as well as within its context. The urgency of the problem is determined by such important objective issues as the significance of bilateral German-Chinese relations for developing European Union's policy towards China, together with the unconditional coronavirus impact on various aspects of international relations in general and German-Chinese interaction in particular. The article shows the dynamics of changes in the bilateral in German-Chinese dialogue agenda, from the dominance of economic subjects to the growing role of regional and global security, as well as human rights issues. The document base of the article is presented by official materials of German department of the Federal Chancellor, speeches of state leaders, the European Union documents. A structural and functional version of the system analysis is used in the article, orienting the researcher towards structural characteristics of the German-Chinese dialogue in the context of the coronavirus pandemic. The specificity of the object under consideration also determined the use of decisional and predictive methods, which make it possible to focus on the decision-making centers (Berlin and Beijing), the process of decision development and subsequent implementation, taking into account the factor of German parliamentary elections and forecasting the Chinese direction of new government coalition foreign policy. The article concludes and provides examples of several key interaction aspects between Germany and China combating against

COVID-19: medical research, medicines and personal protective equipment supply, coordinating positions in multilateral institutions. The article predicts that the new German government will take a tougher stance on China together with paying closer attention to Xinjiang, Hong Kong and Taiwan issues.

Keywords: Germany, China, COVID-19, European Union, Xinjiang, Angela Merkel, Olaf Scholz, Xi Jinping.

Author: Oleg Y. SEMENOV, Ph.D. (History), Associate Professor, Head of the Study Office, BA Programme in Asian and African Studies, Higher School of Economics — Saint-Petersburg (e-mail: osemenov@hse.ru).

Динамика германо-китайского сотрудничества в начале XXI века

Повестка дня отношений Китайской Народной Республики с Европейским союзом в целом и Германией в частности отличалась широким спектром как позитивных тенденций, так и сдерживающих факторов еще до пандемии коронавируса. На протяжении многих лет политический истеблишмент и промышленные круги ФРГ рассматривали Китай практически исключительно как прибыльный рынок сбыта, а германский канцлер рубежа XX—XXI вв. Герхард Шредер руководствовался принципом, сформулированным еще в 1960-е гг. западногерманским социал-демократическим политиком Эгоном Баром «Изменения путем сближения», а в случае с КНР — «Изменения путем торговли» [Schroeder, 2008]. Г. Шредер способствовал вступлению Китая в ВТО в 2001 г. и прилагал множество усилий по отмене санкций Европейского союза в отношении Пекина, введенных после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, однако попытки оказались безуспешными — европейское эмбарго на торговлю оружием действует до сих пор.

Когда в 2005 г. Г. Шредера сменила на посту канцлера Ангела Меркель, провозгласившая ценностный подход концептуальным фундаментом внешней политики, она попыталась привнести новое содержание в динамику двустороннего диалога, например, организовав визит далай-ламы в германское Ведомство федерального канцлера (примерный аналог Администрации Президента РФ) и встретившись с ним лично в 2007 г. [Merkel Meets Dalai Lama...]. Это вызвало немедленную реакцию китайских властей, и на более чем полугодовой срок официальный политический диалог был практически заморожен, что в свою очередь вызвало резкую критику канцлера со сто-

роны и политических оппонентов, и промышленных кругов ФРГ, а как следствие — смягчение официальной риторики Берлина относительно прав человека в Китае и установление практики ежегодных двусторонних консультаций на министерском уровне.

В середине второго десятилетия XXI века Коммунистическая партия Китая под руководством Си Цзиньпина начала качественно ужесточать меры контроля и условия доступа зарубежных, в частности европейских, компаний на внутренний рынок. Китайские компании смогли в течение относительно небольшого промежутка времени превратиться в серьезных конкурентов европейским и американским гигантам, а многие крупнейшие компании Германии, в частности ее автопроизводители, оказались зависимыми от китайского рынка, на котором становилось все труднее ориентироваться.

Эта зависимость дала Китаю, с одной стороны, рычаги воздействия на немецких политиков и на самых влиятельных руководителей страны, с 2016 г. Китай сместил Соединенные Штаты с первого места во внешнеторговом обороте ФРГ, а с другой — трудности и вызовы для германского бизнеса в КНР выросли из-за более агрессивной политики Пекина в контексте пандемии COVID-19, равно как и в контексте все более конфронтационной позиции США по отношению к Китаю по целому ряду вопросов — от торговли и технологий до региональной и глобальной безопасности и прав человека [Barkin, 2021]. Эти факторы стали вызывать в Германии все более широкую дискуссию об отношениях с Китаем: если, к примеру, в первом десятилетии XXI века основным драйвером и мотиватором взаимодействия выступали, бесспорно, экономические интересы сторон, то к 2020 г. динамику диалога стали в значительной степени определять в том числе и политические сюжеты, вопросы прав человека, диверсификация китайских интересов на европейском континенте, растущая конкурентоспособность и амбиции КНР в международной политике.

В марте 2019 г. Еврокомиссия и Служба по внешним связям ЕС охарактеризовали Китай как одновременно «партнера, конкурента и системного соперника» [EU—China — A Strategic Outlook], а на передний план вышли такие вопросы, как лицензирование сетей 5G на территории Евросоюза и двустороннее инвестиционное соглашение КНР—ЕС. Последовавший же на рубеже 2019—2020 гг. беспрецедентный кризис, связанный с пандемией COVID-19, вывел дебаты о формате, приоритетах и перспективах сотрудничества с Китаем на новый уровень как в ЕС, так и в ФРГ.

Повестка дня диалога ФРГ и ЕС с КНР перед пандемией COVID-19

Германо-китайские отношения начала 2020 г. характеризовались подготовкой к инициированным, прежде всего канцлером ФРГ А. Меркель, межправительственным консультациям и осенней встрече на высшем уровне в Лейпциге (в итоге отмененной из-за пандемии коронавируса) под эгидой председательства Германии в Совете ЕС. Цель А. Меркель заключалась в том, чтобы сместить акцент европейской политики с конфронтации на сотрудничество с Пекином, изучить возможности для совместных действий по борьбе с изменением климата и выйти из семилетнего тупика в переговорах по инвестиционному соглашению между ЕС и Китаем [EU-China Comprehensive Agreement on Investment: Milestones and Documents]. Канцлер заявляла на вручении премии Г. Киссинджера в январе 2020 г.: «Я призываю не скатываться к новой биполярности в отношениях с КНР, а скорее попытаться, основываясь на достижениях нашего многолетнего диалога и опыте многостороннего сотрудничества, вовлечь Китай в многосторонние проекты самого различного масштаба и направленности и как минимум относиться к нему как равноправному партнеру» [Merkel, 2020].

В то же время политические отношения ФРГ и ЕС в целом с Китаем переживали не лучшие времена не в последнюю очередь из-за растущей настороженности германских правящих кругов применительно к политике Китая в отношении продемократического движения в Гонконге и крупномасштабных нарушений прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а в деловых кругах ФРГ нарастали дискуссии о политических рисках ведения бизнеса с китайскими партнерами.

Иллюстрацией амбивалентности диалога может служить тот факт, что, хотя саммит Китай—ЕС в Лейпциге был отменен, готовность А. Меркель к соглашению с Пекином осталась, и по мере того, как немецкое председательство подходило к концу, в декабре 2020 г. она сумела согласовать текст Всеобъемлющего соглашения по инвестициям между КНР и Евросоюзом (CAI) [EU and China reach agreement...], переговоры по которому велись с переменным успехом еще с 2014 г. При этом сделка моментально подверглась жесткой критике по обе стороны Атлантики, в основном за то, как она была проведена — в период выходных в конце года, без особых консультаций с будущей администрацией США, которая обещала восстановить

трансатлантические связи и тесно сотрудничать с Европой, в том числе в отношении китайского вопроса.

Пекин со своей стороны всего через три месяца после принципиального согласования САИ наложил санкции на членов Европейского парламента, политиков из нескольких стран — членов ЕС, а также ученых базирующегося в Берлине Института китайских исследований Меркатора (MERICS) и датского общественного объединения Democrasies Foundation, что вызвало сомнения относительно того, получит ли соглашение когда-либо официальное одобрение ЕС [Chinese sanctions threaten EU investment pact]. Действительно, в мае 2021 г. члены Европейского парламента подавляющим большинством голосов проголосовали за то, чтобы остановить процесс ратификации инвестиционной сделки до тех пор, пока не будут сняты санкции Китая против его членов, но канцлер ФРГ осталась при своем мнении: «Я считаю, что для ЕС очень важно иметь свою собственную, независимую от США политику в отношении Китая», — сказала она в ходе совместной пресс-конференции с французским президентом Э. Макроном [EU's policy towards China should be independent...].

Пандемия COVID-19

как вызов и триггер взаимодействия ФРГ и КНР

Пандемия коронавируса и вызванная ей новая повестка дня двусторонних отношений, разумеется, внесли масштабные коррективы в коммуникацию между Германией и Китаем на высшем политическом уровне, где можно выделить несколько стратегических приоритетов применительно к двустороннему взаимодействию в борьбе с COVID-19: медицинские исследования, взаимные поставки медикаментов и средств индивидуальной защиты, координация позиций в многосторонних механизмах и институтах по преодолению пандемии и ее последствий.

Уже в конце марта 2020 г. результатом прямой телефонной беседы председателя КНР Си Цзиньпина и канцлера ФРГ А. Меркель стала договоренность о тесном научном сотрудничестве с целью разработки вакцины [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert...], представитель немецкого Института Роберта Коха принял участие в совместной миссии ВОЗ в Китае в середине февраля [Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019], проявили заинтересованность представители частного сектора медицины: немецкая компания BioNtech подписала партнерское соглашение с китайской фармацевтической компанией Fosun на получение инвестиций в 135 млн евро

для разработки мРНК-вакцины против коронавируса [BioNTech in China alliance with Fosun...]. А. Меркель использовала свои хорошие личные отношения с Си Цзиньпином, чтобы обеспечить Германии первоочередной доступ к китайским поставкам средств индивидуальной защиты, опередив другие европейские государства [Merkels direkter Draht nach China...].

Однако немецкие СМИ и политические партии заняли неоднозначную позицию в отношении китайской роли в коронавирусном кризисе на протяжении 2020—2021 гг.: КНР рассматривается и как первоисточник глобальной проблемы, и как страна с жестким контролем над распространением информации и, как следствие, неоправданно медленной реакцией на распространение инфекции, и одновременно как партнер в разработке совместных решений против COVID-19, и как глобальный геополитический игрок, пытающийся усилить за счет пандемии свое влияние в ЕС [Wie kann Chinas Einfluss...].

Перспективы германо-китайского взаимодействия в контексте парламентских выборов ФРГ 2021 г.

Что касается перспектив и вероятных последствий пандемии для двусторонних германо-китайских отношений, то, как представляется, кризис придаст новый импульс, в первую очередь, внутригерманским дебатам об экономической зависимости ФРГ от поставок китайских товаров, о степени целесообразности такой зависимости и как следует диверсифицировать логистические и торговые цепочки. Весьма вероятно в связи с этим и давно обсуждаемое в Германии ужесточение требований к иностранным инвесторам на фоне опасений по скупке германских активов китайскими компаниями во время пандемии. Последствия же коронавирусного кризиса для политических отношений двух стран и их контуры будет определять уже новое коалиционное правительство ФРГ, но в любом случае перед новым канцлером будет стоять несколько ключевых вопросов: кто же КНР для Германии в первую очередь — партнер, конкурент или соперник, как реагировать на растущее политическое влияние Китая в европейском и глобальном масштабах и как найти баланс в треугольнике США—ФРГ—КНР.

В любом случае новый канцлер Германии, лидер социал-демократов Олаф Шольц, вынужден будет пересмотреть приоритетный подход Ангелы Меркель к отношениям с Китаем в рамках общего контекста восточноазиатского вектора внешней политики. Партия же

«Союз 90/Зеленые», которая получила пост министра иностранных дел (правда, без традиционного вице-канцлерства) в лице Анналены Бэрбок, поддерживает более жесткий подход к Китаю [Bubrowski, Schuller, 2021].

В своем коалиционном соглашении «Не бояться большего прогресса: альянс за свободу, справедливость и устойчивость» [Koalitionsvertrag: Mehr Fortschritt wagen] от 24 ноября 2021 г. немецкие «зеленые», социал-демократы и свободные демократы ясно дали понять, что политика правительства Германии в отношении Китая будет основана на обновленном, более критическом восприятии растущего влияния Китая в региональных и глобальных международных отношениях, и особо подчеркивают приверженность ценностному подходу (традиционному для всей германской внешней политики последних лет) в стратегических аспектах двусторонних отношений. Синьцзян, Гонконг и Тайвань — деликатные темы, которые при А. Меркель обсуждались с китайскими правительственными чиновниками за закрытыми дверями, теперь несколько раз прямым текстом упоминаются в коалиционном документе.

Китаю как одному из ключевых внешнеполитических направлений в дипломатической главе программной декларации нового германского кабинета уделяется довольно значительное место — страна упоминается 12 раз. Для сравнения, в трех предыдущих коалиционных соглашениях за последние 12 лет Китай упоминался в общей сложности всего 11 раз. В соглашении говорится, что отношения с США, например, должны быть «обновлены и активизированы», а политика ФРГ в отношении Китая должна формироваться «на основе партнерства, конкуренции и системного соперничества». Это очень обращающий на себя внимание пассаж, поскольку впервые Китай назван «системным соперником» в соглашении правящей коалиции, хотя, например, в Брюсселе на уровне Евросоюза это становится уже стандартным подходом.

Исходя из такой тенденции, вполне логично, что в коалиционном соглашении также прописано намерение разработать «всеобъемлющую стратегию ФРГ в отношении Китая» как часть общей внешней политики ЕС, «чтобы иметь возможность реализовать германские внешнеполитические ценности и интересы в системном соперничестве с КНР». Упоминается и Тайвань в том контексте, что его реинтеграция в Китай должна происходить только «мирным путем и по взаимному согласию».

Кроме того, коалиционное правительство явно стремится расширить спектр своих стратегических возможностей влияния в Китае за

счет расширения взаимодействия с партнерами в Индо-Тихоокеанском регионе, но в то же время новой команде в Берлине придется изложить конкретные цели и методы их достижения, равно как и быть готовыми предоставить необходимые для этого ресурсы. Одним из потенциальных решений здесь видится участие ФРГ в той или иной форме в создании и развитии многосторонних партнерских структур в области азиатско-тихоокеанской региональной безопасности по примеру QUAD и AUKUS.

1 декабря 2021 г. немецкое издание *Die Tageszeitung* опубликовало интервью с новым министром иностранных дел, в котором А. Бэрбок подробно рассказала о своем концептуальном видении внешнеполитического курса трехсторонней правящей коалиции, а общий посыл в отношении КНР можно охарактеризовать одной фразой: Германия займет более жесткую позицию в отношении Китая и будет уделять более пристальное внимание социогуманитарным проблемам, в частности правам человека [*Schweigen ist keine Diplomatie...*]. «В конечном итоге красноречивое молчание не является формой дипломатии, даже если некоторые считали его таковым в последние годы», — заявила министр. Она признала, что диалог является центральным компонентом международной политики, «но это не означает, что нужно замалчивать вопросы». Бэрбок подчеркнула также, что краеугольный принцип германского внешнеполитического курса — политика, основанная на ценностях, — должна быть сочетанием диалога и жесткости. Министр упомянула и возможный запрет импорта в Германию китайской продукции из Синьцзяна, при этом не исключив теоретически даже бойкота зимних Олимпийских игр 2022 г. в Пекине.

В целом после многих лет стратегически стабильного китайского вектора внешней политики ФРГ при А. Меркель важные политические сдвиги 2021 г. в лице германских парламентских выборов и прихода к власти в США новой администрации могут внести значительные коррективы в германо-китайские отношения. Д. Байден дал понять, что будет подталкивать Европу к более структурированному диалогу и выработке общей трансатлантической позиции по стратегическим вызовам в лице Китая, Франция же — самый близкий союзник Германии в Европе — продвигает идею стратегической автономии, в рамках которой рассматривает ЕС как обособленный полюс силы, отличный и от США, и от КНР. То, какую линию поведения изберет Германия во главе с новым канцлером и правительством, будет определять не только контуры двусторонних германо-китайских отношений, но и во многом задаст тон всему диалогу между ЕС и КНР.

Библиографический список

- Barkin, Noah.* Change Drivers // Internationale Politik Quarterly, 30 March 2021.
- BioNTech in China alliance with Fosun over potential coronavirus vaccine // Reuters. 16.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-biontech-fosunpharma-vaccine-collabor/biontech-in-china-alliance-with-fosun-over-potential-coronavirus-vaccine-idUSKBN2130O5> (дата обращения: 17.12.2021).
- Bubrowski, Helene; Schuller, Konrad.* Mit Dialog und Harte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 24.04.2021. (На нем.)
- Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem chinesischen Präsidenten, Xi Jinping // Bundeskanzler. 25.03.2020. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-chinesischen-praesidenten-xi-jinping-1734924> (дата обращения: 17.12.2021). (На нем.)
- Chinese sanctions threaten EU investment pact, 26 March 2021 // Deutsche Welle. 26.03.2021. URL: <https://www.dw.com/en/chinese-sanctions-threaten-eu-investment-pact/a-56995389> (дата обращения: 17.12.2021).
- EU and China reach agreement in principle on investment // European commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2541 (дата обращения: 17.12.2021).
- EU-China — A Strategic Outlook // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (дата обращения: 17.12.2021).
- EU-China Comprehensive Agreement on Investment: Milestones and Documents // European Commission. URL: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2115> (дата обращения: 17.12.2021).
- EU's policy towards China should be independent: Merkel, Macron // Global Times. 06.02.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215105.shtml> (дата обращения: 17.12.2021).
- Koalitionsvertrag: Mehr Fortschritt wagen. Bündnis 90 // Die Grünen. 24.11.2021. URL: <https://www.gruene.de/artikel/koalitionsvertrag-mehr-fortschritt-wagen> (дата обращения: 17.12.2021). (На нем.)
- Merkel, Angela.* Speech at the Henry A. Kissinger Prize on January 21, 2020, Berlin // Bundeskanzler. 21.01.2020. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-bei-der-verleihung-des-henry-a-kissinger-preises-am-21-januar-2020-in-berlin-1714694> (дата обращения: 17.12.2021).
- Merkel Meets Dalai Lama Despite Chinese Criticism, 23 September 2007 // Deutsche Welle. 23.09.2007. URL: <https://www.dw.com/en/merkel-meets-dalai-lama-despite-chinese-criticism/a-2793322> (дата обращения: 17.12.2021).
- Merkels direkter Draht nach China // Sueddeutsche Zeitung. 07.04.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/schutztausruestung-merkels-direkter-draht-nach-china-1.4871798> (дата обращения: 17.12.2021). (На нем.)

Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (дата обращения: 17.12.2021).

Schroeder, Gerhard. Deutschland und China // Die Zeit. 17.07.2008. (На нем.)

Schweigen ist keine Diplomatie // Die Tageszeitung. 01.12.2021. URL: <https://taz.de/Annalena-Baerbock-ueber-Aussenpolitik/!5819421/> (дата обращения: 17.12.2021). (На нем.)

Wie kann Chinas Einfluss auf Europa begrenzt werden? // Sueddeutsche Zeitung. 02.04.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/coronavirus-china-europa-1.4863357> (дата обращения: 17.12.2021). (На нем.)

References

Barkin, Noah (2021). Change Drivers. *Internationale Politik Quarterly*. March 30, 2021.

BioNTech in China alliance with Fosun over potential coronavirus vaccine. *Reuters*. 16.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-biontech-fosunpharma-vaccine-collabor/biontech-in-china-alliance-with-fosun-over-potential-coronavirus-vaccine-idUSKBN213005> (accessed: December 17, 2021).

Bubrowski, Helene; Schuller, Konrad (2021). Mit Dialog und Harte. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 24.04.2021. (In German).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem chinesischen Präsidenten, Xi Jinping. *Bundeskanzler*. 25.03.2020. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-chinesischen-praesidenten-xi-jinping-1734924> (accessed: December 17, 2021). (In German)

Chinese sanctions threaten EU investment pact, 26 March 2021. *Deutsche Welle*. 26.03.2021. URL: <https://www.dw.com/en/chinese-sanctions-threaten-eu-investment-pact/a-56995389> (accessed: December 17, 2021).

EU and China reach agreement in principle on investment. *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2541 (accessed: December 17, 2021).

EU-China — A Strategic Outlook. *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: December 17, 2021).

EU-China Comprehensive Agreement on Investment: Milestones and Documents. *European Commission*. URL: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2115> (accessed: December 17, 2021).

EU's policy towards China should be independent: Merkel, Macron, *Global Times*. 06.02.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215105.shtml> (accessed: December 17, 2021).

Koalitionsvertrag: Mehr Fortschritt wagen. Bündnis 90. *Die Grünen*. 24.11.2021. URL: <https://www.gruene.de/artikel/koalitionsvertrag-mehr-fortschritt-wagen> (accessed: December 17, 2021). (In German)

Merkel, *Angela* (2020). Speech at the Henry A. Kissinger Prize on January 21, 2020, Berlin. *Bundeskanzler*. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-n-bundeskanzlerin-merkel-bei-der-verleihung-des-henry-a-kissinger-preises-am-21-januar-2020-in-berlin-1714694> (accessed: December 17, 2021).

Merkel Meets Dalai Lama Despite Chinese Criticism. *Deutsche Welle*. 23.09.2007. URL: <https://www.dw.com/en/merkel-meets-dalai-lama-despite-chinese-criticism/a-2793322> (accessed: December 17, 2021).

Merkels direkter Draht nach China. *Sueddeutsche Zeitung*. 07.04.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/schutzausruestung-merkels-direkter-draht-nach-china-1.4871798> (accessed: December 17, 2021). (In German)

Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (accessed: December 17, 2021).

Schroeder, Gerhard (2008). Deutschland und China // *Die Zeit*. 17.07.2008. (In German)

Schweigen ist keine Diplomatie. *Die Tageszeitung*. 01.12.2021. URL: <https://taz.de/Annalena-Baerbock-ueber-Aussenpolitik/!5819421/> (accessed: December 17, 2021). (In German)

Wie kann Chinas Einfluss auf Europa begrenzt werden? *Sueddeutsche Zeitung*. 02.04.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/coronavirus-china-europa-1.4863357> (accessed: December 17, 2021). (In German)

И.С. Виноградов

КНР И СТРАНЫ БАЛТИИ. ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Странам Балтии выгодно развивать экономические отношения с Китаем, так как это сулит большую экономическую выгоду, порты Прибалтики могли бы использоваться Китаем в качестве пунктов перевалки грузов по маршрутам евразийских коридоров в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь». Для стран Балтии это означало бы не только прибыль от услуг транзита китайских грузов, но также и большие вливания в портовую, железнодорожную инфраструктуру, терминальные комплексы и т. д. В течение 2010-х гг. Китай и страны Балтии активно развивали экономическое сотрудничество, стабильно рос товарооборот, велись переговоры по модернизации прибалтийских портов, китайские инвесторы выражали готовность к финансированию ряда инфраструктурных проектов, заключались договоры по сотрудничеству в транспортной сфере, были испробованы новые маршруты контейнерных поездов из Китая в страны Балтии. Однако общей проблемой для всех стран Балтии в отношениях с Китаем остаётся переменчивый политический курс, который напрямую зависит от политики США. Кроме того, не в пользу прибалтийских республик играют возрастающая конкуренция среди стран всего Балтийского региона за участие в проекте «Пояса и пути», а также плохие отношения с Россией и Белоруссией. На современном этапе отношения КНР и стран Балтии переживают стагнацию, вызванную политизацией, низким уровнем доверия, и в целом малой привлекательностью стран Балтии для китайских инвестиций. Литва в последние годы проводит последовательный антикитайский курс: в частности, открытие представительства Тайваня в Вильнюсе, уже спровоцировало дипломатический конфликт. Эстония также посте-

пенно ужесточает риторику в отношении КНР, Латвия по-прежнему проявляет заинтересованность в участии в китайской инициативе «Пояса и Пути».

Ключевые слова: Китай, страны Балтии, Литва, Латвия, Эстония, инвестиции, Один пояс и один путь, балтийский транзит.

Автор: Виноградов Илья Сергеевич, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-5572-3471.
E-mail: vinbel19@mail.ru

Vinogradov I.S.

China and the Baltic countries. Cooperation problems

Abstract. It is beneficial for the Baltic countries to develop economic relations with China, as this promises a great economic benefit, the Baltic ports could be used by China as transshipment points along the routes of the Eurasian corridors within the framework of the Chinese initiative “One Belt-One Way”. For the Baltic countries, this would mean not only profits from the transit services of Chinese goods, but also large infusions into the port and railway infrastructure, terminal complexes, etc. During the 2010s, China and the Baltic countries actively developed economic cooperation, trade grew steadily, negotiations were underway to modernize the Baltic ports, Chinese investors expressed their readiness to finance a number of infrastructure projects, agreements on cooperation in the transport sector were concluded, new container train routes from China were tested to the Baltic countries. However, a common problem for all Baltic countries in relations with China remains a changeable political course, which directly depends on US policy. In addition, the increasing competition among the countries of the entire Baltic region for participation in the Belt and Road project, as well as bad relations with Russia and Belarus, are not in favor of the Baltic republics. At the present stage, relations between the PRC and the Baltic countries are experiencing stagnation caused by politicization, a low level of trust, and, in general, the low attractiveness of the Baltic countries for Chinese investments. In recent years, Lithuania has been pursuing a consistent anti-Chinese course, in particular, the opening of a representative office of Taiwan in Vilnius has already provoked a trade and diplomatic conflict. Estonia is also gradually tightening its rhetoric towards the PRC, Latvia continues to show interest in participating in the Chinese Belt and Road Initiative.

Keywords: China, Baltic states, Lithuania, Latvia, Estonia, investments, One belt and one road, Baltic transit.

Author: Ilia S. VINOGRADOV, Senior Research Fellow, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-5572-3471 (e-mail: vinbel19@mail.ru).

Регион Балтийского моря имеет стратегическое значение для Пекина, поскольку он является важной территорией транзита и одной из конечных точек «Пояса и пути» — масштабного проекта, запущенного председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. и направленного на соединение рынков Европы и Азии посредством торговли и инфраструктуры. Страны Балтии имеют достаточно удобное географическое положение на Балтийском побережье, а порты Таллин, Рига, Вентспилс, Клайпеда, которые ещё в советские времена имели стратегическое значение, вполне могли бы использоваться Китаем в качестве пунктов перевалки грузов для мультимодальных перевозок в Западную Европу. Для стран Балтии это означало бы не только прибыль от услуг транзита китайских грузов, но также и инвестиции в портовую, железнодорожную инфраструктуру, терминальные комплексы и т. д. Китай, в свою очередь, заинтересован в диверсификации транзитных маршрутов, используя на Балтике несколько крупных портов.

В течение 2010-х гг. и Китай, и страны Балтии проявляли взаимный интерес. Литва, Латвия и Эстония ещё в 2012 г. вошли в формат «16+1» (после присоединения Греции «17+1») — формат сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы. В 2016 г. Рига приняла 5-й форум руководителей Китая и стран Центральной и Восточной Европы. Все три прибалтийские республики подписали меморандумы о взаимопонимании с Китаем по инициативе «Один пояс — один путь». Постепенно росли (хотя и небольшие) товарооборот и инвестиции, в страны Балтии стали проникать китайские IT-гиганты. Если в 2010 г. товарооборот КНР составлял с Литвой 1 млрд долл., с Латвией 833 млн долл., с Эстонией 858 млн долл. [China statistical yearbook 2011], то в 2020 г. составил с Литвой 2,3 млрд долл., с Латвией 1,25 млрд долл., с Эстонией 1,15 млрд долл. [Imports and Exports...]. Динамика довольно стабильная, и для небольших прибалтийских республик это немалые показатели. Однако Китай не входит в пятёрку главных торговых партнёров каждой из стран Балтии. Например, для России товарооборот в 2020 г. составил с Литвой 3 млрд долл., с Латвией 3,7 млрд долл., с Эстонией 3,1 млрд долл. [Статистика внешней торговли России].

Китайские инвестиции в регион по сравнению с инвестициями в государства Центральной Азии невелики. Это можно объяснить как удалённостью стран региона от Китая, так и небольшими размерами экономики, малочисленным населением, что не способствует привлекательности для крупных китайских инвесторов. Руководитель латвийского агентства инвестиционных проектов LIAA Том Стуритис отмечает, что китайские инвесторы вкладывать деньги в Латвию не

спешат. Отчасти это объясняется необходимостью предложить достаточно значимую компанию для покупки китайской стороной. Малые и средние предприятия Латвии, которых в Латвии свыше 90 %, немного отличаются от определения «малый и средний бизнес» в Китае, потому что китайская сторона, по большей части, заинтересована в Латвии в предприятиях с как минимум семизначным годовым оборотом [Китайцы будут инвестировать...]. Для привлечения иностранных инвестиций руководство Латвии даже организовало программу, по которой иностранные граждане в обмен на покупку недвижимости и прочие инвестиции могут получить вид на жительство и право передвижения по Шенгенской зоне. Так как среди китайских граждан много желающих получить ВНЖ в стране ЕС, это служило хорошим драйвером для привлечения китайских инвестиций в недвижимость. Однако ввиду искусственности подобного инвестиционного драйвера существенных сдвигов в общей картине китайских ПИИ в Латвийской республике не произошло. Латвия уже собирается вносить коррективы в данную программу, сохранив лишь возможность получить временный вид на жительство в республике, вложив средства в основной капитал предприятия.

Тем не менее, несмотря на определённые трудности, торгово-экономические отношения между КНР и странами Балтии в течение трёх последних десятилетий стабильно развивались. В последние годы в страны Балтии стали активно проникать китайские IT-гиганты (Huawei, Nuctech Company Limited), наблюдались инвестиции в высокотехнологичный сектор прибалтийских экономик. Например, Didi Dashe инвестировала в эстонскую компанию по разработке программного обеспечения для такси Bolt, а Guangzhou Hangxin Aviation купила эстонскую авиастроительную компанию Magentic MRO. В 2019 г. в Рижском порту открылся центр электронной коммерции Нинбо-Латвия. Китай постоянно увеличивает число рейсов контейнерных поездов, которые идут в Европу, и основной сухопутный маршрут через Брест (Белоруссия-Польша) и далее до немецкого Дуйсбурга уже не справляется с нагрузками. Балтийский транзит может дополнить основной транспортный коридор из Китая в Европу, поэтому главная роль в сотрудничестве между странами Балтии и Китаем отводилась развитию транзита грузов в рамках инициативы «Пояс и путь», которая была призвана дать мультипликационный эффект через инвестиции в железнодорожную, портовую инфраструктуру, терминально-складские комплексы и вырубку от китайского транзита через территории прибалтийских государств. Китайские инвесторы выражали заинтересованность в участии в проекте Rail Baltica, желез-

нодорожном проекте, соединяющем три страны Балтии, особый интерес Китай проявлял к созданию логистических центров в свободных экономических зонах в городах Клайпеда и Каунас, а также в строительстве контейнерного терминала в Клайпедском порту в Литве [Chinese Investments...]. Премьер-министр Литвы Альгирдас Буткявичюс приветствовал планы китайской корпорации China Merchants Group учредить в Клайпедке логистический парк китайских производителей, инвестировать в Клайпедский морской порт и стать управляющим одного из терминалов. В 2015 г. литовские железные дороги и China Merchants Logistics Holding подписали соглашение о создании в Литве совместного с Китаем предприятия, которое будет предоставлять все услуги по экспедированию и логистике. В 2020 г. в Литву прибыло несколько контейнерных поездов из китайского Дунгуаня в Вильнюс с международными почтовыми отправлениями для всей Европы. В этом же году был испробован новый железнодорожный маршрут из китайского Иу до литовской столицы, по которому в перспективе на постоянной основе планировалось доставляться грузы в Европу [Китай открыл новый...].

В 2016 г. премьер-министр Латвии Марис Кучинскис отмечал, что Латвия также заинтересована в расширении сотрудничества с Китаем в рамках «Пояса и пути», а интеграция Европы и Азии и усилия по объединению трансъевропейской транспортной сети TEN-T и инициативы «Пояс и путь» имеют жизненно важное значение для экономического роста Латвии [Эксклюзив: Отношения...]. В июле 2016 г. латвийская и китайская железные дороги подписали протокол о намерениях по сотрудничеству, с тех пор были успешно протестированы пять контейнерных поездов из разных городов Китая в Ригу через территории России, Казахстана и Белоруссии [Контейнерные поезда].

В апреле 2018 г. эстонский железнодорожный оператор GTS Rail и китайская компания Xian International Inland Port Multimodal Transportation Co. Ltd. подписали соглашение по развитию железнодорожного сообщения. В рамках договора даже предполагалось, что в эстонский порт Мууга будут прибывать из Китая два поезда в неделю. Однако в том же году другой китайско-эстонский проект потерпел фиаско, по проекту эстонский порт Палдиски совместно с китайской компанией Changchun International Land Port development разработал новый и быстрый маршрут доставки товаров из Китая в Скандинавию через Эстонию. Российские железные дороги (РЖД) так и не согласовали прохождение транзитом по территории РФ двух контейнерных поездов из Чанчуня в Эстонию.

Очевидно, что заинтересованность в участии в инициативе «Пояс и путь» вызывает конкуренцию как между странами Балтии, так и в целом среди стран Балтийского региона. Китай может использовать для транзита по северной ветке евразийского коридора также порты России, Польши, Финляндии, вследствие чего перспективы стран Балтии не так однозначны. В этом контексте важный фактор, который совсем не играет на руку всей Прибалтике — плохие отношения с Россией и Белоруссией. Именно через эти страны проходит большая часть сухопутного транзита «Пояса и Пути» и доступ к портам Прибалтики кратчайшим путём возможен только через Россию и Белоруссию. Однако обе страны в перспективе собираются полностью отказаться от транспортных услуг портов стран Балтии. Россия, вследствие традиционной антироссийской политики всех стран Балтии и разумного стремления перестать финансировать враждебные государства, ещё в 2010 г. приняла программу, предполагающую полный переход балтийского морского транзита через российские порты, которые уже лидируют в Балтийском регионе по грузообороту (Усть-Луга, Санкт-Петербург, Приморск). Китайский транзит в какой-то степени мог бы компенсировать эти издержки для стран Балтии. В данном случае остаются небольшие вероятности по организации транзитных железнодорожных перевозок из Китая в Европу до прибалтийских портов, но для этого, в первую очередь, странам Балтии необходимо договариваться с Россией.

Но Россия, в свою очередь, также заинтересована в китайском транзите через свои балтийские порты. После запуска терминально-логистического комплекса в Черняховске в Калининградской области наблюдается неуклонный рост контейнерных перевозок через российский эксклав. Кроме того, китайский транзит активно перехватывают у той же Клайпеды польские порты (Гданьск, Гдыня), так в сентябре 2021 г. из Чэнду в Гданьск был запущен новый постоянный маршрут.

Помимо проигрывания в конкуренции за китайский транзит негативную роль в стагнации отношений Китая со странами Балтии вносит политический фактор. Переменчивая политическая конъюнктура внутри стран Балтии и зависимость от трендов внешней политики главного союзника, США, с каждым годом лишь уменьшают доверие в отношении между Китаем и странами региона. Так, за Вильнюсом тянется целый шельф действий антикитайской направленности, на которые Пекин сначала закрывал глаза, демонстрируя свою открытость и дружелюбие, но и этому настал предел. В 2013 г. президент Литвы Даля Грибаускайте провела аудиенцию с Далай-ламой, которо-

го в Пекине считают сепаратистом, в 2019 г. Вильнюс публично поддерживал протестующих в Гонконге и организовывал митинг в их поддержку, в ответ посольство Китая в Вильнюсе организовало контрмитинг, что даже вызвало столкновения. В 2021 г. Литва вышла из формата «17+1» и призвала другие страны-участницы последовать её примеру, в мае этого же года парламент Литвы принял резолюцию «о массовых, систематических и серьезных нарушениях прав человека и геноциде уйгуров в Китае». Кроме того, Вильнюс стал неуклонно поднимать вопрос о безопасности смартфонов Huawei и Xiaomi, в которых литовское руководство усмотрело наличие программ-цензоров, министр обороны Литвы призвал литовских чиновников отказаться от китайских смартфонов.

Наконец, в августе 2021 г. власти Литвы приняли решение открыть у себя «Тайваньское представительство», что вызвало незамедлительную реакцию китайских властей, так как вопрос принадлежности Тайваня крайне принципиален для Пекина. Китай отозвал своего посла и призвал Литву сделать то же самое. Ответная реакция Пекина на эти действия Вильнюса была достаточно жёсткой, Министерство обороны Китая уже обозначило Литву как ненадежного иностранного партнера, который угрожает суверенитету и международному признанию Китая, и что ее внешняя политика зависит от Соединенных Штатов. США, в свою очередь, уже выразили полную солидарность с Литвой в противостоянии с «недемократическими», по мнению США, режимами России, Белоруссии и Китая и заверили в дальнейшем укреплении обороноспособности этой прибалтийской республики. Китай задействовал экономические возможности для ответа на действия Литвы — уже приостановлен железнодорожный транзит в Литву, таким образом, утеряны перспективы по встраиванию Литвы в инициативу «Пояса и пути» и выгода от китайского транзита, также прекращены закупки литовских товаров. Разлад в китайско-литовских отношениях негативно влияет на местный бизнес, литовские предприниматели уже сталкиваются с трудностями при таможенной очистке, Китай удалил литовские компании из своих таможенных систем. Литва теряет китайский рынок, соответственно снизятся продажи древесины, продуктов питания, которые составляли основу литовского экспорта в Китай. Однако потери от экономического сотрудничества с Китаем пока не так сильно могут отразиться на экономике Литвы, Китай не относится к числу главных инвесторов и торговых партнёров Литвы. Кроме того, чтобы нивелировать экономические издержки из-за реакции Пекина, Экспортно-импортный банк США уже подписал с Литвой соглашение о предоставлении экспортного

кредита на сумму 600 млн долл. В какой-то мере для Вильнюса открываются возможности (хотя и несравнимые с возможностями КНР) от углубления сотрудничества с Тайбэем, стороны уже подписали соглашения по сотрудничеству в сфере высшего образования и обозначили намерения по сотрудничеству в сфере полупроводников. А в ноябре 2021 г. во время очередного роста напряжённости вокруг Тайваня депутаты из Латвии, Литвы и Эстонии прибыли на Тайвань для участия в Открытом парламентском форуме, где встретились с президентом острова Цай Инвэнь.

Проблема также заключается в том, что на общий курс китайско-литовских отношений влияет баланс политических сил внутри Литвы. Когда у власти были социал-демократы и левоцентристы, при премьерах Буткявичусе и Сквернялисе Литва стремилась к участию в «Поясе и пути», привлечению китайского капитала. Однако когда к власти пришли правые силы и соперничество между США и КНР начало нарастать (в том числе торговая война), стала превалировать антикитайская повестка, нынешние руководители Литвы представляют Китай как угрозу нацбезопасности не только для Литвы, но и для всего ЕС, призывая Брюссель выступать единым фронтом в отношениях с Китаем и оставаться принципиальными. Литовский департамент госбезопасности ещё в 2019 г. отнёс «китайский шпионаж» к угрозам национальной безопасности. Риторика президента Неуседы и представителей государственных структур Литвы стала сводиться к опасениям перед китайскими инвестициями, а доступ Китая к таким объектам инфраструктуры, как Клайпедский порт, по мнению литовских властей могут облегчить Китаю осуществлять сбор массивированной деликатной информации, а долг Литвы — исключить любой урон альянсу НАТО [Эггерт К. Почему Литва...]. Таким образом, Литва, демонстрируя свою принципиальность в отношении с КНР и, взяв на себя функции рупора защиты прав и свобод человек, идёт в русле политики США, как и подобает союзнику, и подталкивает страны Европы к тому же.

Эстония, хотя и в меньшей степени, чем Литва, также использует риторику угрозы национальной безопасности со стороны Китая. В последние годы в своих докладах внешняя разведка Эстонии указывает на опасность китайских инвестиций, которые могут быть использованы в политических целях, утверждается, что китайская пропаганда начала использовать западные информационные каналы для распространения своих нарративов, а целью действий Пекина является ослабление открытого общества в Европе [Китай обвинил разведку...]. Власти Эстонии согласно рекомендациям Госдепартамента

США стали подвергать сомнению безопасность китайских технологий, в частности, 5G компании Huawei. Весьма показательно, как Таллин, не имея собственных средств и опасаясь китайских инвестиций, отказался от проекта тоннеля между Таллином и Хельсинки, в котором ряд китайских инвесторов выразили готовность участвовать. Об участии Китая в долгострое Rail Baltica, видимо, также придётся забыть.

Отношения КНР и стран Балтии на современном этапе характеризуются неоднозначностью, сплетением обоюдных экономических интересов и серьёзной политизацией. Особый характер отношений с США и в целом культивирование страхов перед китайской угрозой со стороны как самих прибалтийских республик, так и Вашингтона с Брюсселем перевешивают очевидные экономические выгоды от сотрудничества с КНР. И тем не менее Латвия, которая в отличие от своих прибалтийских соседей вела себя более сдержанно в отношениях с КНР, в последние годы ещё сохраняет относительную возможность для привлечения китайских инвестиций и сотрудничества в транспортной сфере. Рига с её портом всё ещё остаётся привлекательной для китайских партнёров, но, чтобы наладить регулярное железнодорожное сообщение контейнерных поездов, необходимо также согласование с российской стороной. И самое главное, по-прежнему стоит вопрос о том, сможет ли Латвия сохранить свой относительно нейтральный политический курс в отношении Китая: существует большая вероятность, что руководство страны также примкнёт к антикитайскому политическому лагерю.

Библиографический список

Китай обвинил разведку Эстонии в фейковых новостях о КНР // Известия. 18.02.2021. URL: <https://iz.ru/1126779/2021-02-18/kitai-obvinil-razvedku-estonii-v-feikovykh-novostiakh-o-knr> (дата обращения: 13.11.2021).

Китай открыл новый железнодорожный маршрут по доставке грузов через Вильнюс // EurAsia Daily. 05.05.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/05/05/kitay-otkryl-novyy-zheleznodorozhnyy-marshrut-po-dostavke-gruzov-cherez-vilnyus> (дата обращения: 13.11.2021).

Китайцы будут инвестировать в Латвию, когда начнут нам доверять — представитель Агентства развития // LSM. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/ekonomika/kitayci-budut-investirovat-v-latviju-kogda-nachnut-nam-d> (дата обращения: 13.11.2021).

Контейнерные поезда // VIA Latvia. URL: <https://www.transport.lv/ru/dzelzcelis/konteinervilcieni/> (дата обращения: 13.11.2021).

Статистика внешней торговли России. URL: <https://russian-trade.com/> (дата обращения: 13.11.2021).

Эггерт, К. Почему Литва прекращает диалог с Китаем в формате «17+1»? // Deutsche Welle. 27.03.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/pochemu-litva-prekrashha-et-dialog-s-kitaem-v-formate-171/a-57015337> (дата обращения: 13.11.2021).

Эксклюзив: Отношения между Латвией и Китаем находятся на наивысшей точке своего развития — премьер-министр Латвии // Синьхуа. 03.11.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-11/03/c_135803923.htm (дата обращения: 13.11.2021).

China statistical yearbook 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2011/indexeh.htm> (дата обращения: 13.11.2021).

Chinese Investments in the Baltic Sea Region // Carnegie Endowment. 28.02.2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/02/28/chinese-investments-in-baltic-sea-region-pub-78474> (дата обращения: 13.11.2021).

Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2020. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/81bd4a20-01a8-45be-bcbc-f0627fd206da.html> (дата обращения: 13.11.2021).

References

Chinese Investments in the Baltic Sea Region. *Carnegie Endowment*. 28.02.2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/02/28/chinese-investments-in-baltic-sea-region-pub-78474> (accessed: November 13, 2021). (In English)

China statistical yearbook 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2011/indexeh.htm> (accessed: November 13, 2021). (In English).

Eggert, K. Pochemu Litva prekrashchayet dialog s Kitayem v formate «17+1»? [Why does Lithuania stop the dialogue with China in the «17 + 1» format?]. Deutsche Welle. 27.03.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/pochemu-litva-prekrashhaet-dialog-s-kitaem-v-formate-171/a-57015337> (accessed: November 13, 2021). (In Russian)

Eksklyuziv: Otnosheniya mezhdru Latviyey i Kitayem nakhodyatsya na naivyshey tochke svoyego razvitiya — prem'yer-ministr Latvii [Exclusive: Relations between Latvia and China are at their highest point of development — Prime Minister of Latvia]. *Xinhua*. 03.11.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-11/03/c_135803923.htm (accessed: November 13, 2021). (In Russian)

Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2021. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/81bd4a20-01a8-45be-bcbc-f0627fd206da.html> (accessed: November 13, 2021). (In English).

Kitay obvinil razvedku Estonii v feykovykh novostyakh o KNR [China accuses Estonian intelligence of fake news about China]. *Izvestiya*. 18.02.2021. URL: <https://>

---

iz.ru/1126779/2021-02-18/kitai-obvinil-razvedku-estonii-v-feikovykh-novostiakh-o-knr (accessed: November 13, 2021). (In Russian)

Kitay otkryl novyy zheleznodorozhnyy marshrut po dostavke gruzov cherez Vil'nyus [China opened a new railway route for the delivery of goods through Vilnius]. *EurAsia Daily*. 05.05.2020. URL: <https://easily.com/ru/news/2020/05/05/kitay-otkryl-novyy-zheleznodorozhnyy-marshrut-po-dostavke-gruzov-cherez-vilnyus> (accessed: November 13, 2021). (In Russian).

Kitaytsy budut investirovat' v Latviyu, kogda nachnut nam doveryat' — predstavitel' Agentstva razvitiya [The Chinese will invest in Latvia when they start to trust us — representative of the Development Agency] // LSM. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/ekonomika/kitayci-budut-investirovat-v-latviyu-kogda-nachnut-nam-d> (accessed: 13 November, 2021). (In Russian).

Konteyneryye poyezda [Container trains] // VIA Latvia. URL: <https://www.transport.lv/ru/dzelzcels/konteinervilcieni/> (accessed: November 13, 2021). (In Russian)

Statistika vneshney trgovli Rossii [Russian foreign trade statistics]. URL: <https://russian-trade.com/> (accessed: November 13, 2021). (In Russian)

С.Л. Сазонов, Ван Цзинвэй

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Аннотация. Стремительное экономическое развитие Китая в течение трех последних десятилетий привело к многократному увеличению потребления энергетических ресурсов, и в первую очередь нефти. Сегодня руководство КНР признает, что «зеленое» развитие транспортной инфраструктуры является необходимым условием улучшения условий и качества жизни населения мегаполисов страны. Осознавая глобальные вызовы, правительство страны разработало программу достижения резкого увеличения доли использования возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе страны, что является ключевым в стремлении к достижению пика выбросов углекислого газа к 2030 г. и достижению углеродной нейтральности к 2060 г., или «цели 30/60».

Ключевые слова: Китай, возобновляемые источники энергии, энергобаланс страны, углеродоемкость экономики, Национальное управление энергетике, ветряная и солнечная энергетика.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru; Ван Цзинвэй (王景伟, КНР), аспирант Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: wjw07@yandex.ru

Sazonov S. L., Wan Jinwei (王景伟)

Sino-Russian Gas Cooperation

Abstract. The rapid economic development of China over the past three decades has led to a multiple increase in the consumption of energy resources, primarily oil. Today, the leadership of the People's Republic of

China recognizes that the «green» development of the transport infrastructure is a necessary condition for improving the conditions and quality of life of the population of the country's megacities. Aware of global challenges, the government has developed a program to achieve a sharp increase in the share of renewable energy in the overall energy balance of the country, which is key in the quest to reach peak carbon emissions by 2030 and achieve carbon neutrality by 2060 or «purpose 30/60».

Keywords: China, renewable energy, the country's energy balance, the carbon intensity of the economy, the National Energy Department, wind and solar power.

Authors: Sergey L. SAZONOV, PhD (Economics), Leading Researcher, Center “Russia, China, the world”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: sazonovch@mail.ru

WAN Jinwei (王景伟, PRC), postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: wjw07@yandex.ru

С принятием правительством КНР решения о достижении пика выбросов углерода до 2030 г. и достижении углеродной нейтральности до 2060 г. («цели 30/60») в Китае началась гонка за переход на чистое топливо. Некоторые из крупнейших энергетических компаний страны увеличили инвестиции в разведку природного газа. Например, китайская национальная нефтяная корпорация (СНООС), крупнейший производитель нефти и природного газа в стране, объявила, что к 2025 г. на газ будет приходиться 30 % ее добычи, а к 2035 г. объем добычи газа вырастет до 50 % [State...]. Согласно данным Государственного статистического управления КНР (ГСУ), в 2020 г. объем потребления газа в стране составил 328 млрд куб. м¹, а объем его добычи в Китае — 188,8 млрд куб. м (что эквивалентно примерно 150,4 млн т сырой нефти)². За 10 месяцев 2021 г. объем добычи при-

¹ В последние годы потребление газа в КНР неуклонно росло — объем потребления природного газа достигло в 2020 г. превысило этот показатель 2015 г. на 70 %, а что вновь добавленное потребление газа в стране в течение 13-го пятилетнего плана (2016—2020 гг.) эквивалентно сокращению выбросов углекислого газа на 570 млн т и сокращению выбросов диоксида серы на 6,3 млн т [Zheng Xin. Gas...].

² В тройку крупнейших производителей природного газа в Китае входят пров. Шэньси, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) на северо-западе страны и пров. Сычуань на юго-западе КНР — на их долю приходится около 70 % от общего объема производства газа в Китае. В 2020 г. на крупнейшем нефтегазовом месторождении страны Чанцин в пров. Шэньси было добыто около 44 млрд куб. м природного газа. Бассейн Тарим в СУАР — крупный источник природного газа, например, разведенное в 2016 г. месторождение Шунбей объемом 500 млрд куб. м. В 2020 г. в бассейне впервые было добыто более 30 млрд куб. м. Объем добыча газа в пров. Сычуань в 2020 г. соста-

родного газа в стране увеличился на 9,4 % в годовом исчислении и составил 168,4 млрд куб. м. Объем потребления природного газа в Китае в первом полугодии 2021 г. достиг 185,092 млрд куб. м и, согласно прогнозу Национального энергетического управления КНР, в 2021 г. общая потребность в газе в стране достигнет 365—370 млрд куб. м (ежедневные поставки газа в КНР с ноября 2021 г. превысили 1 млрд куб. м.) [As...]. В «Национальном отчете о развитии рынка газа», подготовленном в 2021 г. Государственным комитетом по развитию и реформам спрогнозировано, что к 2025 г. потребность Китая в газе достигнет 430—450 млрд куб. м, к 2030 г. — 550—600 млрд куб. м, после чего, по оценкам, примерно к 2040 г. объем потребления природного газа выйдет на плато [Maintenance...]. По оценкам аналитиков S&P Global Platts Analytics и ученых Китайской академии общественных наук, «к 2025 г. объем добычи природного газа в стране превысит объем добычи нефти, а увеличение спроса на природный газ на 50 млрд куб. м будут стимулировать приток 1,2 трлн юаней (185 млрд долл.) в основные отрасли промышленности Китая» [Li Xiaoyang. China...]. Данные отчета Исследовательского центра развития Государственного совета КНР (2020 г.) свидетельствуют, что в настоящее время Китай импортирует природный газ и СПГ из 30 стран (6 и 24 страны соответственно), из которых Туркменистан (трубопроводный природный газ) и Австралия (СПГ) занимают первое место, но на СПГ приходится большая доля в общем объеме импорта газа, поскольку СПГ требует строительства дорогостоящих трубопроводов¹, а расходы на его транспортировку низкие.

По данным Главного таможенного управления КНР (ГТУ КНР), в 2020 г. Китай импортировал 101,6 млн т природного газа (на 5,3 %

вила около 56,5 млрд куб. м, кроме того, корпорация Sinorec занимается разведкой и добычей сланцевого газа в этой провинции — новое месторождение сланцевого газа Weigong в 2021 г. производило 3,5 млн куб. м в день, а в течение 2022 г. китайская корпорация намерена добыть на этом месторождении 3 млрд куб. м, что позволит удовлетворить годовые потребности 16 млн. По оценкам специалистов китайского Исследовательского института разведки и разработки нефти, в разведанных месторождениях природного газа в Китае около 75 % составляют «нетрадиционные» углеводороды, т. е. ресурсы, расположенные в сложных геологических условиях в «нетрадиционных» ловушках, к которым можно отнести газ газовых гидратов, угольных пластов и сланцевых отложений, поэтому для разработки этих газовых месторождений необходимы значительные инвестиции в исследования и разработку новых технологий, расширение сотрудничества с другими странами в области геологоразведки [Li Xiaoyang...].

¹ Общая протяженность газопроводной системы КНР в начале 2021 г. составила 11 тыс. км, из которых 46 тыс. км были построены в период 13-й пятилетки (2016—2020 гг.). Общий объем в строительство и эксплуатацию нефтегазовых мощностей в этот период составил 1,36 трлн юаней [Zheng Xin. Gas...].

больше, чем в 2019 г.), а в пятерку основных поставщиков импортируемого трубопроводного газа входят Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Мьянма и Россия, причем на РФ пришлось почти 8 % общего объема импортированного трубопроводного газа (в соответствии с 30-летним контрактом на сумму 400 млрд долл., подписанным российским газовым холдингом «Газпром» и Китайской национальной нефтяной корпорации China National Petroleum Corporation (CNPC) в 2014 г.) [West...].

Согласно данным Харбинской таможни пров. Хэйлунцзян, в 2010 г. по газопроводу Россия—Китай по восточному маршруту было доставлено в общей сложности 10 млрд куб. м российского газа, который использовался в провинциях северо-востока КНР, в Пекине, Тяньцзине и Шанхае. Восточный маршрут Россия—Китай представляет собой трубопроводную систему протяженностью более 8 тыс. км (5111 км по территории КНР), который транспортирует природный газ из Сибири в девять административных единиц провинциального уровня КНР и связан с использованием внутренней трубопроводной сети, включая систему трубопроводов Шаан-Цзин и хранилища СПГ Таншань, что позволяет увеличить пиковую пропускную способность. Он был разделен на три участка: северный участок от пров. Хэйлунцзян до г. Чанлин (пров. Цзилинь), средний участок от г. Чанлин до г. Юнцин (пров. Хэбэй) и южный участок от г. Юнцин до Шанхая. Северный участок был введен в эксплуатацию в декабре 2019 г., а средний участок — в декабре 2020 г. и пересекает пять провинциальных регионов, включая пров. Цзилинь, Автономный район Внутренняя Монголия, провинции Ляонин и Хэбэй и доходит до г. Тяньцзинь. Южный участок находится в стадии строительства и, как ожидается, будет завершен и введен в эксплуатацию в 2025 г., и к тому времени суточная пропускная способность объемов газа из РФ составит 50 млн куб. м, что почти в три раза превысит текущую мощность российско-китайского газопровода [China...].

По данным BloombergNEF, в последние годы Россия значительно увеличила поставки СПГ в Китай — в 2018 г. она экспортировала 1,1, в 2019 г. — 2,8 и в 2020 г. — 4,8 млн т СПГ соответственно [Zheng Xin. Novatek...]. В начале 2021 г. китайская компания Shenergy Group (государственное предприятие, принадлежащее правительству Шанхая) подписала соглашение о закупке у второго по величине производителя газа в России компании НОВАТЭК более 3 млн т СПГ с поставкой в течение 15-летнего периода. СПГ будет поставляться из Arctic LNG 2, нового проекта в России, и будет запущен в эксплуатацию не ранее

середины 2023 г. Китайские аналитики заявляют, что это поможет шанхайской компании обеспечить свои потребности в энергии, а также соответствует политике властей Шанхая диверсифицировать каналы поставок СПГ. Российский СПГ будет поставляться на СПГ-терминалы Яншань и Ухаогуо, которые обеспечивают более 50 % общего объема газа, потребляемого в Шанхае [Zheng Xin. China...].

В последние годы в рамках сопряжения российской интеграции Евразийского экономического сообщества и китайского проекта «Пояс и путь» российско-китайское всестороннее стратегическое партнерство в экономической и энергетических сферах упрочилось, чему ярким примером стало реализация проекта «Ямал СПГ» как форма взаимовыгодного сотрудничества между членами и наблюдателями Арктического совета, прежде всего с Китаем. Кроме того, этот проект будет еще больше стимулировать рост производства СПГ в российской Арктической зоне и развитие инфраструктуры Северного морского пути. Китайские эксперты утверждают, Арктика является одним из крупнейших оставшихся регионов мира, где доступны газ и нефть — «Арктический регион может скрывать до 30 % неоткрытых запасов природного газа на планете, и большинство из них находится на территории России в Арктике. Здесь также содержится до 4 % мировых запасов нефти, или 160 млрд баррелей, которые еще предстоит открыть. Согласно прогнозам, большая часть запасов находится на глубине менее 500 м к северу от Полярного круга».

«Ямал СПГ» — это крупнейший проект по добыче и производству СПГ в Арктике и важнейший мегапроект российско-китайского сотрудничества в области энергетики, реализуемый в РФ в рамках проекта председателя КНР Си Цзиньпина «Пояс и путь». Проект «Ямал СПГ» ПАО «НОВАТЭК» осуществляет на заполярном полуострове Ямал (в Ямало-Ненецком автономном округе — крупнейшем регионе мира по добыче газа, чья доля составляет 80 % в РФ и 15 % в мире) на базе Южно-Тамбейского месторождения (ресурсной базой для развития проекта рассматриваются запасы месторождений Геофизическое и Салмановское (Утреннее). На начало 2021 г. российскими специалистами доказано наличие запасов углеводородов ПАО «НОВАТЭК» в размере 16,5 млрд баррелей нефтяного эквивалента (SEC), которые в основном расположены на суше, что облегчает их извлечение. Оператором проекта «Ямал СПГ» является ОАО «Ямал СПГ» — совместное предприятие, в состав которого входят ПАО «НОВАТЭК» (50,1 %), Китайская национальная нефтяная корпорация (China

National Petroleum Corporation) (20 %), китайский Фонд Шелкового пути (9,9 %)¹ и французский концерн Total (20 %). В 2012 г. было начато строительство современного арктического порта Сабетта для обслуживания завода по сжижению природного газа в рамках проекта «Ямал СПГ», строительство которого было начато в 2014 г. Производство СПГ на 1-й технологической линии завода было запущено 5 декабря 2017 г., на 2-й — в августе 2018 г., на 3-й — в ноябре 2018 г. и на 4-й — в мае 2021 г. Планом предусматривается ежегодное производство СПГ в объеме 16,5 млн т и около 1,2 млн т газового конденсата, которые будут поставляться в Китай и страны АТР, а также страны Европы [Yin Yeping].

Второй не менее амбициозный международный проект «Арктик СПГ 2» (проект Arctic LNG 2) ПАО «НОВАТЭК» с участием китайских корпораций осуществляет на Гыданском полуострове в Ямало-Ненецком автономном округе, опираясь на ресурсную базу месторождений Салмановское (Утреннее), Штормовое и, возможно, Геофизическое (на 2021 г. объем доказанных запасов по стандартам PRMS составлял более 2 трлн куб. м природного газа и около 110 млн т жидких углеводородов). Стоимость проекта строительства трех технологических линий мощностью 6,6 млн т СПГ каждая и линии производства газового конденсата с ежегодной мощностью 1,6 млн т будет составлять около 25,5 млрд долл. В состав учредителей вошли ПАО «НОВАТЭК» (60 %), Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (China National Offshore Oil Corporation) (10 %), дочерняя компания CNPC Китайская национальная компания по разведке и разработке нефти и газа (China National Oil and Gas Exploration and Development Company Ltd) (10 %), французский концерн Total (10 %), консорциум японских компаний Mitsui & Co (материнская компания Mitsui Group) и JOGMEC — Japan Arctic LNG (10 %). Запуск и продажи СПГ с 1-й технологической линии «Арктик СПГ 2» планируется в 2023 г., а 2-й и 3-й линий — в 2024 и 2026 гг., а общий ежегодный объем производства сжиженного природного газа проекта «Арктик СПГ 2» составит 19,8 млн т, причем объемы поставок будут определяться пропорционально внесенным долям компаний — участников проекта. К началу 2022 г. степень готовности проекта составляла более 50 %, было профинансировано более 50 % ка-

---

¹ Размер Фонда Шелкового пути (создан 29 декабря 2014 г.), который в основном финансирует инфраструктурные проекты в инициативы «Пояс и путь», составляет 40 млрд долл. и 100 млрд юаней (около 15 млрд долл.). Фонд также предоставил проекту «Ямал СПГ» кредит в размере 730 млн евро со сроком погашения в течение 15 лет [Yamal...].

питательных затрат, со всеми участниками проекта были заключены контракты на продажу и поставку производимого СПГ сроком на 20 лет (на условиях FOB Мурманск и FOB Камчатка), причем цена СПГ будет коррелироваться с международными газовыми и нефтяными индексами [Hu Weijia].

В то время как спрос на энергию в Китае демонстрирует тенденцию к росту на фоне восстановления потребления как на внутреннем, так и на мировом рынке, а также перехода страны на экологически чистую энергию, российско-китайское сотрудничество в области СПГ вышло на новый уровень с большим количеством проектов. Ожидается, что такое сотрудничество будет способствовать дальнейшему развитию торговли благодаря новым линиям электропередачи, которые будут построены в ближайшее время. В то время как спрос Китая на природный газ из России продолжает расти, РФ также расширит поставки угля и электроэнергии в Китай. В дополнение к традиционным энергетическим ресурсам, таким как газ и нефть, активизировалось сотрудничество в некоторых новых областях, например, в ядерной энергетике — включая Тяньваньскую АЭС в г. Ляньюньган (пров. Цзянсу) и АЭС Сюйдабао, Хулудао (пров. Ляонин), что позволит в 2022 г. увеличить долю энергетических ресурсов в общем объеме российско-китайского товарооборота до более чем 35 %.

Библиографический список

As coal market stabilizes, China steps up natural gas supply to meet winter demand // Global Times. 24.11.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202111/1239855.shtml> (дата обращения: 12.11.2021).

China put the middle section of the China-Russia east route natural gas project into use // Global Times. 03.12.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202012/1208836.shtml> (дата обращения: 19.12.2020).

Li Xiaoyang. China pumps up natural gas sector for low-carbon transformation // Beijing Review. 24.02.2021. URL: http://www.bjreview.com/Business/202102/t20210224_800236866.html (дата обращения: 25.02.2021).

Maintenance workers ensure steady transmission of natural gas // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1215126.shtml> (дата обращения: 22.09.2021).

State Council releases guideline to boost green, low-carbon economy // China.org.cn. 23.02.2021. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-02/23/content_77239599.htm (дата обращения: 23.02.2021).

West Siberia-China natural gas pipeline under discussion: Gazprom chairman // Global Times. 05.12.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201912/1172347.shtml> (дата обращения: 30.12.2019).

Yamal LNG project reaches full production capacity // Global Times. 12.12.2018. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201812/1131429.shtml> (дата обращения: 16.12.2018).

Yin Yeping. Russia expects more gas exports to Europe, plans LNG output hike // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1121673.shtml> (дата обращения: 17.10.2021).

Zheng Xin. China and Russia stepping up energy cooperation // China Daily. 30.11.2021. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202111/30/WS61a56459a310cdd39bc783d1.html> (дата обращения: 30.11.2021).

Zheng Xin. Gas pipeline system hits 110,000 km // China Daily. 23.09.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/23/WS614c09e2a310cdd39bc6afc0.html> (дата обращения: 25.09.2021).

Zheng Xin. Novatek increases sales to meet China's energy needs // China Daily. 24.03.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202103/24/WS605a9dfba31024ad0bab13bf.html> (дата обращения: 28.03.2021).

References

As coal market stabilizes, China steps up natural gas supply to meet winter demand // Global Times. 24.11.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202111/1239855.shtml> (accessed: November 12, 2021).

China put the middle section of the China-Russia east route natural gas project into use // Global Times. 03.12.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202012/1208836.shtml> (accessed: November 19, 2020).

Li Xiaoyang. China pumps up natural gas sector for low-carbon transformation // Beijing Review. 24.02.2021. URL: http://www.bjreview.com/Business/202102/t20210224_800236866.html (accessed: February 25, 2021).

Maintenance workers ensure steady transmission of natural gas // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1215126.shtml> (accessed: September 22, 2021).

State Council releases guideline to boost green, low-carbon economy // China.org.cn. 23.02.2021. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-02/23/content_77239599.htm (accessed: February 23, 2021).

West Siberia-China natural gas pipeline under discussion: Gazprom chairman // Global Times. 05.12.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201912/1172347.shtml> (accessed: December 30, 2019).

Yamal LNG project reaches full production capacity. Global Times. 12.12.2018. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201812/1131429.shtml> (accessed: December 16, 2018).

Yin Yeping. Russia expects more gas exports to Europe, plans LNG output hike // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202110/1121673.shtml> (accessed: October 17, 2020).

Zheng Xin. China and Russia stepping up energy cooperation // China Daily. 30.11.2021. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202111/30/WS61a56459a310cdd39bc783d1.html> (accessed: November 30, 2021).

Zheng Xin. Gas pipeline system hits 110,000 km // China Daily. 23.09.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/23/WS614c09e2a310cdd39bc6afc0.html> (accessed: 25 September, 2021).

Zheng Xin. Novatek increases sales to meet China's energy needs // China Daily. 24.03.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202103/24/WS605a9dfba31024ad0bab13bf.html> (accessed: 28 March, 2021).

М.В. Елисеева

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ НЕСЫРЬЕВЫХ ТОВАРОВ В КИТАЙ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАРАЩИВАНИЯ

Аннотация. Рассмотрены возможности изменения товарной структуры российского экспорта в рамках углубления российско-китайского торгового сотрудничества. В основе анализа текущего состояния внешней торговли России с Китаем лежит методика национального проекта «Международная кооперация и экспорт», опираясь на которую проводится исследование российского несырьевого экспорта по группам и категориям товаров. Источником статистических данных стал Аналитический портал «Экспорт регионов» РЭЦ. При проведении описательного метода оценки динамики несырьевого экспорта России за период 2013—2020 гг. были определены основные структурные сдвиги в товарной структуре и выявлены факторы, оказавшие на них наибольшее влияние. В процессе исследования к перспективным направлениям развития российского несырьевого экспорта были отнесены продовольственные товары, продукция металлообрабатывающей и химической промышленности, также был затронут вопрос развития экспорта готовых изделий лесопромышленной отрасли. На сегодняшний день основными поставщиками несырьевых товаров на территорию Китая являются три федеральных округа России: Центральный, Сибирский и Дальневосточный. На фоне трансформации китайской экономической модели развития и реализации стратегии «двойная циркуляция» была выдвинута гипотеза, согласно которой процессы, происходящие в Китае, могут стать импульсом к более активному участию в экспортной деятельности

российских регионов и вовлечения в нее местных производителей. Однако, несмотря на производственный потенциал российских предприятий было определено, что для перехода с экспортно-сырьевой модели экономического развития России на принципиально новую стране необходимо решить проблемы транспортных и ресурсных ограничений, которые не позволяют воспользоваться имеющимися ресурсными и географическими преимуществами.

Ключевые слова: несырьевой экспорт, торговое сотрудничество, экспортный потенциал, точки роста, Китай.

Автор: Елисеева Мария Владимировна, аспирант Департамента мировой экономики и международного бизнеса Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

ORCID: 0000-0002-6815-129X. E-mail: mveliseeva2020@edu.fa.ru

Eliseeva M. V.

Russian non-primary goods' export to China: the current state and the prospects for increasing

Abstract. The article discusses the possibility of changing the product structure of Russian exports in the context of in-depth Russian-Chinese trade cooperation. The analysis of the current state of Russia's foreign trade is based on The International Cooperation and Exports national project, upon which a study of Russian non-resource exports by groups and categories of goods is being carried out. The source of statistical data is "Export of Regions: Analytical portal," Russian Export Center. The analysis of these data was carried out using the method of descriptive assessment of the dynamics of non-resource exports of Russia for the period 2013—2020. The main structural shifts in the commodity structure and the key factors were identified. In the process of investigating food products, products of the metalworking and chemical industries were classified as forward-looking perspectives for the development of Russian non-resource exports. The issue of export development of manufactures of the forest industry was also raised. Today, three federal districts are the main suppliers of non-imported goods to China: Central, Siberian and Far Eastern. Amid transformation of the Chinese economic model of development and the implementation of the "double circulation" strategy, it has been hypothesized, that changes taking place in China could become an impetus for more active participation in the export activities of the Russian regions and the involvement of local producers in it. However, despite the productive capacity of Russian enterprises, it has been determined that for the transition from the export-raw-material model of economic development of Russia to a new model need to solve transport and resource issues, which do not allow taking to benefit the available resource and geographical advantages.

Keywords: non-primary goods' export, trade cooperation, export potential, points of growth, China.

Author: Maria V. ELISEEVA, postgraduate student at the Department of World Economy and International Business of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6815-129X (e-mail: mveliseeva2020@edu.fa.ru).

В последние годы процессы, происходящие в Китае, оказывают все большее влияние на развитие мировой экономики. Принятый в 2021 г. 14-й пятилетний план (十四五规划), направленный на всестороннюю трансформацию модели развития страны через сопряжение сил национальной экономики и международное экономическое сотрудничество [Changes in the Regional Structure of China's Domestic Market and Implications], на ближайшее десятилетие становится фактором, определяющим движение товарных потоков и построение глобальных производственных цепочек. Это приводит не только к усилению существующих и появлению новых вызовов и угроз, но и создает «точки роста» для зарубежных производителей.

Стратегия Китая «два контура», также известная как «двойная циркуляция» (双循环), сводится к преимущественной опоре на национальную экономику и определяет внутреннее потребление главной движущей силой экономического роста [Цзинцзисюэцзя цзеду “Ши-сыу” гуйхуа хэ 2035 нянь юаньцзинмубяо ганяо]. Поскольку российско-китайское стратегическое партнерство традиционно рассматривается как приоритетное направление внешней политики России, в том числе внешнеторговой, новая китайская стратегия может стать импульсом для развития российского несырьевого экспорта и повысить уровень экономического суверенитета России.

Следует отметить, что на текущее состояние национальной безопасности России в сфере внешнеэкономической деятельности нарастающее влияние оказывают три фактора, сигнализирующие об острой необходимости трансформации принятой модели экономического развития: переориентации ее экспортной составляющей.

Во-первых, в условиях научно-технологических изменений в мировой экономике, сопровождаемых обострением глобальной конкуренции, отчетливо проявляются признаки исчерпания экспортно-сырьевой модели экономического развития страны и возникает необходимость построения принципиально новой модели, ориентированной на экспорт продукции отраслей агропромышленного комплекса и обрабатывающей промышленности.

Во-вторых, традиционно сохраняющаяся слабая активность в сфере технологических инноваций ограничивает масштабы российского несырьевого экспорта и ослабляет конкурентоспособность национальных компаний на мировом рынке.

Кроме того, недостаточный объем прямых инвестиций в реальный сектор экономики и их дисбаланс в распределении по направлениям становится сдерживающим фактором вовлеченности российских производителей в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Под воздействием указанных факторов и с учетом существенных изменений, происходящих на современном этапе мирового развития¹, вопрос переориентации внешней торговли России с экспорта минерального сырья на несырьевые неэнергетические товары становится злободневным и безотлагательным. Что подводит к гипотезе о том, что сопряжение мероприятий по перестройке товарной структуры российского экспорта с увязкой на внутренний рынок крупнейшего торгового партнера, Китая², может позволить России не только изменить устоявшуюся ориентацию, но и углубить российско-китайские отношения за счет использования таких преимуществ, как географическая близость, накопленный опыт и знания.

Методология исследования

В России сегодня получили широкое распространение две методики исследования внешней торговли. Прежде всего, структурный анализ на основе Методологии ведения таможенной статистики внешней торговли товарами государств — членов ЕАЭС, который базируется на статистических данных ФТС РФ и представляет собой классификационные группировки ТН ВЭД ЕАЭС. Однако специфика настоящего исследования предполагает использование методики, закрепленной в паспорте национального проекта России «Международная кооперация и экспорт» (МКиЭ). Товарная структура экспорта, согласно настоящей методике, схематично представлена на рис. 1.

Методика нацпроекта МКиЭ устанавливает, что расчет объема несырьевого экспорта несырьевых товаров выполняется посредством суммирования стоимостных показателей экспорта двух групп: несырьевого энергетического и несырьевого неэнергетического. По-

---

¹ Следует заметить, что здесь идет речь о разрушении однополярного мира и переходе к многополярности [Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.].

² По состоянию на 2020 г. совокупный экспорт России в Китай достиг 49,15 млрд долл., удельный вес — 14,58 % [Аналитический портал «Экспорт регионов России»].

Рис. 1. Товарная структура экспорта по методике нацпроекта МКиЭ

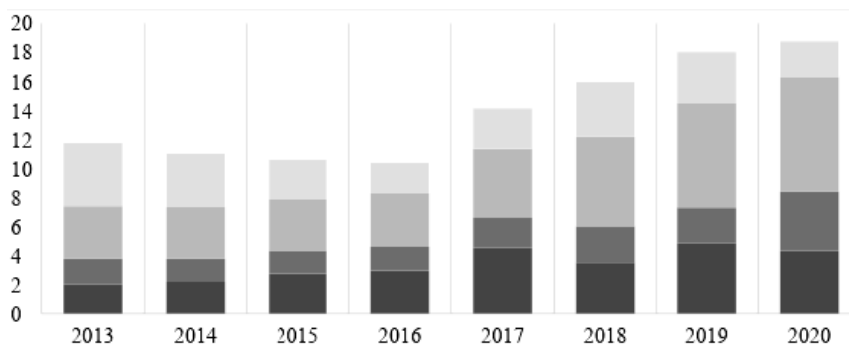
следний классифицируется по степени передела и включает три категории: нижний, средний и верхний.

Динамика и текущее состояние несырьевого экспорта России в Китай

Китай — один из ключевых потребительских рынков несырьевых товаров, поставляемых из России. В 2020 г. стоимостной показатель российского несырьевого экспорта на территорию китайского партнера сложился в сумме 18,76 млрд долл. В разрезе по группам основной объем пришелся на несырьевой неэнергетический экспорт (ННЭ), который в абсолютном выражении достиг 16,30 млрд долл.

Период 2013—2020 гг. характеризуется постепенным наращиванием объема поставок несырьевых товаров за счет увеличения экспорта продукции и товаров нижнего и среднего переделов: с 11,73 млрд долл. до 18,76 млрд долл. (+59,93 %) (диаграмма 1) [Аналитический портал «Экспорт регионов России»].

Необходимо отметить, что валютный кризис в России (2014—2015), возникший по причине падения мировых цен на нефть и повлекший за собой ослабление российского рубля, не оказал значительного стимулирующего влияния на экспорт России ввиду неготовности российских производителей к выходу на зарубежные рынки и резкого усиления продовольственной инфляции [Фомин, 2015, с. 67—69]. И в силу высокой производственной зависимости от поставок материалов, полуфабрикатов и комплектующих изделий из-за рубежа, цены на которые устанавливаются в иностранной валюте, отечественные товары не смогли повысить конкурентоспособность на мировом рынке. Что нашло свое подтверждение в динамике экспорта

Диаграмма 1. Динамика несырьевого экспорта России в Китай за период 2013—2020 гг., млрд долл.

России за рассматриваемый период: стоимостной объем сырьевого экспорта сократился в среднем на 17,07 %, ННЭ и несырьевой энергетический экспорт — в среднем на 4,83 и 23,93 % соответственно. Вместе с тем под влиянием возросшего спроса со стороны Китая на товары секретного экспорта, медицинскую технику, радиоактивные материалы и другую продукцию наименьшему воздействию был подвержен верхний передел ННЭ, который в 2015 г. превысил показатель докризисного года и составил 1,47 млрд долл.

Курс на импортозамещение, принятый правительством России в 2014 г. как политика повышения конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке и снижения зависимости отраслей промышленности от поставок из-за рубежа, до настоящего времени не позволил в полном объеме решить поставленные задачи. Что объясняется, прежде всего, технологическим отставанием и, следовательно, невозможностью отказа от импорта оборудования и технологий¹. В силу чего нижний передел ННЭ России выступает в качестве основной категорий несырьевого неэнергетического экспорта страны за рубеж.

Вышесказанное подводит к необходимости разработки и реализации плана мероприятий по трансформации экспортно-сырьевой модели экономического развития России, в том числе диверсификации ее экспорта. Забегая вперед, следует признать, что процесс перестройки уже начат, но находится в самом начале пути.

¹ По состоянию на 2020 г. удельный вес товарной отрасли «Машины, оборудование и транспортные средства» в совокупном объеме импорта России составил 47,62 %, в абсолютном выражении — 110,22 млрд долл. [Федеральная таможенная служба].

В последние годы на развитие международного экономического сотрудничества и построение глобальных производственных цепочек оказали наибольшее влияние масштабные и кардинальные изменения, вызванные коронавирусной инфекцией COVID-19. Факторы, связанные с длинными каникулами на производственных предприятиях Китая, «закрытием» городов на карантин, «контейнерным кризисом» и стремительным переходом бизнеса в сферу электронной коммерции, внесли коррективы в традиционную структуру внешней торговли каждой страны, активно участвующей в международной торговле.

«Локомотив» национальной экономики Китая, производственный сектор, одним из первых ощутил негативное воздействие пандемии и ее последствий, что по принципу домино оказало неблагоприятное влияние на экономики стран-партнеров [Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики]. В 2020 г. на фоне вспыхнувшей эпидемии и последующем введении карантина на таможенных границах российский сырьевой экспорт на территорию Китая сократился с 39,30 млрд долл. (на 22,67 %) и составил 30,39 млрд долл. Подобная картина наблюдалась также в отношении экспорта несырьевых энергетических товаров. Единственная товарная группа, сохранившая положительную динамику, представлена товарами несырьевого неэнергетического экспорта, стоимостной объем поставок которых в 2019 г. увеличился на 18,69 %, в 2020 г. — на 12,62 до 16,3 млрд долл.

Несмотря на то, что Россия входит в число основных поставщиков несырьевых энергетических товаров китайского партнера, ее товарная структура слабо дифференцирована и преимущественно представлена нефтепродуктами (код ТН ВЭД 2710)¹. На фоне их избытка на мировом энергетическом рынке и низких темпах роста в ближайшие 20 лет, что прогнозируется экспертами, возникает острая необходимость расширения номенклатуры и снижения зависимости от «нефтяной иглы».

В 2021 г. Китай столкнулся с катастрофической нехваткой электроэнергии, возникшей на фоне растущего спроса и ввода строгих ограничений на потребление [Цзиньци цюаньго вэйшэньмэ тиндянь цзэньмэ хуэйши 2021 цюаньго цюэдянь сяньдянь бэйхоу юаньинь]. Что привело к сбоям в производстве и цепочках поставок, а также к созданию новых возможностей для развития зарубежных предприятий обрабатывающей промышленности.

---

¹ По состоянию на 2020 г. стоимостной объем экспорта нефтепродуктов из России в Китай составил 2,19 млрд долл., удельный вес в несырьевом энергетическом экспорте — 89,02 % [Аналитический портал «Экспорт регионов России»].

Согласно Указу Президента РФ от 21.07.2020 № 474, к 2030 г. стоимостной объем поставок несырьевых неэнергетических товаров должен увеличиться не менее чем на 70 % по сравнению с 2020 г., определяя, таким образом, ННЭ как наиболее перспективное направление развития российского экспорта. Следовательно, ожидается, что в 2030 г. ННЭ России за рубеж должен составить 273,29 млрд долл.¹, в Китай — 27,71 млрд долл. Достижение поставленной цели возможно в случае среднегодового темпа роста показателей в размере 5,45 %.

Принимая во внимание уровень научно-технического развития России и производственный потенциал национальных предприятий, наибольший интерес для настоящего исследования представляют товары и продукты нижнего и среднего переделов ННЭ.

Китай традиционно занимает ведущие позиции среди стран-импортеров российских товаров. В период 2016—2019 гг. китайский партнер на фоне «поворота на Восток» был основным направлением ННЭ России. В 2020 г. сложившаяся картина изменилась в силу увеличения спроса со стороны Великобритании на драгоценные металлы под влиянием опасений инвесторов в связи с Brexit. Однако это явление носит временный характер и не приведет к глубоким структурным преобразованиям в экспорте России в последующем.

Между тем для российско-китайского торгового сотрудничества, которое характеризуется позитивной динамикой и описывается как «стратегическое взаимовыгодное партнерство», свойственна асимметрия: Россия находится в большей зависимости от несырьевого импорта из Китая, чем ее партнер. В 2019 г. доля российских товаров составила менее 1,5 % в совокупном объеме китайского импорта несырьевых неэнергетических товаров². В свою очередь основными поставщиками стали Япония, Республика Корея, Германия, США. А наибольший объем поставок поступил из Гонконга, который также принято называть «окно в мир», поскольку через этот автономный район Китая со второй половины XIX века осуществляются транзитные перевозки между материковым Китаем и остальным миром.

Структура китайского импорта несырьевых неэнергетических товаров, поступающих из России, преимущественно представлена нижним переделом. За период 2013—2020 гг. стоимостной объем данной категории увеличился с 3,62 млрд долл. на 117,96 % и составил

---

¹ По состоянию на 2020 г. общий объем несырьевого неэнергетического экспорта России составил 160,76 млрд долл. [Аналитический портал «Экспорт регионов России»].

² По состоянию на 2019 г. общий объем несырьевого неэнергетического экспорта в Китай составил 1 035,45 млрд долл. [Аналитический портал «Экспорт регионов России»].

7,89 млрд долл., сохранив удельный вес в рассматриваемой группе на уровне выше 45 %. В 2020 г. доля других категорий, среднего и верхнего переделов ННЭ исчислялась 24,92 и 26,7 % соответственно, в абсолютном выражении — 4,06 млрд и 4,35 млрд долл.

В разрезе по категориям и кодам ТН ВЭД ЕАЭС структура ННЭ России по представлена следующими товарами и продуктами:

1. нижний передел: пиломатериалы (код 4407), удельный вес которых постепенно сокращается, несмотря на стабильное увеличение стоимостных объемов экспорта; медь рафинированная (код 7403); продукция агропромышленного комплекса низкой степени обработки, к которой относится мороженая рыба и соя;

2. средний передел: сульфатная целлюлоза (код 4703); растительные масла (в том числе подсолнечное, соевое и рапсовое); полиэтилен (код 3901), который широко используется в Китае для производства упаковочных изделий;

3. верхний передел ННЭ состоит прежде всего из секретного экспорта оборонной продукции и механического оборудования и техники, компьютеров (код 84), доля которых в рассматриваемой категории составила 57,24 %¹.

Из чего следует, что наблюдается стабильный спрос со стороны китайского партнера на такие категории товаров, как продовольствие, металлы и металлопродукция, промежуточные товары лесопромышленного комплекса и химической промышленности.

Необходимо отметить, что под влиянием таких факторов, как региональная специализация и уровень развития инфраструктуры, объем экспорта несырьевых товаров распределен неравномерно по федеральным округам и субъектам России. По состоянию на 2020 г. более 60 % несырьевых поставок на территорию Китая (в абсолютном выражении — 11,38 млрд долл.) были направлены из Центрального (26,23 %), Сибирского (17,97 %) и Дальневосточного (16,42 %) федеральных округов.

В разрезе по субъектам федерации г. Москва традиционно занимает лидирующие позиции по общему объему экспорта за рубеж в силу высокой концентрации головных офисов крупнейших компаний России [Елисеева, 2021, с. 30—31]. Аналогичная картина наблюдается в отношении поставок несырьевых товаров в Китай. В 2020 г. доля субъекта превысила 15 % и достигла 3,33 млрд долл. Помимо экономической и политической столицы России, можно выделить шесть субъектов федерации, активно участвующих в торговле с Кита-

¹ По состоянию на 2020 г. [Аналитический портал «Экспорт регионов России»].

ем. К ним относятся Свердловская (9,96 %) и Иркутская области (7,92 %), Приморский (6,04 %) и Красноярский края (5,54 %), Республика Башкортостан (4,18 %) и Ленинградская область (4,15 %).

Точки роста российского несырьевого экспорта в Китай

На современном этапе развития Китая все большее влияние на мировую экономику оказывают процессы, происходящие внутри страны: переход на всестороннюю модернизацию модели развития Китая с акцентом на внутренний рынок создает новые возможности роста для зарубежных производителей и подводит к необходимости структурных изменений во внешней торговле с китайским партнером. Однако Россия до сих пор находится в высокой зависимости от сырьевого экспорта, в то время как доля ее несырьевого неэнергетического экспорта по сравнению с другими странами довольно низка.

В процессе исследования было определено, что товарная структура российского экспорта нуждается в трансформации путем переориентации экспортно-сырьевой модели на поставки продукции отраслей агропромышленного комплекса и обрабатывающей промышленности. Чтобы отечественные производители могли воспользоваться открывающимися возможностями, необходимо разработать комплекс мероприятий и создать условия по привлечению к участию в экспортной деятельности российских регионов и местных производителей [Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А., 2018, с. 63].

Приняв во внимание традиционную международную специализацию России и ее производственный потенциал, было определено, что к предметам несырьевого экспорта с наибольшим потенциалом роста относятся продовольственные товары, продукция металлообрабатывающей и химической промышленности. Вместе с тем наблюдается слабый интерес со стороны китайского партнера в готовых изделиях лесопромышленной отрасли, несмотря на высокий спрос на пиломатериалы.

Для того, чтобы Россия могла успешно развивать несырьевой экспорт, необходимо прежде всего решить проблемы транспортных и ресурсных ограничений. Кроме того, в силу низкого уровня узнаваемости отечественных брендов за рубежом производители сталкиваются с барьером восприятия товара со стороны потребителей, что также оказывает негативное воздействие на способность успешно конкурировать на зарубежных рынках [Паначева А.С., Самойленко П.Ю., 2018, с. 79].

В заключение следует отметить, что китайская стратегия «двойная циркуляция» в перспективе способна оказать позитивный эффект

на национальную безопасность России путем наращивания импорта российских несырьевых товаров. Однако для этого требуется разработка комплекса мероприятий по перестройке товарной структуры российского экспорта с увязкой на внутренний рынок крупнейшего торгового партнера.

Библиографический список

Аналитический портал «Экспорт регионов». URL: <http://regionstat.exportcenter.ru/> (дата обращения: 15.12.2021).

Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BME_59_web.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 57—70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4.

Елисеева М.В. Перспективы развития несырьевого неэнергетического экспорта России в Китай // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 11. С. 29—32. DOI 10.37882/2223—2974.2021.11.12.

Паначева А.С., Самойленко П.Ю. Проблемы брендинга дальневосточных товаров и услуг в рамках современной российской политики «Восточного вектора» // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 2(83). С. 75—85. DOI: 10.17238/ISSN1815-0683.2018.2.75.

Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 16.11.2021).

Фомин Д.А. Современный валютный кризис в России // ЭКО. 2015. № 6 (492). С. 57—74.

Цзинцзисюецзя цзеду “Шисю” гуйхуа хэ 2035 нянь юаньцзинмубяо ганяо [Экономисты интерпретируют “14-ю пятилетку” и основные долгосрочные цели на 2035 год] // *The State Council of the PRC*. 14.03.2021. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-03/14/content_5592819.htm (дата обращения: 19.12.2021). (На кит.)

Цзиньци цюаньго вэйшэньмэ тиндянь цзэньмэ хуэйши 2021 цюаньго цюэдянь сяндянь бэйхоу юаньинь [Почему в стране в последнее время отключают электричество? Причины дефицита и сокращения электроэнергетики в 2021 г.]. URL: <http://m.mnw.cn/news/china/2520758.html> (дата обращения: 19.12.2021). (На кит.)

Changes in the Regional Structure of China's Domestic Market and Implications // *World Economy Brief*. 2021. Vol.11. No 36. P. 1—7.

References

Analiticheskij portal “Eksport regionov” [Analytical portal “Export of regions”] URL: <http://regionstat.exportcenter.ru/> (accessed: December 15, 2021). (In Russian)

Byulleten' o tekushchih tendenciyah mirovoj ekonomiki [Bulletins on Current Trends in Global Economy]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BME_59_web.pdf (accessed: November 12, 2021). (In Russian)

Gulin K.A., Yakushev N.O., Mazilov E.A. (2018). Aktivizaciya ekonomicheskogo rosta v regionah RF na osnove stimulirovaniya razvitiya nesyr'evogo eksporta [Promoting economic growth in regions of the Russian Federation by boosting the development of non-resource-based exports], *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, Vol. 11, No. 3: 57—70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4 (In Russian)

Eliseeva M.V. (2021). Perspektivy razvitiya nesyr'evogo neenergeticheskogo eksporta Rossii v Kitaj [The prospects of the Russian non-raw-materials, non-energy exports development to China., *Modern Science: Topical Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, No 11: 29—32. DOI 10.37882/2223—2974.2021.11.12 (In Russian)

Fomin D.A. (2015). Sovremennyy valyutnyj krizis v Rossii [Modern currency crisis in Russia] // *EKO*, No 6 (492): 57—74. (In Russian)

Panacheva A. S., Samoylenko P. Yu. (2018). Problemy brendirovaniya dal'nevostochnyh tovarov i uslug v ramkah sovremennoj rossijskoj politiki “Vostochnogo vektora” [The Topical Issues of Branding the Far Eastern Goods and Services within the Framework of the Current Russian Policy “Pivot to the East”]. *Customs Policy of Russia in the Far East*, No 2(83): 75—85. DOI: 10.17238/ISSN1815-0683.2018.2.75 (In Russian)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.07.2020 № 474 “O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda” [Presidential Decree No. 474 On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BME_59_web.pdf (accessed: November 16, 2021). (In Russian)

Jingji xue jia jiedu “Shisiwu” guihua he 2035 nian yuanjing mubiao gangyao [Economists' interpretation of the 14th Five-Year Plan and the outline of 2035 long-term goals]. *The State Council of the PRC*. 04.03.2021. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-03/14/content_5592819.htm (accessed: December 19, 2021). (In Chinese)

Jinqi quango weishenme tingdian zenme huishi 2021 quanguo quedian xiandian beihou yuanyin [Why is there a power outage in the country recently? The reason behind the national power shortage and curtailment in 2021]. URL: <http://m.mnw.cn/news/china/2520758.html> (accessed: 19 December, 2021). (In Chinese).

Changes in the Regional Structure of China's Domestic Market and Implications // *World Economy Brief*. 2021. Vol.11. No 36: 1—7.

Л.В. Захарова

VIII СЪЕЗД ТРУДОВОЙ ПАРТИИ КОРЕИ И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Аннотация. В северокорейской системе Трудовая партия Кореи (ТПК) играет руководящую роль в определении направлений и методов экономического развития страны. Представлен анализ экономической повестки VIII съезда Трудовой партии Кореи, прошедшего в январе 2021 г. На основе изучения официальных северокорейских источников рассмотрены преиспещенность и инновации в экономическом курсе ТПК в условиях международной изоляции, вызванной санкциями и пандемией коронавируса. Вместо невыполненной стратегии экономического развития на 2016—2020 г. на VIII съезде ТПК, который лидер назвал «съездом борьбы», было объявлено о новом пятилетнем плане экономического развития страны, главная цель которого заключается в продолжительном экономическом росте и значительном улучшении жизни народа. Концептуальной основой плана 2021—2025 гг. ожидаемо является опора на собственные силы, а стратегической целью — удовлетворение спроса за счет собственного производства. При этом предполагается дальнейшая централизация экономической системы под управлением Кабинета министров. Представляется, что одним из острейших вопросов при реализации планов экономического развития КНДР на ближайшую пятилетку неизбежно станет поиск источников инвестиций. А поскольку внешние источники недоступны из-за международных санкций, руководству страны придется изыскивать внутренние резервы, определяя приоритетность решения поставленных задач. Судя по материалам VIII съезда, руководство КНДР стремится сделать государство макси-

мально самодостаточным в экономическом плане, выдвигая это в ранг политической задачи. Подобная постановка вопроса потенциально сужает возможности для вовлечения Северной Кореи в международное экономическое сотрудничество, закрепляя изоляционистскую позицию страны на международной арене.

Ключевые слова: КНДР, Ким Чен Ын, экономическая политика, Трудовая партия Кореи, импортозамещение, опора на собственные силы.

Автор: Захарова Людмила Владимировна, к.э.н., ученый секретарь ИКСА РАН, в.н.с. Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0001-6164-3518.
E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Zakharova L. V.

Eighth Congress of the Workers' Party of Korea and Its Economic Agenda

Abstract. The Workers' Party of Korea (WPK) plays a leading role in determining the direction and methods of North Korea's economic development. The article examines the economic agenda of the WPK's Eighth Congress held in January 2021. The author analyzes official North Korean sources to identify the continuity and innovations in the economic course of the WPK amid international isolation caused by sanctions and the coronavirus pandemic. At the Eighth Congress the WPK's Chairman Kim John-un announced a new five-year plan for the country's economic development, the main goal of which is a long-term economic growth and significant improvement in the people's living conditions. The main concept of the 2021—2025 economic plan is self-reliance, and the strategic goal is to meet the country's demand through domestic production. Further centralization of the economic system under the Cabinet's control is expected. One of the most pressing issues in the implementation of the DPRK's economic development plan for the next five years is likely to be a search for investment sources. Since foreign capital flows are not available due to international sanctions, the country's leadership will have to find internal reserves, prioritizing the implementation of the announced tasks. Judging by the published reports on the Eighth Congress, the DPRK's leadership is striving to make the state as economically self-sufficient as possible, putting this forward as a political task. Such framing potentially narrows the possibilities for engaging North Korea in international economic cooperation, reinforcing the country's isolationist position in the international arena.

Keywords: DPRK, Kim Jong-un, economic policy, Workers' Party of Korea, import-substitution, self-reliance.

Author: Liudmila V. ZAKHAROVA, Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-6164-3518 (e-mail: ludmila_hph@rambler.ru).

В северокорейской системе Трудовая партия Кореи играет руководящую роль в определении направлений и методов экономического развития страны. Например, в декабре 2019 г. на 5-м пленуме ЦК ТПК 7-го созыва лидер партии Ким Чен Ын подчеркивал, что работа Кабинета министров КНДР есть дело ЦК партии, а выполнение решений ЦК партии есть дело Кабинета министров [Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK]. В подобной конфигурации изучение экономической повестки основных форумов ТПК играет важную роль для понимания тенденций и проблем развития экономики КНДР. Партийные съезды до недавнего времени были скорее редким для Северной Кореи явлением. VII съезд ТПК прошел в 2016 г., через 36 лет после проведения VI съезда в 1980 г. Таким образом, в период правления Ким Чен Ира (1994—2011 гг.) партийные съезды не собирались вовсе. Его сын Ким Чен Ын решил, однако, возобновить традицию проведения крупных партийных мероприятий, причем сделать их регулярными — раз в 5 лет.

VIII съезд ТПК прошел в Пхеньяне в январе 2021 г. На нем были подведены итоги развития КНДР за предшествовавшие 5 лет и утверждены задачи на будущее. В начале съезда председатель ТПК Ким Чен Ын выступил с Отчетным докладом ЦК партии, длившимся 9 часов. Северокорейские СМИ назвали этот доклад «великой практической программой», в которой были выделены как проблемы, так и задачи на пути дальнейшего продвижения вперед дела социализма корейского образца [On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK]. В открытой печати оказалась лишь часть выступления Ким Чен Ына, которая тем не менее дает представление об основных задачах экономической политики КНДР на современном этапе.

По традиции Отчетный доклад был начал с освещения достижений предыдущего отчетного периода (с момента проведения VII съезда ТПК в 2016 г.). Ким Чен Ын подчеркнул, что стратегия опоры на собственные силы стала «политической линией», которой необходимо постоянно придерживаться в социалистическом строительстве. И хотя не все стратегические цели в сфере экономического строительства были достигнуты, была создана «ценная основа, позволяющая в будущем продолжать экономическое развитие собственными сила-

ми». В области управления экономикой были приняты меры по усилению единого руководства и стратегического управления со стороны государства. Северокорейский лидер также обозначил основные успехи по отраслям народного хозяйства. В частности, в 2016—2020 гг. особое значение в КНДР придавалось строительству как «важному политическому делу», благодаря чему существенно обновился облик страны. Несмотря на продолжавшиеся стихийные бедствия и дефицит материалов, в области сельского хозяйства опора на «научное ведение земледелия» позволила собрать беспрецедентный урожай зерна. В металлургической и химической промышленности — «двух опорах самостоятельной экономики» — был сделан рывок для осуществления чучхезации и самостоятельности. Был достигнут ряд успехов в технической подготовке и закладке фундамента для «поднятия» областей электропромышленности, угольной промышленности, машиностроительной промышленности и железнодорожного транспорта, для развития области информационной связи. В легкой промышленности были реконструированы главные заводы и предприятия, что обеспечило потенциал для значительного повышения качества и увеличения производства товаров народного потребления, а в области морского промысла был заложен фундамент для систематического увеличения производства [On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK].

Второй («За радикальное продвижение вперед строительства социализма») из четырех ключевых разделов Отчетного доклада был посвящен экономической сфере. Председатель ТПК признал, что поставленные в целях достижения экономического роста задачи были значительно не довыполнены в отчетный период. Среди объективных причин северокорейский лидер выделил последствия международных санкций, стихийные бедствия и «мировой кризис в области здравоохранения» (пандемию коронавируса, в условиях которой КНДР плотно закрыла свои границы, чтобы минимизировать контакты с внешним миром). В результате государственные капиталовложения в поднятие ведущих отраслей экономики не были осуществлены, а заметный прогресс в улучшении жизни населения не был достигнут.

Среди субъективных факторов ЦК партии выявил проблемы с точностью планирования в рамках стратегии экономического развития на 2016—2020 гг., а также пришел к выводу о том, что «наука и техника на практике не играли роли локомотива экономического дела страны, а работа по упорядочению и дополнительному усовершенствованию нерациональной системы и режима экономического дела не продвинулась вперед, как следует» [On Report Made by Supreme Leader

Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK]. Переводя на обычный язык, это может означать, что установленные на 2016—2020 гг. экономические показатели оказались превышены и поэтому не были достигнуты, задача перехода на отечественное сырье путем технологических инноваций не была решена в полной мере, как не удалось и рационально отладить планово-рыночный механизм функционирования современной северокорейской экономики.

Вместо невыполненной стратегии экономического развития на 2016—2020 г. на VIII съезде ТПК, который лидер назвал «съездом борьбы», было объявлено о новом пятилетнем *плане* экономического развития страны, главная цель которого заключается «в продолжительном экономическом росте и значительном улучшении жизни народа» [On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK]. Концептуальной основой плана 2021—2025 гг. ожидаемо является опора на собственные силы, а стратегической целью — удовлетворение спроса за счет собственного производства. При этом предполагается дальнейшая централизация экономической системы под управлением Кабинета министров. Основными задачами новой пятилетки стали:

- сосредоточить инвестиции на металлургической и химической промышленности;
- обеспечить ритмичность производства во всех отраслях;
- укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства;
- обеспечить легкую промышленность достаточным количеством сырья и материалов для увеличения производства товаров народного потребления.

В своем выступлении Ким Чен Ын озвучил и конкретные приоритеты и задачи по ключевым отраслям. В металлургии и химической промышленности — ожидаемый фокус на продолжении перестройки производственных процессов на основе отечественного сырья (чугун-железо и одноуглеродная химическая промышленность). Для увеличения выработки электроэнергии планируется осуществление государственных инвестиций в строительство приливных ГЭС, а также работа по созданию ядерной энергетики. В угольной и добывающей промышленности — геологоразведка и увеличение выработки. Машиностроение, некогда «сердцевина» северокорейского промышленного комплекса, призвано производить различные «современные и эффективные» машины для различных нужд экономики. Перед легкой промышленностью приоритетом объявлено импортозамещение, а также переработка сырья и материалов. Продолжается курс на крупномасштабное строительство, включая строительство

жилых домов. В период выполнения плана 2021—2025 гг. ставится цель построить 50 000 квартир в Пхеньяне, чтобы полностью решить жилищный вопрос в столице, а также развернуть строительство нужных народу объектов в каждом районе страны [On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK].

Для решения продовольственной проблемы перед сельским хозяйством ставится задача увеличения производства, а ирригация и механизация вновь выдвигаются в качестве важных стратегических задач в аграрном секторе. Для достижения самообеспеченности по зерновым правительство КНДР ранее ставило цель по сбору урожая в 7 млн т, однако достичь ее пока не удается как из-за ежегодных природных катаклизмов (наводнения и засухи), так и из-за нехватки сельскохозяйственных материалов и низкого уровня механизации. В 2020 г. производство зерновых в КНДР составило лишь 5,52 млн т, а в 2019 г., по северокорейским данным, был собран рекордный урожай (крупнейший за последние 10 лет) — 6,65 млн т [Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review...]. В докладе на VIII съезде ТПК Ким Чен Ын отдельно коснулся политических вопросов по повышению производительного энтузиазма сельскохозяйственных тружеников и усилению государственной поддержки деревни, а в заключительной речи на съезде поставил цель — в ближайшие 2—3 года выполнить ежегодный государственный план обязательной заготовки на уровне 2019 г.

Главной задачей во внешнеэкономической деятельности было объявлено «дополнительное усовершенствование и укрепление фундамента и потенциала самостоятельной экономики». В 2016 г. задачи были совсем другие — улучшать внешнеторговую структуру в направлении повышения удельного веса экспортной продукции, торговли технологиями и услугами, а также организовывать совместное производство для внедрения передовых технологий и стимулирования экономического развития.

Среди знаковых отличий экономической повестки VIII съезда ТПК от VII съезда ТПК можно отметить следующие пункты.

Во-первых, сокращение количества приоритетных сфер. Ключевым звеном и объектом приложения инвестиций провозглашены лишь металлургическая и химическая промышленности (с присущим упором на чучейский характер производства), что свидетельствует о серьезной ограниченности государственных ресурсов. В то же время продукция металлургической и химической промышленности используется в других отраслях, и импортозамещающую перестройку всей экономики логично начать с этих базовых секторов. КНДР обла-

дает значительными запасами разнообразных минеральных ресурсов, необходимых для функционирования металлургической и химической промышленности на отечественном сырье. Сложно осуществимой представляется задача заменить нефть, запасов которой (как и природного газа) в стране нет.

Во-вторых, намного скромнее стали цели в области внешнеэкономических связей. При этом выдвинута задача считать импортозамещение, переработку сырья и материалов «жизненной артерией». Это отражает объективные условия внешней среды для КНДР. Если до 2020 г. внешнеэкономические связи являлись одним из факторов развития северокорейской экономики, то после закрытия границы в начале 2020 г. прекратился въездной туризм, ставший одним из источников иностранной валюты в условиях санкций, а объем внешней торговли страны сократился до уровня начала XXI века.

В-третьих, подчеркивается необходимость восстановить главную роль и контролируемую способность государства в деятельности торгового обслуживания, а также ресторанного и бытового сервиса, сферах, где довольно распространен частный капитал. Выстраивается курс на восстановление и укрепление системы управления экономикой под единым контролем государства и повышение роли Госплана. В то же время руководство КНДР подчеркивает важность использования экономических рычагов, не отказываясь от достижений прошлого периода, когда автономия предприятий была существенно расширена.

В целом, на основании анализа материалов VIII съезда ТПК, опубликованных в открытой печати, можно было сделать выводы о продолжении прежнего курса руководства КНДР на укрепление самостоятельности северокорейской экономики и использование современных технологий для импортозамещения и оптимизации производства, а также о некотором изменении курса в отношении внешних связей и использования рыночных механизмов. Как отмечает известный специалист по северокорейской экономике Р. Франк, материалы съезда фиксируют тенденцию к усилению централизованного государственного управления экономикой (перспективы рыночных реформ не просматриваются) и снижению значения внешних связей в планах экономического развития КНДР [Frank, 2021a].

На 2-м пленарном заседании ЦК ТПК в феврале 2021 г. Ким Чен Ын уделил особое внимание правильному планированию для достижения поставленных на VIII съезде экономических целей, раскритиковав Кабинет министров за завышение показателей для одних отраслей и занижение целевых установок для других. Генераль-

ный секретарь ТПК подчеркнул, что халатность органов хозяйственного руководства и перекладывание ими ответственности на низшие звенья могли бы привести к постепенному исчезновению контрольной власти государства и к «подталкиванию государственных предприятий к незаконному зарабатыванию денег». В связи с этим северокорейский лидер подчеркнул важность «централизованного и единого контроля за продукцией всех отраслей народного хозяйства и предприятий» со стороны Кабинета министров и Госплана [Let Us Adorn First Year's Advance for Implementing Decisions Made at Party Congress...]. Вкупе с вновь прозвучавшим призывом бороться с антисоциалистическими и несоциалистическими явлениями проглядывалась настрой руководства КНДР усилить государственный контроль за экономикой.

При этом за прошедшие 10 лет пребывания молодого лидера у власти в КНДР было официально расширено использование рыночных механизмов в экономике, а часть из них была инкорпорирована в систему государственного планирования [Yang, 2021, p. 23]. И хотя полноценная реформа экономической системы не была проведена, рыночная активность хозяйствующих субъектов («экономическая активность вне плана») была институционализована и служила достижению главных целей экономического развития страны. В связи с этим одним из направлений реализации пятилетнего плана неизбежно станет организационная работа по постановке возросшей самостоятельности предприятий под более жесткий государственный контроль.

В материалах съезда, опубликованных в открытой печати, не были указаны конкретные желаемые показатели темпов роста экономики. При этом в официальном «Добровольном национальном обзоре КНДР по реализации Повестки 2030», представленном Пхеньяном в ООН в июне 2021 г., указано, что целевым показателем экономического роста для Северной Кореи является ежегодное увеличение ВВП на душу населения более чем на 5 % [Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review...]. Для КНДР это довольно амбициозная цель, учитывая текущие внутренние и внешние условия. На сессии Верховного народного собрания КНДР, прошедшей 17 января 2021 г., вскоре после VIII съезда ТПК, был утвержден план государственного бюджета страны на год [Report Made on Fulfillment of State Budget for Last Year and on State Budget for This Year]. Рекордно низкий ожидаемый прирост доходов госбюджета на 2021 г. — 0,9 % — являлся явным свидетельством признания руководством страны сложных экономических условий [Frank, 2021b]. В предшествовавшее десяти-

летие темпы роста доходов госбюджета составляли от 3 до 8 % в год [Lee, 2021, p. 60].

Представляется, что одним из острейших вопросов при реализации планов экономического развития КНДР на ближайшую пятилетку неизбежно станет поиск источников инвестиций. А поскольку внешние источники недоступны из-за международных санкций, руководству страны придется изыскивать внутренние резервы, определяя приоритетность решения поставленных задач. Судя по материалам VIII съезда, руководство КНДР стремится сделать государство максимально самодостаточным в экономическом плане, выдвигая это в ранг политической задачи. Подобная постановка вопроса потенциально сужает возможности для вовлечения Северной Кореи в международное экономическое сотрудничество, закрепляя изоляционистскую позицию страны на международной арене.

Библиографический список

Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review On the Implementation of the 2030 Agenda. June 2021 // UN Department of Economic and Social Affairs. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

Frank, Rudiger. Key Results of the Eighth Party Congress in North Korea (Part 1 of 2) // 38 North. 15.01.2021. URL: <https://www.38north.org/2021/01/key-results-of-the-eighth-party-congress-in-north-korea-part-1-of-2/> (дата обращения: 08.02.2022).

Frank, Rudiger. SPA Session: Lowest Official Growth Rate in Decades // 38 North. 22.01.2021. URL: <https://www.38north.org/2021/01/spa-session-lowest-official-growth-rate-in-decades/> (дата обращения: 08.08.2021).

Lee, Jongkyu. North Korea's Fiscal Shock: What are the Economic Implications? // 2020/2021 the DPRK Economic Outlook. Ed. by Suk Lee. Korea Development Institute. P. 56—79.

Let Us Adorn First Year's Advance for Implementing Decisions Made at Party Congress with Proud Innovation and Progress Report on 2nd Plenary Meeting of 8th Central Committee of WPK // KCNA. 12.02.2022.

On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK // KCNA. 09.01.2021.

Report Made on Fulfillment of State Budget for Last Year and on State Budget for This Year // Rodong Sinmun. 18.01.2021.

Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK // KCNA. 01.01.2020.

Yang, Moon-Soo. The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation. Korea Development Institute. Working Paper. June 2021. 23 p.

References

Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review On the Implementation of the 2030 Agenda (2021). *UN Department of Economic and Social Affairs*. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (accessed: 8 August, 2021).

Frank, Rudiger (2021a). Key Results of the Eighth Party Congress in North Korea (Part 1 of 2) // 38 North. 15.01.2021. URL: <https://www.38north.org/2021/01/key-results-of-the-eighth-party-congress-in-north-korea-part-1-of-2/> (accessed: August 8, 2021).

Frank, Rudiger (2021b). SPA Session: Lowest Official Growth Rate in Decades // 38 North. 22.01.2021. URL: <https://www.38north.org/2021/01/spa-session-lowest-official-growth-rate-in-decades/> (accessed: August 8, 2021).

Lee, Jongkyu (2021). North Korea's Fiscal Shock: What are the Economic Implications? *2020/2021 the DPRK Economic Outlook*, ed. by Suk Lee, Korea Development Institute: 56—79.

Let Us Adorn First Year's Advance for Implementing Decisions Made at Party Congress with Proud Innovation and Progress Report on 2nd Plenary Meeting of 8th Central Committee of WPK // KCNA. 12.02.2022.

On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK // KCNA. 09.01.2021.

Report Made on Fulfillment of State Budget for Last Year and on State Budget for This Year // Rodong Sinmun. 18.01.2021.

Report on 5th Plenary Meeting of 7th C.C., WPK // KCNA. 01.01.2020.

Yang, Moon-Soo (2021). The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation, Korea Development Institute, Working Paper. 23 p.

Л.К. Купина

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Рассмотрена динамика развития внешнеэкономических инициатив Республики Корея по отношению к Центральной Азии. Окончание холодной войны с нормализацией отношений между Южной Кореей и СССР сформировали предпосылки для сближения Сеула с независимыми центральноазиатскими республиками. Первое десятилетие инерционного развития связей сменилось вниманием к региону в XXI веке и началом концептуализации южнокорейских подходов к взаимодействию с Центральной Азией в связи со стремлением обеспечить доступ к богатым природным ресурсам региона и закрепиться на относительно крупных рынках. Первой внешнеэкономической концепцией Сеула в Центральной Азии стала «Всеобъемлющая центральноазиатская инициатива» президента Но Му Хёна, интерес к региону сохранился во внешнеполитическом курсе президента Ли Мён Бака с проектами «Новой азиатской инициативы» и «Нового Шелкового пути», в «Евразийской инициативе» и проекте «Экспресс Шелкового пути» президента Пак Кын Хе. «Новая северная политика» президента Мун Чжэ Ина также предусматривает региональную стратегию взаимодействия по отношению к Центральной Азии с топливно-энергетическими и инфраструктурными проектами. Практические результаты реализации внешнеэкономических инициатив способствовали достижению изначальных целей Республики Корея по обеспечению поставок энергоресурсов из региона и выходу южнокорейской промышленной продукции на новые экспортные рынки. В то же время для дальнейшего развития и расширения взаимодействия с Центральной Азией необходима актуализация внешнеэкономических инициатив с включением новых высокотех-

нологических сфер сотрудничества для обеспечения сбалансированного и долгосрочного присутствия Республики Корея в регионе.

Ключевые слова: Республика Корея, Центральная Азия, внешняя политика, внешнеэкономическая стратегия, торгово-экономическое сотрудничество, Новая Северная Политика.

Автор: Купина Людмила Константиновна, м.н.с., выпускник аспирантуры, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). ORCID: 0000-0002-0467-602X.

E-mail : kupina.liudmila@gmail.com

Kupina L.K.

Evolution of Foreign Economic Strategy of the Republic of Korea towards Central Asia

Abstract. The article studies the dynamics of development of foreign economic initiatives of the Republic of Korea towards the Central Asian region. The end of the Cold War and the normalization of relations between South Korea and the USSR formed the basis for further rapprochement of Seoul with newly independent Central Asian republics. After a first decade of mostly inertial contacts, attention to the region started to grow in the XXI century with the beginning of proper conceptualization of South Korean approaches to cooperation with Central Asia with a wish to gain access to the abundant natural resources in the region, as well as to secure a position for South Korean exports on relatively large regional markets. The first foreign economic concept of Seoul towards Central Asia was the “Comprehensive Central Asian Initiative” proposed by the President Roh Moo Hyun, the interest towards the region was continuously present in the subsequent foreign policy courses of President Lee Myung Bak with the projects of the “New Asian Initiative” and “New Silk Road”, as well as in the “Eurasian Initiative” and the “Silk Road Express” projects by President Park Geun Hye. The “New Northern Policy” of President Moon Jae In also provides a regional strategy towards Central Asia with projects in the fuel and energy sector, as well as infrastructure modernisation. Overall, the practical results of the implementation of foreign economic initiatives contributed to the achievement of the initial goals of the Republic of Korea to ensure the supply of energy resources from the region and the entry of South Korean manufactured products to new export markets. However, in order to ensure further development and expansion of relations with Central Asia, foreign economic initiatives must be updated with new high-technology areas of cooperation to secure balanced and long-term presence of the Republic of Korea in the region.

Keywords: Republic of Korea, Central Asia, foreign policy, foreign economic strategy, trade and economic relations, New Northern Policy.

Author: Liudmila K. KUPINA, Junior Researcher, graduate school alumni, the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN).
ORCID: 0000-0002-0467-602X (e-mail: kupina.liudmila@gmail.com).

Центральная Азия — относительно новый вектор южнокорейской внешней политики, возникший при общей трансформации геополитического климата в конце XX века после окончания холодной войны. Предпосылки южнокорейской внешней политики по отношению к Центральнo-Азиатскому региону впервые сформировались в ходе нормализации контактов Сеула с социалистическими странами в рамках реализации «Северной политики» президента Ро Дэ У в 1988—1993 гг. Сближение Республики Корея с СССР заложило положительную основу для взаимодействия и способствовало последующему формированию связей с независимыми постсоветскими государствами и установлению дипломатических отношений Сеула с центральноазиатскими республиками в 1992 г. Стоит отметить, что вплоть до начала XXI века Центральная Азия не занимала значительные позиции во внешнеполитических интересах Сеула. Необходимость преодоления национального экономического кризиса, нестабильное политическое и экономическое положение в центральноазиатских республиках не способствовали активному развитию связей. Отношения между сторонами развивались инерционно с поддержкой контактов с Узбекистаном и Казахстаном как странами с относительно крупными региональными экономиками. Внимание к региону вернулось в начале XXI века и было вызвано растущей необходимостью обеспечения энергетической безопасности экономики Республики Корея, зависящей от поставок топлива из-за нехватки собственных ресурсов с существенной долей импорта из региона Ближнего Востока, а также конкуренцией с соседними странами (КНР и Японией) за доступ к источникам энергоресурсов [Calder, Kim]. Для удовлетворения потребности национальной экономики в энергоресурсах и расширения производственных и инвестиционных сетей Республика Корея перешла к развитию многосторонней внешнеэкономической стратегии с поиском новых экономических партнеров.

Центральная Азия во внешней политике президента Но Му Хёна

Первая полноценная концепция внешнеэкономической стратегии Республики Корея по отношению к Центральной Азии с практи-

ческими шагами по её реализации была впервые предложена президентом Но Му Хёном, выразившим готовность к развитию экономического взаимодействия с республиками региона для достижения мира и процветания в Северо-Восточной Азии. Озвученная в 2006 г. «Всеобъемлющая центральноазиатская инициатива» предусматривала создание «опорного пункта» в Центральной Азии для продвижения Южной Кореи на Евразийский континент с целью обеспечения долгосрочных поставок энергоресурсов. Реализация предложенной инициативы предполагалась через укрепление двусторонних связей в рамках дипломатических контактов на высшем уровне, выработку дифференцированного подхода Сеула к странам региона в зависимости от их национальных особенностей, укрепление бизнес-сотрудничества и поддержки перспективных отраслей с производственными преимуществами, формирование юридической и организационной базы для укрепления инфраструктуры сотрудничества, а также изучение возможностей распространения южнокорейского опыта экономического развития в центральноазиатских республиках [Fumagalli]. Кроме того, немаловажной практической инициативой южнокорейской стороны также стало создание в конце 2007 г. ежегодного форума «Центральная Азия — Республика Корея» как консультационного совета для расширения фактического и будущего сотрудничества с целью процветания Республики Корея и Центральной Азии. Результативность предложенного формата к взаимодействию с регионом подтверждается дальнейшим укреплением контактов между сторонами в рамках данного форума, что способствовало созданию в Сеуле в конце 2016 г. постоянного органа взаимодействия с целью институционализации проводимой работы и поддержки реализации достигаемых на форуме соглашений — Секретариата форума [Секретариат Форума Сотрудничества...].

Центральноазиатские приоритеты президента Ли Мён Бака

Общий внешнеполитический курс президента Ли Мён Баке был направлен на закрепление позиций Республики Корея на международном уровне с признанием южнокорейских экономических достижений и готовностью страны к полноправному участию в инициативах мирового сообщества. Проактивный и прагматичный подход внешней политики характеризовался стремлением к практической результативности к сотрудничеству с зарубежными партнерами. Для расширения влияния Сеула за рамки традиционного регионального интереса к Северо-Восточной Азии и превращения Южной Кореи как

«средней державы» в центр региональной торговли в 2009 г. южнокорейским правительством была предложена «Новая азиатская инициатива», направленная на укрепление сотрудничества с новыми торговыми партнерами в удаленных регионах, одним из которых была обозначена Центральная Азия [Hwang]. Развитие отношений с Центрально-Азиатским регионом также происходило в рамках инициативы «Нового Шелкового пути» и реализацию ресурсной дипломатии, при этом двусторонние контакты с Узбекистаном и Казахстаном были обозначены приоритетными формами взаимодействия с региональными партнерами для обеспечения национальной энергетической безопасности [Fumagalli]. Несмотря на смешанные оценки внешнеполитического курса президента Ли Мён Бака, взаимодействие Сеула с Ташкентом и Нур-Султаном в данный период было достаточно результативным, так как достигнутые с активной государственной поддержкой договоренности с центральноазиатскими республиками позволили южнокорейским корпорациям укрепить свой доступ к энергоресурсам и к промышленной инфраструктуре региона.

Евразийский внешнеполитический вектор президента Пак Кын Хе

Следующим президентом Республики Корея Пак Кын Хе в 2013 г. была представлена «Евразийская инициатива» как масштабная южнокорейская внешнеэкономическая стратегия по отношению к Евразийскому пространству для достижения продолжительного процветания стран Большой Евразии. Целями предложенной инициативы являлись достижение мира и процветания на Корейском полуострове, а также поддержка креативности как нового двигателя экономического роста. Для формирования «единого континента, креативного континента, мирного континента» предполагалось создание единой системы транспортных, энергетических и торговых сетей Евразии. Новая инициатива также предусматривала реализацию крупного проекта «Экспресс Шелкового пути» по соединению транспортных сетей от Корейского полуострова до Европы, а также формированию новых морских путей через Северный Ледовитый океан. Транспортная интеграция должна была способствовать постепенному устранению торговых барьеров, что в итоге привело бы к созданию единой зоны свободной торговли в Большой Евразии. Успешная реализация амбициозной «Евразийской инициативы» позволила бы снизить напряжение на Корейском полуострове за счет вовлечения КНДР в многосторонние экономические проекты, укрепить экономическую интеграцию

на евразийском пространстве и привести к развитию более сбалансированных внешнеэкономических отношений Сеула через сотрудничество со странами Центральной Азии, Россией и Европой [Kim]. В то же время практическое осуществление «Евразийской инициативы» не принесло существенных результатов. Ужесточение международных санкций в отношении КНДР в 2016 г. привело к остановке большинства проектов инициативы с участием Пхеньяна, что сделало внешнеэкономическую стратегию де-факто нереализуемой [Snyder].

Центральная Азия в «Новой северной политике» президента Мун Чжэ Ина

В настоящее время президент Республики Корея Мун Чжэ Ин также выражает заинтересованность в расширении направлений южнокорейской внешней политики. Представленная в 2017 г. «Новая Северная политика» направлена на экономическое соединение Южной Кореи с большим евразийским пространством. Реализация данной стратегии предусматривает осуществление плана «9 мостов» с проектами в 9 ключевых отраслях: развитие железнодорожного транспорта, диверсификация поставок природного газа, строительство и модернизация морских портов, создание широкой электроэнергетической сети в Северо-Восточной Азии, развитие судостроительства, расширение сельскохозяйственного сотрудничества, поддержка рыболовства, создание индустриального комплекса на Дальнем Востоке и развитие Северного морского пути [The Presidential Committee...]. Несмотря на то, что важная роль в реализации «Новой северной политики» отведена сотрудничеству с Россией, Южная Корея также выделяет отдельные региональные стратегии, в которые также входит план по отношению к республикам Центральной Азии. В основе формирования современного внешнеэкономического подхода Сеула по отношению к Центрально-Азиатскому региону лежат политические и дипломатические связи на основе исторической и культурной близости, наличие существенного потенциала экономического роста и развития промышленной инфраструктуры, а также возможность формирования продолжительных и взаимовыгодных отношений. Приоритетными сферами сотрудничества обозначены разработка природных ресурсов и развитие инфраструктуры в регионе с предлагаемыми для реализации проектами южнокорейского крупного бизнеса в отраслях нефтехимии и нефтепереработки, инфраструктурных проектов по строительству дорог, аэропортов и теплоэлектроцентралей. Кроме того, для увеличения положительного эффекта от реализации регио-

нальной внешнеэкономической стратегии подразумевается её сопряжение с национальными программами экономической модернизации центральноазиатских республик. Для укрепления межгосударственных контактов и поддержки участия частного сектора в озвученных инициативах предлагается поддержка со стороны южнокорейских правительственных консультативных органов с активной ролью форума «Центральная Азия — Республика Корея» и его секретариата [The Presidential Committee...]. Особенностью современной «Новой северной политики» является её взаимодополняемость по отношению к существующим евразийским внешнеэкономическим программам других региональных игроков, таких как КНР и ЕС, поскольку возможное сопряжение инициатив будет способствовать положительному синергетическому эффекту при реализации «Новой северной политики» [Pardo].

Стоит отметить, что практическое осуществление центральноазиатского вектора «Новой северной политики» в целом не принесло значительных результатов. Непосредственное внимание Сеула к Центральной Азии было обращено только в июне 2019 г., после официальных визитов президента Мун Чжэ Ина в регион, однако существенных прорывов в реализации стратегии не последовало [The Presidential Committee...]. Пандемия коронавирусной инфекции с конца 2019 г. де-факто заморозила осуществление сотрудничества между сторонами, активизация интереса к отношениям с Центральной Азией вернулась лишь в середине 2020 г. со стремлением к формированию среднесрочной и долгосрочной модели сотрудничества с Монголией и Центральной Азией, а также заключением двусторонних и многосторонних торговых соглашений [S.Korea to Actively Pursue...].

Итоги реализации и дальнейшие перспективы внешнеэкономических инициатив Республики Корея в Центральной Азии

Несмотря на то, что Центральная Азия является достаточно новым направлением южнокорейской внешней политики, сохраняющее внимание к региону со стороны Сеула способствует развитию взаимодействия между сторонами. Интерес Республики Корея обусловлен не только экономическими целями, но и общим стремлением к расширению своего присутствия на мировой арене как «средней державы» с выходом за рамки традиционного региона внешнеполитических интересов в Северо-Восточной Азии и развитием связей с но-

выми зарубежными партнерами. Изначальный прагматичный подход к внешнеэкономическому сотрудничеству с отсутствием политических амбиций Сеула в регионе соответствовал приоритетам центральноазиатских республик по диверсификации международных отношений и привлечению зарубежных инвестиций, а также не противоречил стратегическим интересам других региональных игроков. В целом, реализация внешнеэкономических инициатив Республики Корея по отношению к региону достигла своих первоначальных целей. Сформировавшиеся устойчивые связи Республики Корея с основными региональными партнерами — Узбекистаном и Казахстаном — обеспечили доступ к богатым природным ресурсам региона, а также способствовали закреплению южнокорейского бизнеса на новых рынках. Объемы товарооборота Южной Кореи с Центральной Азией в XXI веке возросли почти в 10 раз — с 511,2 млн долл. в 2000 г. до 5 млрд долл. в 2020 г. Доли Узбекистана и Казахстана в товарообороте с Южной Кореей в 2020 г. составили 34 % и 60 % соответственно, при этом Республика Корея занимает 3-е место по объему импорта в Ташкент и Нур-Султан. Структура торговли также соответствует интересам Южной Кореи, поскольку в экспорте в Центральную Азию преобладает промышленная и высокотехнологичная продукция, в то время как основу импорта из региона составляет сырьевая продукция [UNCTADStat]. Южнокорейский бизнес, в свою очередь, сумел закрепиться в регионе с успешной реализацией крупных проектов в сферах разработки, добычи и переработки природных ресурсов, нефтехимии, автомобилестроения, а также модернизации инфраструктуры.

Можно сделать вывод, что в настоящее время первый этап развития отношений между Республикой Корея и Центральной Азией пройден. Тем не менее, характер сложившихся отношений Сеула с регионом указывает на необходимость модернизации подходов к дальнейшему развитию взаимодействия. Несмотря на сформировавшееся устойчивое партнерство с Узбекистаном и Казахстаном, отношения с остальными республиками Центральной Азии развиваются недостаточно активно, что приводит к несбалансированному южнокорейскому присутствию в регионе. Растущее внимание к Центральной Азии со стороны Пекина в рамках реализации проекта «Один пояс — один путь», направленного на увеличение китайских капиталовложений и увеличение товарооборота с регионом, может ослабить позиции Республики Корея в регионе. Таким образом, формирование и реализация эффективных внешнеэкономических инициатив необходимы для сохранения позиций Сеула в Центральной Азии в долгосрочной перспективе. Южнокорейские и центральноазиатские представители не-

однократно выражали заинтересованность в углублении и расширении сфер взаимодействия. Перспективными сферами расширения сотрудничества Сеула с регионом представляются высокотехнологичные отрасли с возможностью привлечения южнокорейских инноваций и ноу-хау, поддержка инициатив экологичного и устойчивого развития, а также укрепление связей в социо-гуманитарных проектах. В данном случае, актуализация плана «9 мостов» Республики Корея в начале 2021 г. представляется своевременным шагом. Помимо подтверждения значимости сотрудничества в ранее озвученных сферах, ключевыми отраслями взаимодействия были обозначены медицина и здравоохранение, сфера науки, инноваций и ИКТ, а также социокультурные и туристические связи [The Presidential Committee...]. Последующая разработка внешнеэкономических инициатив Сеула по отношению к Центральной Азии с учетом новых областей взаимодействия позволит качественно модернизировать взаимовыгодные отношения, будет способствовать более сбалансированным связям Сеула со всеми странами региона, а также укрепит положение Республики Корея как важного партнера Центральной Азии.

Библиографический список

Секретариат Форума сотрудничества «Центральная Азия — Республика Корея». URL: <https://www.centralasia-korea.org/> (дата обращения: 08.11.2021).

Calder, Kent E.; Kim, Viktoriya. Korea, the United States, and Central Asia: far-flung partners in a globalising world // Korea Economic Institute, Academic Paper Series, 2008, Vol. 3, No. 9. URL: <https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/APS-CalderKim.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).

Fumagalli, Matteo. Growing inter-Asian connections: Links, rivalries, and challenges in South Korean—Central Asian relations // Journal of Eurasian Studies, 2016, No. 7. P. 39—48.

Hwang, Balbina. A New Horizon in South Korea—Central Asia Relations: The ROK Joins the “Great Game” // Korea Economic Institute. 2012. URL: http://keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_balbinahwang.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

Kim, Taehwan. Beyond Geopolitics: South Korea’s Eurasia Initiative as a New Nordpolitik // The Asan Forum. Open Forum. 2015. URL: <http://www.theasanforum.org/beyond-geopolitics-south-koreas-eurasia-initiative-as-a-new-nordpolitik/#5> (дата обращения: 05.11.2021).

Pardo, Ramon Pacheco. Moon’s Eurasia: opening up North Korea, serving Seoul’s interests // The Lowy Institute. The Interpreter. 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/moon-eurasia-opening-north-korea-serving-seoul-interests> (дата обращения: 07.11.2021).

S. Korea to Actively Pursue New Northern Policy // KBS. 20.01.2020. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=150764 (дата обращения: 07.11.2021).

Snyder, Scott A. South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers. New York.: Columbia University Press, 2018. 355 p.

The Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. URL: https://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/ (дата обращения: 05.11.2021).

UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (дата обращения: 07.11.2021).

References

Calder, Kent E.; Kim, Viktoriya (2008). Korea, the United States, and Central Asia: far-flung partners in a globalising world. *Korea Economic Institute. Academic Paper Series*. Vol.3, No. 9. URL: <https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/APS-CalderKim.pdf> (accessed: November 5, 2021).

Fumagalli, Matteo (2016). Growing inter-Asian connections: Links, rivalries, and challenges in South Korean—Central Asian relations. *Journal of Eurasian Studies*. No. 7: 39—48.

Hwang, Balbina (2012). A New Horizon in South Korea—Central Asia Relations: The ROK Joins the “Great Game”. *Korea Economic Institute*. URL: http://keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_balbinahwang.pdf (accessed: August 22, 2021).

Kim, Taehwan. (2015). Beyond Geopolitics: South Korea’s Eurasia Initiative as a New Nordpolitik. *The Asan Forum, Open Forum*. URL: <http://www.theasanforum.org/beyond-geopolitics-south-koreas-eurasia-initiative-as-a-new-nordpolitik/#5> (accessed: November 5, 2021).

Pardo, Ramon Pacheco (2018). Moon’s Eurasia: opening up North Korea, serving Seoul’s interests. *The Lowy Institute. The Interpreter*. URL: <https://www.loyyinstitute.org/the-interpreter/moon-eurasia-opening-north-korea-serving-seoul-interests> (accessed: November 7, 2021).

S. Korea to Actively Pursue New Northern Policy. *KBS*. 20.01.2020. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=150764 (accessed: November 7, 2021).

Sekretariat Forumu Sotrudnichestva “Central’naya Asia — Respublika Koreya” [Secretariat of the “Central Asia — Republic of Korea” Cooperation Forum]. URL: <https://www.centralasia-korea.org/> (accessed: November 8, 2021). (In Russian)

Snyder, Scott A. (2018). South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers. New York.: Columbia University Press, 355 p.

The Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. URL: https://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/ (accessed: November 5, 2021).

UNCTADStat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed: November 7, 2021).

А.Г. Зуева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (КОРЕЙСКИЙ НОВЫЙ КУРС)

Аннотация. Южная Корея занимает уверенную позицию в эшелоне стран-лидеров мировой экономики. Быстрая индустриализация страны, продиктованная задачами экспортоориентированной модели экономики, повлияла не только на рост уровня жизни южнокорейского общества, но и ускорила экологические и социально-экономические проблемы, которые есть у большинства современных государств. Правительство Республики Корея на протяжении последних 20 лет активно обращалось к теме устойчивого развития при создании своих национальных планов. Вместе с тем в Южной Корее существует определённый ряд проблем в экономической, экологической и социальной сфере. Новая стратегия экономического развития Республики Корея была представлена президентом Мун Чжэ Ином 14 июля 2020 г. на расширенном заседании правительства, а также дополнена летом 2021 г. «Корейский новый курс» призван диверсифицировать южнокорейскую экономику, сделав глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, мощным стартом для новых возможностей. Для осуществления этой стратегии южнокорейское правительство планирует построить экологически чистую инфраструктуру, не только создавая новые рабочие места, но и соблюдая свои обязательства по сохранению климата. Рассмотрена национальная стратегия «Корейского нового курса», а именно: определены цели устойчивого развития, в рамках которых осуществляется диверсификация экономики, проанализировано, каким образом южнокорейское правительство реализует достижение целей устойчивого развития, опираясь на новую нацио-

нальную стратегию, выявлены успешные и спорные решения социально-экономических, проблем существующих в Республике Корея.

Ключевые слова: экономика Южной Кореи, устойчивое развитие, пандемия коронавируса COVID-19, зелёная экономика, национальный план «Корейский новый курс»

Автор: Зуева Александра Георгиевна, м.н.с. Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-9394-0733. E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Zueva A.G.

Implementing Sustainable development goals in the national strategy of the Republic of Korea (Korean New Deal)

Abstract. South Korea maintains a confident position in the echelon of the leading countries of the world economy. The rapid industrialization of the country, dictated by the tasks of an export-oriented model of the economy, affected not only the rise in the living standards of South Korean society, but also accelerated the environmental and socio-economic problems that the majority of modern states have. The Government of the Republic of Korea has actively addressed the topic of sustainable development in its national plans over the past 20 years. At the same time, South Korea has a series of challenges in the economic, environmental and social spheres. The new economic development strategy of the Republic of Korea was presented by President Moon Jae-in on July 14, 2020 at an enlarged government meeting, and also updated in the summer of 2021. The Korean New Deal aims to diversify the South Korean economy by making the global crisis caused by the COVID-19 pandemic a powerful start for new opportunities. To implement this strategy, the South Korean government plans to build green infrastructure, not only creating new jobs, but also honoring its climate change commitments. In the course of the work, a study of the national strategy of the Korean New Deal was undertaken, namely: the goals of sustainable development, within the framework of which the diversification of the economy is carried out, were determined. It was also analyzed how the South Korean government was implementing the achievement of the goals of sustainable development, relying on the new national strategy. And, finally, were identified successful and disputable solutions to socio-economic challenges existing in the Republic of Korea.

Keywords: South Korean economy, Sustainable development, COVID-19 coronavirus pandemic, green economy, “Korean New Deal”.

Author: Alexandra G. ZUEVA, junior researcher, Center of Korean research, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS. ORCID: 0000-0002-9394-0733 (e-mail: fedorovalex87@gmail.com).

Правительство Республики Корея на протяжении последних 20 лет регулярно обращалось к теме устойчивого развития при создании своих национальных планов. Согласно существующим международным критериям оценки в области реализации целей устойчивого развития, в 2021 г. Республика Корея занимала 28-ю позицию из 166 [Sustainable development report 2021, p. 10] возможных, что дает основание говорить о достаточно успешной интеграции концепции устойчивого развития на государственном уровне. Вместе с тем в Южной Корее существует определённый ряд проблем в экономической, экологической и социальной сферах.

Активная работа по имплементации концепции устойчивого развития в Республике Корея начинается в 2000-х гг. и продолжается до настоящего времени. Администрация президента Мун Чжэ Ина уделяет большое внимание устойчивому развитию как одному из центральных направлений в своей работе. В 2018 г. были обозначены национальные цели устойчивого развития Республики Корея (K-SDG), основой для их разработки послужила система из 17 целей и 169 задач, сформулированных в рамках программы ООН по достижению глобального устойчивого развития. В результате совместной работы министерств, научных сотрудников и широкой общественности были сформулированы 17 целей, 122 задачи, 214 индикаторов с учетом национальных интересов, отражающие изменения в области достижения устойчивого развития на глобальном уровне [A report on Korean-Sustainable Development Goals, p. 8—11].

Новая стратегия экономического развития Республики Корея была представлена президентом Мун Чжэ Ином 14 июля 2020 г. на расширенном заседании правительства, а также дополнена летом 2021 г. Реализация новой южнокорейской стратегии отвечает национальным целям в области устойчивого развития.

«Корейский новый курс» призван диверсифицировать южнокорейскую экономику, сделать глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, мощным стартом для новых возможностей. Для осуществления этой стратегии южнокорейское правительство планирует построить экологически чистую инфраструктуру, не только создавая новые рабочие места, но и соблюдая свои обязательства по сохранению климата.

Согласно второй версии плана, размер необходимых инвестиций в «Корейский новый курс» составит 186 млрд долл., где 135 млрд долл. будет инвестировано из бюджетных средств, а 51 млрд долл. дополнительно будет предоставлено частным сектором и органами ме-

стного самоуправления, это позволит создать 2,5 млн новых рабочих мест [MOEF Press release Korean New Deal 2.0, p. 3].

Структура национальной стратегии состоит из «Цифрового нового курса», «Зеленого нового курса» и «Социального нового курса», четко обозначенного в 2021 г. наравне с двумя другими направлениями, объявленными годом ранее.

«Цифровой новый курс» ориентирован на создание цифровой экономики и стимулирование роста в новых отраслях. Среди основных направлений можно выделить:

- создание цифровой инфраструктуры в таких областях, как данные, сети и искусственный интеллект повышающих конкурентоспособность южнокорейской экономики на мировом рынке;
- использование искусственного интеллекта, информатизации, систем связи пятого поколения для создания новых цифровых продуктов и услуг, а также повышения производительности корейской экономики и создания новых рабочих мест;
- строительство 12 000 «умных фабрик», внедрение искусственного интеллекта в повседневной жизни и медицине;
- поддержка компаний, использующих бесконтактный сервис;
- цифровизация инфраструктуры образования, повышение уровня кибербезопасности, усовершенствование логистической системы и городской среды [Korean New Deal, p. 18—23].

К 2025 г. согласно версии «Корейского нового курса 2.0» на цифровой новый курс должно быть выделено 41,5 млрд долл. [MOEF Press release..., p. 3].

Цифровой новый курс в первую очередь реализует 8-ю и 9-ю цели направленные на увеличение качества рабочих мест и экономический рост. В частности:

- задача 8.1 по увеличению экономического роста;
- задачи 8.2, 8.4 по созданию качественных рабочих мест;
- задача 9.1 по созданию доступной устойчивой инфраструктуры;
- задача 9.2 по улучшению доступа к финансированию для малого бизнеса;
- задача 9.3 по созданию технологических возможностей и содействию коммерциализации передовых технологий;
- задача 9.5 по реализации технологических инноваций.

Кроме этого, частично реализуется 3-я цель по обеспечению здоровья и счастливой жизни, а также 4-я цель по продвижению образования за счет цифровизации образовательных процессов, что делает обучение более доступным и инклюзивным.

К экологически устойчивому будущему должен привести Республику Корея «Зеленый новый курс». Корейское правительство планирует осуществить перечень проектов, в результате которых к 2030 г. произойдет сокращение выбросов парниковых газов, доля возобновляемых источников энергии составит 20 % генерирующих мощностей всей страны [Korean New Deal, p. 25], а в версии «Корейского нового курса 2.0» правительство призывает к еще большему увеличению темпов по достижению углеродной нейтральности в Республике Корея.

Важными проектами на пути достижения устойчивого развития станут:

- строительство и реконструкция общественных объектов в зданиях с нулевым потреблением энергии за счет использования возобновляемых источников энергии и высокоэффективной изоляции;
- введение в эксплуатацию умной системы управления чистой и безопасной водой, это нововведение включает не только контроль за очистными сооружениями, но и должно в будущем предотвращать наводнения в городах;
- увеличение инвестиций в научно-исследовательские центры, продвигающие использование возобновляемой энергии по всей стране;
- обеспечение поддержки тех регионов, где возможны трудности при отказе от угля и традиционных источников при энергетическом переходе на возобновляемые источники энергии;
- финансирование программ по поставкам электромобилей и транспорта на водородном топливе и созданию заводов для производства топливных элементов и другой инфраструктуры для использования водорода.

Правительство планирует содействовать ведущим предприятиям «зеленой» промышленности. Более того, в части плана, отвечающего за экологическую стабильность, есть создание «зеленого города стартапов» и «зеленого интегрированного кластера» [Korean New Deal, p. 25—31].

Таким образом, «зеленые» проекты занимают 1-е место по предполагаемым инвестициям обогнав «Цифровой новый курс» и «Социальный новый курс», бюджет «Зеленого нового курса» до 2025 г. составил 52 млрд долл. по версии «Корейского нового курса 2.0» [MOEF Press release...].

Перечень национальных целей устойчивого развития имплементированных в «Зеленом новом курсе» не менее важен, чем в «Курсе цифровом». В рамках реализации «Зеленого» курса необходимо выде-

лить 7-ю цель ориентированную на экологичное производство и потребление энергии. Более конкретно — это:

- задача 7.2 по увеличению генерации чистой энергии;
- задача 7.3 по экономии энергопотребления и увеличению энергоэффективности;
- задача 7.4 по минимизации загрязнения воздуха от потребления энергии в транспортном секторе. Эта задача пересекается с 11-й целью по созданию инклюзивных, безопасных и устойчивых городов.

В «зеленой» части плана снова идет упор на 9-ю цель и, кроме вышперечисленных задач, появляется новый пункт 9.4, отвечающий за расширение человеческого и финансового потенциала страны. Задачи по сохранению чистой и безопасной воды отражены в 6-й цели. Глобальные цели по сохранению климата описаны в 13-й и 12-й целях и напрямую коррелируются с задачами углеродной нейтральности.

Третий компонент «Корейского нового курса» — «Социальный новый курс» — появился в 2021 г. после обновления основного документа стратегии. В первой версии плана социально-экономическому развитию было определено почти в 2 раза меньше инвестиции по сравнению с двумя другими направлениями. В настоящий момент до 2025 г. планируется инвестировать около 42 млрд долл. в «Социальный новый курс» [Хангук Ньюдиль 2.0...].

В прошлогодней версии плана было обозначено создание системы трудоустройства и социальной защиты, в том числе компенсационное страхование при потере работы, включающее нестандартные формы занятости, например, фрилансеров и людей творческих профессий. Было обозначено появление южнокорейской версии пособия по инвалидности и субсидии по трудоустройству на новое место работы. На фоне двух предыдущих частей плана социальная политика выглядела скупо и получила большое количество негативных оценок в обществе и прессе. В новой версии дополнительно были обозначены такие направления для социальной работы, как:

- помощь молодежи в виде расширенной поддержки, охватывающей образование, трудоустройство, решение жилищных проблем;
- модернизация системы в уходе за детьми, пожилыми людьми и инвалидами, появится поддержка родителей-одиночек;
- комплексная поддержка семей с низким доходом в обучении и уходе за детьми для сокращения социального неравенства в южнокорейском обществе и подготовке таких семей к быстрой трансформации экономики. [Хангук Ньюдиль 2.0...]

В «Социальном новом курсе» также реализуется 8-я цель устойчивого развития и появляется новый пункт 8.5 по повышению уровня занятости молодежи.

Важно отметить не только появление 1-й цели в плане, ориентированной на сокращение бедности и расширение системы социальной защиты, но и тот факт, что планируется реализация по всем четырём задачам этой цели:

- задача 1.1 по сокращению бедности;
- задача 1.2 по обеспечению защиты бедных и уязвимых слоев населения;
- задача 1.3 по укреплению социальных услуг для бедных и уязвимых слоев населения;
- задача 1.4 по повышению устойчивости бедных и уязвимых групп к экономическим, социальным и экологическим воздействиям.

Таким образом, из 17 целей устойчивого развития как минимум 10 целей активно участвуют в создании новой национальной стратегии Республики Корея. Важно отметить, что цели и задачи, направленные на достижение социальной устойчивости, количественно уступают «зеленому» и экономическому направлению либо реализуются частично через более важные, с точки зрения правительства, цели.

В данное время уже можно отследить определенные успехи и проблемы, с которыми столкнулся «Корейский новый курс». Новая национальная стратегия существует уже больше года в Республике Корея. За это время были частично реализованы проекты «Цифрового нового курса» и «Зеленого нового курса». Среди достижений можно выделить начало строительства в феврале 2021 г. крупнейшего парка ветровой энергетики в мире [В Южной Корее начали реализацию...]. За прошедший год более 170 000 компаний и предприятий участвовали в проектах «Цифрового нового курса», 95 % участников — это представители малого и среднего бизнеса. В проектах также приняли участие более 90 000 рабочих, в том числе и молодые стажеры [Digital New Deal Secures Future...]. По сравнению с прошлым годом или весной этого года есть положительная динамика по уровню безработицы. В сентябре 2021 г. он составил 3,2 %, по сравнению с 4,2 % в октябре 2020 г. [Economically Active Population Survey in October 2021]. Продолжает увеличиваться количество рабочих мест.

Тем не менее, мы не можем утверждать, что в этом есть однозначная заслуга новой стратегии, более того, на данный момент уровень безработицы находится в динамике роста. Кроме прочего, осложняется ситуация с пандемией, и проект «жизнь с COVID-19» приостанавливается.

новлен, правительство возвращает уровни социального дистанцирования, на фоне введения новых ограничений в очередной раз возможен рост числа безработных граждан.

Среди сложностей в реализации «Корейского нового курса» нам бы хотелось выделить в первую очередь масштаб стратегии заданный южнокорейским правительством, несмотря на то, что план нацелен на выход из пандемийного кризиса и строительство углеродно-нейтральной экономики, нет гарантий, что с приходом нового президента и его администрации «Корейский новый курс» останется национальной стратегией без внесения существенных изменений. Во-первых, пять лет — это очень небольшой срок для реализации всей обозначенной программы, полномочия президента Муна заканчиваются весной 2022 г., что ставит под сомнение будет ли выполнен план хотя бы на 1/3 от задуманного до прихода нового президента. Во-вторых, стоимость реализации новой стратегии будет только дорожать. Это спровоцировано глобальным ростом инфляции, нарушением производственно-логистических цепочек, нарастающей напряженностью в отношениях мировых держав. В-третьих большая часть «зеленых» проектов напрямую или косвенно демонстрируют политику протекционизма южнокорейского правительства в отношении крупных промышленных конгломератов, что вызывает не только серьезное недовольство в обществе, но и, как следствие, закономерный рост недоверия граждан к своему правительству.

На наш взгляд, одной из наиболее слабых сторон первой версии «Корейского нового курса» было отсутствие четкого фокуса на решении социально-экономических проблем, накопившихся за предыдущие годы и усугубившихся вследствие пандемии коронавируса. Поставив на первое место цифровизацию и вопросы экологии, в очередной раз остросоциальные проблемы были отодвинуты на второй план. Хотя концепция устойчивого развития призывает к гармоничному взаимодействию общества, экономики, экологии и правительства, сохранить этот баланс в первой версии «Корейского нового курса» не удалось. Только во второй версии плана, было частично уделено внимание остросоциальным вопросам. По нашему мнению, социальные проблемы в Южной Корее глубинные. Такие явления, как уровень бедности пожилых южнокорейцев, нарастающий демографический кризис, имущественное расслоение общества — все это требует не меньше внимания, чем экологические вопросы, вектор решения актуальных задач должен быть направлен не только на глобальные вызовы.

Кроме этого, в Республике Корея уже был спорный опыт реализации государственной «зеленой» политики, во время президентства Ли

Мен Бака огромные инвестиции были вложены в экологические и инфраструктурные проекты. Однако в результате получилось, что те решения, которые должны были стать экологичными драйверами для экономики, только усугубили состояние окружающей среды, а устойчивого экономического роста, в рамках национального плана, так и не было достигнуто.

В заключение отметим, что национальные цели и задачи устойчивого развития, имплементированные в «Корейский новый курс» — это хороший инструмент для достижения устойчивого социально-экономического благополучия страны и ее экологической нейтральности, однако приоритеты должны быть расставлены не только исходя из интересов государства и крупного бизнеса, но и простых жителей, особенно в кризисное время. Полная реализация «Корейского нового курса» трудновыполнима за обозначенный пятилетний срок, однако актуальность концепции устойчивого развития только продолжает глобально расти, поэтому с «Корейским новым курсом» или без, достижение целей устойчивого развития в Республике Корея будет ориентиром для следующего президента и его команды при стратегическом планировании социально-экономического развития страны.

Библиографический список

В Южной Корее начали реализацию крупнейшего в мире проекта ветровой энергетики // ТАСС. 05.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10634231> (дата обращения: 14.11.2021).

Хангук Ньюидль 2.0-э техан кидеуа куадже [Задачи и перспективы второй версии «Корейского нового курса»] // Governors Association of Korea. URL: <https://www.gaok.or.kr/gaok/bbs/B0000008/view.do?nttlId=13616&menuNo=200088> (дата обращения: 01.11.2021). (На кор.)

A report on Korean-Sustainable Development Goals (K-SDGs)2019 // Ministry of Environment Commission on Sustainable Development. 2019. P. 8—11. URL: http://ncsd.go.kr/api/1572586270021_K-SDGs_report_eng.pdf (дата обращения: 29.10.2021).

Digital New Deal Secures Future Growth Engine // PR Newswire. 03.08.2021. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/digital-new-deal-secures-future-growth-engine-301346790.html> (дата обращения: 01.11.2021).

Economically Active Population Survey in October 2021 // Statistics Korea. 10.11.2021. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/5/2/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=415031&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (дата обращения: 10.11.2021).

Korean New Deal // Ministry of Economy and Finance. P. 18—31 URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948> (дата обращения: 20.10.2021).

MOEF Press release Korean New Deal 2.0 // Ministry of Economy and Finance. 14.07.2021. P. 3. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5173> (дата обращения: 20.10.2021).

Sustainable development report 2021. Cambridge university press. P. 10 URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf> (дата обращения: 10.08.2021) DOI: 10.1017/9781009106559.

References

A report on Korean-Sustainable Development Goals (K-SDGs) 2019. *Ministry of Environment Commission on Sustainable Development*. 2019: 8–11 URL: http://ncsd.go.kr/api/1572586270021_K-SDGs_report_eng.pdf (accessed: October 29, 2021).

Digital New Deal Secures Future Growth Engine. PR Newswire. 03.08.2021. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/digital-new-deal-secures-future-growth-engine-301346790.html> (accessed: November 1, 2021).

Economically Active Population Survey in October 2021. *Statistics Korea*. 10.11.2021. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/5/2/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=415031&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (accessed: November 10, 2021).

Hangukpan nyudil 2.0e daehan gidaewa gwaje [Expectation and challenges for the Korean New Deal version 2.0]. *Governors Association of Korea*. URL: <https://www.gaok.or.kr/gaok/bbs/B0000008/view.do?nttId=13616&menuNo=200088> (accessed: November 1, 2021). (In Korean)

Korean New Deal. *Ministry of Economy and Finance*. 2020:18–31. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948> (accessed: November 20, 2021).

MOEF Press release Korean New Deal 2.0. *Ministry of Economy and Finance*. 2021. 3 p. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5173> (accessed: November 20, 2021).

Sustainable development report 2021. *Cambridge: Cambridge university press*. 10 p. URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf> (accessed: August 10, 2021) DOI: 10.1017/9781009106559.

V Yuzhnoj Koree nachali realizaciyu krupnejshego v mire proekta vetrovoj energetiki [The world's largest offshore wind project starting in South Korea]. *TASS*. 05.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10634231> (accessed: November 14, 2021). (In Russian)

А.А. Игнатов

СТРАТЕГИЯ ЦИФРОВОГО ЛИДЕРСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ОБЗОР ПРИОРИТЕТОВ, ИНСТРУМЕНТОВ И РЕСУРСОВ¹

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена высоким темпом наблюдаемой структурной трансформации мировой экономики, вызванной распространением цифровых технологий. В данном контексте изучение опыта адаптации целей национального развития ведущих экономически развитых зарубежных стран, к числу которых относится Республика Корея, представляется востребованным направлением для исследования. Дан обзор декларируемых приоритетов развития цифровой экономики в Республике Корея, применяемых для их реализации механизмов и располагаемых ресурсов. Изучены положения Нового курса Республики Корея, а также стратегии отраслевого развития страны. Использована статистика Всемирной организации интеллектуальной собственности и Международного союза электросвязи.

Ключевые слова: Республика Корея, цифровизация, цифровая экономика, цифровой рост, цифровая торговля, кибербезопасность, цифровая связь.

Автор: Игнатов Александр Александрович, аспирант, МГИМО Университет; научный сотрудник, Центр исследований международных институтов РАНХиГС; старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (ГАУГН). ORCID: 0000-0001-6740-4454. E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

---

¹ Подготовлено в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ignatov A.A.

Korea's Digital Leadership Strategy: priorities, instruments and resources

Abstract. This report focuses on the Republic of Korea's (RoK) digital leadership strategy, its core priorities, instruments in use and allocated resources. The case of the RoK gives valuable insights on how the developed countries transform their national agenda to cope with robust pace of ongoing global digital transformation. The author studied the RoK's national development strategy (the Korean New Deal) and several industry-specific development plans along with the WIPO and the ITU statistics.

Keywords: Korea, digitalization, digital economy, digital growth, e-commerce, cybersecurity, communications.

Author: Alexander A. IGNATOV, Researcher, Center for International Institutions Research, RANEPА, Moscow.

ORCID: 0000-0001-6740-4454 (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

Республика Корея (РК) имеет статус одной из стран-лидеров цифрового развития. Согласно статистике Международного союза электросвязи, практически по всем параметрам развитости цифровой инфраструктуры РК опережает не только среднемировой показатель, но и многие развитые страны [Measuring...]. По итогам 2019 г. РК вошла в пятерку ведущих стран мира по темпам роста объема розничных электронных продаж (18,1 %), а в абсолютном выражении объем электронных продаж достиг отметки 103,48 млрд долл. [Global Ecommerce]. Всемирная организация интеллектуальной собственности отмечает, что РК входит в десятку ведущих стран по количеству зарегистрированных товарных знаков, промышленных разработок и патентов, притом ведущие в данном отношении национальные конгломераты — Samsung Electronics и LG Electronics Inc. до 37 % своих заявок на регистрацию патентов подают в областях, имеющих отношение к компьютерным технологиям и цифровым коммуникациям [World Intellectual...].

РК открыто преследует цель достижения глобального цифрового лидерства. Данная цель заявлена в рамках программы национального развития «Новый курс Республики Корея» (Korean New Deal, далее — Новый курс), первая версия которой была опубликована 28 июля 2020 г. Через год правительство РК представило обновленную версию стратегии «Новый курс Республики Корея 2.0», ключевое отличие которой от исходной версии состоит в увеличении средств, которые планируется направить на реализацию поставленных задач, сумма которых достигла отметки 220 трлн вон (около 189 млрд долл.) до 2025 г. Конкретно на нужды цифровой трансфор-

мации планируется направить около 49 трлн вон (около 42 млрд долл.) [Government Announces...].

В рамках «Нового курса» была заявлена программа цифрового развития, которая получила название «Новый цифровой курс» (далее — Цифровой курс). Цифровой курс преследует цель «перехода от догоняющего развития к экономике лидерства» и «дальнейшего укрепления конкурентоспособности страны в цифровой сфере на основе имеющихся технологических преимуществ в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), используемых для инновационного развития и усиления экономической активности в масштабах всей экономики». Магистральные направления работы включают развитие и практическое внедрение технологий «больших данных», технологий связи 5G, технологий искусственного интеллекта (ИИ) и др. Далее будут рассмотрены приоритеты РК в обозначенных областях цифрового развития.

В сфере *технологий связи* РК преследует целью лидерство на мировом рынке технологий пятого и последующих поколений наряду с созданием удобной и безопасной среды для использования данных технологий. Принятая в 2017 г. Стратегия 5G+ [5G+...] закрепила в качестве целевого показателя занятие к 2026 г. 15 % мирового рынка технологий 5G при общей стоимости производства на уровне 180 трлн вон (около 158,4 млрд долл.). Для достижения поставленных задач авторы Стратегии 5G+ предусмотрели комплекс мероприятий, направленных на развитие связанной с 5G инфраструктуры, вывод на внутренний рынок новых видов услуг и устройств, а также наращивание рыночной динамики. Правительство РК намерено взять на себя основное бремя работ, связанных с развитием инфраструктуры; более активное участие представителей частного сектора планируется на поздних этапах реализации Стратегии.

К настоящему моменту можно зафиксировать определенные успехи в реализации поставленных задач. Так, именно в РК в 2019 г. было представлено первое в мире коммерческое решение в области цифровой связи на базе технологий 5G.

Как и для всех стран, где цифровые технологии играют весомую роль в качестве фактора развития, проблематика обеспечения *кибербезопасности* имеет большое значение для РК.

Основной программный документ — Стратегия кибербезопасности РК был принят в 2019 г. [National Cybersecurity...]; в том же году был принят Основной план по обеспечению кибербезопасности, дополняющий Стратегию. Реализация задач в рамках Стратегии охватывает период до конца 2022 г.

Согласно представленному в феврале 2021 г. плану финансирования мероприятий по повышению кибербезопасности, до 2023 г. РК планирует потратить на решение данных задач порядка 670 млрд вон (около 607 млн долл.). Основные затраты придутся на развитие инфраструктуры, поддержку национальных компаний, предоставляющих услуги «облачных вычислений» и обработки данных в интересах оперативного выявления киберугроз, а также создание централизованной системы сбора данных о возникающих сетевых угрозах в реальном времени [S. Korea to spend...].

РК активно сотрудничает с зарубежными партнерами в вопросах обеспечения кибербезопасности. Взаимодействие ведется в рамках таких площадок, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Киберсекретариат Форума Восточно-Азиатско-Латиноамериканского сотрудничества, Международная конференция по киберпространству, «Группа двадцати»; ведётся трёхстороннее взаимодействие с Японией и Китаем; прочные партнёрские отношения в сфере кибербезопасности сложились между РК и США, странами Европейского союза и странами АСЕАН.

Тенденция в развитии системы национального **регулирования цифрового бизнеса** в РК связана с постепенным ужесточением правил ведения деловой активности. Южнокорейские регуляторы стремятся ограничить монопольное положение крупных иностранных ИТ-компаний на местном рынке, а также обеспечить надлежащий уровень защиты потребителей. Так, РК стала одним из первых государств, ограничившим специальным законом деятельность крупнейших цифровых компаний. 31 августа 2021 г. Национальное собрание одобрило поправки к Закону о деятельности в сфере телекоммуникаций, которые запрещают операторам площадок для размещения приложений, в частности Google и Apple, требовать от разработчиков цифровых приложений использовать их собственные платежные системы [S. Korea's...].

Целью политики РК в сфере **цифровых финансовых технологий** (финтех) является содействие экономическому росту на базе достижений Четвертой промышленной революции. Ключевую роль в реализации государственной политики в этой области играет Комиссия по финансовым слугам, которой были переданы значительные полномочия в деле разработки и содействия имплементации мер государственной поддержки развития сегмента цифровых финансовых услуг. Комиссия принимает меры по развитию системы государственных бизнес-«инкубаторов», содействующих выводу новых решений в сфере финтех на национальный рынок; реализации программы реформы регуляторной среды для ускорения адаптации зарекомендовавших себя

финансовых технологий; содействует привлечению инвестиций в сфере финтех; а также оказывает поддержку национальным компаниям, стремящимся выйти на внешние рынки. На реализацию поставленных задач Комиссия намеревалась направить порядка 300 млрд вон (около 253 млн долл.) в течение последующих 4 лет, которые планируется предоставить за счет средств частного сектора через механизмы специального Фонда поддержки инноваций в сфере финансовых технологий. В течение трехлетнего периода планируется также привлечь порядка 3,35 трлн вон (около 2,8 млрд долл.) инвестиций в финтех за счет предоставления государственных долговых гарантий. На обучение финтех-специалистов Комиссия предусмотрела выделение 16,7 млн долл. из государственного бюджета.

В 2017—2018 гг. на волне мирового «бума» криптовалют правительство РК серьезно озаботилось вопросом регулирования сделок в данной сфере. Определяющим трендом политики страны в данной области является борьба с анонимностью бенефициаров сделок в цифровых валютах в интересах предотвращения налоговых преступлений и укрепление финансовой системы страны посредством расширения требований к поставщикам финансовых услуг, связанных с криптоактивами. Первым шагом правительства РК в обозначенном направлении стал запрет на использование анонимных кошельков при заключении сделок в криптовалюте, который вступил в силу 30 января 2018 г. [S. Korea to ban...] В настоящий момент правительство РК прорабатывает вопрос о создании государственной цифровой валюты[South Korea's...].

Технологии «больших данных» рассматриваются руководством РК как выгодный инструмент создания добавленной стоимости и ускорения экономического роста в целом. В качестве приоритетных направлений деятельности рассматриваются создание национальной системы управления большими объемами данных для развития технологий машинного обучения; поддержка практического применения собираемых обезличенных данных с учётом необходимости поддержания надлежащего уровня безопасности; развитие предприятий, оказывающих услуги хранения и обработки данных; продвижение технологий блокчейн для защиты данных.

В рамках Цифрового курса основным проектом, посвященным активному внедрению технологий «больших данных», является проект «Плотина данных» (Data Dam). Цель проекта — при помощи технологий ИИ и 5G создать прочную основу для массивированного сбора, обработки, использования и обмена данными. Проект запланирован к реализации до 2025 г. при совокупном объеме инвестиций 26,6 трлн

вон (около 23,9 млрд долл.), из которых государственные инвестиции составят 22,6 трлн вон (около 20,9 млрд долл.).

Согласно принятой в декабре 2019 г. Национальной стратегии по развитию **искусственного интеллекта** [National Strategy...], целью политики РК в данной области является сокращение отставания от мировых лидеров и выход на передовые позиции. Приоритетом является усиление позиции страны в целевой области, в частности, составители Стратегии намерены поднять РК на 3-е место по уровню цифровой конкурентоспособности в мире в рейтинге Международного института управленческого развития (IMD) с 10-го места в 2019 г.; обеспечить достижение показателя конкурентоспособности технологий ИИ на уровне 95 % против 82 % в 2019 г. (в сравнении с США; по версии Института планирования и оценки информационных и коммуникационных технологий (ИПТР); а также войти в пятерку стран с наиболее развитой регуляторной средой (26-е место в 2019 г. в рейтинге IMD).

В проекте бюджета на 2022 г. [2022нён...] бюджет на развитие науки и передовых технологий составил 29,8 трлн вон (около 25,5 млрд долл.). Из них на развитие технологий искусственного интеллекта следующего поколения были предусмотрены затраты в размере 37,1 млрд вон (около 31,7 млн долл.).

Республика Корея реализует последовательную программу обеспечения опережающего цифрового развития и цифрового лидерства. Отправной точкой южнокорейской цифровой политики является сохранение достигнутых результатов содействия цифровому развитию, в частности высоких показателей развитости цифровой инфраструктуры наряду с динамичной трансформацией национального хозяйства в соответствии с требованиями времени.

Руководством РК выстроен гармоничный диалог с представителями частного бизнеса. Государственная поддержка цифрового бизнеса имеет сбалансированный характер и позволяет бизнесу комфортно чувствовать себя как на национальном рынке, так и за рубежом.

Принимая во внимание значительные ресурсы, выделенные руководством РК на достижение поставленных задач, можно ожидать реализации большинства заявленных приоритетов в среднесрочной перспективе (до 2025 г.).

Библиографический список

2022нён есанан [Бюджет на 2022 год]. URL: http://xn--2022-y24rx2w.kr/board/download_pdf.php?board=N&bo_table=down&file_name=file2_1630375036guyqrbcf

v.pdf&o_file_name=3.%202022%EB%85%84%20%EC%98%88%EC%82%B0%EC%95%88.pdf (дата обращения: 13.11.2021). (На кор.).

5G+ Strategy to Realize Innovative Growth // Ministry of Science and ICT of the ROK. URL: <https://english.msit.go.kr/SYNAP/skin/doc.html?fn=e48177376198af8170c4c653a9887a0c&rs=/SYNAP/sn3hcv/result/> (дата обращения: 13.11.2021).

Global Ecommerce 2019 // Insider Intelligence. 27.06.2019. URL: <https://www.emarketer.com/content/global-ecommerce-2019> (дата обращения: 13.11.2021).

Government Announces Korean New Deal 2.0 // Ministry of Economy and Finance of the ROK. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5173> (дата обращения: 07.09.2021).

ITU. Measuring the Information Society Report. 2018. Volume 2. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-2-E.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

National Cybersecurity Strategy // ITU. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/National%20Cybersecurity%20Strategy_South%20Korea.pdf (дата обращения: 13.11.2021).

National Strategy for Artificial Intelligence // Ministry of Science and ICT. URL: <https://english.msit.go.kr/SYNAP/skin/doc.html?fn=14acc067ebaf2780a558e24993a560f0&rs=/SYNAP/sn3hcv/result/#> (дата обращения: 13.11.2021).

South Korea to ban cryptocurrency traders from using anonymous bank accounts // Reuters. 23.01.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-bitcoin-idUKKBN1FC069> (дата обращения: 13.11.2021).

South Korea's forward-thinking digital currency pilot program // EastAsiaForum. 10.08.2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/08/10/south-koreas-forward-thinking-digital-currency-pilot-program/> (дата обращения: 13.11.2021).

S. Korea to spend 670 bln won on cyber security by 2023 // Yonhap. 18.02.2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210218006100320> (дата обращения: 13.11.2021).

S.Korea's parliament passes bill to curb Google, Apple commission dominance // Reuters. 31.08.2021. URL: <https://www.reuters.com/technology/skoreas-parliament-passes-bill-curb-google-apple-commission-dominance-2021-08-31/> (дата обращения: 13.11.2021).

WIPO. World Intellectual Property Indicators 2020. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2020.pdf (дата обращения: 13.11.2021).

References

2022nyeoneo esanan [2022 Budget]. URL: http://xn--2022-y24rx2w.kr/board/download_pdf.php?board=N&bo_table=down&file_name=file2_1630375036uyqrbcfiv.pdf&o_file_name=3.%202022%EB%85%84%20%EC%98%88%EC%82%B0%EC%95%88.pdf (accessed: November 13, 2021). (In Korean)

5G+ Strategy to Realize Innovative Growth. *Ministry of Science and ICT of the ROK*. URL: <https://english.msit.go.kr/SYNAP/skin/doc.html?fn=e48177376198af8170c4c653a9887a0c&rs=/SYNAP/sn3hcv/result/> (accessed: November 13, 2021).

Global Ecommerce 2019. *Insider Intelligence*. 27.06.2019. URL: <https://www.emarketer.com/content/global-ecommerce-2019> (accessed: November 13, 2021).

Government Announces Korean New Deal 2.0. *Ministry of Economy and Finance of the ROK*. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5173> (accessed: September 7, 2021).

ITU. Measuring the Information Society Report. 2018. Volume 2. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-2-E.pdf> (accessed: November 13, 2021).

National Cybersecurity Strategy. *ITU*. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/National%20Cybersecurity%20Strategy_South%20Korea.pdf (accessed: November 13, 2021).

National Strategy for Artificial Intelligence. *Ministry of Science and ICT of the ROK*. URL: <https://english.msit.go.kr/SYNAP/skin/doc.html?fn=14acc067ebaf2780a558e24993a560f0&rs=/SYNAP/sn3hcv/result/#> (accessed: November 13, 2021).

South Korea to ban cryptocurrency traders from using anonymous bank accounts. *Reuters*. 23.01.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-bitcoin-idUKKBN1FC069> (accessed: November 13, 2021).

South Korea's forward-thinking digital currency pilot program. *EastAsiaForum*. 10.08.2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/08/10/south-koreas-forward-thinking-digital-currency-pilot-program/> (accessed: November 13, 2021).

S. Korea to spend 670 bln won on cyber security by 2023. *Yonhap*. 18.02.2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210218006100320> (accessed: November 13, 2021).

S.Korea's parliament passes bill to curb Google, Apple commission dominance. *Reuters*. 31.08.2021. URL: <https://www.reuters.com/technology/skoreas-parliament-passes-bill-curb-google-apple-commission-dominance-2021-08-31/> (accessed: 13, 2021).

WIPO. World Intellectual Property Indicators 2020. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2020.pdf (accessed: November 13, 2021).

К.А. Корнеев

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЯПОНИИ С ЕВРАЗИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ

Аннотация. Рассмотрены некоторые аспекты японской экономической политики в направлении стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Данная политика не является однородной, поскольку в составе ЕАЭС собраны страны с различными экономической спецификой и потенциалом, но однозначно может рассматриваться как весомая часть долгосрочных интересов Японии на пространстве Большой Евразии. Необходимо отметить, что Евразийский экономический союз — достаточно молодое объединение (в текущем виде оно существует с 2015 г.), однако планы и конкретные шаги по развитию ЕАЭС носят довольно интенсивный характер, таким образом, усиливая его значимость среди прочих азиатских экономических объединений. Япония пока не выстраивает чёткой политики по отношению к ЕАЭС как единой структуре, в большей степени сотрудничая с отдельными государствам-членами ЕАЭС, но всё-таки просматривается и ряд общих тенденций, обусловленных практикой японского экспорта/импорта. Уже не первое десятилетие перед Японией стоит сложная задача выхода из продолжительной экономической рецессии не только с помощью внутренних реформ, но и через расширение географии своей внешнеторговой деятельности, и страны ЕАЭС с их ёмкими внутренними рынками, испытывающими недостаток высокотехнологичной продукции, сегодня входят в число перспективных направлений для японского

экспорта. Есть и геополитические аспекты, связанные с поэтапным укреплением позиций Китая в Центрально-Азиатском регионе. Поэтому значительный научный интерес представляет актуальное содержание японской внешнеэкономической политики на пространстве ЕАЭС.

Ключевые слова: Япония, Евразийский экономический союз, торгово-экономические отношения, геополитические аспекты.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, к.и.н., с.н.с. Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Korneev K.A.

Japan's Trade and Economic Relations with the Eurasian Economic Union (EAEU)

Abstract. The article focuses on some aspects of Japanese economic policy in the direction of the countries that are members of the Eurasian Economic Union (EAEU). This policy is not homogeneous, since the EAEU includes countries with different economic specifics and potential, but it can definitely be considered as a significant part of Japan's long-term interests in the Greater Eurasia. It should be noted that the Eurasian Economic Union is a fairly young integration association (in its current form it has existed since 2015); however, plans and certain steps for its development are quite intensive, thus enhancing its importance among other Asian economic associations. Japan is not yet building a clear policy towards the EAEU as a single structure, cooperating more with individual EAEU member states, but still there are a number of general trends due to the current structure of Japanese exports/imports. For more than a decade, Japan has been facing the difficult task of overcoming a prolonged economic recession not only through internal reforms, but also through expanding the geography of its foreign trade activities, and the EAEU countries with their capacious domestic markets experiencing a shortage of high-tech products are now among the promising areas for Japanese exports. There are also geopolitical aspects related to the gradual strengthening of China's position in the Central Asian region. Therefore, the urgent content of Japanese foreign economic policy in the EAEU space is of considerable scientific interest.

Keywords: Japan, the Eurasian Economic Union, trade and economic relations, geopolitical aspects.

Author: Konstantin A. KORNEEV, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3930-6309 (e-mail: korneev@ifes-ras.ru).

Введение

В рамках настоящей статьи оцениваются основные направления торгово-экономического сотрудничества между Японией и странами-членами ЕАЭС и также кратко рассматриваются факторы, влияющие на их текущее состояние. Японская продукция, поставляемая в отдельные страны Союза, может потом перемещаться как часть потоков трансграничной торговли в рамках ЕАЭС, естественно, с учётом того, что государства — члены этого объединения имеют соглашения о свободной торговле. Евразийский экономический союз стремится к снижению средневзвешенного импортного тарифа, но это касается только товаров и услуг, произведённых на территории данного объединения.

Базовые принципы внешнеторговой политики Японии в отношении ЕАЭС имеют особенности, существующие в настоящий момент и заключающие в себе потенциал к реализации в среднесрочной перспективе. Значительную роль здесь играет внешнеторговая специализация рассматриваемых государств, или, другими словами, их место в структуре международного разделения труда. Это определяет характер экспорта/импорта и позволяет объяснить многие текущие закономерности, а также обозначить возможные перспективы. Помимо стимулирующих взаимную торговлю условий, существуют и серьёзные барьеры для расширения торгово-экономического сотрудничества между Японией и ЕАЭС, связанные преимущественно с различным видением будущего экономического и энергетического ландшафта на пространстве Большой Евразии, а также постоянно растущими противоречиями в сфере геополитики и стратегических инициатив.

Япония и ЕАЭС:

краткое сравнение экономического потенциала

По размеру ВВП (рассчитанному на основе паритета покупательной способности — ППС) Япония занимает 4-е место в мире после США, ЕС и Китая. Население страны составляет около 127 млн человек (126,7 млн чел. в 2019 г.), что соответствует 10-му месту в мире. Основной удельный вес в структуре ВВП приходится на сектор (сферу) услуг — 71,6 %, промышленность занимает порядка 26,6 %. На протяжении последних десятилетий снижается доля сельского хозяйства в структуре ВВП: в 2019 г. на него пришлось около 1,2 %, тогда как в 1995 г. — 1,7 %. В сельском хозяйстве занято всего около 0,6 % от общего количества трудоспособного населения страны [Japan

Indicators]. По данным Всемирного банка на 2019 г., объем ВВП составил 5,3 трлн долл (это 4,5 % мирового ВВП); на душу населения приходится около 38,5 тыс долл., что является достаточно высоким показателем. Также Япония — один из мировых лидеров по вывозу прямых иностранных инвестиций [World Development Indicators Database].

Соглашение о ЕАЭС было подписано в 2014 г. (вступило в силу 1 января 2015 г.). Страны-члены: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Армения. С 2016 г. действует соглашение о свободной торговле с Вьетнамом, с 2018 г. — соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, а с 2019 г. — с Сербией. Также в 2018 г. государством-наблюдателем при ЕАЭС стала Молдова, в 2020 г. к ней присоединились Узбекистан и Куба. С 2019 г. идёт согласование деталей торговой сделки между ЕАЭС и республикой Сингапур, а в 2022 г. вероятно вступление в организацию Ирана [Зоны свободной торговли]. Суммарный ВВП по ППС Евразийского экономического союза составил около 5 трлн долл. в 2019 г. (что меньше японского), это примерно 4 % общемирового ВВП. Объём взаимной торговли внутри ЕАЭС — 61 млрд долл, а средневзвешенный импортный тариф (пошлина) на большинство товарных групп находится в диапазоне 5—6 % [Основные социально-экономические показатели]. Главным двигателем и реципиентом товарно-денежных потоков в структуре ЕАЭС является Россия; от состояния её экономики зависят и объёмы торговли в рамках ЕАЭС.

Тем не менее следует признать, что Евразийский экономический союз — второе после ЕС экономическое объединение на пространстве Большой Евразии с достаточно высоким уровнем институционализации и развитыми мирохозяйственными связями. 74 % взаимной торговли в рамках ЕАЭС осуществляется в национальных валютах через сложную систему конвертации практически без участия доллара США, но с привязкой к рублю. Страны ЕАЭС входят в немногочисленный список государств, которые активно закупают российскую высокотехнологическую продукцию (помимо продукции оборонного комплекса) — машины, промышленное и транспортное оборудование, химическую продукцию, медицинскую технику, программное обеспечение и так далее. Таким образом в структуре торговли с ЕАЭС российский сырьевой экспорт составляет в процентном соотношении меньшую величину, чем экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью (40 % против 60 % в среднем за 2017—2020 гг.) [Основные социально-экономические показатели].

Но у этой стабильной системы есть серьёзные уязвимости. Слабо-развитые и ресурсо-ориентированные экономики бывшего СССР, за исключением Белоруссии, пока не способны взять на себя функции субрегиональных центров притяжения торгово-инвестиционных потоков и движутся в экономическом фарватере России, в значительной мере отставая от неё в инновационных секторах. Учитывая сложившуюся динамику, к 2025 г. объём взаимной торговли внутри ЕАЭС составит не более 65 млрд долл, а к 2030 г. будет колебаться в рамках коридора 65—68 млрд долл. Снижение тарифных и нетарифных барьеров в среднем до 2—3 % может способствовать увеличению показателей торгового оборота до 70 млрд долл к 2030 г., однако дальнейший рост вряд ли возможен без серьёзных структурных реформ самой организации и общей тенденции к увеличению вклада стран-членов ЕАЭС в глобальный ВВП [Долгосрочный прогноз].

В данном контексте расширение торгово-экономического сотрудничества с Японией (которая с начала 2000-х гг. заключила соглашения о свободной торговле с 21 государством) может оказаться важным подспорьем для усиления динамики роста совокупного валового продукта ЕАЭС, особенно в ситуации, когда взаимный товарооборот примет более сбалансированный характер, сопровождаемый общим снижением объёмов сырьевого экспорта из ЕАЭС в Японию и его замещением товарами со средней/высокой добавленной стоимостью. Однако для реализации такого сценария на горизонте планирования в 10—15 лет со стороны стран-членов ЕАЭС потребуются большие инвестиции в производственную инфраструктуру при неочевидных перспективах её окупаемости, поскольку та же Япония по-прежнему рассматривает импорт сырья из стран ЕАЭС в качестве среднесрочного приоритета.

Япония и ЕАЭС:

показатели внешнеторгового оборота по странам

Армения и Киргизия не входят в число важных торговых партнёров Японии. Эти две страны поставляют в Японию в малых объёмах минералы, продукцию сельского хозяйства, животноводства и текстильного производства. Из Японии ввозятся в небольших количествах электроника, цифровая и медицинская техника, машины, оборудование, телекоммуникационные системы. Такой расклад понятий — внутренние рынки Армении и Киргизии не обладают достаточной ёмкостью для японских компаний-экспортёров, в основном по причине невысокого уровня жизни населения и технико-экономи-

ческой неготовности к покупке товаров и услуг, определяющих основные статьи японского экспорта. Несмотря на некоторый интерес со стороны японских компаний к перспективам строительства солнечных и ветроэлектростанций в Киргизии и Армении, обладающих подходящими природно-климатическими ресурсами для этого, никакие контракты пока не заключены. Ежегодно Япония оказывает Армении и Киргизии помощь в целях развития в размере нескольких миллионов долларов по линии ООН и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), подтверждая таким образом своё присутствие в экономике этих стран [Murashkin].

Гораздо более предметный интерес у Токио вызывает сотрудничество с Казахстаном. Эта страна проводит вполне самостоятельную внешнюю политику и также обладает существенными запасами первичных энергоресурсов — нефти и природного газа. Основное экспортное направление для Казахстана — Китай, но значение этой страны как поставщика ископаемых топлив постепенно растёт и для Японии. В отношении Нурсултана Токио активно применяет принцип «ресурсной дипломатии», когда из Японии экспортируются товары с высокой добавленной стоимостью, такие как машины и оборудование, а импортируются товары широкого потребления и природные ресурсы: металлические руды, минералы, древесина и т. д.

У Казахстана положительное сальдо торгового баланса с Японией — то есть экспорт в стоимостном выражении ощутимо превышает импорт. Основные статьи экспорта из Казахстана — ферросплавы и сырая нефть (обеспечивает примерно 2 % потребности Японии). Поскольку Казахстан не имеет выхода к Тихому океану, нефть сначала транспортируется Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК) в порт Новороссийск и только потом танкерами в Японию [Economic cooperation].

Постепенно растут и объёмы взаимной торговли между Японией и Республикой Беларусь. Страны увеличили товарооборот в 2018—2019 гг. на 16,7 % по сравнению с 2017 г. до 49 млн долл против 42 млн долл. Тем не менее, несмотря на значительный рост показателей товарооборота, потенциал в сфере торгово-экономического сотрудничества во многом еще не реализован, что связано с малой заинтересованностью бизнеса в развитии совместных проектов преимущественно по причине устойчивой многолетней ориентации белорусских производителей на географически близкие рынки России и стран ЕС. Япония стандартно экспортирует в Беларусь различное промышленное оборудование, автомобили и запчасти к ним, продукцию химической промышленности. Основными статьями белорусского экспорта

в Японию являются калийные удобрения, стекловолокно, алюминий и медицинское оборудование. В 2018 г. прошли белорусско-японский и японско-белорусский экономические форумы, в рамках которых обсуждались возможные совместные проекты, однако до их практической реализации дело пока не дошло [Беларусь и Япония увеличили...]. В целом же двусторонняя экономическая кооперация серьёзно сдерживается и геополитическими причинами, связанными с периодическим санкционными решениями в отношении Беларуси со стороны Европейского союза — одного из главных торговых партнёров Японии.

Структура российско-японских торгово-экономических отношений практически не меняется на протяжении 15 лет. Многие эксперты считают, что сдерживающим фактором расширения сотрудничества являются территориальные претензии со стороны Японии, но это далеко не главная проблема. Главнее — сырьевой характер отечественной экономики и сложная внешнеполитическая обстановка вокруг России. К тому же российское правительство недостаточно внимания уделяет развитию дальневосточных территорий страны, которые могли бы привлечь японские инвестиции неэнергетического характера.

Если подробнее осветить структуру взаимного товарооборота, то, по состоянию на декабрь 2019 г., он составил чуть более 20 млрд долл., причём экспорт из России в Японию составил около 11 млрд долл., а импорт — порядка 9 млрд долл. Доля Японии во внешнеторговом обороте России составляет всего 3 % и 9-е место в числе основных зарубежных торговых партнёров. Россия же не входит и в десятку подобного списка для Японии. В 2019 г. Россия продала Японии нефти и природного газа на сумму порядка 8,5 млрд долл. США. Также существенными статьями экспорта являются рыба и морепродукты (288 млн долл.), разнообразная химическая продукция (более 100 млн долл.), чёрные и цветные металлы (350 млн долл.), алюминий (510 млн долл.), драгоценные и полудрагоценные камни (почти 900 млн долл.), древесина и изделия из неё (470 млн долл.).

Для сравнения необходимо привести наиболее значимые статьи японского экспорта в Россию в 2019 г. Это различные транспортные средства (на сумму около 4 млрд долл.), энергетическое оборудование (около 2 млрд долл.), готовые изделия из чёрных и цветных металлов (порядка 200 млн долл.), электрооборудование, инструменты, цифровая техника и медицинские принадлежности (более 1,2 млрд долл.), каучук, резина, пластмассы (порядка 700 млн долл.) [Отчёт о внешней торговле].

Очевидно, что основу сотрудничества между странами составляет энергетика (до 80 % товарооборота в стоимостном выражении). Японское правительство стремится диверсифицировать направления поставок энергоресурсов. Страны Персидского залива, где закупается более 80 % нефти и до 30 % природного газа для нужд японской энергетики, не самый геополитически стабильный регион. Поэтому японские компании всё больше интересуются логистическими возможностями Северного морского пути и вообще новыми энергетическими проектами на территории России. Например, в 2019 г. консорциум японских компаний приобрёл 10 % проекта «Арктик СПГ-2» на сумму более 3 млрд долл (разработку ведёт ПАО «Новатэк»). Предполагается строительство трех линий мощностью 19,6 млн т СПГ в год, а первые поставки в Японию запланированы на 2023 г. Существует и проект сооружения газопровода по дну пролива Лаперуза мощностью до 20 млрд куб. м в год, но для этого надо решить множество политических, технических и экологических проблем [Korneev, Pechishcheva].

Таким образом, рассмотрение торгово-экономического сотрудничества Японии с отдельными странами — членами Евразийского экономического союза позволяет сделать определённые выводы и в целом по Организации (табл. 1).

Таблица 1. Экспорт стран ЕАЭС в Японию в 2019 г.

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Экспорт в Японию, млн долл.	0,3	17	1042	0,3	14 311
Позиция Японии в экспорте	50	65	9	40	12
Доля Японии в экспорте, %	0,02	0,2	0,8	0,02	2,2

Составлено по: [Japan External Trade Organization].

Так, на Россию приходится 89 % экспорта ЕАЭС в Японию и чуть меньшая доля импорта из Японии; еще порядка 10 % экспорта и 8,5 % импорта обеспечивает Казахстан. На Беларусь, Армению и Киргизию сегодня приходится не более 1 % совокупного экспорта Евразийского экономического союза и порядка 2 % импорта. Естественно, без участия России торгово-экономические отношения ЕАЭС с Японией, по сути, потеряют наполнение, в то время как для России роль ЕАЭС как площадки расширения сотрудничества с Японией также не представляет заметного интереса. Фактически ЕАЭС необходимо выравнивать торговый потенциал стран-членов если не в абсолютных объёмах (что нереально), то хотя бы по части смещения

структуры экспорта в сторону товаров с высокой добавленной стоимостью с целью привлечь японского потребителя (табл. 2).

Таблица 2. Японский импорт в страны ЕАЭС в 2019 г.

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Импорт из Японии, млн долл.	0,4	22	400	0,4	7173
Позиция Японии в импорте	46	60	16	38	8
Доля Японии в импорте, %	0,02	0,3	0,6	0,02	1,3

Составлено по: [Japan External Trade Organization].

Сальдо торгового баланса ЕАЭС с Японией остается стабильно положительным с середины 2010-х гг. благодаря России и Казахстану, которые обеспечивают поставки в Японию первичных энергоресурсов (нефть, уголь, природный газ, металлы). У остальных стран-членов ЕАЭС сальдо отрицательное и каких-либо перспектив изменения сложившейся парадигмы пока не просматривается. Иное развитие событий вероятно в случае значительного роста торгового оборота как внутри ЕАЭС, так и с внешними партнёрами, что может произойти в результате практического воплощения подписанных (и планируемых) соглашений о свободной торговле (ССТ) с Китаем, Вьетнамом, Сербией, Сингапуром и так далее.

Заключение

ССТ между Евразийским экономическим союзом и Японией, если и будет когда-нибудь подписано, то упростит импорт из Японии и удешевит японские товары для потребителей на территории ЕАЭС, но нанесёт удар по конкурирующим отраслям — прежде всего, производству автомобилей в России и Беларуси. Следует отметить, что с позиций улучшения условий доступа товаров стран — членов ЕАЭС на рынки Японии, соглашение о свободной торговле не имеет значимого эффекта. Принципиальным ограничителем расширения торгово-экономического сотрудничества являются геополитические аспекты — это не только санкции в отношении России со стороны США и Европейского союза, но и растущее влияние Китая в Азии и постепенное закрепление его в качестве главного торгового партнёра стран — членов ЕАЭС (и не только — успехи КНР в Юго-Восточной Азии более чувствительны для Японии), чему Токио пытается противостоять, реализуя, например, концепцию «открытого регионализма» с активным вовлечением в повестку стратегическо-

го развития Азиатского макрорегиона США, Индии и Австралии, но без особого успеха.

С экономической точки зрения, для Японии важнее развитие отношений со странами — членами ЕАЭС в двустороннем формате, нежели выстраивание общей конструкции с ЕАЭС как единой организацией, что обусловлено текущим характером и базовыми целями внешнеэкономической политики Токио.

Библиографический список

Беларусь и Япония увеличили товарооборот в 2018 г. // Портал Export.by. 08.02.2019. URL: <https://export.by/news/belarus-i-yaaponiya-uvlechili-tovarooborot-v-2018-g-na-167-do-49-mln-doll> (дата обращения: 11.01.2022).

Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 г. М: Евразийская экономическая комиссия, 2015. 216 с.

Зоны свободной торговли между ЕАЭС и другими странами. Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/ru/zst-pergovory-ru/> (дата обращения: 11.01.2022).

Основные социально-экономические показатели ЕАЭС. Данные ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/onsosoc.aspx (дата обращения: 12.01.2022).

Отчёт о внешней торговле между Россией и Японией в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-yaaponiyev-2019-g/> (дата обращения: 12.01.2022).

Economic cooperation. Embassy of the Republic of Kazakhstan in Japan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-tokyo/activities/1993?lang=en> (дата обращения: 13.01.2022).

Japan External Trade Organization. Japanese Trade and Investment Statistics. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 13.01.2022).

Japan Indicators. Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/indicators> (дата обращения: 14.01.2022).

Korneev, Konstantin; Pechishcheva, Liudmila. Japan's Energy Policy toward SCO Members: Current Situation and the Perspective // "ENERGY-21: Sustainable Development & Smart Management" Conference Proceedings, E3S Web Conferences, 2020, Vol. 209. P. 1—6.

Murashkin, Nikolai. Japan and Central Asia. Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand? Paris: IFRI Centre for Asian Studies, 2019. 49 p.

World Development Indicators Database, World Bank. Eurostat-OECD PPP. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 14.01.2022).

References

Belarus i Yaponiya uvelichili tovarooborot v 2018 godu [Belarus and Japan increased trade turnover in 2018]. URL: <https://export.by/news/belarus-i-yaponiya-uvelichili-tovarooborot-v-2018-g-na-167-do-49-mln-doll> (accessed: January 11, 2022). (In Russian)

Dolgosrochnyi prognoz ekonomicheskogo razvitiya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza do 2030 goda [Long-term forecast of economic development of the Eurasian Economic Union until 2030]. Moscow: Eurasian Economic Commission, 216 p. (In Russian)

Economic cooperation. Embassy of the Republic of Kazakhstan in Japan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-tokyo/activities/1993?lang=en> (accessed: January 13, 2022).

Japan External Trade Organization. Japanese Trade and Investment Statistics. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed: January 13, 2022).

Japan Indicators. Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/indicators> (accessed: January 14, 2022).

Korneev, Konstantin; Pechishcheva, Liudmila (2020). Japan's Energy Policy toward SCO Members: Current Situation and the Perspective, "ENERGY-21: Sustainable Development & Smart Management" Conference Proceedings, E3S Web Conferences, Vol. 209: 1–6.

Murashkin, Nikolai (2019). Japan and Central Asia. Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand? Paris: IFRI Centre for Asian Studies, 49 p.

Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli EAES. Dannye EEK [The main socio-economic indicators of the EAEU. Eurasian Economic Commission data]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/osnsocec.aspx (accessed: January 12, 2022). (In Russian)

Otchet o vnesheinei torgovle mezhdru Rossiei i Yaponiei v 2019 godu [Report on foreign trade between Russia and Japan in 2019]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdru-rossiey-i-yaponiey-v-2019-g/> (accessed: January 12, 2022). (In Russian)

World Development Indicators Database, World Bank. Eurostat-OECD PPP. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (accessed: January 14, 2022).

Zony svobodnoi torgovli mezhdru EAES i drugimi stranami. Ministerstvo ekonomiki Respubliki Belarus [Free trade zones between the EAEU and other countries. Ministry of Economy of the Republic of Belarus]. URL: <https://economy.gov.by/ru/zst-pergovory-ru/> (accessed: January 11, 2022). (In Russian)

Л.А. Печищева

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС: НОВЫЕ ИДЕИ И ПОДХОДЫ

Аннотация. Рассмотрена энергетическая безопасность в рамках ШОС в XXI веке. Энергетическая безопасность как часть национальной безопасности стала одним из приоритетных направлений политики большинства стран в XXI в., в особенности таких государств, как Индия и КНР, испытывающих проблемы с энергоресурсами. Еще одной из ключевых задач, стоящих перед странами — членами ШОС, является формирование единого энергетического пространства. Китайское правительство, заинтересованное в расширении сотрудничества с Центрально-Азиатским регионом (ЦАР) в энергетике, учитывает национальные интересы Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана при реализации энергетических проектов в рамках ШОС, тем самым повышая конкуренцию на энергорынках постсоветского пространства. Создав Энергетический клуб ШОС как платформу для обсуждения актуальных проектов в энергетике и также законодательных инициатив, страны-члены Организации могли бы эффективнее его использовать, чтобы привлечь к работе и других крупных производителей и потребителей энергии. Для того, чтобы активизировать энергетическое сотрудничество, необходимо трансформировать и программу действий в этом направлении, включающую и создание единой электроэнергетической системы, и повышение энергоэффективности экономики, и продвижение проектов «зеленой» энергетики в рамках ШОС. Большинство стран-членов и наблюдателей ШОС придерживаются «мягкой тактики» в энергетической сфере, когда они не только извлекают из этой отрасли экономические выгоды, но и укрепляют свой имидж за рубежом. Беспере-

бойное энергообеспечение для стран-членах ШОС — один из основополагающих факторов устойчивого развития, экономической и политической стабильности, социального благополучия, энергетической и экологической безопасности евразийского пространства.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Индия, Китай, энергетическая безопасность, энергетика.

Автор: Печищева Людмила Александровна, к.и.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ.

E-mail: mayflower-85@inbox.ru

Pechishcheva L.A.

Energy security in the SCO: new ideas and approaches

Abstract. The paper analyzes energy security within the SCO in the 21st century. Energy security as a part of national security has become one of the priority policy directions of most countries in the 21st century, especially states such as India and China, facing problems with energy resources. Another key task of the SCO member states is the formation of a single energy space. The Chinese government, interested in expanding cooperation with Central Asia in the energy sector, takes into account the national interests of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan when implementing energy projects within the SCO, thereby increasing competition in the post-Soviet energy market. By creating the SCO Energy Club as a platform for discussing current energy projects and legislative initiatives, the Organization's member countries could use it more effectively to attract other major energy producers and consumers. In order to improve energy cooperation and security, it is necessary to transform the program of actions in this direction, including the creation of a unified electric power system, improving energy efficiency and energy conservation, and promoting green energy projects within the SCO. Most of the SCO member states and observers adhere to "soft power" in the energy sector, when they not only extract economic benefits from this realm, but also strengthen their image abroad. Trouble-free and well-functioning energy supply in the SCO is one of the fundamental factors of the sustainable development, economic and political stability, social well-being, energy and environmental security of the Eurasian region.

Keywords: SCO, Russia, India, China, energy security, power industry.

Author: Liudmila A. PECHISHCHEVA, Ph.D. (History), Associate professor, Department of Foreign Area Studies and Foreign Affairs, Faculty of International Relations, Political Studies and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (RSUH) (e-mail: mayflower-85@inbox.ru).

Введение

Энергетика стала одной из приоритетных сфер геополитики XXI века и инструментом конкуренции ключевых акторов современной системы международных отношений. Азия находится в стадии роста экономики, демографических показателей и урбанизации, что напрямую означает более высокое региональное потребление энергии в ближайшие десятилетия, особенно в Китае и Индии. Согласно Прогнозу развития мировой энергетики Международного энергетического агентства на 2004—2030 гг., потребление энергии в Северо-Восточной Азии составит 3,5 млрд т нефтяного эквивалента к 2030 г., увеличившись примерно на 1,5 млрд т в течение следующих 25 лет [Len, 2007, p. 156]. Китай несет основную ответственность за такой стремительный рост потребления энергоресурсов. Спрос на энергоресурсы в Восточной Азии — без учета Китая, Японии и Южной Кореи — по прогнозам экспертов, увеличится до 1,4 млрд т в 2030 г. За тот же период значительно возрастёт потребление энергоресурсов и в Индии. Ожидается, что к 2030 г. Индия будет потреблять столько же энергии, сколько Япония и Южная Корея вместе [Len, 2007, p. 157]. Спрос и предложение энергетических ресурсов и оказывают непосредственное влияние на экономическое и политическое развитие Азиатского региона в целом, но энергетическое сотрудничество между крупными странами зачастую сталкивается с серьёзными внутренними и внешними вызовами.

Энергетическая безопасность крайне актуальна для Азии и оказывает большое влияние на поведение правительств стран региона. Для ШОС как неотъемлемой части большого евразийского пространства энергетическая безопасность всегда стояла на одном из первых мест. Изначально проблемы энергетических рынков стран — членов ШОС находились больше в экономическое поле и рассматривались с точки зрения региональной энергетической безопасности. Так, 23 сентября 2003 г. страны — члены ШОС подписали рамочное соглашение об укреплении экономического сотрудничества. И только с 2005 г. в ШОС уделяется особое внимание совместным энергетическим проектам, включая нефтегазовый сектор, разведку новых запасов углеводородов и совместное использование водных ресурсов [Шанхайская организация сотрудничества. Досье].

Энергетическая безопасность Индии в рамках ШОС

Динамично развивающаяся экономика, промышленность, инфраструктура Индии требуют больших энергозатрат. Однако факти-

ческая зависимость от импорта угля в Индии составляет 26 %, нефти — 84 %, газа — 47 %. Таким образом, для бесперебойных поставок энергетического сырья и природных ресурсов Индии, ставшей, как и Пакистан, в 2017 г. полноценным страной — членом ШОС, необходимо расширять круг поставщиков. Индии достаточно сложно конкурировать с Китаем в реализации большинства экономических и энергетических проектов в рамках ШОС, поскольку КНР активно использует инструменты своей инициативы «Новый Шёлковый путь». Поэтому индийское правительство заинтересовано в развитии сотрудничества со странами ЦАР, а также странами-наблюдателями ШОС, такими как Иран или Афганистан. В 2016 г. было подписано соглашение между Индией, Ираном и Афганистаном о транзите товаров через иранский юго-восточный порт Чабахар [Agreement on The Establishment of an International Transport...], что способствовало укреплению политики Индии в Центральной Азии как части индийской политики «Взгляд на Восток», открыв новые торговые пути стране в обход Пакистана. Благодаря этому соглашению Индия надеется уменьшить гегемонию Китая в Центральной Азии, особенно в сфере энергетической дипломатии. В 2009 г. в эксплуатацию был введён газопровод протяженностью 1800 км, соединивший Туркменистан и Китай через все страны Центральной Азии [Vaid]. Этот трубопровод, как и трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан, также нарушил монополию России в области регионального энергетического транзита.

Обсуждение вопроса сотрудничества в рамках «Энергетического клуба» ШОС с целью объединения региональных производителей и потребителей имеет стратегическое значение для Индии, испытывающей дефицит энергии. В первую очередь, «Энергетический клуб» ШОС нацелен на углубление энергетического сотрудничества между государствами-членами Организации, но эта структура также способствует и институционализации многостороннего сотрудничества, формируя общую нормативно-правовую базу. Однако работа стран — членов ШОС в этом клубе не всегда представляется эффективной, поскольку у стран-членов Организации нет единого мнения по осуществлению ряда энергетических проектов, кроме того, Китай не столь заинтересован в создании и развитии регионального энергетического центра, стремясь к единоличному укреплению своих позиций.

Интересно, что экономическая дипломатия, проводимая сегодня индийским правительством Н. Моди в рамках ШОС, сосредоточена не столько на России, Китае и Пакистане, сколько на странах Центральной Азии. Так, товарооборот Индии с центральноазиатскими

государствами в рамках ШОС вырос с 1,4 млрд долл. в 2017—2018 гг. до 2,7 млрд долл. в 2019—2020 гг. [Bhatia], даже несмотря на разразившуюся и внесшую свои коррективы пандемию COVID-19. Касательно российско-индийского энергетического сотрудничества в рамках ШОС, необходимо отметить развитие совместных проектов «мирного атома». Индия, сталкивающаяся с экологическими вызовами, участвует в реализации проектов «зеленой» энергетики. Сотрудничество Индии и стран ШОС в продвижении ВИЭ способствует не только диверсификации энергоресурсов, но и помогает защитить окружающую среду, сократив вредоносные выбросы в атмосферу, в особенности из-за использования угля в промышленности.

Китай и Россия: энергетический вектор в рамках ШОС

Энергетическая дипломатия Китая стала частью новой «большой игры» в Азии, которая привела к неоднозначным результатам в отношениях КНР со своими соседями. В то время как стремительно развивается сотрудничество Китая с центральноазиатскими странами и государствами материковой части Юго-Восточной Азии, не утихают разногласия по спорным территориям в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Из-за периодических перебоев в поставках энергоресурсов из стран Ближнего Востока и Африки, негативно влияющих на энергетическую безопасность Поднебесной, китайское правительство в качестве одной из приоритетных задач в энергетике выдвинуло увеличение поставок энергоресурсов из России и Центральной Азии (ЦА). В рамках ШОС Казахстан и Узбекистан представляют наибольший интерес для китайских компаний благодаря обширным запасам нефти и газа. Казахстан как одна из приоритетных стран ЦА активно включен в орбиту китайской инициативы «Один пояс — один путь». Обладающий богатыми природными ресурсами Туркменистан, который не является членом ШОС, также находится в фокусе внимания. Россию можно рассматривать как главного конкурента КНР в Центрально-Азиатском регионе, так и надежным поставщиком энергоресурсов в Китай.

После окончания холодной войны Центральная Азия превратилась в новое и отдельное геополитическое пространство [Marketos, 2008, p. 7]. В плане энергетической безопасности страны Центральной Азии для Китая имеют крайне важное значение. Во-первых, запасы нефти и газа в Центрально-Азиатском регионе составляют око-

ло 4 % от всех мировых запасов первичной энергии. Во-вторых, Центральная Азия обеспечивает стабильный доступ к источникам энергии по причине географической близости; в-третьих, продвижение тесного сотрудничества с Центральной Азией через энергетические проекты поможет Китаю избежать угрозы сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе за счет расширения регионального сотрудничества.

Экономический, военный и политический подъем Китая также привел к изменениям в азиатской геополитике. Распад СССР и ослабление позиций России в 1990-е гг. дали возможность для расширения влияния Китая в Центрально-Азиатском регионе. Государства Центральной Азии, став независимыми, смогли уравновесить баланс сил между Россией и ключевыми игроками (США, КНР, ЕС, Япония). В частности, в течение последнего десятилетия стратегия энергетической безопасности Китая была движущей силой растущей роли страны в Центральной Азии. С начала 2000-х гг. Китай активно импортировал технологии для развития возобновляемой энергетики, и та же Япония последовательно участвовала в этом процессе. Речь идёт о продаже патентов на производство отдельных узлов и агрегатов для ВЭС (ветроэнергетические станции) и СЭС (солнечные энергетические станции), технологических образцов для строительства атомных станций малой мощности и производства электроэнергии на основе биотоплива, эксплуатации транспорта на основе водородных топливных элементов [Korneev, Pechishcheva].

Китайская элита и бизнес активно продвигали проекты в области энергетической безопасности. Так, КНР доминирует в нефтедобывающем секторе Казахстана, с 2012 г. импортируя порядка 16 % казахстанских углеводородов. С 2009 г. Россия поставляет по трубопроводам нефть на китайский нефтеперерабатывающий завод в Дацине. В 2018 г. в Китай осуществляются поставки российского природного газа по трубопроводу «Сила Сибири». Диверсификация рынков энергоносителей помогла КНР уменьшить зависимость от Ближнего Востока, для китайского бизнеса снизились риски, связанные с морскими перевозками. Кроме того, идёт расширение сети трубопроводов из Центральной Азии и Ирана в Китай, что также способствует снижению энергетической зависимости Поднебесной от стран Персидского залива.

Тем не менее, Китай пока не может полностью доминировать в Центрально-Азиатском регионе из-за тесных связей большинства постсоветских государств с Россией и влияния США. Идея превратить ШОС в зону свободной торговли не увенчалась успехом, так как

Россия и центральноазиатские государства не соответствуют масштабам китайской экономики и промышленности. Таким образом, ШОС остается платформой, которую Китай может использовать для улучшения своих отношений с Центральной Азией, для разрешения пограничных споров и совместной работы со своими соседями в сферах, связанных с безопасностью. С одной стороны, Россия и Китай не намерены мириться с влиянием США на пространстве ШОС и всё больше опасаются роста нестабильности и экстремизма в странах постсоветского пространства, особенно после выхода американского контингента из Афганистана и с приходом талибов к власти в 2021 г. [Petersen, Barysch, 2011, p. 13]. С другой стороны, между государствами — членами ШОС существует ряд разногласий, особенно из-за разного уровня социально-экономического развития, что оказывает негативное влияние на запуск проектов в области энергетики.

Китай является крупным рынком для энергетических ресурсов стран Центральной Азии. С одной стороны, для России двусторонние энергетические проекты в рамках ШОС, особенно с КНР и Индией, экономически выгодны, но с другой стороны, Китай активно развивает энергетическое сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном, что в свою очередь способствует снижению объёмов поставок нефти и газа из России в Китайскую Народную Республику [Marketos]. Получается, что с распадом СССР большинство центральноазиатских государств стали экономически независимыми, найдя новых партнеров и инвесторов на Востоке в лице Китая и Индии.

Экспортируемая российская нефть в основном идет на европейский рынок. Например, в 2012 г. 79 % российского экспорта сырой нефти приходилось на европейские страны, в частности Германию, Нидерланды и Польшу. Сырая нефть экспортируется в основном по трубопроводной системе «Транснефти», а не морским или железнодорожным транспортом. В целом, «Транснефть» транспортирует около 88 % всей сырой нефти и около 27 % российских нефтепродуктов. Около 76 % экспорта российского природного газа, идущего также на потребителей в Западной Европе, осуществляется по трубопроводной системе «Газпрома» через Украину, Беларусь, Турцию и по дну Балтийского моря. Но сегодня растёт интерес китайских инвесторов к разработке энергетических ресурсов на территории Сибири. Поскольку Европа реализует долгосрочные планы по повышению энергоэффективности в соответствии с экологическими целями и диверсифицирует свой импорт, тем самым снижая потенциал роста импорта энергоресурсов из России, сотрудничество с КНР имеет однозначный приоритет для российского правительства. Большинство европейских

политиков и экспертов открыто называют энергетическую сферу «мягкой силой» РФ и инструментом политического манипулирования [Petersen, Barysch, 2011, p. 8].

Таким образом, Азиатский регион становится наиболее перспективным растущим рынком для российской нефти и газа. Однако трубопроводная инфраструктура, связывающая месторождения в Сибири с потребителями в Китае, в настоящее время недостаточно развита [Bersager, 2012, p. 6]. Китай импортирует нефть из России по открытому в 2011 г. трубопроводу Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО), то есть от Сковородино до Дацина на северо-востоке Китая [Petersen; Barysch, 2011, p. 17]. По нефтепроводу «Сковородино — Мохэ — Дацин» Россия экспортирует 15 млн т нефти ежегодно с 2011 по 2030 г. в качестве гарантий и погашения кредитов, выданных китайской стороной. Итоговые объёмы всего экспорта составит около 300 млн т нефти. Кроме того, следует отметить, что от угля в ближайшее десятилетие китайская промышленность не сможет отказаться. «Согласно подсчетам специалистов, потребление угля в глобальном энергобалансе к 2030 г. может увеличиться более чем на 3 млрд т, и большая часть этого прироста (около 2,4 млрд т), как ожидается, придется на долю Китая» [Уянаев, 2013, с. 287].

Кроме того, российская сырая нефть транспортируется в Китай по железной дороге, через Харбин и далее в Центральный Китай. На законодательном уровне Китай и Россия в рамках ШОС нацелены и в дальнейшем укреплять сотрудничество в энергетике, согласно «Стратегии развития ШОС до 2025 г.» (2017 г.) [Стратегия развития ШОС до 2025 г...] и «Московской декларации Совета глав государств — членов ШОС» (2020 г.) [Московская декларация Совета глав государств — членов ШОС...].

Заключение

Таким образом, членство Индии в ШОС может сыграть большую роль в обеспечении как энергетической безопасности, так и энергетического сотрудничества между производителями и потребителями энергии, связав Центральную и Южную Азию, в то время как Иран может сыграть важную роль в содействии «Энергетическому клубу ШОС», став крупным центром торговли энергоресурсами через открытие порта Чабахар. Следовательно, реализация энергетических проектов Индии в кооперации со своими основными партнерами в рамках ШОС будет способствовать не только улучшению социально-экономических показателей развития страны, но и укреплению

международных отношений на пространстве Евразии, что важно для Индии как потенциально одной из крупнейших мировых экономик будущего.

Энергетический вектор сотрудничества в рамках ШОС остается по-прежнему перспективным и весьма важным для России, так как потребности КНР и Индии в энергоресурсах с каждым годом только возрастают. В то же время для России ШОС является платформой, с помощью которой она продвигает свои национальные интересы на глобальном и региональном уровнях, а также важным инструментом, направленным на сдерживание влияния Запада в Азиатском регионе. Для Китая ШОС — это пространство реализации крупных проектов в экономике и энергетике, а также способ борьбы с региональными и транснациональными угрозами.

Библиографический список

Московская декларация Совета глав государств — членов ШОС. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36421380 (дата обращения: 26.08.2021).

Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPGqLvQI4uaMX43lMkrMbFNewBneO.pdf> (дата обращения: 24.08.2021).

Уянаев С. В. Российско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки нового «уровня» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 277—295.

Шанхайская организация сотрудничества. Досье ТАСС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/5275701> (дата обращения: 24.08.2021).

Agreement on the Establishment of an International Transport and Transit Corridor among the Governments of the Republic of India, the Islamic Republic of Afghanistan and the Islamic Republic of Iran. URL: <http://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/016P2941.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

Bergsager, Henrik. China, Russia and Central Asia: The energy dilemma // FNI Report 16/2012. Lysaker. FNI, 2012. 20 p.

Bhatia, Rajiv. How India can benefit from SCO // The Hindustan Times. 25.11.2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/analysis/how-india-can-benefit-from-sco/story-lvHNVzB99Asw6EPcgfE6NK.html> (дата обращения: 20.03.2021).

Christopher, Len. 15 — Energy Security Cooperation in Asia: An ASEAN-SCO Energy Partnership? // Energy Perspectives on Singapore and the Region. ISEAS—Yusof Ishak Institute, 2007. P. 156—175.

Korneev, Konstantin; Pechishcheva, Liudmila. Japan's Energy Policy toward SCO Members: Current Situation and the Perspective // “ENERGY-21: Sustainable

Development & Smart Management” Conference Proceedings, E3S Web Conferences, 2020. Vol. 209. P. 1—6.

Marketos, Thrassy. China’s Energy Geopolitics. The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia. London: Routledge, 2008. 184 p.

Petersen, Alexandros; Barysch, Katinka. Russia, China and the Geopolitics of Energy in Central Asia // Centre for European Reform. Report, 2011. 64 p.

Vaid, Manish. India’s energy diplomacy in Central Asia could challenge China’s monopoly // Observer Research Foundation. 22.09.2016. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-energy-diplomacy-central-asia-challenge-china-monopoly/> (дата обращения: 16.09.2021).

References

Agreement on the Establishment of an International Transport and Transit Corridor among the Governments of the Republic of India, the Islamic Republic of Afghanistan and the Islamic Republic of Iran. URL: <http://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/016P2941.pdf> (accessed: March 20, 2021).

Bergsager, Henrik (2012). China, Russia and Central Asia: The energy dilemma. *FNI Report 16/2012*. Lysaker. FNI, 20 p.

Bhatia, Rajiv (2020). How India can benefit from SCO. *The Hindustan Times*. 25.11.2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/analysis/how-india-can-benefit-from-sco/story-lvHNvzB99Asw6EPcgfE6NK.html> (accessed: March 20, 2021).

Christopher, Len (2007). 15 — Energy Security Cooperation in Asia: An ASEAN-SCO Energy Partnership? *Energy Perspectives on Singapore and the Region*. ISEAS—Yusof Ishak Institute, pp. 156—175.

Korneev, Konstantin; Pechishcheva, Liudmila (2020). Japan’s Energy Policy toward SCO Members: Current Situation and the Perspective, “*ENERGY-21: Sustainable Development & Smart Management*” Conference Proceedings, *E3S Web Conferences*, Vol. 209: 1—6.

Marketos, Thrassy. (2008). China’s Energy Geopolitics. The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia. London: Routledge, 184 p.

Moskovskaya deklaratsiya Soveta glav gosudarstv-chlenov SHOS [Moscow Declaration of the Council of the SCO member states]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36421380 (accessed: August 26, 2021). (In Russian).

Petersen, Alexandros; Barysch, Katinka (2011). Russia, China and the Geopolitics of Energy in Central Asia. *Centre for European Reform*. Report, 64 p.

Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva. Dosiye TASS [The Shanghai Cooperation Organization. TASS Dossier]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/info/5275701> (accessed: August 24, 2021). (In Russian)

Strategiya razvitiya SHOS do 2025 g [Development Strategy of the SCO up to 2025]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPGqLvQI4uaMX43IMkrMbFNewBneO.pdf> (accessed: August 24, 2021). (In Russian)

Uyanayev, S.V. (2013). Rossiisko-kitaiskoe energeticheskoe sotrudnichestvo: priznaki novogo “urovnya” [Russia-China energy cooperation: characteristic features of a new “level”]. *China in the global and regional politics. History and modernity*, 2013, No 18: 277–295. (In Russian)

Vaid, Manish (2016). India’s energy diplomacy in Central Asia could challenge China’s monopoly. *Observer Research Foundation*. 22.09.2016. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-energy-diplomacy-central-asia-challenge-china-monopoly/> (accessed: September 16, 2021).

Т.М. Мамахатов

РОССИЯ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Рассмотрены роль России на энергетическом рынке стран Юго-Восточной Азии. Проведен анализ динамики развития по каждому из направлений сотрудничества России со странами Азии, обозначены основные отрасли, задействованные в международной торговле, энергетике и сфере приложения инвестиций. Регион Юго-Восточной Азии на сегодня является одним из самых быстрорастущих как в плане населения, так и экономического роста. Быстрые темпы экономического роста и все прибавляющееся население постоянно требуют увеличения потребления энергии, делая рынок энергетических ресурсов наиболее привлекательным для международных поставщиков. Перед Россией как одного из главных поставщиков нефтегазовых ресурсов открываются большие перспективы в области сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии. Начиная с 2000-х гг. Россия начала укреплять свои позиции в Азиатском регионе, но более значимым игроком она стала с 2014 г., когда из-за обострившихся отношений с Европой и Западом Россия постепенно начала менять направление своей экономики с европейского на азиатское. Основным партнёром в данном регионе является Китай и его торговые, энергетические, сельскохозяйственные и научно-технические сотрудничества со странами. Но при этом значительную роль в регионе начинает играть и Россия, обладающая большим количеством энергоресурсов, так необходимых новым индустриальным странам.

Ключевые слова: мировая экономика, Восточная Азия, российская экономика, инвестиционная политика, международная торговля, АСЕАН.

Авторы: Мамахатов Тлеш Муратович, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай и мир», Институт Китая и современной Азии РАН.
E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Mamakhatov T.M.

Russia in the energy market of Southeast Asian countries

Abstract. The article is devoted to the role of Russia in the energy market of Southeast Asian countries. The analysis of the dynamics of development in each of the areas of cooperation between Russia and Asian countries was carried out, the main industries involved in international trade, energy and investment applications were identified. The Southeast Asian region is currently one of the fastest growing in terms of both population and economic growth. Rapid economic growth and an ever-increasing population constantly require an increase in energy consumption, making the energy resources market the most attractive for international suppliers. Russia, as one of the main suppliers of oil and gas resources, has great prospects in the field of cooperation with the countries of Southeast Asia. Since the 2000s, Russia has begun to strengthen its position in the Asian region, but it has become a more significant player since 2014, when, due to strained relations with Europe and the West, Russia gradually began to change the direction of its economy from European to Asian. The main partner in this region is China and its trade, energy, agricultural, scientific and technical cooperation with the countries. But at the same time, Russia is beginning to play a significant role in the region, which has a large amount of energy resources that are so necessary for new industrial countries.

Keywords: world economy, East Asia, Russian economy, investment policy, international trade, ASEAN.

Authors: Tlesh M. MAMAKHATOV, PhD (Economics), Leading researcher at the Center “Russia. China and the World”, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (e-mail: tmmamakhatov@gmail.com).

Глобализация как особая фаза международных отношений стала в XXI в. необратимым процессом, определяющим все остальные тенденции. Ее противоречивые последствия проявляются в регионализации, порождающей создание нескольких конкурирующих и взаимодействующих группировок, определяющих многополюсный характер мировой системы. Быстрый рост новых глобальных и региональных держав с Китаем и Индией во главе явился результатом и прямым следствием глобализации. Несмотря на кризисы и конфликты, центр мирового экономического и политического развития, благодаря де-

мографическим, технологическим и геополитическим сдвигам, медленно, но верно перемещается с Запада на Восток (в Японию, к «тиграм» Восточной Азии, в Китай и Индию). Тем самым глобализация приобретает отчетливые азиатские черты, а Азия стала рассматриваться как воплощение угрозы [Президент России].

Трансформации, происходящие в Азии, свидетельствуют о том, что региональная структура там также претерпевает значительные изменения. Здесь складываются два заметных региона, которые заслуживают самостоятельного анализа — Большой Ближний Восток и Большая Восточная Азия, включающая географические регионы Центральной, Южной, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Менее распространенной является идея Большой Южной Азии, которая подразумевает соединение пространства от Юго-Восточной Азии до Ближнего Востока [Александрова, с. 34].

Восточная Азия позиционирует себя как экономически наиболее динамичный, а политически — неоднородный регион планеты. Среднегодовые темпы прироста ВВП существенно различались по странам: от 2,0 % у Японии до 10 % у Китая [Внешняя торговля России в 2021 г.]. Темпы роста внешней торговли максимальными также были у Китая — порядка 30 % годовых. Суммарный восточноазиатский ВВП достигает 75—80 % от ВВП США и ЕС [Внешняя торговля России: итоги 2021 г.]. При этом на три страны Северо-Восточной Азии — Японию, Китай и Южную Корею приходится более 90 % региональной экономики. Уступая Китаю в хозяйственной динамике, Япония остается региональным лидером по абсолютным экономическим показателям и влиянию на мировую экономику [Russia-China trade turnover up almost 40 % in two months].

Сотрудничество в нефтяной сфере

За последние 10 лет в Китай было направлено более 300 млн т нефти и 55 млн т нефтепродуктов. Только в 2017 г. Россия экспортировала в эту страну около 60 млн т нефти, обогнав по объему поставок Саудовскую Аравию [Statistical Review of World Energy 2021].

Большой вклад в развитие энергосотрудничества внесла «Роснефть», которая совместно с CNPC (China National Petroleum Corporation) реализует беспрецедентный по масштабам многолетний проект поставок нефти в Китай по трубопроводной системе «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). В 2011 г. от нее было построено ответвление — от Сковородино до нефтеперекачивающей китайской станции Мохэ близ российской границы и далее до города Дацин (северо-восточная пров. Хэйлунцзян). На строительство трубопровода

Банк развития Китая предоставил «Роснефти» и «Транснефти» кредит в размере 25 млрд долл. на 20 лет в обмен на поставки в течение этого периода 300 млн т нефти [Statistical Review of World Energy 2021].

После введения в эксплуатацию в январе 2018 г. второй ветки этого участка его пропускная способность увеличилась до 30 млн т.

Еще одним совместным проектом «Роснефти» и CNPC является строительство нефтеперерабатывающего завода в городе Тяньцзинь мощностью 16 млн т в год (работы ведет Китайско-российская восточная нефтехимическая компания, в которой «Роснефти» принадлежит 49 % акций, CNPC — 51 %). Введение в эксплуатацию запланировано на 2020 г. Россия будет поставлять на завод 70 % нефти.

В рамках 1-го российско-китайского энергетического форума (ноябрь 2018 г.) «Роснефть» подписала ряд контрактов с китайскими компаниями. Один из них — на поставку в течение года 2,4 млн т нефти Китайской национальной химической корпорации (через ВСТО и порт Козьмино). Другой контракт — с Beijing Gas — предусматривает совместное строительство и эксплуатацию в России 170 автомобильных газонаполнительных компрессорных станций. А соглашение с Hengli Group касается сотрудничества по перспективным проектам в области разведки и добычи, нефтепереработки и нефтехимии на территории обеих стран, а также трейдинга нефтью и продуктами нефтехимии.

Сотрудничество в газовой сфере

В настоящее время «Газпром» ведет строительство газопровода «Сила Сибири», по которому газ из месторождений Восточной Сибири (Чаяндинского в Якутии и Ковыктинского в Иркутской области) будет транспортироваться как на внутренний российский рынок (через Хабаровск до Владивостока), так и на экспорт в Китай. От ответвление от газопровода в восточные районы Китая (восточный маршрут) строится на российско-китайской границе в районе Благовещенска и города Хэйхэ, расположенного на противоположной стороне реки Амур. Введение газопровода в эксплуатацию запланировано на 1 декабря 2019 г. Согласно контракту, подписанному «Газпром» и CNPC 21 мая 2014 г., по восточному маршруту будет поставляться 38 млрд куб. м газа в год в течение 30 лет. Сумма контракта — 400 млрд долл.. Условия партнерства в проектировании, строительстве и эксплуатации трансграничных зон газопровода определены меж-

правительственным соглашением от 13 октября 2014 г. [Торговля между Россией и Республикой Корея].

Важным шагом в рамках реализации восточного маршрута является создание газоперерабатывающего завода в городе Свободный (Амурская область). Его строительство началось в октябре 2015 г., выход на проектную мощность планируется в 2025 г. На Амурский ГПЗ по газопроводу «Сила Сибири» будет поступать многокомпонентный газ. Для реализации в КНР он будет перерабатываться в этан (около 2 млн т в год), пропан (около 1 млн т), бутан (500 тыс. т), газовый бензин (260 тыс. т ежегодно). Проектная мощность по переработке газа составит 42 млрд куб. м в год. Как заявил в апреле 2019 г. глава «Газпрома» Алексей Миллер, за 30 лет по газопроводу «Сила Сибири» китайским потребителям будет поставлено более 1 трлн куб. м газа.

Второй проект по транспортировке российского газа в КНР, так называемый западный маршрут, находится в стадии согласования. «Газпром» и CNPC в ноябре 2014 г. подписали рамочное соглашение. 8 мая 2015 г. они согласовали сроки и объемы поставок, которые должны войти в будущий контракт. Начало строительства этого газопровода мощностью 30 млрд куб. м ожидается в ближайшее время.

Кроме того, инвесторы из КНР проявляют интерес к российским проектам по производству сжиженного природного газа (СПГ). Так, в декабре 2015 г. Фонд Шелкового пути приобрел 9,9 % акций «Ямал СПГ», а также выдал предприятию кредит на 700 млн. Еще 20 % в этом проекте принадлежит CNPC.

22 июля 2019 г. ПАО «Новатэк» заключило сделку по продаже 20 % доли участия в проекте строительства завода по сжижению природного газа «Арктик СПГ — 2» двум китайским корпорациям (по 10 %) — CNPC и CNOOC (China National Offshore Oil Corporation).

Россия-Япония:

Сотрудничество в нефтяной сфере

С 2008 г. между «Газпромнефтью» и Yokogawa Electric Corporation (Yokogawa) действует соглашение о стратегическом сотрудничестве. Yokogawa принимала участие в формировании долгосрочных стратегических программ модернизации систем автоматизации «Московского» и «Омского НПЗ». На НПЗ «Газпромнефти» действуют технические центры, созданные в партнерстве с Yokogawa и предназначенные для управления технологическими процессами и производством с использованием оборудования и программного обеспечения японской компании и обучения профильных специалистов предприятий. В декабре 2016 г. в рамках визита президента РФ Владимира Путина в

Японию «Газпромнефть» и Yokogawa подписали соглашение о создании в Санкт-Петербурге международного центра инноваций в сфере автоматизации нефтеперерабатывающих производств. Соглашение предусматривает расширение технологического сотрудничества между компаниями, новым этапом которого станет разработка инновационной системы управления эффективностью нефтепереработки. На первом этапе совместного проекта будет создан центр разработок новых технологических решений для нефтепереработки, группа точного моделирования процессов на базе технологии «Цифровой двойник», учебный центр и лаборатория. В 2019 г. на ПМЭФ-2019 «Газпром нефть» и Yokogawa подписали меморандум, предусматривающий совместное внедрение решений для формирования центра управления производством НПЗ «Газпром нефть» [Товарооборот России и Японии].

22 июня 2012 г. в рамках 16-го Петербургского международного экономического форума компании «Газпром» и JOGMEC подписали соглашение о совместном геологическом изучении компаниями нефтяных запасов Игнялинского лицензионного участка (начальные извлекаемые запасы по категориям C1+C2 оцениваются более чем в 40 млн т нефти), расположенного в Иркутской области. В октябре 2012 г. совет директоров «Газпромнефть» одобрил сделку. Исполнителем геологоразведочных работ стала «Газпромнефть-Ангара», гарантом — «Газпром нефть», а JOGMEC — стратегическим инвестором.

В феврале 2017 г. «Газпромнефть-Сахалин», дочерняя компания «Газпромнефти», подписала контракт с компанией Nakuryu 5, Inc. (100 % дочернее предприятие Japan Drilling) об аренде буровой платформы, которая построит поисково-оценочную скважину на Аяшском лицензионном участке на шельфе Охотского моря. Полупогружная плавучая буровая установка НАКУРЮ-5 должна была завершить бурение в течение летнего сезона 2017 г., обеспечить испытание скважины и отбор керна для проведения лабораторных исследований. В октябре 2017 г. «Газпромнефть-Сахалин» завершила бурение и испытание поисково-оценочной скважины на Аяшском лицензионном участке. По результатам выполненных работ открыто новое месторождение углеводородов с оценочными геологическими запасами порядка 255 млн т н.э.

В мае 2018 г. на ПМЭФ-2018 «Газпромнефть» и японская Mitsui заключили меморандум о взаимопонимании, предусматривающий оценку перспектив сотрудничества по развитию мелководного шельфового проекта на острове Сахалин [Как развиваются российско-японские экономические проекты, с. 12].

*Сотрудничество в газовой сфере
Сотрудничество с ПАО «Газпром»*

В декабре 2016 г. состоялся рабочий визит делегации «Газпрома» во главе с председателем правления Алексеем Миллером в Японию, где прошли встречи с руководством Агентства по природным ресурсам и энергетике Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, Mitsui, Mitsubishi и JVIC. Между «Газпромом» и Агентством по природным ресурсам и энергетике было подписано соглашение о сотрудничестве, в соответствии с которым стороны будут координировать действия по развитию партнерства между «Газпром» и японскими компаниями в научно-технической, производственной и инвестиционной сферах.

Между «Газпром» и Mitsui подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве, предусматривающее взаимодействие по различным направлениям, в том числе в рамках расширения проекта «Сахалин-2», а также в области СПГ-бункеровки морского транспорта.

Между «Газпром» и Mitsubishi подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве, предусматривающее развитие партнерства в области СПГ, в частности, в рамках создания третьей очереди «Сахалина-2». Стороны также выразили намерение расширять сотрудничество в различных сферах бизнеса, не ограничиваясь реализуемым в настоящее время проектом СПГ.

В декабре 2016 г. «Газпром» и JVIC подписали меморандум о взаимопонимании. Документ определяет общие принципы сотрудничества в сфере организации финансирования проектов «Газпрома» с участием японских компаний.

В сентябре 2017 г. «Газпром» и JVIC подписали дополнительный меморандум о взаимопонимании. Документ направлен на развитие сотрудничества между компанией и банком и конкретизирует ряд положений меморандума, подписанного в декабре 2016 г.

В ноябре 2017 г. «Газпром», японские банки Mizuho Bank и Sumitomo Mitsui Banking Corporation и американский банк JPMorgan Chase Bank заключили соглашение о предоставлении кредита в размере 1 млрд сроком на 5 лет.

Сотрудничество с ПАО «НОВАТЭК»

В декабре 2016 г. были подписаны меморандумы о взаимопонимании между «НОВАТЭКом» и японскими Mitsui, Mitsubishi и Marubeni.

Помимо этого, между «Ямал СПГ» и банком JVIC было подписано кредитное соглашение о предоставлении кредитной линии в 200 млн евро.

В ноябре 2017 г. «НОВАТЭК» подписал трехсторонний меморандум о взаимопонимании с компаниями Marubeni Corporation и Mitsui O. S. K. Lines, Ltd. (MOL). Меморандум определяет намерения сторон и конкретный план мероприятий по изучению возможности создания комплекса по перевалке и маркетингу СПГ в Камчатском крае, включая в том числе инвестиции в развитие этого инфраструктурного проекта. В сентябре 2018 г. по проекту было подписано соглашение о намерениях между «НОВАТЭКом» и правительством Камчатского края, а японский банк JBIC совместно с «РФПИ» заявил о намерении инвестировать в проект. Также JBIC заключил с Marubeni и Mitsui соглашение о сотрудничестве по совместному участию в проекте.

В сентябре 2018 г. было подписано рамочное соглашение между «НОВАТЭКом» и японской JOGMEC. Также компании подписали меморандум о взаимопонимании, который закрепляет намерения сторон изучить возможности сотрудничества по проектам на полуостровах Ямал и Гыдан.

Россия—Южная Корея:

Вторая в мире страна по объёму импорта СПГ

Южная Корея является пятым в мире импортером нефти и занимает второе после Японии место по импорту сжиженного газа. Страна не располагает промышленными запасами углеводородов и не ведет добычу на своей территории, что обуславливает значительный интерес южнокорейских компаний к реализации нефтегазовых проектов за рубежом [Why South Korea intensified economic relations with Russia p. 14].

Единственное разрабатываемое шельфовое месторождение природного газа Donghae-1 с доказанными запасами 7 млрд куб. м открыто компанией Korea National Oil Corporation в 1998 г.

Добыча природного газа на месторождении Donghae-1 осуществляется с 2004 г. Текущий уровень годовой добычи составляет 510 млн куб. м, что соответствует 1,5 % совокупного национального объема потребления природного газа в год. За счет импорта СПГ обеспечивается 88,5 % потребления страны. Поставки сжиженного природного газа осуществляются через расположенные на западе и юге страны специализированные приемные морские СПГ-терминалы: Pyong Taek, Incheon, Tong Yeong, принадлежащие компании Korea Gas Corporation (KOGAS) общей мощностью 56 млрд куб. м регазифицированного газа. Терминал Gweangyang мощностью 2,32 млрд куб. м принадлежит консорциуму, состоящему из корейской компании POSCO и японской Mitsubishi. Поставщиками СПГ в Южную Корею

являются: Катар — 26,3 % совокупного объема импорта; Малайзия — 22,0 %; Оман — 20,8 %; Индонезия — 19,7 %; Египет — 3,7 %; Бруней — 3,4 %; Австралия — 2,5 %; Алжир — 0,9 %; Тринидад и Тобаго — 0,2 %.

Диверсификация поставок газа

До 2013 г. поставки газа в Республику Корея из-за рубежа росли. Но, как и в Японии, дешёвый импортный уголь привёл к тому, что загрузка газовых теплоэлектростанций начала снижаться, а в 2014 г. часть из них была выведена из эксплуатации. В результате потребность электроэнергетики в газе снизилась за 2013—2014 гг. на 10,9 %, а в период с 2014 по 2015 г. — еще на 14,5 %. Прогнозируется, что в 2016 г. газовая электрогенерация страны снизится ещё на 12,3 % и, соответственно, уменьшится спрос на газ в отрасли [Why South Korea intensified economic relations with Russia, p. 14].

Республика Корея стремится диверсифицировать поставки природного газа, активно реализует соответствующие зарубежные проекты и изучает возможности разработки шельфовых залежей газогидратов. Основная газовая компания страны — KOGAS реализует 26 газовых проектов в 13 странах. Семь проектов непосредственно связаны со сжижением природного газа и его последующим импортом в Корею. В настоящее время KOGAS имеет 16 долгосрочных (до 25 лет) и 3 среднесрочных (от 8 до 13 лет) контрактов на импорт СПГ из 10 стран. Кроме того, в рамках диверсификации поставок компания подписала соглашение о закупке в США сланцевого СПГ с терминала Sabine Pass, расположенного на побережье Мексиканского залива в объёме 3,5 млн т в год. Другая корейская компания — SK Energy — заключила 20-летний контракт с американской Freeport LNG тоже на импорт сланцевого газа с 2019 г. в объёме 2,2 млн т в год. Всего до 2020 г. законтрактовано 56 млрд куб. м СПГ в год.

Энергобаланс Южной Кореи

В настоящее время основу энергетического баланса страны составляют нефть, уголь и газ. Они же будут доминировать и в ближайшие годы, причём самыми быстрыми темпами растёт потребление угля, доля которого в 2016 г. увеличилась на 10 %. Небольшой рост спроса на газ в Южной Корее прогнозируется до 2040 г.

В результате быстрого развития атомной энергетики уже в 2013 г. страна вышла на 4-е место в мире по выработке электроэнергии на АЭС и на 5-е — по величине установленной мощности. Планируется, что в 2016 г. электрогенерация на АЭС вырастет ещё на 12,3 %.

Одновременно правительство поддерживает переход страны на газовую генерацию и субсидирует развитие альтернативной энергетики. На международном уровне Южная Корея взяла на себя обязательства внедрять программу роста «зелёной» энергетики.

Что касается Северной Кореи и Монголии, то планов широкого использования природного газа в этих странах нет. Хотя в случае прохождения по их территории транзитных газопроводов потребности в газе, несомненно, возникнут.

Потребление природного газа в промышленно развитых странах Северо-Восточной Азии, согласно прогнозам экспертов, в будущем будет расти. В этих условиях для российского природного газа открываются значительные возможности, позволяющие воспользоваться стремлением стран СВА к снижению выбросов парниковых газов и вытеснить из энергетических балансов определённую долю угля.

Россия-Сингапур

Сотрудничество в нефтяной сфере

Keppel Offshore and Marine

Сингапур является мировым лидером в строительстве морских буровых платформ и специальных судов для обеспечения добычи нефти и газа. На верфях страны были построены 7 кораблей для «ЛУКОЙЛ» (ледоколы, нефтехранилища и суда обеспечения) и 2 буксира для проекта «Сахалин-2» [Сотрудничество России и Сингапура в сфере ТЭК].

В мае 2005 г. и январе 2006 г. «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» подписал с Keppel Singmarine Pte Ltd контракт на поставку двух судов. В феврале 2007 г. в адрес компании «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» поставлено судно обеспечения буровых платформ «Светлый», в июне 2007 г. — судно обеспечения «Взморье».

В июле 2006 г. «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» разместил на верфях Keppel Singmarine Pte Ltd заказ на производство двух судов для работы на севере Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции. В августе 2008 г. в адрес компании поставлен буксир ледокольного типа «Тобой», в ноябре 2008 г. — ледокол «Варандей».

В 2009 г. для работы на Каспийском море «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» получил от Keppel Singmarine Pte Ltd многоцелевые суда ледового класса «Лангепас» и «Когалым», предназначенные для выполнения дежурно-спасательных работ. Кроме того, на верфях компании Keppel в Сингапуре и Баку построено плавучее нефтехранилище, предназначенное для загрузки танкеров-челноков и транспортировки нефти с месторождения имени Юрия Корчагина.

Keppel FELS в 2008 г. создала в Астрахани совместное предприятие с судостроительным заводом «Красные баррикады» — «Фелс-КБ Каспий Шельф» — с целью удовлетворения растущих потребностей в судах для работы на шельфовых месторождениях нефти и газа в Каспийском море [Сотрудничество России и Сингапура в сфере ТЭК].

В мае 2016 г. «Роснефть» (45 %), Keppel Offshore & Marine (45 %) и МН Wirth (10 %) подписали акционерное соглашение об учреждении СП по созданию на территории РФ Центра инженерно-технического проектирования морских буровых установок «Звезда-Кеппель». В сентябре 2016 г. стороны подписали соглашение об основных условиях в отношении якорного заказа на проектирование морских буровых установок.

Сотрудничество с «Туймаада-нефть»

В июле 2017 г. якутская нефтяная компания «Туймаада-нефть» и сингапурская компания Asian Oil & Gas подписали меморандум по разработке Западно-Анабарского лицензионного участка недр в Якутии. Для реализации проекта планируется создать совместное предприятие, где российская сторона получит 51 % уставного капитала, а сингапурская — 49 %. Перспективные ресурсы по Западно-Анабарскому участку составляют: нефти — 267 млн т, природного газа — 495 млрд куб. м.

Сотрудничество с ПАО «НК «Роснефть»

В апреле 2019 г. «Роснефть» открыла офис дочерней структуры Rosneft Singapore в Сингапуре. Новое подразделение компании будет управлять региональными проектами, а также заниматься развитием международной торговли нефтью и нефтепродуктами.

Можно отметить, что присутствие России в Восточной Азии должно быть усилено и приумножено. Будущее России во многом находится в зависимости от позиций государства в данном регионе в экономической, энергетической, а также в инвестиционной сфере. Её политическое положение в Восточной Азии должно быть прочным, что предполагает под собой членство России во всех важных региональных организациях и проведение в них гибкой и продуманной политики. Расширение и углубление экономического сотрудничества является самым логичным способом увеличения влияния России в регионе. В связи с этим существует дискуссия, должна ли Россия сосредоточиться на отношениях с ключевыми партнёрами — Китаем, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом — или развивать экономические отношения с относительно новыми партнёрами.

Многие ученые видят в более тесном экономическом сотрудничестве между Россией и АСЕАН хорошую возможность для усиления присутствия и влияния России в регионе. Хотя существуют различные препятствия для развития отношений между Россией и странами АСЕАН, в первую очередь это географическая удаленность и низкий уровень развития торговли. Однако большой потенциал этих взаимоотношений может быть реализован через формы взаимодействия, где география не имеет первостепенного значения: взаимные инвестиции, участие в проектах вообще и т. д.

Представляется, что переплетение экономик дальневосточной части России и северо-восточной части КНР может придать значительную динамику артикулированному стратегическому партнёрству между двумя странами. Несмотря на наличие аргументов против развития сотрудничества с этой страной, очевидно, что значимость Китая на ближайшую и среднесрочную перспективу как главного экономического и инвестиционного партнёра сохраняется, и альтернативы статусу российско-китайских отношений как «стержню» российского «азимута внешней политики на восточноазиатском направлении» не просматривается. Однако, как представляется, интересам России соответствует развитие отношений со всеми странами Восточной Азии, и политика, направленная на углубление сотрудничества с Японией, Южной Кореей, КНДР, странами АСЕАН и Индией, вселяет значительный оптимизм.

Библиографический список

Александрова В.А. Экономическое сотрудничество России и государств Центральной Азии: торговля, инвестиции, перспективы развития // Скиф. 2020. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-gosudarstv-tsentralnoy-azii-torgovlya-investitsii-perspektivy-razvitiya-1> (дата обращения: 09.06.2022).

Внешняя торговля России: итоги 2021 г. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/vneshnyaya-torgovlya-rossii-itogi-2021-goda/> (дата обращения: 17.06.2022).

Внешняя торговля России в 2021 г. // Отчёт о внешней торговле России в 2021 г.: товарооборот, экспорт, импорт, торговые партнёры, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2021-godu/> (дата обращения: 10.06.2022).

Газовый рынок Северо-Восточной Азии // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса. 01.11.2016. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/213/ (дата обращения: 24.06.2022).

К 20-летию диалогового партнерства АСЕАН. Новый виток интеграции и позиции России // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/asean-russia#aseanrussia>

Как развиваются российско-японские экономические проекты // Российская газета. 30.03.2021. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (дата обращения: 22.06.2022).

Киреева А.А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО. 2014. № 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-so-stranami-vostochnoy-azii-novye-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 20.06.2022).

Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021—2025 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 20.06.2022).

Почему Южная Корея активизировала экономические отношения с Россией // Ведомости. 07.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2017/12/07/744486-yuzhnaya-koreya-ekonomicheskie-rossiei> (дата обращения: 23.06.2022).

Российско-японское сотрудничество в сфере ТЭК // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса. 20.05.2020. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/750/ (дата обращения: 24.06.2022).

Сотрудничество России и Сингапура в сфере ТЭК // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса. 31.07.2020. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/776/ (дата обращения: 24.06.2022).

Товарооборот между Японией и Россией в 2021 финансовом году вырос на 56,9 % // ТАСС. 20.04.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14419699> (дата обращения: 21.06.2022).

Товарооборот России и Китая в 2021 г. достиг рекордных \$146,88 млрд // ТАСС. 14.01.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13424783> (дата обращения: 21.06.2022).

Товарооборот России и Сингапура в 2021 г. вырос на 35,6 % // ТАСС. 01.04.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14260261> (дата обращения: 21.06.2022).

Товарооборот России и Южной Кореи за 9 месяцев 2021 г. вырос на 60 % // ТАСС. 23.12.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13278267> (дата обращения: 21.06.2022).

Топ российско-китайских проектов 2020 // РАСПП. 25.12.2020. URL: https://raspp.ru/business_news/top-russian-chinese-projects/ (дата обращения: 22.06.2022).

Торговля между Россией и Китаем в 2021 г. // Отчёт о внешней торговле между Россией и Китаем в 2021 г.: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-me-zhdu-rossiy-i-kitaem-v-2021-g/> (дата обращения: 16.06.2022).

Торговля между Россией и Республикой Корея (Южной Кореей) в 2021 г. // Отчёт о внешней торговле между Россией и Республикой Корея (Южной Кореей) в 2021 г.: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL:

<https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-republikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-2021-g/> (дата обращения: 16.06.2022).

Торговля между Россией и Сингапуром в 2021 г. // Отчёт о внешней торговле между Россией и Сингапуром в 2021 г.: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-singapurom-v-2021-g/> (дата обращения: 16.06.2022).

Торговля между Россией и Японией в 2021 г. // Отчёт о внешней торговле между Россией и Японией в 2021 г.: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-yaponiey-v-2021-g/> (дата обращения: 16.06.2022).

Russia-China trade turnover up almost 40 % in two months // RT. 07.03.2022. URL: <https://www.rt.com/business/551389-china-russia-trade-growth/> (дата обращения: 14.06.2022).

Statistical Review of World Energy 2021 // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения: 14.06.2022).

Value of Russian trade in goods (export, import, and trade balance) with China from 2007 to 2020 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1003171/russia-value-of-trade-in-goods-with-china/> (дата обращения: 15.06.2022).

References

Alexandrova V.A. (2020). Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i gosudarstv Tsentral'noy Azii: torgovlya, investitsii, perspektivy razvitiya [Economic cooperation between Russia and the states of Central Asia: trade, investments, development prospects]. *Skif*. No. 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-gosudarstv-tsentralnoy-azii-torgovlya-investitsii-perspektivy-razvitiya-1> (accessed: June 6, 2022). (In Russian).

Gazoviy rynek Severo-Vostochnoy Azii [Gas market of Northeast Asia]. *Central Dispatch Department of the Fuel and Energy Complex*. 01.11.2016. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/213/ (accessed: June 24, 2022). (In Russian)

K 20-letiyu dialogovogo partnyorstva ASEAN. Novyi vitok integratsii i pozitsii Rossii [To the 20th Anniversary of the ASEAN Dialogue Partnership. A new round of integration and Russia's position]. *Russian Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/asean-russia#aseanrussia> (accessed: June 22, 2022) (In Russian).

Kak razvivayutsya rossiysko-yaponskiye ekonomicheskiye proyekty [How Russian-Japanese Economic Projects Are Developing]. *Rossiyskaya Gazeta*. 30.03.2021. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (accessed: June 22, 2022) (In Russian).

Kireeva A.A. (2014). Otnosheniya Rossii so stranami Vostochnoy Azii: novye vyzovy i vozmozhnosti [Russia's relations with the countries of East Asia: new challenges and opportunities]. *Bulletin of MGIMO*. No. 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

otnosheniya-rossii-so-stranami-vostochnoy-azii-novye-vyzovy-i-vozmozhnosti (accessed: June 20, 2022). (In Russian)

Kompleksnyi plan deystvii po realizatsii strategicheskogo partnyorstva mezhdyy Rossiiskoy Federatsiyy i Assotsiatsiyy gosudarstv Yugo-Vostochnoy Azii (2021—2025 gody) [Comprehensive action plan for the implementation of the strategic partnership between the Russian Federation and the Association of Southeast Asian Nations (2021—2025)]. *President of Russia Website*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5726> (accessed: June 20, 2022) (In Russian).

Pochemu Yuzhnaya Koreya aktivizirovala ekonomicheskiye otnisheniya s Rossiyyey [Why South Korea intensified economic relations with Russia]. *Vedomosti*. 07.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2017/12/07/744486-yuzhnaya-koreya-ekonomicheskie-rossiei> (accessed: June 23, 2022) (In Russian).

Rossiisko-yaponskoye sotrudnichestvo v sfere TEK [Russian-Japanese cooperation in the fuel and energy sector]. *Central Dispatch Department of the Fuel and Energy Complex*. 20.05.2020. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/750/ (accessed: June 24, 2022). (In Russian).

Russia-China trade turnover up almost 40 % in two months — Text: electronic. *RT*. 07.03.2022. URL: <https://www.rt.com/business/551389-china-russia-trade-growth/> (accessed: June 14, 2022).

Sotrudnichestvo Rossii i Singapura v sfere TEK [Cooperation between Russia and Singapore in the Fuel and Energy Complex]. *Central Dispatch Office of the Fuel and Energy Complex*. 31.07.2020. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/776/ (accessed: June 24, 2022). (In Russian).

Statistical Review of World Energy 2021. BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: June 14, 2022).

Top Rossiysko-kitayskikh proyektov 2020 [Top Russian-Chinese projects 2020]. *RASPP*. 25.12.2020. URL: https://raspp.ru/business_news/top-russian-chinese-projects/ (accessed: June 22, 2022) (In Russian).

Torgovlya mezhdyy Rossiyyey i Kitayem v 2021 [Trade between Russia and China in 2021]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdyy-rossiyyey-i-kitayem-v-2021-g/> (accessed: June 16, 2022) (In Russian).

Torgovlya mezhdyy Rossiyyey i Respublikoy Koreya (Yuzhnoy Koreey) v 2021 g. [Trade between Russia and the Republic of Korea (South Korea) in 2021]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdyy-rossiyyey-i-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-2021-g/> (accessed: June 16, 2022) (In Russian).

Torgovlya mezhdyy Rossiyyey i Singapurom v 2021 [Trade between Russia and Singapore in 2021] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdyy-rossiyyey-i-singapurom-v-2021-g/> (accessed: June 16, 2022) (In Russian).

Torgovlya mezhdyy Rossiei i Yaponiei v 2021 [Trade between Russia and Japan in 2021]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdyy-rossiei-i-yaponiei-v-2021-g/> (accessed: June 16, 2022) (In Russian).

Tovarooborot mezhdu Rossiyey i Singapurom v 2021 godu vyros na 35.6 % [Trade turnover between Russia and Singapore grew by 35.6 % in 2021] TASS. 01.04.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14260261> (accessed: June 21, 2022) (In Russian).

Tovarooborot mezhdu Yaponiyei i Rossiey v 2021 finansovom godu vyros na 56,9 % [Trade turnover between Japan and Russia in fiscal 2021 increased by 56.9 %]. TASS. 20.04.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14419699> (accessed: June 21, 2022) (In Russian).

Tovarooborot Rossii i Kitaya v 2021 godu dostig rekordnykh \$146,88 mlrd [Trade turnover between Russia and China in 2021 reached a record \$146.88 billion]. TASS. 14.01.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13424783> (accessed June 21, 2022) (In Russian).

Tovarooborot Rossii i Yuzhnoy Korei za devyat' mesyatsyev 2021 goda vyros na 60 % [Trade turnover between Russia and South Korea grew by 60 % in nine months of 2021]. TASS. 23.12.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13278267> (accessed: June 21, 2022) (In Russian).

Value of Russian trade in goods (export, import, and trade balance) with China from 2007 to 2020. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1003171/russia-value-of-trade-in-goods-with-china/> (accessed: June 15, 2022).

Vneshnyaya trgovlya Rossii: itogi 2021 goda [Russian foreign trade: results of 2021] URL: <https://journal.open-broker.ru/research/vneshnyaya-torgovlya-rossii-itogi-2021-goda/> (accessed: June 17, 2022) (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii v 2021 godu [Russian foreign trade in 2021]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2021-godu/> (accessed: June 10, 2022) (In Russian).

В.С. Акуленко

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ННН-ПРОМЫСЛУ В СВА

Аннотация. Дан анализ нынешнего состояния и перспектив развития сотрудничества в области противодействия нелегальному, несообщаемому и нерегулируемому промыслу (далее ННН-промыслу) в СВА. Используются статистические данные, официальные документы и отчёты, а также информационные сообщения российской и зарубежной прессы. Противодействие ННН-промыслу является одним из важнейших аспектов взаимоотношений всех стран СВА, имеющих выход к морю. Однако проблема браконьерского промысла и поставок в страны СВА незаконно добытых гидробионтов была остаётся серьёзным препятствием к нормальному развитию двусторонних отношений. Тем не менее в конце 1990-х и начале 2000-х гг. были заключены новые и обновлены старые соглашения о рыболовстве, что заложило прочные основы взаимодействия в области борьбы с ННН-промыслом. Кроме двусторонних соглашений, страны СВА участвуют и в международных договорах и организациях, таких как Соглашение о мерах государства порта по предотвращению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого рыболовства; Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в арктических водах; Комиссии по рыболовству в северной части Тихого океана; Комиссии по рыболовству в западной и центральной частях Тихого океана; Комиссии по сохранению южного голубого тунца; ФАО ООН. Главным вызовом для стран региона в настоящий момент является незаконный промысел, который

браконьеры ведут в бассейнах Японского, Жёлтого и Восточно-Китайского морей. Рыбаки, ведущие ННН-промысел, активно пользуются территориальными спорами и политическими конфликтами между странами региона, что ставит искоренение браконьерского промысла в регионе СВА в зависимость от решения данных споров и конфликтов.

Ключевые слова: рыболовство, ННН-промысел, КНДР, Республика Корея, Япония, Россия, Тайвань, Китай.

Автор: Акуленко Вадим Сергеевич, к.и.н., старший преподаватель кафедры корееведения, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет. ORCID: 0000-0002-0449-471X.

E-mail: akulenko.vs@dvfu.ru; vakulenco@mail.ru

Akulenko V.S.

The current state and prospects for the development of cooperation in the field of countering IUU fishing in the NEA region

Abstract. This paper is focused on the analysis of the current state and prospects for the development of cooperation in countering illegal, unreported and unregulated fishing (hereinafter IUU fishing) in the NEA. To conduct this research the author used statistical data, official documents and reports, as well as information from the Russian and foreign press. Countering IUU fishing is one of the most important aspects of the relationship of all NEA countries with access to the sea. However, the problem of poaching and the supply of illegally caught fish to the NEA countries has been a serious obstacle to the normal development of bilateral relations. Nevertheless, in the late 1990s and early 2000s solid foundations were set for cooperation in the field of combating IUU fishing in the form of concluding new and updating old fishery agreements. In addition to bilateral agreements NEA countries also participate in international agreements and organizations, such as the Port State Measures Agreement; the Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean; North Pacific Fisheries Commission; Western and Central Pacific Fisheries Commission; Commission for the Conservation of Southern Bluefin Tuna; FAO. The main challenge for the countries of the region at the moment is illegal fishing conducted by poachers in the basins of the Japanese, Yellow and East China Seas. Fishermen engaged in IUU fishing actively use territorial disputes and political conflicts between the states of the region, which makes the eradication of poaching in the NEA region dependent on the resolution of these disputes and conflicts.

Keywords: fishing, IUU fishing, DPRK, Republic of Korea, Japan, Russia, Taiwan, China.

Author: Vadim S. AKULENKO, Ph.D (History), Senior lecturer, Department of Korean Studies, Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University.
ORCID: 0000-0002-0449-471X (e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru; vakulenco@mail.ru).

В работе представлен анализ нынешнего состояния и перспектив развития сотрудничества в области противодействия нелегальному, несообщаемому и нерегулируемому промыслу (далее ННН-промыслу) в СВА. Для её написания были использованы статистические данные, официальные документы и отчёты, а также информационные сообщения российской и зарубежной прессы.

Противодействие ННН-промыслу является краеугольным камнем взаимоотношений всех стран СВА. Богатейшие ресурсы региона делают его привлекательным для браконьеров со всего мира. Отсутствие взаимодействия по этому направлению может иметь печальные последствия. Так произошло, например, в таком регионе, как Западная Африка, где страны не способны контролировать собственные ИЭЗ, что приводит к их разграблению, обнищанию прибрежных сообществ и появлению пиратства. По данным ФАО ООН, браконьерским способом ежегодно вылавливается до 26 млн т рыбы общей стоимостью от 10 до 23 млрд долл. [Shegal, Unreported and...]. Часть этой рыбы добывается и в бассейнах морей СВА.

К счастью, страны региона СВА достаточно давно и плодотворно сотрудничают друг с другом в указанной области и являются участниками различных соглашений и организаций, занимающихся борьбой с ННН-промыслом. Практически у всех стран СВА есть двусторонние соглашения, направленные на борьбу с незаконным промыслом. Особенно остро данная проблема стоит во взаимоотношениях между Китаем, с одной стороны, и Южной Кореей, Японией и Россией — с другой. Избыточные рыбопромысловые мощности Китая в сочетании с бурным индустриальным развитием страны превратили некоторые прибрежные акватории республики в морские пустыни, что толкает китайских рыбаков на незаконный промысел в водах соседних стран.

Проблема ННН-промысла и поставок незаконно добытых морепродуктов из РФ в государства СВА также долгое время была серьёзным препятствием для развития двусторонних отношений между Россией и странами региона. Однако активная работа Федерального агентства по рыболовству РФ (далее ФАР) с начала 2000-х гг., а также заключение двусторонних соглашений об обязательной про-

верке сертификатов места производства, выданных ФАР, позволило практически решить эту проблему.

Особенно показательным примером являются незаконные поставки российского краба на рынок Республики Корея напрямую или через Японию. Ежегодный ущерб РФ от поставок незаконно добытого краба составлял от 800 млн до 1 млрд долл. [Rõshia «ke pulbõrchoõr...]. С целью борьбы с этими нелегальными поставками 22 декабря 2009 г. между РФ и РК было подписано Соглашение о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов. Благодаря двустороннему соглашению между странами данный поток нелегального краба был остановлен.

Есть подобные соглашения у РФ и с другими соседями — Японией, Китаем и КНДР. С Китаем соглашение о сотрудничестве в области предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН-промысла живых морских ресурсов было заключено в 2012 г. Документ предусматривает введение специального сертификата — официального письменного удостоверения, подтверждающего законность добычи вывозимых из Китая или России водных биоресурсов. В том же году с Японией было заключено соглашение о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами, также подразумевающее, что все уловы российского происхождения и продукция из них будут выгружаться в портах Японии только при предъявлении специального сертификата, выданного Росрыболовством. Есть у РФ соглашение о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов и с КНДР. Впрочем, события последних лет ставят под вопрос желание северокорейской стороны обуздать своих браконьеров.

Активно сотрудничают в области противодействия ННН-промыслу РК и КНР. В 2001 г. между странами было заключено двустороннее соглашение в области рыболовства, которое положило начало совместным усилиям двух стран по борьбе с браконьерами на море. С 2005 г. стороны ежегодно проводят рабочие встречи с целью обсуждения действий по надзору за рыбным промыслом. К примеру, в нынешнем году активно обсуждалось противодействию незаконной добыче кальмара в водах КНДР, которую ведут китайские рыбаки [Han-Chung, Tonghae...]. Ещё один знаменательный этап был пройден в 2014 г., когда было проведено первое совместное патрулирование судов южнокорейской и китайской рыбоохраны. В нынешнем году состоялся уже

10-й совместный патруль, в ходе которого было задержано 31 китайское судно-нарушитель [Han-Chung chidodansoksn...].

Япония также стремится к установлению двусторонних соглашений о защите морских биоресурсов и предотвращении ННН-промысла. К примеру, положения, связанные с борьбой против браконьерского промысла, вошли в новое японо-южнокорейское соглашение о рыболовстве, подписанное в 1998 г. За год до этого в ходе интенсивных и сложных переговоров было подписано китайско-японское соглашение о рыболовстве, а в 2013 г. Япония заключила подобное соглашение и с Тайванем.

Кроме двусторонних соглашений страны СВА участвуют и в международных договорах и организациях. Важным шагом на пути к искоренению ННН-промысла стало появление первого обязательного международного договора — Соглашения о мерах государства порта по предотвращению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого рыболовства. Из стран СВА его подписали Россия, Япония и Республика Корея. У КНР на данный момент нет возможности взять на себя обязанности, прописанные в этом соглашении, однако она стремится создать условия для его подписания.

Ещё одно важное соглашение, к которому присоединились страны СВА — это Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в арктических водах. Его подписали Россия, Китай, Республика Корея и Япония. Главная цель соглашения — предупредить возникновение нерегулируемого рыболовства в акватории, расположенной за пределами исключительных экономических зон приарктических государств: Канады, Дании, Норвегии, России и США. Наблюдения показывают, что значительная часть акватории Арктики, по крайней мере в летние месяцы, все чаще оказывается свободной ото льда, который до этого препятствовал развитию судоходства. Без ледовой защиты доступ в этот район будет открыт, что может представлять угрозу для морских экосистем Арктики.

Кроме того, страны СВА активно сотрудничают в области рыболовства в рамках международных организаций, занимающихся регулированием рыболовства как в отдельных частях Мирового океана (Комиссия по рыболовству в северной части Тихого океана, Комиссия по рыболовству в западной и центральной частях Тихого океана, Комиссии по сохранению южного голубого тунца), так и во всём мире (ФАО ООН).

Таким образом, взаимодействие в области рыболовства между странами СВА по вопросу борьбы с ННН-промыслом проходит весьма

активно. Основными акторами являются Россия, Япония, Республика Корея и Китай. Монголия в силу своей удалённости от морского побережья и неразвитости как самой отрасли, так и потребления рыбы и морепродуктов не принимает активного участия в этом взаимодействии. В то же время на КНДР, стремящуюся к взаимодействию с другими странами СВА в данном направлении, наложены международные ограничения, запрещающие ей торговать морепродуктами или предоставлять квоты на их промысел в своей ИЭЗ другим странам.

Однако не всё так гладко в отношениях между странами региона. Наиболее остро в последние годы стоит вопрос о браконьерском промысле в бассейне Японского моря, который ведут китайские и северо-корейские браконьеры. После проведения анализа ночных снимков Японского моря с 2012 по 2018 г. было подтверждено массовое проникновение северо-корейских рыболовных судов в южную часть российской экономической зоны (до 42,5° с.ш.) наблюдалось в 2015—2017 гг., а в 2018 г. флот КНДР сместился на северо-восток до 44° с.ш., подойдя вплотную к 12-мильной зоне России [Дубинина и др., 2019, с. 241]. Число северо-корейских судов, занимавшихся незаконным промыслом в исключительной экономической зоне РФ в 2018 г., на основе анализа спутниковых данных оценивается, примерно в 3 тыс. судов — максимум с начала проведения подобных наблюдений [Park, Jaeyoon et al]. В 2019 г. их число снизилось до уровня 2017 г. — около 2 тыс. судов [Illuminating Dark Fishing...].

С середины 2010-х гг. северо-корейские рыбаки начали тревожить и воды Японии. Начиная с 2017 г. в выпускаемой ежегодно Агентством по рыболовству Японии «Белой книге по рыболовству» начинают упоминаться выдворения северо-корейских и других иностранных рыболовных судов, ведущих незаконный промысел. Таких выдворений из исключительной экономической зоны Японии в районе банки Кито-Ямато в 2017 г. было зафиксировано 5191 [FY2017 Trends...], в 2018 г. — 5315 [FY2018 Trends...], в 2019 г. — 5122 [FY2019 Trends...]. При этом в 2016 г. их было всего 3681 [Fisheries Agency...]. Конечно, часть из выдворенных судов были идентифицированы как китайские, но всё же подавляющее их число были именно северо-корейскими: 5201 — в 2018 г. и 4007 — в 2019 г. [Nippon-kai Yamato tai (2019)...].

После начала пандемии коронавируса северо-корейские суда у границ ИЭЗ Японии заменили китайские браконьеры. В 2020 г. произошло 4393 их выдворения, 782 из них произошли с использованием водомёттов [Nippon-kai Yamato tai (2020)...].

В северо-корейские воды, в свою очередь, стали активно вторгаться китайские рыбаки, что могло стать одной из важных причин исхода се-

верокорейских рыбаков за пределы собственной ИЭЗ. С 2017 г. промысел иностранных судов в водах КНДР стал незаконным из-за введения в действие Резолюция Совета Безопасности ООН 2371. Однако анализ спутниковых снимков, сделанных PlanetScore в 2017 и 2018 гг., показал, что в 2017 г. промысел вели как минимум 796 так называемых парных (близнецовых) траулеров, а в 2018 г. — 588. Несмотря на то, что лишь часть из них транслировала сигнал АИС (автоматическая идентификационная система), полученные данные позволяют с большой долей уверенности идентифицировать их как приписанные к китайским портам и ведущие промысел в китайских водах [Park, Jaeyoon et al....]. В 2019 г. промысел в северокорейских водах был продолжен на сравнимом с 2017—2018 гг. уровне — около 790 судов [Illuminating Dark...].

Остро стоит проблема ННН-промысла и в Жёлтом море. Китайские рыбаки, не имея лицензий на промысел в ИЭЗ РК, ежегодно вторгаются в южнокорейские воды в ночное время или пользуясь непогодой. К примеру, в 2020 г. южнокорейские власти задержали 142 судна-нарушителя, а также были вынуждены 20 997 раз выдворить незаконно проникших китайских рыбаков [Chunggugöşön pulbörşoöř pñgöganñnde...]. В ряде случаев браконьеры пользуются нерешённостью вопроса о морской границе между РК и КНДР в Жёлтом море и ведут промысел в спорной акватории в районе так называемой Северной разграничительной линии (NLL). Ещё одной горячей точкой является Восточно-Китайское море, где Япония, Тайвань и Китай ведут споры вокруг принадлежности ряда акваторий, чем также умело пользуются браконьеры.

Таким образом, активность хорошо оснащённого китайского рыболовного флота в северокорейских водах, непрерывно возрастающая с начала 2000-х гг., негативным образом сказывалась на состоянии морских биоресурсов в прибрежной и 200-мильной зоне КНДР и вынудила северокорейских рыбаков уйти в открытое море в направлении банки Кито-Ямато, а также ИЭЗ России и Японии. Это не только привело их к столкновениям с пограничниками и рыбоохраной двух стран, но и негативным образом сказалось на состоянии морских биоресурсов региона. Активны браконьеры и в акваториях Жёлтого и Восточно-Китайского морей, где они в том числе пользуются спорами о принадлежности ряда акваторий.

В результате проделанной исследовательской работы было сделано два важных вывода. Во-первых, сотрудничество в области борьбы с ННН-промыслом является одним из важнейших направлений взаимодействия между странами СВА. Оно реализуется как в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, так и посредством участия

в международных организациях. Во-вторых, главным вызовом в области борьбы с ННН-промыслом в бассейне Японского моря остаются китайские и северокаорейские браконьеры. Наблюдения показывают, что первые, возможно, выдавливают вторых из собственных вод, вынуждая их совершать набеги на воды России и Японии. Что касается акваторий Жёлтого и Восточно-Китайского морей, то здесь сложность в противодействии ННН-промыслу связана с нерешённым вопросом о принадлежности ряда островных территорий и, как следствие, акватории вокруг них, чем активно пользуются браконьеры.

Библиографический список

Дубинина В.А. и др. Оценка рыболовного трафика в Японском море по данным ночных съёмов радиометров VIIRS // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2019. т. 16. No 1. С. 239—242.

Ниппон-кай Ямато-гай сухен суйики-то ни океру гайкоку-то гёсен э но тайо йокё ни суйте (2020) [Отчёт относительно иностранных судов в водах вокруг банки Ямато в Японском море в 2020 г.] // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/j/kanri/torishi/mari/attach/pdf/20210129.pdf> (дата обращения: 10.12.2021) (На яп.).

Ниппон-кай Ямато-гай сухен суйики-то ни океру гайкоку-то гёсен э но тайо йокё ни суйте (2019) [Отчёт относительно иностранных судов в водах вокруг банки Ямато в Японском море в 2019 г.] // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии. URL: https://www.jfa.maff.go.jp/j/topics/attach/pdf/topics_arc-13.pdf (дата обращения: 10.12.2021) (На яп.).

Росиа «ке пульбоп чооп магая Хан-э ооп квотхо пэдан» [Россия: «Дам квоты Корею только в случае предотвращения незаконного промысла краба»] // No Cut News. 15.11.2012. URL: <https://www.nocutnews.co.kr/news/982797> (дата обращения: 10.12.2021) (На кор.).

Хан-Чжун чидотансоксон, чунгук осон пульбоп чооп кондон-ыро камсиханда [Корейские и китайские суда рыбоохраны совместно наблюдают за незаконным промыслом китайских рыболовных судов] // Министерство морских дел и рыболовства Республики Корея. URL: <https://www.mof.go.kr/article/view.do?menuKey=971&boardKey=10&articleKey=38646> (дата обращения: 10.12.2021) (На кор.).

Хан-Чжун, Тонхэ пукхан сук пульбоп чунгук осон тансог-ыль вихэ сончаба [Корея и Китай объединяют усилия для борьбы с незаконным промыслом китайских браконьеров в северокаорейских водах] // Министерство морских дел и рыболовства Республики Корея. URL: <https://www.mof.go.kr/article/view.do?menuKey=971&boardKey=10&articleKey=39110> (дата обращения: 10.12.2021) (На кор.).

Чунгук осон пульбоп чооп ныроганнындэ, тансоннян-ын охирё чуро... «но-рякчиль танхэдо порын чоогинга?» [Незаконный промысел китайских рыболовных судов увеличился, а контроль скорее ослаб... «нас дразнят, а мы притворяемся,

что ничего не происходит?»] // *The Chosunilbo*. 30.10.2021. URL: https://www.chosun.com/economy/economy_general/2021/10/30/4KFNA2FWEJEHVVDV3XRVHQIUE4/ (дата обращения: 10.12.2021) (На кор.).

Fisheries Agency Niigata Fisheries Coordination Office // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбной ловли Японии. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/niigata/attach/pdf/index-1.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

FY2017 Trends in Fisheries. FY2018 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбной ловли Японии. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/e/annualreport/attach/pdf/index-14.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

FY2018 Trends in Fisheries. FY2019 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбной ловли Японии. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/e/annualreport/attach/pdf/index-12.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

FY2019 Trends in Fisheries. FY2020 Fisheries Policy. Summary // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбной ловли Японии. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/e/annualreport/attach/pdf/index-11.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

Illegal, Unreported and Unregulated (IUU) fishing // Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/iuu-fishing/en/> (дата обращения: 10.12.2021).

Illuminating Dark Fishing Fleets in North Korea — Analysis for 2019 // Global Fishing Watch. URL: <https://globalfishingwatch.org/wp-content/uploads/Illuminating-Dark-Fishing-Fleets-in-North-Korea-Analysis-for-2019-1.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

Park, Jaeyoon et al. Illuminating dark fishing fleets in North Korea // *Science Advances*. Vol. 6, Issue 30. 22.07.2020. URL: <https://advances.sciencemag.org/content/6/30/eabb1197> (дата обращения: 10.12.2021).

References

Junggeoseon bulbeopjoeop neureoganeunde, dansokryangeun ohiryeo jureo... “noryakjil danghaedo moreuncheoginga?” [Illegal fishing by Chinese fishing vessels has increased, but control has rather weakened... “they tease us, and we pretend that nothing is happening?»], *The Chosunilbo*. October 30, 2021. URL: https://www.chosun.com/economy/economy_general/2021/10/30/4KFNA2FWEJEHVVDV3XRVHQIUE4/ (accessed: 10 December, 2021). (In Korean).

Dubinina V.A. et al. (2019). Otsenka rybolovnogo trafika v Yaponskom more po dannym nochnykh s'yomok radiometrov VIIRS [Assessment of fishing traffic in the Sea of Japan based on night surveys of VIIRS radiometers]. *Sovremennyye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa* [Modern problems of remote sensing of the Earth from space], Vol. 16. No 1: 239—242. (In Russian).

Fisheries Agency Niigata Fisheries Coordination Office, *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan*. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/niigata/attach/pdf/index-1.pdf> (accessed: 10 December, 2021) (In Japanese).

FY2017 Trends in Fisheries. FY2018 Fisheries Policy White Paper on Fisheries: Summary, *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan*. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/e/annualreport/attach/pdf/index-14.pdf> (accessed: 10 December, 2021).

FY2018 Trends in Fisheries. FY2019 Fisheries Policy. White Paper on Fisheries: Summary, *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan*. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/e/annualreport/attach/pdf/index-12.pdf> (accessed: 10 December, 2021).

FY2019 Trends in Fisheries. FY2020 Fisheries Policy. Summary, *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan*. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/e/annualreport/attach/pdf/index-11.pdf> (accessed: 10 December, 2021).

Han-Chung chidodansoksŏn, chunggugŏsŏn pulbŏpchoŏm kongdongŭro kamshihanda: [Korean and Chinese fisheries protection vessels jointly monitor the illegal fishing of Chinese fishing vessels], *Ministry of Oceans and Fisheries of the Republic of Korea*. URL: <https://www.mof.go.kr/article/view.do?menuKey=971&boardKey=10&articleKey=38646> (accessed: 10 December, 2021) (In Korean).

Han-Chung, Tonghae puk'ansuyŏng pulbŏm chunggugŏsŏn tansokŭl wihae sonjaba: [Korea and China join forces to combat illegal fishing by Chinese poachers in North Korean waters], *Ministry of Oceans and Fisheries of the Republic of Korea*. URL: <https://www.mof.go.kr/article/view.do?menuKey=971&boardKey=10&articleKey=39110> (accessed: 10 December, 2021) (In Korean).

Illegal, Unreported and Unregulated (IUU) fishing, *Food and Agriculture Organization of the United Nations*. URL: <https://www.fao.org/iuu-fishing/en/> (accessed: 10 December, 2021).

Illuminating Dark Fishing Fleets in North Korea — Analysis for 2019, *Global Fishing Watch*. URL: <https://globalfishingwatch.org/wp-content/uploads/Illuminating-Dark-Fishing-Fleets-in-North-Korea-Analysis-for-2019-1.pdf> (accessed: 10 December, 2021).

Nippon-kai Yamato tai shŭhen suiiki-tŏ ni okeru gaikoku-tŏ gyosen e no taiŏ jŏkyŏ ni tsuite (2020) [Report on foreign vessels in the waters around Yamato Bank in the Sea of Japan in 2020], *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan*. URL: <https://www.jfa.maff.go.jp/j/kanri/torishimari/attach/pdf/20210129.pdf> (accessed: 10 December, 2021). (In Japanese).

Nippon-kai Yamato tai shŭhen suiiki-tŏ ni okeru gaikoku-tŏ gyosen e no taiŏ jŏkyŏ ni tsuite (2020) [Report on foreign vessels in the waters around Yamato Bank in the Sea of Japan in 2019], *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan*. URL: https://www.jfa.maff.go.jp/j/topics/attach/pdf/topics_arc-13.pdf (accessed: 10 December, 2021). (In Japanese).

Reosia “ge bulbeopjoeop magaya Han-e eoeopkwoteo baedang” [Russia: “I will give quotas to Korea only if illegal crab fishing is prevented»], *No Cut News*. November 15, 2012. URL: <https://www.nocutnews.co.kr/news/982797> (accessed: 10 December, 2021). (In Korean).

А.М. Харитонова

ИССЛЕДОВАНИЯ XXI ВЕКА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ О ЗАПАДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О КИТАЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Китай во второй половине XIX века находился в тяжелом положении по сравнению с другими периодами своей истории. Слишком медленно модернизирующийся и ослабевающий Китай стал привлекательной целью для сильных стран, которые имели различные планы относительно расширения собственного влияния в Китае. Иностранцы (дипломаты, коммерсанты, чиновники, журналисты, миссионеры), прибывавшие в Китай в этот период с различными целями, оставляли письменные свидетельства (дневники, письма, отчеты, статьи, очерки и рассказы) о путешествиях по Азии. Проблема конструирования знания о мире «другого», отличного от идентичности западного человека представляется крайне актуальной и в современную эпоху. В Китае за последние несколько лет увеличилось количество исследований, посвященных анализу иностранных (европейских и японских) дневников, путевых заметок. Рассмотрены 13 научных публикаций.

Были проанализированы 5 статей о дневниках миссионера Эвариста Региса Гюка; о заметках британской писательницы миссис Алисии Арчибальд Литтл; о литературном произведении «Путешествия сэра Джона Мандевиля»; о китайских материальных ценностях эпохи Мин, собранных в европейских коллекциях); 5 магистерских диссертаций (о путевых заметках британских женщин; о работах японцев, прибывавших в XIX веке в Китай; о травелогах выдающегося казахского востоковеда Чокана Валиханова; о произведениях пи-

сателя Сомерсета Моэма; о заметках миссионеров о Гуанси); 3 докторские диссертации (о миссионере Джордже Уильяме Кларке и его письменном наследии о Гуйчжоу и Юньнани; о путевых заметках писателя С. Моэма; об образе Сычуани и Юньнани XIX в. в путевых заметках иностранцев). Вводя в научный оборот и используя новые исследования, можно взглянуть по-новому на известные исторические события, происходившие в Цинской империи в XIX — начале XX века.

Ключевые слова: Образ Китая, миссионеры в Китае, дневники, Китай, империя Цин, Юго-Западный Китай.

Автор: Харитоновна Анна Михайловна, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ. ORCID: 0000-0003-4234-5579. E-mail: a.kharitonova@spbu.ru

Kharitonova A.M.

Research of the XXI Century in Chinese about Western Beliefs About China in the 19th Century

Abstract. China in the second half of the 19th century was in a difficult position compared to other periods of its history. Too slowly modernizing and weakening China became an attractive target for powerful countries that had various plans to expand their own influence in China. Foreigners (diplomats, businessmen, officials, journalists, missionaries) who arrived in China during this period for various purposes, left written evidence (diaries, letters, reports, articles, essays and stories) about their travels in Asia. The problem of constructing knowledge about the world of the “other”, different from the identity of a Western person, seems to be extremely relevant in the modern era. In China, over the past few years, the number of studies devoted to the analysis of foreign (European and Japanese) diaries and travel notes has increased. The article includes 13 scientific publications. 5 articles about the diaries of the missionary Evarist Regis Guk were analyzed; on the notes of the British writer Mrs. Alicia Archibald Little; the literary work *The Travels of Sir John Mandeville*; about Chinese material values of the Ming era, collected in European collections); 5 MA theses (on the travel notes of British women; on the works of the Japanese who arrived in China in the 19th century; on the travelogues of the outstanding Kazakh orientalist Chokan Valikhanov; on the works of the writer Somerset Maugham; on the missionaries' notes about Guangxi); 3 PhD theses (on the missionary George William Clark and his written heritage about Guizhou and Yunnan; on the travel notes of the writer S. Maugham; on the image of Sichuan and Yunnan in the 19th century in the travel notes of foreigners). By introducing into scientific circulation and using new research, one can take a fresh look at the well-known historical events that took place in the Qing Empire in the 19th — early 20th centuries.

Keywords: Image of China, missionaries in China, diaries, China, Qing empire, Southwest China.

Author: Anna M. KHARITONOVA, Assistant Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-4234-5579 (e-mail: a.kharitonova@spbu.ru).

Введение

Китай во второй половине XIX века находился в тяжелом положении по сравнению с другими периодами своей истории. Слишком медленно модернизирующийся и ослабевающий Китай стал привлекательной целью для сильных западных держав и Японии, которые имели планы разделить империю Цин на сферы влияния с возможностью последующего захвата части территорий страны. Социально-экономический строй Китая, который сложился на протяжении XVII—XVIII вв., казался Цинам долговечным. Однако народные движения, агрессивное проникновение европейцев на рынок Китая, поражения в войнах — все больше обнажали внутреннее ослабление империи. Находясь в постоянной опасности, Цинское правительство было вынуждено модернизировать страну. «Политика самоусиления» и «Сто дней реформ» не увенчались успехом, напротив, в революционно настроенных слоях населения окрепли возникшие предпосылки для свержения Цинской династии. Таким образом, Китай во многом не по своей воле в XIX — начале XX вв. был втянут в мировые экономические процессы и вступил в фазу активного межцивилизационного обмена.

Иностранцы (дипломаты, коммерсанты, чиновники, журналисты, миссионеры), прибывавшие в Китай в этот период с различными целями, оставляли письменные свидетельства (дневники, письма, отчеты, статьи, очерки и рассказы) о путешествиях по Азии. Проблема конструирования знания о мире «другого», отличного от идентичности западного человека представляется крайне актуальной и в современную эпоху.

Источники

В Китае за последние несколько лет увеличилось количество исследований, посвященных анализу иностранных (европейских и японских) дневников, путевых заметок. Эти исследования интересны выбором научных тем, кругом источников и выводами. В статью вошло 13 научных публикаций. Поиск опубликованных научных иссле-

дований осуществлялся посредством сайта (<https://www.cnki.net/>). Как известно, эта национальная база знаний Китая, обладающая одной из крупнейших в мире библиотек в цифровом формате, предоставляет доступ к огромному массиву информации на китайском языке. Для наибольшей репрезентативности были выбраны 3 типа публикаций.

Во-первых, было проанализировано 5 статей китайских ученых. В статьях раскрываются особенности восприятия иностранцами Китая на различном историческом материале (такие, как дневники миссионера Эвариста Региса Гюка; заметки британской писательницы миссис Алисии Арчибалд Литтл; литературное произведение «Путешествия сэра Джона Мандевила»; китайские материальные ценности эпохи Мин, собранные в европейских коллекциях).

Второй тип публикаций, в котором исследуется образ Китая — это магистерские диссертации. Всего рассмотрено 5 магистерских диссертаций (о путевых заметках британских женщин; о работах японцев, прибывавших в XIX веке в Китай; о травелогах выдающегося казахского востоковеда Чокана Валиханова; о произведениях писателя Сомерсета Моэма; о заметках миссионеров о Гуанси).

В третий тип были отнесены 3 докторские диссертации (о миссионере Джордже Уильяме Кларке и его письменном наследии о Гуйчжоу и Юньнани; о путевых заметках писателя С. Моэма; об образе Сычуани и Юньнани XIX в. в путевых заметках иностранцев).

Для того, чтобы не ограничивать повествование формальным делением научных публикаций по типу, в статье исследования сгруппированы на 3 тематических блока: исследования, построенные вокруг одной личности; исследования, в которых материал подобран по географическому принципу; прочие исследования.

Исследования, построенные вокруг одной личности

Статья «Китай как калейдоскоп: формирование образа Китая в путешествиях Эвариста Региса Гюка и его точка зрения как миссионера» [Pang Xiyun, Qian Linsen, 2014, p.42—48] исследователей из Нанкинского университета Пан Сиюня и Цянь Линьсэня представляет собой анализ двух путевых дневников французского католического миссионера ордена лазаристов Эвариста Региса Гюка (китайское имя 古伯察), которые им были написаны во время путешествия по Китаю в 1840-е гг. Авторы пишут, что миссионер осуждает европейцев, которые, имея поверхностное представление о Китае, высказывают мнение о нем.

Статья «Изображение Китая в путевых заметках миссис Арчибалд Литтл» автора Чжу Цзяньюн [Zhu Jianguyong, 2017, 113—119] посвящена образу Китая в путевых заметках политически активной британской писательницы миссис Алисии Арчибалд Литтл. Она выступала за права британских замужних женщин, выступала против традиции бинтования ног. На страницах ее дневников Китай представлен многогранным, начиная от безжизненного и грязного, заканчивая великим и прекрасным.

В магистерской диссертации «Образ Китая в путешествиях Чокана Валиханова» [Akhmetova, 2018, 211 p.] автор на основе травелогов Чокана Валиханова, таких как «Очерки Джунгарии», «Дневник поездки на Иссык-Куль» (Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль), делает кросс-культурное сравнение между Казахстаном и Китаем.

«Образ Китая в трудах Моэма» [Yang Qing, 2012, 48 p.], в этой магистерской диссертации автор Ян Цин пишет о художественных произведениях С. Моэма, которые оказывали влияние на его современников в формировании образа Китая. В свою очередь, образ Китая в работах С. Моэма состоит из двух частей: с одной стороны, это воображаемый Китай, бытовавший в европейской культуре. С другой стороны, это объективное восприятие автором, сформированное в ходе его путешествий по Китаю. Рисуя экзотический мир, С. Моэм предпринимает попытки понять разницу западной и китайской культур.

В 2011 г. была защищена докторская диссертация на тему «Исследование путевых заметок С. Моэма» [Pang Ronghua, 2011, 156 p.], частью работы стал анализ произведений о путешествии английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма в восточные страны: «Джентльмен в гостинной», рассказывающий о путешествии по Бирме, Сиаму, Камбодже и Вьетнаму, и «На китайской ширме: Очерки жизни в Китае», очерка о путешествии в Китай, впервые опубликованного в 1922 г. Ключевой вывод, к которому приходит китайский ученый Пан Жунхуа, заключается в том, что, несмотря на все различия культур, с которыми знакомится автор, он подчеркивает единую природу человеческой жизни и важность эмоционального жизненного опыта.

Окказионально можно упомянуть еще одно литературное произведение, проанализированное в статье Цзоу Я-яня «Образ Китая в позднесредневековом западном произведении «Путешествия сэра Джона Мандевила»» [Zou Yayan, 2014, p. 147—153]. Статья изобилует методологическими рассуждениями о том, что представляет собой собственно термин «образ». Однако в целом статья посвящена книге о

вымышленном путешествии сэра Джона Мандевила, которое составил в XIV веке льежский врач Жан де Бургонь, опираясь на свидетельства Одорико Порденоне (1286—1331), Джованни Плано Карпини (ок. 1182—1252) и других монахов, теологов и ученых. Цзоу Я-Янь пишет о том, что наравне с путешествием, поведенным Марко Поло, путешествие сэра Джона Мандевила стало популярным среди английских читателей, поскольку в книге были собраны все факты и вымыслы, которые присутствовали в английском обществе того времени. Кроме того, стоит сказать, что количество переизданий превысило 300 раз, что сделало это произведение самым популярным нерелигиозным произведением позднего средневековья. В то же время Цзоу Я-Янь подчеркивает, что этой книге удалось создать образ Китая, соответствующий представлениям христианской культуры о нем, а критическому анализу это произведение полноценно начало подвергаться в XIX веке. Китай на страницах книги предстает богатой и сытой страной, с большими городами, в которой процветают все сферы жизни, особенно торговля. Цзоу Я-Янь приходит к выводу, что Европа, находившаяся в упадке и хаосе, читая это «Путешествие сэра Джона Мандевила», вдохновлялась успехами Китая и стремилась воплотить нечто подобное в Европе. Образ богатого Китая в данном случае предстает в качестве вдохновителя для европейцев к новой эпохе географических открытий.

Исследования, в которых материал подобран по географическому принципу

Безусловно, данную докторскую диссертацию можно включить в первый тематический блок, потому что она строится вокруг личности миссионера Джорджа Уильяма Кларка, однако в исследовании изучается только та часть его письменного наследия, которое он составил об одной части Китая (Юго-Западный Китай).

Докторская диссертация «Джордж Уильям Кларк и «Гуйчжоу и Юньнань» — Народы Юго-Западного Китая глазами западного миссионера в конце XIX века» [Yan Sai, 2016, 158 p.] исследует письменное наследие Дж. Кларка, британского миссионера, который во второй половине XIX века принимал участие в христианской, миссионерской организации «Внутренней миссии Китая» (англ. China Inland Mission). За все то время, которое ему удалось провести в Китае (в период с 1877 по 1919 г.), он посетил многие провинции, такие как Хэнань, Гуйчжоу, Сычуань, Юньнань. В конце жизни он вел миссио-

нерскую деятельность в Северном Китае. Автор диссертации акцентирует свое внимание на письменном наследии, которое оставил Дж. Кларк во время пребывания в двух провинциях Юго-Западного Китая — Гуйчжоу и Юньнань. Сюда вошли и его книга «Гуйчжоу и Юньнань», и переписка с другими миссионерами, и личные дневники. Дж. Кларк оставил много заметок и очерков об истории этих провинций и об их этническом составе. Ключевым тезисом данной диссертации является то, что миссионер Дж. Кларк внес существенный вклад для последующего изучения малочисленных народов, населяющих Юго-Западный Китай. Кроме того, его собственные записи подкреплялись не только наблюдениями, но и сведениями из этнографических альбомов национальных меньшинств Китая, которые создавались в эпоху правления династии Цин (1644—1911) в Китае по указанию императоров.

Продолжая тему путевых дневников и заметок миссионеров, сюда можно включить одну магистерскую диссертацию «Встреча Запада и Востока: Современный западный взгляд на общество Гуанси — по материалам заметок миссионеров» [Pang Shaozhe, 2019, 153 p.], защищенную в 2019 г. Она представляет собой обзорное исследование, а ее сильной стороной однозначно выступает список использованных источников и литературы, который насчитывает более 300 наименований. Такой объемный библиографический материал определенно может быть использован для отдельного научного исследования.

В докторской диссертации на тему «Образ Сычуани и Юньнани в путевых заметках иностранцев конца XIX — начала XX в.» [Liu Jun, 2017, 2011] автор Лю Цзюнь пишет об образе Сычуани и Юньнани, представленном иностранцами. Для анализа он выбирает работы трех авторов: «Австралиец в Китае» (кит. 中国风情, Китайский стиль) — это работа Джорджа Эрнеста Моррисона (1862—1920), австралийского корреспондента *The Times* в Пекине, советника Юань Шикая, который в разные годы путешествовал по странам и континентам, в том числе по Китаю, Бирме, Сиаму. Интересно, что китайский автор Лю Цзюнь называет его британцем. Второй автор — французский принц Анри Филипп Мария Орлеанский (1867—1901). Он оставил богатое письменное наследие по итогам многочисленных путешествий по Индии, Непалу, Японии, Китаю, Бирме, Вьетнаму и Лаосу. И третий автор — Ямакава Хаясуи, японец, преподававший в школе в Сычуани и оставивший письменное свидетельство о своем пребывании там. Произведение он назвал по историческим именам княжеств, находившихся на территории Сычуани («Княжество Ба и

царство Шу» кит. 巴蜀). Китайский исследователь Лю Цзюнь подчеркивает важность сформированного положительного образа в работах иностранцев для современного проекта Китая «Один пояс — один путь». Работы способствуют формированию положительного имиджа Юго-Западного Китая. А также они могут быть использованы как справочный материал, поскольку содержат множество субъективных оценок.

Прочие исследования

Чжан Пин в своей статье «Изображения, сформированные другими, и изображения, сформированные собой: китайские вещи в зарубежных путевых заметках в позднецинском Китае» [Zhang Ping, 2019, р. 156—162] пишет, что образ Китая был упрощен и формировался в культурных символах через различные предметы, которые были отделены от реального исторического процесса. Европейские дворцы изображали китайскими предметами быта прежних династий, не отражавшими Китай конца XIX века. Китайские живопись, керамика и другие предметы, которые были в достатке в европейских интерьерах, представляли собой по большей части антиквариат эпохи династии Мин (1368—1644). Массовое создание письменных свидетельств приходится на XIX век, период становления Китая как современного национального государства. Процесс познания европейцами Китая формировался через сугубо европейское восприятие, которое лишено объективности. Тем не менее, это видение оказывало влияние и на восприятие самих китайцев. Более того, если китайцы выбирали какой-либо предмет для отправки в Европу, то они основывали свой выбор на европейском интересе [Zhang Ping, 2019, р. 158]. Любопытным представляется набор предметов, с которыми в 1792 г. миссия Дж. Макартнея прибыла в Китай: глобусы, телескопы, часы, новейшее для того времени оружие. Китайская же сторона в качестве экспорта предлагала предметы «классической» китайской империи: шелк, фарфор, чай.

Китайские исследователи из Ханчжоуского педагогического университета Лю Юньянь и Лю Цзяньхуа в статье «О трансформации западного “взгляда на Китай” в XIX веке» описывают классическую формулу процесса восприятия европейцами Китая, то есть отношение западных стран к Китаю в XIX веке претерпело значительное изменение. Ранее Китай воспринимался, как варварское, закостенелое государство, склонное к внутренней тирании [Liu Yunyan, Liu Jianhua, 2010, р. 134—135].

Магистерская диссертация «Исследование путевых заметок британских женщин в Китай с 1840 по 1911 г.» [Hong Hui, 2012, 60 p.] Хун Хуэй, написанная в Пекинском Университете, посвящена исследованию путевых заметок четырех британских женщин, которые в период с 1840 по 1911 г. посетили Китай. Автор оценивает стиль путешествия и опыт пребывания в Китае британских женщин, а также исследует собранный ими образ Китая в путевых заметках и их взгляд на перспективу развития Китая и Великобритании. Автор делает вывод, что женщины-путешественницы вписываются в традиционный формат путешествий и заметок (традиция бинтования ног, курение опиума, буддийские монахи, миссионеры, недовольство простых жителей, железные дороги и т. д.) того времени. Следует упомянуть другой научный труд, в котором также исследуется опыт британских женщин — путешественниц в Восточной Африке в XIX веке. Подобные исследования дают право утверждать, что путешествие в XIX веке не было исключительно мужским занятием. (Подробнее см.: Афанасьева А.Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций. Диссер. к.и.н. 07.00.03. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2004. 215 с.).

Магистерская диссертация Ван Миньяня «Реконструкция образа Китая глазами бывавших в нем японцев» [Wang Mingyan, 2012, 65 p.]. Японцы, часто заимствовавшие элементы культуры и технологии Китая, с проникновением западной цивилизации стали по-иному оценивать Китай и менять к нему свое отношение. Японцев, прибывавших в Китай в XIX веке, волновал вопрос, почему великая Цинская империя пребывала в упадке? Ван Миньянь пишет, что для многих японцев, прибывавших в Китай в середине XIX века, это было шокирующее путешествие, полное разочарования.

Вывод

Таким образом, в исследованиях на китайском языке на современном этапе анализируются западные представления о Китае, опираясь на материал литературных произведений, путевых заметок, трудов выдающихся востоковедов своего времени. Исследование научных трудов на китайском языке китайских и зарубежных авторов, посвященных восприятию Китая иностранцами, путешествующих по стране, позволяет взглянуть по-новому на данные исследования и те подходы, которыми пользуются ученые, анализируя известные исторические события, происходившие в Цинской империи в XIX — начале XX века.

Библиографический список

Ахметова А. Цяокань Валиханофу юцзи чжун дэ Чжунго синсян: [Образ Китая в путешествиях Чокана Валиханова]. Магистерская диссертация. Шанхай: Шанхай цзяотун дасюэ, 2018. 211 с. (На кит.).

Ван Миньянь. Цзиньдай ю хуа Жибэньжэнь яньчжун дэ Чжунго синсян чун су: [Реконструкция образа Китая глазами бывавших в нем японцев]. Магистерская диссертация. Шанхай: Шанхай шифань дасюэ, 2012. 65 с. (На кит.).

Лю Цзюнь. 19 шицзимо 20 шицзи чу вайгожэнь чжушу чжун дэ Чуань Дянь синсян: [Образ Сычуани и Юньнани в путевых заметках иностранцев конца XIX — начала XX в.]. Докторская диссертация. Куньмин: Юньнань дасюэ, 2017. 211 с. (На кит.).

Лю Юньян, Лю Цзяньхуа. Лунь 19 шицзи сифан “Чжунго гуань” дэ чжуаньбянь: [О трансформации западного «взгляда на Китай» в XIX веке] // Лиши хуэйлан. Аньхуэй вэньсюэ, 2010, № 6. С. 134—135. (На кит.).

Пан Жунхуа. Мао Му июй юцзи яньцзю: [Исследование путевых заметок С. Моэма]. Докторская диссертация. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ, 2011. 156 с. (На кит.).

Пан Сиюнь, Цянь Линьсэнь. Чжунго ваньхуатун: Гу Бо Ча юцзи чжун дэ Чжунго синсян суцзао цзи ци чуаньцзю ши личан: [Китай как калейдоскоп: формирование образа Китая в путешествиях Эвариста Региса Гюка и его точка зрения как миссионера] // Хуавэнь Вэньсюэ. Шаньтоу: Шаньтоу дасюэ, 2014, № 3 (№ 122). С. 42—48 (На кит.).

Пан Шаочжэ. Сифан юйцзянь дунфан: Цзиньдай сифан ши юй ся дэ Гуанси шэхуэй—илай хуа чуаньцзю ши ди цзишу вэй чжунсинь: [Встреча Запада и Востока: Современный западный взгляд на общество Гуанси — по материалам заметок миссионеров]. Магистерская диссертация. Гуйлин: Гуанси шифань дасюэ, 2019. 153 с. (На кит.).

Хун Хуэй. 1840—1911 нянь Инго нусин лай Хуа юцзи яньцзю: [Исследование путевых заметок британских женщин в Китай с 1840 по 1911 г.]. Магистерская диссертация. Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2012. 60 с. (На кит.).

Цзоу Я-Янь. Тоуго “Мань Дэ Вэйэр юцзи” кань сифан чжуншицзи ваньци вэньсюэ цзя би ся дэ Чжунго синсян: [Образ Китая в позднесредневековом западном произведении «Путешествия сэра Джона Мандевила»] // Говай вэньсюэ. 2014, № 1 (№ 133). С. 147—153. (На кит.).

Чжан Пин. “Та су синсян” юй “Цзы су синсян”: Вань Цин юйвай юцзи чжун дэ “Хуа у”: [Изображения, сформированные другими, и изображения, сформированные собой: китайские вещи в зарубежных путевых заметках в позднечинском Китае] // Гоцзи ханьсюэ. Пекин: Бэйцзин вайгоу дасюэ, 2019, № 1 (№ 18). С. 156—162. (На кит.).

Чжу Цзяньюн. Лунь А Ци Бо Эр Дэ Ли Дэ фужэнь лай Хуа юцзи чжун дэ Чжунго синсян: [Изображение Китая в путевых заметках миссис Арчибальд Литтл] //

Люйю луньтань. Гуйлинь: Гуйлинь люйю гаоден чжуанькэ сюэсяо, 2017, Т. 10, № 4. Июль. С. 113—119 (На кит.).

Ян Цин. Мао Му бися дэ Чжунго синсян: [Образ Китая в трудах Моэма]. Магистерская диссертация. Куньмин: Юньнань дасюэ, 2012. 48 с. (На кит.).

Янь Сай. Цяочжи Вэйлянь Кэлакэ юй “Гуйчжоу юй Юньнань”-19 шицзимо игэ сифан чуаньцзяо ши яньчжун дэ Чжунго Синань миньцзу: [Джордж Уильям Кларк и «Гуйчжоу и Юньнань» — Народы Юго-Западного Китая глазами западного миссионера в конце XIX века]. Докторская диссертация. Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ, 2016. 158 с. (На кит.).

References

Akhmetova A. (2016). Qiaokan Walihanuofu youji zhong de zhongguo xingxiang [The image of China in the travels of Chokan Valikhanov], MA thesis, Shanghai: Shanghai jiaotong daxue, 211 p. (In Chinese).

Hong Hui. (2012). 1840—1911 Nian Yingguo nuxing lai Hua youji yanjiu [A Study of the Travel Notes of British Women to China from 1840 to 1911], MA thesis, Beijing: Beijing daxue, 60 p. (In Chinese).

Liu Jun. (2017). 19 shijimo 20 shiji chu waiguoren zhushu zhong de Chuan Dian xingxiang [The image of Sichuan and Yunnan in the travel notes of foreigners in the late 19th — early 20th centuries.], PhD thesis, Kunming: Yunnan daxue. 211 p. (In Chinese).

Liu Yunyan, Liu Jianhua. (2010). Lun 19 shiji xifang “Zhongguo guan” de zhuanbian [On the transformation of the Western “view of China” in the 19th century], Lishi huilang, Anhui wenzue, № 6: 134—135. (In Chinese).

Pang Ronghua. (2011). Mao Mu yiyu youji yanjiu [Study of S. Maugham's Travel Notes], PhD thesis, Shanghai: Huadong shifan daxue, 156 p. (In Chinese).

Pang Shaozhe. (2019). Xifang yujian dongfang: Jindai xifang shi yu xia de Guangxi shehui—yilai hua chuanjiao shi di jishu wei zhongxin [East and West Meeting: A Contemporary Western View of Guangxi Society — Based on Missionary Notes], MA thesis, Guilin shi: Guangxi shifan daxue, 153 p. (In Chinese).

Pang Xiyun, Qian Linsen. (2014). Zhongguo wanhuatong: Gu Bo Cha youji zhong de zhongguo xingxiang suzao ji qi chuanjiao shi lichang [China as a Kaleidoscope: Shaping the Image of China in the Travels of Evariste Regis Guk and His Perspective as a Missionary], Huawen wenzue, Shantou: Shantou daxue, № 3 (№ 122): 42—48. (In Chinese).

Wang Mingyan. (2012). Jindai you hua Riben ren yanzhong de Zhongguo xingxiang chong su [Reconstruction of the image of China through the eyes of the Japanese who visited it], MA thesis, Shanghai: Shanghai shifan daxue, 65 p. (In Chinese).

Yan Sai. (2016). Qiaozhi Weilian Kelake yu “Guizhou yu Yunnan”-19 shijimo yige xifang chuanjiao shi yanzhong de Zhongguo xinan minzu [George William Clarke and Guizhou and Yunnan — The Peoples of Southwest China through the Eyes of a Western

Missionary in the Late 19th Century], PhD thesis, Beijing: Zhongyang minzu daxue, 158 p. (In Chinese).

Yang Qing. (2012). *Mao Mu bixia de Zhongguo xingxiang* [The image of China in the writings of Maugham], MA thesis, Kunming: Yunnan daxue, 48 p. (In Chinese).

Zhang Ping. (2019). “Ta su xingxiang” yu “zi su xingxiang”: Wan Qing yuwai youji zhong de “Hua wu” [Images Formed by Others and Images Formed by Oneself: Chinese Things in Foreign Travel Notes in Late Qing China], *Guoji hanxue*, Beijing: Beijing waiguoyu daxue, № 1 (№ 18): 156—162 (In Chinese).

Zhu Jiangyong. (2017). Lun A Qi Bo Er De li de furen lai hua youji zhong de Zhongguo xingxiang [Image of China in Mrs. Archibald Little's Travel Notes], *Luyou luntan*, Guilin: Guilin luyou gaodeng zhuanke xuexiao, T. 10, № 4, July: 113—119 (In Chinese).

Zou Yayan. (2014). Touguo “Man De Wei'er youji” kan xifang zhongshiji wanqi wenxue jia bixia de Zhongguo xingxiang [The Image of China in the Late Medieval Western Writing of “The Travels of Sir John Mandeville”], *Guowai wenxue*, № 1 (№ 133): 147—153 (In Chinese).

Е.В. Нолев

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: К 100-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Аннотация. Рассмотрены исследования постсоветского этапа российско-монгольских отношений в историографии и исторической памяти. Сделана попытка комплексного рассмотрения различных сторон российско-монгольского сотрудничества в области дипломатии, экономики и восприятия России в Монголии в отражении современных монголоведческих исследований. Проанализированы условия подписания, содержание и оценка значения двусторонних документов, определивших парадигму современных российско-монгольских отношений: Декларации о дружбе и добрососедском сотрудничестве между РСФСР и МНР 1991 г., Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией 1993 г., Улан-Баторской декларации 2000 г., Московской декларации 2006 г., Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией 2009 г., Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией 2019 г. Вместе с тем в современных международных отношениях прошлое служит одной

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ-Монг а № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

из опор для конструирования геополитической идентичности. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование политики памяти в российско-монгольских отношениях в трех измерениях: «твердых» форм памяти, совместных заявлениях лидеров государств и коммемораций в области ритуалов и праздников. Отражение исторического прошлого в «твердых» формах памяти — памятники, музеи, мемориалы — имеет пролонгированное коммеморационное действие, оказывающее влияние на формирование определенных представлений о прошлом вне зависимости от текущей политической ситуации. Изучение исторического контекста, отраженного в декларациях, договорах и совместных заявлениях представляется важным, поскольку в данном значении историческая политика не только расставляет акценты на тех или иных фактах международного сотрудничества, но и задает тенденцию восприятия совместного прошлого, обращенную в будущее. Ритуалы и праздники на международном уровне свидетельствуют о текущем состоянии конвенционального восприятия исторической памяти.

Ключевые слова: Россия, Монголия, историография, политика памяти, монголоведение, международные отношения.

Автор: Нолев Евгений Владимирович, к.и.н., с.н.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Председатель РОО «Совет молодых ученых Республики Бурятия». ORCID: 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev@inbox.ru

Nolev E. V.

Contemporary Russian-Mongolian relations in historiography and memory studies: to the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations¹

Abstract. The article is devoted to the analysis of the contemporary Russian-Mongolian relations in historiography and memory studies. An attempt is made to comprehensively consider various aspects of Russian-Mongolian cooperation in the field of diplomacy, economics and perception of Russia in Mongolia in modern Mongolian studies. The conditions for signing, the content and assessment of the significance of bilateral documents that determined the paradigm of modern Russian-Mongolian relations were analyzed: the Declaration of Friendship and Good-Neighborly Cooperation between the RSFSR and the Mongolian People's Republic (1991), the Treaty on Friendly Relations and Cooperation between the Russian Federation and Mongolia (1993), Ulan-Bator Declaration

---

¹ This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, scientific project RFBR-Mong_a No. 20-59-44008 “World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities”.

(2000), Moscow Declaration (2006), Declaration on the Development of Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia (2009), Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia (2019). At the same time, in modern international relations, the past serves as one of the bases for the construction of geopolitical identity. In this regard, the study of the politics of memory in Russian-Mongolian relations is of particular relevance. Three dimensions of memory politics are analyzed: “hard” forms of memory, joint statements by the leaders of states and commemorations in the field of rituals and holidays. Reflection of the historical past in “hard” forms of memory — monuments, museums, memorials — has a prolonged commemorative effect that influences the formation of certain ideas about the past, regardless of the current political situation. Studying the historical context reflected in declarations, treaties and joint statements is important, since in this meaning, historical politics not only places emphasis on certain facts of international cooperation and, but also sets the trend for the perception of a shared past, facing the future. International rituals and celebrations are indicative of the current state of contemporary perception of historical memory.

Keywords: Russia, Mongolia, historiography, memory studies, Mongolian studies, international relations.

Author: Evgenii V. NOLEV, PhD in History, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Chairman of the Regional Public Organization “Council of Young Scientists of the Republic of Buryatia”.

ORCID: 0000-0001-7756-7791 (e-mail: nolev@inbox.ru).

5 ноября 2021 г. исполнилось 100 лет со дня подписания «Соглашения между Правительством РСФСР и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией», послужившего не только основанием советско/российско-монгольских дипломатических отношений, но и утвердившего признание суверенитета Монголии со стороны РСФСР. В Соглашении отчетливо подчеркивался разрыв со старой дипломатической традицией, основанной на «коварной и захватнической политике царского правительства» [Россия—Монголия. Век добрососедства и сотрудничества, 2021, с. 25], чем был обозначен совершенно новый этап в истории взаимоотношений двух стран. Исторически значимый для России и Монголии год ознаменован и другими важными юбилейными датами совместных достижений: 100-летие создания Ученого комитета (будущей Академии наук Монголии); 60-летие принятия МНР в ООН, что произошло благодаря самому активному участию СССР; 40-летие совместного полета в космос российско-монгольско-

го космического экипажа. Это стало основанием для рефлексии исторического пути и осмысления дальнейших перспектив двустороннего сотрудничества, чему были посвящены международные научные конференции в Москве («Российско-монгольские отношения: от истоков до современности», 19 февраля; «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству», 21—22 октября), Иркутске («Россия—Монголия: 100 лет вместе», 20 мая), Улан-Удэ («Россия и Монголия в XX—XXI в.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений», 9—10 сентября), Владивостоке («Исторические и современные тренды взаимоотношений России и Монголии: навстречу 100-летию юбилею», 2 сентября) и Улан-Баторе.

При этом за громкими мероприятиями по случаю 100-летия установления дипломатических отношений не так отчетливо прослеживается не менее важная юбилейная дата, положившая начало формированию современной системы двусторонних отношений. 12 февраля 1991 г. в Москве была подписана Декларация о дружбе и добрососедском сотрудничестве между РСФСР и МНР, где были установлены новые принципы политического и экономического взаимодействия. В Декларации, закрепившей взаимный отказ от идеологической доминанты в вопросах двустороннего партнерства и преимущественную ориентацию на развитие всесторонних контактов на международной арене, вместе с тем подчеркивалась готовность к сохранению и развитию потенциала дружественных и поддержанию взаимовыгодных отношений. Важно отметить, что в Декларации особо отмечена историческая роль Соглашения 1921 г. в деле развития добрососедства и укрепления независимости и суверенитета МНР. Таким образом, несмотря на формирование новой парадигмы двусторонних отношений, Декларация не разрывала преемственность внешнеполитической традиции, что подтверждается также приветственными посланиями президентов СССР и МНР по случаю 70-летия дипломатических отношений [Россия—Монголия. Век добрососедства и сотрудничества, 2021, с. 134].

100-летие дипломатических отношений формирует запрос не только на историографическое осмысление современного состояния сотрудничества, но также на изучение исторической памяти и политического использования прошлого в контексте формирования новых реалий двустороннего партнерства.

На протяжении советского периода отношения двух стран оценивались категориями «нерушимой, вечной дружбы и братского сотруд-

ничества СССР и Монголии», «Монголии — шестнадцатой советской республики». В новом формате российско-монгольские отношения приобрели прагматичное измерение «равноправного и взаимовыгодного сотрудничества», «возвращения России в Монголию» и «стратегического партнерства». Выдающийся отечественный монголовед М.И. Гольман связывает становление новой системы российско-монгольских отношений с победой демократической революции в Монголии в 1990 г. и распадом СССР. Он характеризует период 1990—1993 гг. как период упадка российско-монгольских отношений, протекавшего очень болезненно и отразившегося глубоким спадом сотрудничества по всем направлениям [Гольман, 2014]. В.А. Родионов причины ослабления двусторонних отношений обнаруживает в стремлении СССР во второй половине 1980-х гг. к деидеологизации советской внешней политики, реализованной в выводе частей советских войск с территории МНР. Этот процесс совпал с одновременно проявившимися кризисными явлениями в советской экономике, автоматически ударившими по экономике МНР, практически полностью интегрированной в хозяйственную систему социалистического блока [Родионов, 2018, с. 219].

20 января 1993 г. был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией, закрепивший изменение характера двусторонних отношений от союзнических к добрососедским и утвердивший бывших стран-побратимов в качестве дружественных государств, развивающих сотрудничество на равноправных и взаимовыгодных условиях, стабильной и долговременной основе. При этом подписание Договора проходило в условиях экономического кризиса и проблемы «большого долга» Монголии, с одной стороны, и стремления Москвы и Улан-Батора дистанцироваться в контексте декоммунизации — с другой. Непростые условия подписания Договора 1993 г. вкпе со стремлением сохранить и развивать традиции добрососедства в новых геополитических реалиях сформировали различные подходы к оценке значения данного Договора: от «нейтралистского», уравнившего Россию в восприятии Монголии со всеми остальными ее внешнеполитическими партнерами, до ознаменования этапа восстановления и расширения правовых основ сотрудничества между двумя странами. Неоднозначную оценку исследователей получил и период двусторонних отношений 1993—2000 гг.: от стагнации и взаимного «забвения» до восстановления и развития дипломатических отношений.

С ноября 2000 г. начинается качественно новый этап в развитии российско-монгольских отношений, ознаменованный визитом прези-

дента РФ В.В. Путина в Монголию и подписанием Улан-Баторской декларации (14 ноября 2000 г.), нацеленной на достижение нового более высокого уровня политических и экономических взаимоотношений. Этот визит, по мнению С.Г. Лузянина, «прервал полосу взаимного «забвения»» [Лузянин, 2007, с. 388]. В следующей — Московской декларации, подписанной 8 декабря 2006 г., был провозглашен принцип взаимного доверия между народами и впервые во внешней политике Монголии обозначен принцип стратегического партнерства как основы двусторонних отношений. Именно стратегическое партнерство стало базовой категорией новой Декларации, подписанной по итогам встречи президентов двух стран в августе 2009 г. в Улан-Баторе. Однако, провозглашенные в декларациях перспективы развития двусторонних отношений, безусловно, способствовавшие укреплению политических связей, не возымели масштабных последствий в экономической сфере. Более того, после продажи в 2016 г. акций российской госкорпорации «Ростех» в предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» значимое присутствие российской стороны наблюдается лишь в железнодорожной отрасли Монголии, посредством владения 50 % акций АО УБЖД [Родионов, 2018, с. 232—233]. В то же время сегодня активно обсуждаются проекты прокладки газопровода из России в Китай через территорию Монголии. Вместе с тем на основании результатов социологических опросов, проводимых в Монголии авторитетным фондом «Сант Марал», Россия воспринимается в качестве наилучшего партнера Монголии [Politbarometer, 2021, p. 26—27].

В связи с «возвращением России в Монголию» в 2000-е гг. в монголоведной историографии устойчивый интерес проявляется, во-первых, к изучению двусторонних отношений в новых политических условиях; во-вторых, к исследованию внешней политики Монголии. В рамках анализа российско-монгольских отношений происходит обсуждение широкого круга вопросов межгосударственного взаимодействия и дипломатических отношений (Б.В. Базаров, А.С. Железняков, Ю.В. Кузьмин, С.Г. Лузянин, Е.И. Лиштованный, В.Д. Дугаров, В.Ц. Ганжуров, М.И. Гольман, Г.С. Яскина, В.Б. Базаров и др.), экономического партнерства (Т. Дорж, А. Батсайхан, А.П. Суходолов, Н.И. Атанов и др.), реализации концепции «мягкой силы» и сотрудничества в области науки, образования, здравоохранения и культуры (Б. Энхтувшин, Ц.П. Ванчикова, А.В. Михалев, В.А. Родионов, В.Ю. Башкуев, О.Н. Полянская и др.). Большое внимание исследователей вызвала относительно новая категория монгольской внешней многоопорной политики «стратегическое партнерство», обладающая вариативностью трактовки и различным смысловым наполнением

[Базаров, 2019]. При этом в 2015 г. монгольский ученый Г. Базарваань отметил различное понимание правового статуса подписанных деклараций, закрепляющих, по мнению ученого, общность намерений, но не гарантирующих обязательность их исполнения [Актуальные вопросы..., 2014, с. 106]. Данное обстоятельство актуализирует изучение политической культуры современной Монголии, где в фокусе исследований предстает стратегия многоопорной политики, концепции «третьего соседа» и «нейтралитета Монголии», а также факторы формирования внешней политики Монголии.

В то же время в современных международных отношениях прошлое служит одной из опор для конструирования геополитической идентичности. В связи с этим очевидную актуальность приобретает исследование политики памяти, понимаемой как «деятельность государства и иных акторов, направленная на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом и формирование соответствующей культурной инфраструктуры, образовательной политики, а иногда и законодательного регулирования» [Малинова, 2017, с. 9]. Именно политика памяти, на наш взгляд, во многом повлияла на восприятие России в качестве наилучшего партнера Монголии.

Отражение исторического прошлого в «твердых» формах памяти — памятники, музеи, мемориалы — имеет пролонгированное коммеморационное действие, оказывающее влияние на формирование определенных представлений о прошлом вне зависимости от текущей политической ситуации. Так символами нерушимой братской дружбы СССР и МНР стали возведенный в 1979 г. мемориальный комплекс на горе Зайсан, отражающий основные вехи совместных достижений и побед, и построенный в этом же году Дом-музей Г.К. Жукова. Эти символы сохранили память о союзе двух народов даже в период рьяной декоммунизации, породившей другие нарративы о советско-монгольском прошлом. Так, в 1996 г. в Улан-Баторе был открыт Мемориальный музей жертвам политических репрессий, где ответственность за репрессии возлагается в том числе на Коминтерн и СССР. Ввиду укрепления отношений между Россией и Монголией на современном этапе, весьма показательным является возведение в 2017 г. памятника дважды Герою Советского Союза, Герою Монгольской Народной Республики генералу Иссе Александровичу Плиеву на горе Зайсан в Улан-Баторе и памятника «По дорогам войны», изображающего монгольских лошадей, тянущих артиллерийское орудие на Поклонной горе в Москве.

Важным в рамках политики памяти является изучение исторического контекста, отраженного в декларациях, договорах и совместных

заявлениях. При этом историческая политика не только расставляет акценты на тех или иных фактах международного сотрудничества и обоюдных успехах, но задает тенденцию восприятия, обращенную в будущее. В предшествовавшем Договору 1993 г. совместном заявлении президентов Российской Федерации и Монголии говорится о признании непосредственного давления советских руководителей и Коминтерна как фактора начала массовых репрессий в Монголии, проводимых с участием советских инструкторов. Вместе с осуждением сталинистских репрессий, отмечается, что нынешняя Россия за это ответственности не несет [Россия и Монголия..., 2014, с. 368]. Исторический контекст последующих встреч в условиях нормализации и укрепления отношений изобилует отсылками к традициям многовековой дружбы, героическому наследию и совместным достижениям. В этом плане стоит отметить Заявление президента РФ Д.А. Медведева в 2009 г.: «...Каждая страна, каждое суверенное государство самостоятельно выбирает себе партнёров, это нормально. В то же время история — такая упрямая штука, которую невозможно ни забыть, ни изменить. Поэтому то, что связывает наши страны, то тысячелетие отношений, которые существуют между народами, — это все-таки очень прочный фундамент для развития отношений в будущем...» [Пресс-конференция по итогам..., 2009]. Об общей исторической памяти как основе для выстраивания современных российско-монгольских отношений в духе взаимного уважения, доверия и дружбы говорили президенты В.В. Путин и Ц. Элбэгдорж на встрече в Улан-Баторе в 2014 г. [Заявления для прессы..., 2014]. В 2019 г. Президент России акцентировал внимание не только на героических страницах совместного прошлого — победах на Халхин-Голе и в Великой Отечественной войне, но и на качестве союзнических, братских отношений между двумя народами в послевоенное время, сформировавших основу дружбы и партнерства, оставшуюся неизменной, несмотря на фундаментальные трансформации последних десятилетий в России и Монголии. Достаточно интересный исторический контекст двусторонних отношений был представлен бывшим премьер-министром (действующим президентом) Монголии У. Хурэлсухом на встрече с президентом России в 2019 г., отметившим, что «наши народы были вместе и в трудные годы войны, а также в годы мирного созидания». При этом акцент сделан на личностных, биографических аспектах исторических событий: «Наши отцы и деды создали эту крепкую дружбу, и мы должны не забывать, чтить и сохранить память о подвиге наших отцов и дедов, которые вместе отвоёвывали нашу независимость» [Встреча с премьер-министром Монголии, 2019]. Спустя

несколько месяцев, У. Хурэлсүх заявил: «Наш народ с уважением, с доброй памятью относится к тому, что российский народ в истории нашей дружбы, отношений всегда проявлял внимание, оказывал поддержку и помощь нашему народу в трудные годы нашей истории» [Встреча с премьер-министром Монголии, 2019]. В 2021 г. уже в должности президента Монголии Ухнагийн Хурэлсүх, сделавший свой первый заграничный визит в качестве главы государства именно в Россию, отметил, что на протяжении 100 лет между двумя странами были «действительно братские отношения» [Переговоры с президентом Монголии, 2021].

Отдельный интерес представляет исследование коммемораций в области праздников и ритуалов. Сохранение исторической памяти о вкладе России и Монголии в достижение Победы во Второй мировой войне стало существенным направлением исторической политики двух стран. В 2015 и 2020 гг. монгольские военные приняли участие в Параде Победы в Москве на Красной площади, а в 2021 г. впервые приняли участие в Параде Победы, проходившем в столице Республики Бурятия — г. Улан-Удэ. Также в России и Монголии широко отмечалось празднование 80-летия победы в сражении на р. Халхин-Гол. В 2019 г. Владимир Путин и президент Монголии Х. Баттулга возложили венок к памятнику Георгию Жукову. На церемонии присутствовали ветераны — участники сражений на Халхин-Голе, российские и монгольские участники международной молодёжной экспедиции «Пламя гордости за Победу». К юбилею данного события были приурочены конференции, выставки и встречи на высшем уровне. Одним из важнейших приоритетов повестки двусторонних отношений в 2021 г. стало празднование на государственном уровне столетия установления дипломатических отношений.

3 сентября 2019 г. был заключен Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией, вступивший в силу в сентябре 2020 г. Так в ходе развития категорий современных дипломатических отношений между Россией и Монголией фиксируется переход от союзнических к добрососедским отношениям, затем к стратегическому партнерству, а в 2019 г. категория дружественных отношений вновь утверждается или, точнее, возвращается на официальном уровне. При этом происходит смена акцентов интерпретации исторического контекста взаимоотношений двух стран в официальных заявлениях лидеров государств: от отрицания наследия «сталинистских репрессий» в 1993 г. до признания 100-летия братских отношений в 2021 г.

Библиографический список

Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений / отв. ред. В.А. Родионов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2014. 106 с.

Базаров В.Б. Стратегическое партнерство во внешней политике Монголии // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 302—308. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6868>

Встреча с премьер-министром Монголии Ухнагийн Хурэлсухом. 03.09.2019. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/61432> (дата обращения: 02.11.2021).

Гольман М.И. Россия и Монголия: от спада до стратегического партнерства // Новое восточное обозрение. 21.10.2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/10/21/rossiya-i-mongoliya-ot-spada-do-strategicheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 02.11.2021).

Заявления для прессы по итогам российско-монгольских переговоров. 03.09.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46552> (дата обращения: 02.11.2021).

Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004—2008 гг.). М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 447 с.

Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент исторической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6—22.

Переговоры с президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом. 16.12.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67373> (дата обращения: 02.11.2021).

Пресс-конференция по итогам российско-монгольских переговоров. 25.08.2009. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/5286> (дата обращения: 02.11.2021).

Родионов В.А. Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации. Улан-Удэ, Изд-во Бурятского гос. университета, 2018. 340 с.

Россия—Монголия. Век добрососедства и сотрудничества / рук. проекта А.В. Юрасов, сост. М.О. Болтина, предисл. К.В. Орловой. М.: Фонд «Связь Эпох», 2021. 168 с.

Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. ред. Р.Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. М.: Институт востоковедения РАН. 2011. 440 с.

Politbarometer. The “Sant Maral” Foundation, No. 20 (54), April 2021, 27 p. (На англ.).

References

Aktual'nyye voprosy sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniy [Topical issues of modern Russian-Mongolian relations]. (2014). Edited by V.A. Rodionov, Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 106 p. (In Russian).

Bazarov V.B. (2019). Strategicheskoye partnerstvo vo vneshney politike Mongolii [Strategic Partnership in Mongolia's Foreign Policy]. *Vlast'*. V. 27. No. 6: 302—308. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6868>

Gol'man M.I. (2014). Rossiya i Mongoliya: ot spada do strategicheskogo partnerstva [Russia and Mongolia: From Recession to Strategic Partnership]. *Novoye vostochnoye obozreniye*. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/10/21/rossiya-i-mongoliya-ot-spada-do-strategicheskogo-partnerstva/> (accessed: November 2, 2021). (In Russian).

Luzyanin S.G. (2007). Vostochnaya politika Vladimira Putina. Vozvrashcheniye Rossii na «Bol'shoy Vostok» (2004—2008 gg.) [Eastern policy of Vladimir Putin. The return of Russia to the “Big East” (2004—2008).]. M.: AST: Vostok — Zapad, 447 p. (In Russian).

Malinova O.Yu. (2017) Kommemoratsiya istoricheskikh sobytiy kak instrument istoricheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as an Instrument of Historical Policy: Possibilities of Comparative Analysis]. *Politiya*. No. 4 (87): 6—22. (In Russian).

Peregovory s Prezidentom Mongolii Ukhnaagiyn Khurelsukhom [Talks with the President of Mongolia Ukhnaagiin Khurelsukh]. 16.12.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67373> (accessed: December 17, 2021). (In Russian).

Politbarometer. The “Sant Maral” Foundation, No. 20 (54), April 2021, 27 p.

Press-konferentsiya po itogam rossiysko-mongol'skikh peregovorov [Press conference following Russian-Mongolian talks]. 25.08.2009. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/5286> (accessed: November 2, 2021). (In Russian).

Rodionov V.A. (2018) Politicheskiy protsess v Mongolii v usloviyakh postsotsialisticheskoy transformatsii [The Political Process in Mongolia in the Context of Postsocialist Transformation]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 340 p. (In Russian).

Rossiya — Mongoliya. Vek dobrososedstva i sotrudnichestva [Russia — Mongolia. A century of good neighborliness and cooperation]. (2021). Project manager A.V. Yurasov, compiled by M.O. Boltin, foreword by K.V. Orlova. Moscow: Fond «Svyaz' Epokh», 2021, 168 p. (In Russian, In Mongolian).

Rossiya i Mongoliya na puti strategicheskogo partnerstva [Russia and Mongolia on the path of strategic partnership]. (2011). Edited by R.B. Rybakov, L. Khaysanday, Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 440 p. (In Russian).

Vstrecha s Prem'yer-ministrom Mongolii Ukhnaagiyn Khurelsukhom [Meeting with the Prime Minister of Mongolia Ukhnaagiin Khurelsukh]. 3.09.2019. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/countries/MN/events/61432> (accessed: November 2, 2021). (In Russian).

Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiysko-mongol'skikh peregovorov [Press statements following Russian-Mongolian negotiations]. 3.09.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46552> (accessed: November 2, 2021). (In Russian).

А.А. Гурковский

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЯПОНИИ

Аннотация. Рассмотрены специфические правовые рамки, а также финансовая основа археологической деятельности и последующей работы по сохранению археологического и культурного наследия в Японии. Актуальность работы исходит из уникальности опыта Японии касательно археологических исследований и практик по охране ископаемых памятников материального культурного наследия в виду исторических, географических и социальных особенностей Японии. Рассмотрены японское законодательство и методические основы ведения археологических исследований и культуроохранной деятельности в Японии, а также финансовая база такого рода деятельности и изменения за последние годы. Проанализированы как исходные документы, составляющие законодательную основу данной сферы деятельности в Японии, так и соответствующие теме критические работы западных и японских специалистов в области археологии и охраны культурных ценностей в Японии. Как итог, главной особенностью правовых рамок японской археологии является достаточно серьезное регулирование государством, поскольку сильно развита строительная отрасль и государству необходимо прибегать к мерам по сохранению отдельных объектов и их использованию. Помимо этого, можно выделить государственные программы по сохранению культурного наследия, эффективную систему для публикации и распространения результатов исследований, совершенствование образовательной базы

и внедрение новых технологий. Однако стоит отметить, что сфера археологии и охраны культурных ценностей в Японии находится в состоянии постепенного перехода в частный сектор — так, наиболее употребимо в наше время стало понятие «коммерческая археология».

Ключевые слова: археология, культуроохранное законодательство, охрана культурных ценностей, спасательные раскопки, приватизация, коммерциализация археологии.

Автор: Гурковский Александр Александрович, магистрант, ДВФУ. E-mail: gurkovskii.aa@students.dvfu.ru

Gurkovskii A.A.

Administrational and Financial Aspects of Archaeology and Cultural Heritage Management in Japan

Abstract. This paper aims to provide the audience with the legal framework and the financial basis for archaeology and subsequent work on the preservation of cultural heritage in Japan. The relevance of this paper is to consider and analyze the unique experience of Japanese archaeological research and cultural heritage management with the specific background of historical, geographical, and social characteristics. The subjects of the paper are Cultural Heritage Law and administrative bases of archaeological research and cultural heritage management in Japan. In addition, the financial base of Japanese archeology and recent changes are mentioned. In this research, original legislative acts, as well as the relevant critical works of Western and Japanese archeologists and cultural heritage management specialists were used and analyzed. To sum up, the main feature of Japanese archeology law is strong state regulation. The reasons are significant concentration of historical sites and strong development industry. These factors stimulate Japanese government take measures for the preservation and use of cultural heritage. Moreover, the features of cultural heritage management in Japan are the state programs for the preservation, an effective system for publishing and disseminating research results, improving the educational base, and introducing digital technologies. However, another feature is gradual transition to the private sector — for example, “commercial archeology” has become the most used concept in our time.

Keywords: Archeology, Cultural Heritage Law, Cultural Heritage Management, Rescue Excavations, Privatization, Archeology Commercialization.

Author: Aleksandr A. GURKOVSKII, Master's students, FEFU (e-mail: gurkovskii.aa@students.dvfu.ru).

Археологическая и культуроохранная деятельности являются важной частью изучения и сохранения истории конкретной местности или этноса. В Японии проекты, связанные с этим, особенно акту-

альны ввиду относительно малой территории страны и относительно большой концентрации исторических мест.

Проведение археологических раскопок и администрирование сохранением культурных ценностей в Японии на национальном уровне регулируется 14 законодательными актами. Основными и непосредственно относящимися к археологической деятельности являются Закон о защите культурных ценностей от 1950 г. (последние поправки датируются 2018 г.), Постановление об исполнении Закона о защите культурных ценностей от 1975 г. и Правила проведения раскопок захороненных культурных ценностей и уведомления об обнаружении археологических памятников от 1954 г. Помимо них, есть также 56 других нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты. Для примера — в России список нормативно-правовой базы раскопок и охраны культурных ценностей не превышает 20 пунктов, похожая ситуация наблюдается и в США. Может сложиться впечатление, что Япония — в достаточной степени зарегулированная страна в сфере охраны культурных ценностей.

Отчасти, это действительно так. В послевоенный период восстановления по Японии прокатился строительный бум; помимо этого, из страны вывозились объекты культурной ценности, поэтому государство, видевшее свою роль в качестве единственно возможного владельца прежде «утраченной собственности», желало их восстановить и сохранить. Что можно отметить — во многом подобная роль государства обосновывает систематизацию им видов культурно-исторического наследия и формирование специальных регламентов по обращению с ними.

Всё археологическое законодательство сводится к двум положениям. Во-первых, это возможность централизованного управления всеми объектами природного, культурного и исторического наследия в стране. Во-вторых, это наличие разветвленной системы объектов наследия. На сегодняшний день выделяется 8 общих групп только для культурных ценностей.

Переходя непосредственно к археологии, можно говорить о двух группах ценностей из имеющихся — это исторические места и захороненные культурные ценности (埋蔵文化財). Исторические места — это исторически и академически значимые комплексы объектов. Среди них особо важные отмечены как «Особые исторические места». Особенностью исторических мест является то, что после определения места как «историческое» по закону оно должно быть сохранено в том виде, в котором и было определено, изменение этого статуса возможно только в судебном порядке. Что касается захороненных культур-

ных ценностей, то их характеристика во многом аналогична историческим местам, но в отличие от них захороненные ценности не имеют такого особого значения. Помимо этого, они охраняются иначе — в рамках системы мер спасательной археологии. В список захороненных культурных ценностей входят археологические памятники, такие как раковинные кучи, гробницы, дворцы, замки, а также керамика, каменные инструменты, черепица и другие археологические находки [Nakanishi, 2017, p. 172].

Затрагивая момент с непосредственным управлением культурными ценностями и координацией археологических раскопок, стоит сказать, что они организуются чаще всего государством на трёх уровнях. Самый высший уровень управления — отделы памятников, архитектуры и традиционной культуры Департамента защиты культурных ценностей Японского агентства по культуре, которое является частью Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий. На среднем уровне управления находятся префектуральные советы образования, а на нижнем — муниципальные; при этом большинство муниципальных органов власти имеют свой консультативный комитет по культурным ценностям, состоящий из специалистов и ученых, для получения рекомендаций и инструкций по назначению и политике, связанной с управлением культурными ценностями [Barnes, 1990, p. 185]. В целом, можно подчеркнуть, что на уровне префектур и муниципалитетов работает почти 6000 археологов [Nakanishi, 2017, p. 175]. Чаще всего проводятся именно спасательные раскопки — более 90 % от общего числа работ.

При организации раскопок рассматривается четыре этапа действий: сбор информации об объекте и её распространение, сами раскопки, сохранение объекта и, наконец, завершение работ с последующим использованием объектов.

Как организовывается первый этап раскопок? Сначала организация, изъявляющая желание проводить земельные работы в непосредственной близости от уже известных археологических мест, должна уведомить об этом префектуральный совет образования за 60 дней до начала проведения работ в соответствии с п. 1 ст. 93 Закона о защите культурных ценностей [Бункадзайгогохо]. Затем совет сообщает об этом в Агентство по культуре в соответствующий департамент, который либо собирает, либо уже владеет данными о необходимой территории, основываясь на предыдущих работах на данной местности. Агентство в свою очередь консультирует власти префектуры, а также непосредственно выполняющих работы, например, предоставляя карты распространения археологических объектов на данной терри-

тории. Важно уточнить, что возможны ситуации, когда Агентство начинает вести переговоры об изменении плана использования земли или ведения работ для минимизации потерь. Также Агентство может давать необходимые инструкции относительно, например, указание провести раскопки до начала ведения строительных работ.

Уже при ведении работ, если рабочие обнаруживают тот или иной объект, префектуральный совет образования должен быть снова уведомлен в соответствии с п. 1 ст. 96 Закона о защите культурных ценностей [Бункадзайхогохо], а он уже уведомляет Агентство по культуре, после чего власти имеют право прервать, временно приостановить или полностью запретить продолжение земляных работ, чтобы оценить значимость открытия. Однако здесь имеется важный нюанс. Процедура нахождения целого культурного слоя и конкретных артефактов различается. В первом случае, так как слой земли фактически является частью территории, принадлежащей землевладельцу, он так же принадлежит землевладельцу и он должен уведомлять власти о находке. Во втором случае артефакты не являются собственностью нашедшего их или землевладельца, а принадлежат их истинному владельцу согласно ст. 59 Закона об утерянном имуществе. Однако так как в подавляющем большинстве обнаружить владельца археологических объектов не представляется возможным, они технически становятся собственностью государства с момента их обнаружения (ст. 60—63 Закона об утерянном имуществе) [Barnes, 1990, p. 187].

Различия в статусе собственности на археологические артефакты и культурный слой приводят к различным методам обращения с находками. Если обнаруженный объект признан общенациональной ценностью на совещании со специализированным консультативным комитетом, то он может быть признан важным культурным достоянием или национальным достоянием (ст. 27 Закона о защите культурных ценностей), а обнаружившему/землевладельцу будет возмещена стоимость объекта. Если же объект считается малозначительным, право собственности на него может быть передано обнаружившему/землевладельцу по заявлению. В случае нахождения культурного слоя, если государство всё-таки решает, что найденные объекты имеют ценность для определения его как историческое место, либо как особое историческое место (ст. 69 Закона о защите культурных ценностей). В этом случае землевладелец получает компенсацию за участок земли. Стоит уточнить, что в ряде случаев центральные власти могут напрямую получать информацию об объекте и принимать ре-

шения в быстром и упрощенном порядке — например, при работах после стихийных бедствий [Бункадзайхогохо].

Касательно признания места или отдельных объектов культурными ценностями необходим процесс, состоящий из 6 этапов. Первоначально объект находят и информация о нём доходит до Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий. Затем Министерство консультируется с Департаментом по культурным ценностям Агентства по культуре, после чего Агентство запрашивает у специального комитета экспертизу на установление ценности того или иного объекта. Получив результаты экспертизы, Агентство передаёт их обратно Министерству, а то в свою очередь публикует официальное объявление о признании и регистрации объекта, а также уведомляет об этом нашедшего/землевладельца. После объявления объект получает официальный сертификат.

Если затрагивать обширный финансовый аспект проведения раскопок, то можно столкнуться с процессом приватизации в этой отрасли, который наблюдается уже несколько десятилетий. Частные археологические единицы действуют сейчас на всей территории страны, особенно в регионе Канто — изначально большинство из них являлись небольшими по размеру и возглавлялись профессиональными археологами, но сейчас они создаются по инициативе или даже внутри строительных или инжиниринговых компаний, являясь самими по себе достаточно крупными предприятиями. Частные предприятия проводили кампании лоббирования в целях приватизации спасательных раскопок и в 2005 г. создали бизнес-ассоциацию 日本文化財保護協会, членами которой являются 70 предприятий [Okumura, 2014, p. 2484]. Данные шаги были закономерным ответом на нехватку в Японии квалифицированных кадров для проведения раскопок при постоянном росте числа участков для работы даже во время прекращения строительного бума в связи с кризисом 1990-х. Тем временем объединение добилось успехов, а именно увеличения количества проводимых раскопок частными компаниями.

Однако приватизация спасательных раскопок могла иметь и отрицательные тенденции — существовала вероятность того, что застройщик будет меньше интересоваться качеством раскопок, что могло привести к ухудшению качества самих раскопок и публикаций результатов. Агентство по культуре ещё в 1996 г. пыталось воспрепятствовать тенденциям к приватизации в отрасли и выпустило ряд ограничений для частных работ. Однако ряд законопроектов, в частности Реформа государственных услуг путем введения конкуренции 2006 г., заставили Агентство по культуре отступить. На сегодняшний день до

20 % всех археологических работ выполняются частными компаниями [Сиина, 2016, с. 7]. Таким образом, можно увидеть, что сфера археологии в Японии уже давно не является в преимущественном ведении государства, хотя центральные власти всё же сохраняют ряд полномочий — так, например, государство проводит сертификацию частных археологов через специальный Совет по аккредитации археологических исследователей (考古調査士資格認定機構).

Может сложиться впечатление, что «приватизация археологии» затрагивает только исполнителей работ, а траты на выполнение этих работ лежат на плечах у местных властей и Агентства по культуре. Это не совсем так. В случаях, когда аварийные раскопки проводятся в результате строительных работ в коммерческих целях, расходы оплачиваются застройщиком, будь то государственная или частная организация. Этот принцип ещё с конца 1960-х гг. применялся к государственным компаниям — например, к Японской жилищной корпорации или Японской государственной корпорации по строительству железных дорог. После этого его традиционно стали применять и к частным предприятиям. И хотя принцип «застройщик платит» не был четко прописан в Законе о защите культурных ценностей, он гарантировал источник финансовой поддержки менеджменту археологического культурного наследия в Японии и существенно помог его развитию.

Для правительства важным является сохранить археологические материалы — хотя в основном только в виде записей — на том основании, что они имеют как минимум юридическое значение. С другой стороны, строительные компании финансируют спасательные раскопки не только для продвижения социально ориентированного корпоративного имиджа самих себя, но и из-за необходимости понимать и уважать историю. Поддерживаемый финансово принципом «застройщик платит» и технически — современными технологиями земляных работ, такими как использование конвейерных лент и аэрофотосъемки, менеджмент археологического культурного наследия в Японии превратился в быструю и эффективную систему, способную производить огромное количество археологических данных, в том числе до нескольких тысяч отчетов в год [Okamura, 2014, p. 2483].

При этом суммарно количество средств, выделяемых частными компаниями для спасательных раскопок, на пике работы отрасли в 1990-е гг. составляла 1/6 часть всех расходов на раскопки в стране — сегодня за счёт спада государственных вложений доля возросла до 30 %. Всего же расходы на спасательные раскопки в Японии составляют около 50 млрд иен [Stein], большая часть из которых финанси-

руется местными властями. В целом бюджеты спасательных раскопок и количество нанятых в Японии археологов неуклонно сокращались с начала века, в то время как количество археологических исследований продолжало расти. В 2012 г. было проведено более 55 000 археологических исследований; из них около 8000 — это спасательные раскопки. Академические раскопки составили менее 1 % (434) этих исследований (остальная значительная часть приходится на георазведку). В то время как в 1996 г. бюджет в 125 млрд иен был выделен на более чем 41 000 археологических исследований, в 2012 г. менее половины из них (около 55,5 млрд иен) должно было быть затрачено на гораздо большее их количество. Уменьшение количества квалифицированных кадров было менее резким. В 2012 г. в Японии работало 5868 археологов, а в 2013 г. это число даже увеличилось впервые за 10 лет [Stein].

При этом центральные власти также участвуют в финансировании раскопок. Агентство по культуре субсидирует до 50 % затрат муниципальных властей на раскопки. Количество подобных субсидий уже несколько лет остаётся неизменным — 740 заявок, однако сумма выделяемых средств постепенно уменьшается. В 2020 г. она составляла 3 млрд иен, а в 2008 г. — почти 4 млрд иен.

Тем не менее, государственный бюджет на охрану культурных ценностей с каждым годом не снижается, так как существуют национальные программы по защите культурных ценностей. Сегодня доля средств на подобные программы составляет до трети всего бюджета Агентства по культуре — 46 из 158 млрд иен бюджета, закладываемого на 2021 г. — больше неё является только часть, выделенная Агентству на поддержку в период «коронакризиса». Основными программами, куда выделяются средства, являются ремонт и использование объектов культурного наследия, популяризация и расширение возможностей для демонстрации, а также развитие инфраструктуры для защиты культурных ценностей. В эти программы включено в общей сложности 17 проектов, направленных на охрану культурных ценностей.

Подводя итоги, можно сказать, что в японская сфера археологических исследований характеризуется сильной государственной поддержкой при отсутствии идеологического давления, наличием развитого законодательства и программ по сохранению исторического наследия, эффективной системой для публикации и распространения результатов исследований, совершенствованием образовательной базы и внедрением новых технологий. Помимо этого, неоднозначным является значительный тренд на коммерциализацию. Данная

тенденция исходит из того, что государство не обладает достаточным количеством средств и специалистов для стабильного функционирования. Частные девелоперы открывают собственные археологические подразделения, а местные органы власти, лишённые контроля со стороны правительства, начинают пользоваться их услугами. Обратной стороной такого сотрудничества является отсутствие у частного девелопера исследовательского приоритета, из-за чего есть риск падения качества научных работ, связанных с конкретными археологическими памятниками, и «простаивании» части материалов.

Библиографический список

Бункадзайгогохо: [Закон о защите культурных ценностей]. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=325AC1000000214> (дата обращения: 14.10.2021). (На яп.)

Сиина, Синтаро. Майдзобункадзайгого то катсуё но корэ мадэ то корэ кара: [Прошлое и будущее охраны и использования захороненных культурных ценностей] // Нихон фудосангаккайси, 2016. Т. 30. № 3. С. 4—9. (На яп.) DOI: 10.5736/jares.30.3_4

Barnes, Gina Lee. The Origins of Bureaucratic Archaeology in Japan // Journal of the Hong Kong Archaeological Society, 1990. № 12. P. 183—194.

Nakanishi, Yumiko. Archaeological Administration and Japanese Archaeology // Japanese Journal of Archaeology, 2017. № 4. P. 171—184.

Okamura, Katsuyuki. Ethics of Commercial Archaeology: Japan // Encyclopedia of Global Archaeology. New York: Springer, 2014. P. 2482—2485. DOI: 10.1007/978-1-4419-0465-2_2060.

Stein, Britta. History of Archaeology in Japan. URL: https://link.springer.com/referencenetworkentry/10.1007%2F978-3-319-51726-1_3370-1 (дата обращения: 16.10.2021). DOI: 10.1007/978-3-319-51726-1_3370-1.

References

Barnes, Gina Lee (1990). The Origins of Bureaucratic Archaeology in Japan, *Journal of the Hong Kong Archaeological Society*, No. 12: 183—194.

Bunkazaihogohou [Cultural Property Protection Act]. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=325AC1000000214> (accessed: 14 October, 2021). (In Japanese).

Nakanishi, Yumiko (2017). Archaeological Administration and Japanese Archaeology, *Japanese Journal of Archaeology*, No. 4: 171—184.

Okamura, Katsuyuki (2014). Ethics of Commercial Archaeology: Japan, *Encyclopedia of Global Archaeology*, New York: Springer: 2482—2485. DOI: 10.1007/978-1-4419-0465-2_2060.

Shiina, Shintaro (2016). Maizoubunkazaihogo to katsuyou no kore made to kore kara [Past and Future of Protection and Utilization of Buried Cultural Properties], *Nihon Fudousangakkaishi*, Vol. 30, No. 3: 4—9. (In Japanese). DOI: 10.5736/jares.30.3_4.

Stein, Britta. History of Archaeology in Japan. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007%2F978-3-319-51726-1_3370-1 (accessed: 16 October, 2021). DOI: 10.1007/978-3-319-51726-1_3370-1.

К.В. Шуплецова

«ИНЦИДЕНТ ЦУДА» (1940 г.) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВЗГЛЯДЫ ИСТОРИКА ЦУДА СОКИТИ (1873—1961)

Аннотация: Цуда Сокити стал одним из историков, кто подвергся гонениям со стороны японского правительства в первой половине XX в. Его взгляды на историю Японии, новые методы анализа историко-мифологических сводов противоречили видению японского правительства. Рассмотрены события, послужившие катализатором для начала судебного процесса над историком, сам суд (1940 г.), а также предпринята попытка понять, повлияли ли эти события на позицию историка в следующие годы его работы. Примечательным остается факт, что внимание следователей привлекла позиция историка на «восточную культуру», единство которой он отрицал. Обвинение, в свою очередь, было выдвинуто в связи с его критикой традиционных подходов к анализу японских исторических источников и попыткой установить историческую истину, когда историк в своих исследованиях разделил понятия мифа и исторического факта. Минимальное расхождение с официальной позицией правительства воспринималось болезненно, и в итоге Цуда Сокити был осужден по 11 пунктам в «оскорблении чести императора». Влияние судебного процесса на позицию историка однозначно определить сложно. Начиная с 1940 г. он выпустил ряд работ, посвященных императорскому дому, в которых Цуда Сокити уже не упоминает о божественном происхождении императора, однако, наоборот, доказывает важность института императорской власти в Японии.

Ключевые слова: Цуда Сокити, инцидент Цуда, восточноазиатская культура, японская историография, японский император, период Сёва.

Автор: Шуплецова Ксения Васильевна, аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: noisettepost@gmail.com

Shupletsova K. V.

The Tsuda Incident (1940) and its Impact on the Views of the Historian Tsuda Sokichi (1873—1961)

Abstract. Tsuda Sokichi was one of the historians who were persecuted by the Japanese government in the first half of the 20th century. His views on the history of Japan, new methods of analyzing historical and mythological chronicles contradicted the vision of the Japanese government. This article examines the events that served as a reason for the start of the trial of the historian, the trial itself (1940), and attempts to understand whether these events influenced the position of the historian in the following years. It is noteworthy that the attention of investigators was attracted by the historian's position on "Eastern culture", which unanimity he denied. At the same time the accusation was brought up due to his criticism of traditional approaches to the analysis of Japanese historical sources and an attempt to establish historical truth when the historian in his research divided the concepts of myth and historical fact. The minimal disagreement with the official position of the government was perceived as painful, and as a result, Tsuda Sokichi was convicted on 11 counts of "insulting the honor of the emperor." The influence of the trial on the position of the historian is difficult to determine univocally. Since 1940 he published a few works devoted to the imperial house, in which Tsuda Sokichi no longer mentions the divine origin of the emperor, but, on the contrary, proves the importance of the institution of imperial power in Japan.

Keywords: Tsuda Sokichi, Tsuda incident, East Asian culture, Japanese historiography, Japanese emperor, Showa period.

Author: Kseniya V. SHUPLETSOVA, graduate student, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University
(e-mail: noisettepost@gmail.com).

Цуда Сокичи (1873—1961) — японский историк, долгие годы исследовавший древние тексты. В основе его гипотетических реконструкций покоился принцип отделения мифов от реальных событий, который он апробировал на материалах ранних японских письменных источников, историко-мифологических сводов *Кодзики* и *Нихон сёки*. Критический подход к текстам позволил Цуда Сокичи выдвинуть обоснованное предположение о недостаточности имеющихся доказательств для восстановления реальных событий ранней японской истории, включая «легендарную» историю первоимператора Дзимму. Как следствие, в 1940 г. историк был привлечен к суду по об-

винению в оскорблении чести императора, данное событие получило название «инцидент Цуда» (*цуда дзикэн*).

Помимо новаторских подходов к изучению древней истории, Цуда Сокити был известен своими взглядами на так называемую восточноазиатскую культуру.

После инцидента на мосту Марко Поло в Китае в 1937 г. началось столкновение политической позиции и научных взглядов Цуда Соки-ти. Он считал, что понятие «азиаты» как противопоставление «европейцам» является грубым обобщением, и его нельзя считать верным. Более того, он сомневался, можно ли японцев в принципе соотносить с понятием Азии [Оои].

Представление об азиатской культуре появилось как антитеза европейской культуре, объединяющей достижения науки, культуры и техники стран Европы, в первую очередь Великобритании, Франции и США. Цуда Сокити в противовес этой концепции призывал задуматься о противопоставлении Японии Азии.

Цуда Сокити был чуть ли не единственным, кто задумывался о различиях между Японией и Китаем. В своем предисловии к книге «Китайская мысль и Япония» (Сина сисо: оёби Нихон) историк писал следующее: «Сейчас Япония вынуждена проводить политическую, экономическую, а также культурную деятельность в отношении Китая, другими словами, она пытается объединить два народа, и я задумываюсь, не приведут ли к хаосу попытки превратить японскую и китайскую культуру в единую восточную, так как эти две культуры являются абсолютно разными» [Цуда, Маэгаки..., с. 102].

Таким образом, исследователь подвергает критике попытки японского правительства оправдать военные действия на материке причинами культурного единства двух народов. Цуда Сокити выступает против смешения политики и культуры. Это можно проследить в его критике основополагающего идеологического документа «Кокутай-но хонги» («Истинная сущность кокутай»). В 1937 г. Министерство просвещения Японии выпустило «Кокутай-но хонги», в котором утверждалось, что в Японию пришли идеи, зародившиеся в Китае и Индии, которые были очищены от всего лишнего божественным кокутай (национальной сущностью) Японии, а в эпохи Мэйдзи и Тайсё благодаря импорту европейских достижений культуры они смогли достичь заметного развития. Цуда Сокити в свою очередь считал, что японская культура не связана с китайской, и отмечал, что в «Кокутай-но хонги» нет ни упоминания, ни даже осознания различий этих культур. В документе содержится информация о том, что именно было заимствовано из Европы (Великобритании, США, Франции и

Германии). Однако он не отвечает на вопросы: «что такое Восток? (*тоё*)», «что именно было заимствовано из восточной мысли», но при этом как бы подразумевалось (без разъяснений), что Япония является частью «области восточной культуры» [Оои].

Вскоре после публикации «Кокутай-но хонги» и инцидента на мосту Марко Поло 7 июля 1937 г. Мики Киёси, который являлся идейным вдохновителем и советником правительства премьер-министра Коноэ Фумимаро, стал внедрять идею «Восточноазиатского объединения» (*тоа кё:до:таи*), которое должно было сформировать политический и экономический союз на территории Восточной Азии.

Коноэ Фумимаро после Первой мировой войны провозгласил идею «преодоления мировой системы, навязанной США и Великобританией» [Коноэ], выступая с резкой критикой дискриминации «желтой расы» в США и Великобритании. При этом он проявлял сочувствие к потерпевшей поражение Германии. Инцидент на мосту Марко Поло был вызван не кризисом «мировой системы, навязанной США и Англией», а идеей превращения японской самобытной системы в восточноазиатскую. Тогда же и получила развитие установка, что японская культура является частью культуры восточной.

Цуда Сокити выразил несогласие с тем, что объединение Китая и Японии обосновано их культурным единством. В своей работе «Китайская мысль и Япония» он выступил со всесторонней критикой идеи «восточной культуры».

Цуда Сокити решил обратиться к этимологии слова «восточный» — *тоё*:. Бином *тоё*:. появился в китайском языке либо в начале эпохи Мин (1368—1644), либо в конце эпохи Юань (1271—1368) для разделения направлений в Южном Китайском море для навигации судов. Восточное направление называли «восточным морем» — *тоё*:. западное направление — западным морем — *эйё*:. Например, Филиппинский архипелаг называли *тоё*:.; а Индию и прочие острова и побережья на западе называли *эйё*:. Таким образом, *тоё*:. являлось не более чем географическим термином. Но что самое важное, сам Китай себя не относил ни к восточному морю, ни к западному.

По мнению Цуда Сокити, биномы *тоё*:. и *эйё*:. именно в Японии получили свое значение «восточный» (в значении относящийся к странам Азии) и «западный» (в значении относящийся к странам Европы и Америки) уже в период Токугава (1603—1868). Примером этому служит знаменитый лозунг японского ученого и мыслителя эпохи Эдо Сакума Сёдзан — «Мораль восточная, методы западные» (*тоё:-но до:току, эйё:-но гайдзюцу*). Под Западом *эйё* подразумевались страны христианского мира. Под восточными странами *тоё*:. подразумева-

лись конфуцианские страны — Япония, Китай, Корея. Позднее этот термин распространили на страны, исповедующие буддизм, и к их числу была отнесена Индия. Однако Цуда Сокити утверждал, что подобное разделение является некорректным.

Необходимо отметить, что в представлении Цуда Сокити культура была ограничена народной культурой (прежде всего, фольклором и народными вероисповеданиями), а также не включала в себя религию (буддизм) и конфуцианство, общественные институты, особенности политической культуры и т. д. [Оои].

Цуда открыто заявлял о том, что японскую культуру можно отнести к мировой, а рассмотрение ее с точки зрения ограничения рамками «восточной культурой» являлось, по мнению историка, преуменьшением ее достижений. Он отмечал, что некоторые особенности индийской и китайской культуры являются для японцев такими же чуждыми, как и европейские. Обращаясь к «Кокутай-но хонги», в котором говорилось о Японии как о составной части восточной культуры, Цуда Сокити объяснял это попыткой государства сформировать образ «мы — другие», где мы — это Япония, другие — так называемый «восток» (тоё:).

Создатели «Кокутай-но хонги» пытались дать определение, что значит быть японцем, и почему это должно вызывать гордость. Однако Цуда Сокити считал, что с этой задачей авторы документа не справились, поскольку так и не смогли определить место Японии в мире. Такое положение историк считал опасным для дальнейшего развития Японии [Оои].

Именно критика паназиатских идей привела Цуда Сокити к суду.

С 30 октября по 4 декабря 1939 г. Цуда Сокити читал лекции по истории восточной политической мысли в Токийском императорском университете на факультете права по приглашению Намбара Сигэру¹. В своих лекциях (их всего было шесть) Цуда делился своими идеями о единстве японской и восточной культур. Несмотря на то, что факультет направлял запрос в Министерство просвещения Японии об одобрении лекций, вовремя санкция на их проведение не была получена [Мацудзава].

Надлежит понимать, что в японских университетах того времени, как, собственно, и других учебных заведениях, образовательный про-

---

¹ Намбара Сигэру (1889—1974) — японский политический исследователь. В период 1925—1945 гг. был профессором факультета политологии, где занимался политической историей.

цесс был адаптирован под идеи *кокутай*, идеи верховенства Японии, необходимости экспансии и расширения японского влияния в мире.

В таких условиях работы Цуда Сокити не соответствовали правительственной идеологии, и, представ перед молодой публикой с верой в светлое будущее Японии, он столкнулся с тем, что его идеи отрицания одобряемого официальной идеологией феномена «восточной культуры» (в реальности Цуда Сокити на своих лекциях старался избегать опасных терминов) вызвали недоумение и даже протест среди студентов. Некоторые студенты ознакомились с трудами лектора и знали о его реальных взглядах.

После последней шестой лекции Цуда Сокити один из студентов подошел к лектору и укорял его, полагая недопустимым, когда в стенах прославленного учебного заведения молодые умы наставляет человек, который в своих исследованиях ставит под сомнение факт единства китайской и японской культур. Тем самым лектор, по мнению студента, дерзнул усомниться в законности продвижения Японии на материке, а следовательно, и в подвигах японских солдат, отдавших своих жизни в ходе военных действий.

Многие студенты являлись членами националистических, иногда даже профашистских объединений, которые выпускали свои журналы или газеты. Студент, вступивший в спор с Цуда Сокити, также являлся членом «Ассоциации японских студентов» (Нихон гакусэй кё:кай), которая была основана Коноэ Фумимаро, высшим военным командованием, рядом лиц из финансовых и политических кругов, а также обществом *Гэнри Ниппон* (Основы Японии) наподобие студенческих объединений в нацистской Германии.

Вскоре после этого в ультраправом националистическом журнале *Гэнри Ниппон* была опубликована статья его издателя Минода Мунэки, в которой он резко критиковал идеи Цуда Сокити, противоречащие государственной идеологии Японской империи. Считается, что именно эта статья привлекла интерес государства к трудам историка, что и способствовало судебному расследованию [Миянага].

В 1940 г. Цуда Сокити был вызван к следователю, где его допрашивали о его книгах, посвященных древней истории Японии. В лице общественности он предстал как человек «который стер историю эпохи богов и древности». Публикация книг «Исследование Кодзики и Нихон сёки», «Исследование истории эпохи богов» была запрещена, а некоторые главы были исключены из трудов «Исследование истории древней Японии», «Общество и мысль древней Японии» перед их последующей публикацией. В марте того же года Цуда Сокити был обвинен в оскорблении императорской чести [Brownlee].

Суд относительно деяний Цуда Сокиги выдвинул 10 пунктов обвинения [Оои].

1) Отрицает существование императора Дзимму и последующих 13 поколений его потомков, вплоть до императора Тюай (192—200 гг.).

2) Отрицает заслуги древних императоров: восточный поход императора Дзимму, карательный поход против *кумасо*¹ императора Кэйко (71—130), второй карательный поход против *кумасо* во главе с Ямато Такэру², восточную экспедицию императора Кэйко³ и т. д.

3) Считает, что представление об императоре-тэнно как об «архитогами» (живом боге) является пережитком жреческой традиции.

4) Считает, что богиня Аматаэрасу была придумана «создателями» истории «эпохи богов».

5) Считает, что роль прародительницы императорского рода богиня Аматаэрасу «получила» в политических целях, чтобы легитимизировать императорскую власть.

6) Считает, что все императорские указы и предсказания до правления императрицы Когёку (642—645 гг.) были придуманы составителями ранних историко-мифологических сводов.

7) Считает, что хроника императорской династии до императора Тюай была дописана в более позднее время.

8) Считает, что история правления императора Нинтоку (313—399 гг.) является политической легендой, скопированной из китайской мифологии.

9) Считает, что боги из императорской династии, и в первую очередь Аматаэрасу-оомиками, были вымышленными персонажами, созданными представителями императорского дома с целью легитимизировать императорскую власть и представить наиболее приемлемую «историю» ее происхождения.

10) Легенды о богах в Нихон-сёки были созданы на основе китайских мифов.

Таким образом, все 10 пунктов касались непосредственно идеологических основ Японии в первой половине XX в., где император занимал центральное место в жизни каждого японца, и его божествен-

---

¹ Этническая группа, которая проживала в Южной Японии, центральной и южной частях острова Кюсю в течение III—VI вв.

² Легендарный воин-полководец, сын императора Кэйко. Согласно японской мифологии, покорил страну *кумасо* на острове Кюсю и племена *эмиси* на востоке острова Хонсю.

³ Поход против племен *эмиси* восточного Хонсю.

ное происхождение не подвергалось сомнению. Однако ни слова об идеях историка, касающихся восточной культуры.

В результате ученый был вынужден покинуть свой пост преподавателя в университете Васэда, где он преподавал с 1918 г. В 1942 г. Цуда Сокити был признан виновным в нарушении закона о публикациях (*сюнтанхо*:), в части «оскорбление чести императора». Сам историк находился под арестом вместе с главой издательства, где выпускались книги, Иванами Сигэо в течение нескольких месяцев. Он подал апелляцию в суд, однако решение о пересмотре наказания было принято только в послевоенные годы, когда историк был оправдан [Миянага].

По всей вероятности, судебный процесс не прошел для исследователя бесследно, и в 1940-е гг. Цуда Сокити в своих работах отстаивал институт императорской власти в Японии, давая ему историческое и правовое обоснование. Иначе трудно объяснить, что начиная с 40-х гг. Цуда начинает последовательно писать работы, выступающие в защиту теории о непрерывности императорской власти и необходимости этого политического и культурного института в жизни Японии [Оои].

Например, в своем труде «Условия создания государства и идея “непрерывности в веках”» (написан в 1940 г.) Цуда Сокити рассуждает о том, как сформировался институт монархии в Японии, как появилась императорская фамилия, как развивалась ее судьба в течение десятка веков. Историк считает, что островное положение, защищавшее от внешних врагов страну, и развитое сельское хозяйство, обеспечивавшее стабильность среди крестьян, позволили императору без опоры на военное сословие сохранять мир. Императоры всегда в первую очередь были хорошо образованы: они знали китайскую литературу, изучали различные виды искусства. Японские императоры были учеными, писателями, были тонкими ценителями искусства, а не военачальниками, как во многих европейских странах. Император представлен в его работах как любимый и уважаемый народом правитель, духовный лидер. Японский император вовсе не политическая фигура, не самодержавный правитель, а скорее культурный феномен, отражающий чаяния японского народа на благополучие и мир в стране [Цуда. Кэнкоку-но..., Нихон-но ко:сицу].

Тем не менее, надлежит констатировать: Цуда Сокити не отказался от своих воззрений о мифическом происхождении первых императоров.

Многие японские историки предполагают, что позиция Цуда Сокити не претерпела изменений после его ареста. Исследования *Код-*

зики и *Нихон-сёки*, по мнению японского историка Иэнага Сабуро, отнюдь не представляли собой разрушительную критику системы императорской власти Японии, а скорее, наоборот, подчеркивали укрепление императорской власти посредством рационализма. «Оценив модернизацию и рационализм императорской власти, Цуда задумался о том, что одновременно с демократизацией политики и избавлением от точки зрения, что император несет ответственность за политическую составляющую, император становится «живым символом народного духа» [Кимура].

Цуда Сокити искренне относился к императору как человек своего времени: с глубокой любовью и почтением. Однако он стремился в своих научных работах определить истоки императорского рода, за что его труды стали считаться «антиимператорскими», воспринимались как попытка лишить императора законности его власти.

Библиографический список

Кимура, Токио. Цуда Сокити хакуси сёрон. Иэнага Сабуро-си-но сёсэцу-ни ёсэтэ [Небольшая дискуссия о докторе наук Цуда Сокити. Взгляд Иэнага Сабуро] // *Waseda journal of general science*, 1978. С. 23—52. (На яп.)

Коноэ, Фумимаро. Нихон оёби нихондзин: [Япония и японцы]. Токио: Сэйкё:ся, 1918. 223 с. (На яп.)

Мацудзава, Хироаки. Маруяма Масао каико дандзё: [Воспоминания Маруяма Масао]. Иванами сётэн, 2006. 324 с. (На яп.)

Миянага, Такаси. Сика Цуда Сокити [Историк Цуда Сокити] // *Сякаи сирин*, выпуск 3 (64), 2017. С. 116—170. (На яп.)

Оои, Кэнсукэ. Цуда Сокити, даинихонтэйкоку то но таикэцу. Тэнно-но гунпуку-но нугасэта отоко: [Цуда Сокити: очная ставка с Великой Японской империей. Человек, который снял военную форму с императора]. Токио: Бэнсэй сёппан, 2016. 384 с. (На яп.)

Цуда Сокити. Кэнкоку-но дзидзё: то бансэй иккэй-но сисо: [Условия создания государства и идея «непрерывности в веках»] // *Кодзики оёби Нихон сёки-но кэнкю:*. Токио: Маинити вандзу, 2019. С. 9—46. (На яп.)

Цуда, Сокити. Маэгаки. Сина сисо: оёби Нихон: [Предисловие Китайская мысль и Япония] // *Цуда Сокити дзэнсю.* Токио: Фую: сёбо: сёппан, 2020. С. 99—109. (На яп.)

Цуда, Сокити. Нихон-но ко:сицу [Японский императорский дом]. Токио: Тюо корон синдзя, 2019. 240 с. (На яп.)

Brownlee, John S. Japanese Historians and the National Myths, 1600—1945: The Age of the Gods and Emperor Jinmu. UBC Press, 1997. 257 с.

References

Brownlee, John S. (1997). *Japanese Historians and the National Myths, 1600—1945: The Age of the Gods and Emperor Jinmu*. UBC Press.

Kimura, Tokyo (1978). Tsuda Sokichi hakushi seron. Ienaga Saburo-shi-no shosetsu-ni yosete [A small discussion about Ph.D. Tsuda Sokichi. Ienaga Saburo's view], *Waseda journal of general science*: 23—52. (In Japanese).

Konoe, Fumimaro (1918). *Nihon oyobi nihonjin*: [Japan and the Japanese]. Tokyo, *Seikyo:shya.*, 223 p. (In Japanese).

Matsuzawa, Hiroaki (2006). *Maruyama Masao kaiko danjo*: [Memories of Maruyama Masao]. Tokyo, Ivanami shoten. 324 p. (In Japanese).

Miyanaga, Takashi (2017). Shika Tsuda Sokichi [Historian Tsuda Sokichi], *Shyakai shirin*, No 3 (64):116—170. (In Japanese).

Ooi, Kensuke (2016). Tsuda Sokichi, dainihonteikoku to no taiketsu. Tenno no gunpuku no nugaseta otoko: [Tsuda Sokichi: confrontation with the Great Japanese Empire. The man who took off the military uniform from the emperor]. Tokyo, Bensei Shuppan. 384 p. (In Japanese).

Tsuda, Sokichi (2019). *Kenkoku no jjiyo to bansei ikkei no shiso* [Foundation of the Country and the Idea of Unbroken Imperial line]. *Kojiki oyobi Niohn shoki no kenkyu*. Tokyo, Mainichi wanzu: 9—46. (In Japanese).

Tsuda, Sokichi (2020). Maegaki. Shina shiso: oyobi Nihon: [Foreword. Chinese Thought and Japan], Tsuda Sokichi Zenshu. Tokyo, Fuyo: Shyobo: Shuppan: 99—109. 257 p. (In Japanese).

Tsuda, Sokichi (2019). *Nihon no koshitsu* [Japanese imperial house]. Tokyo, Chuo koron shinjya. 240 p. (In Japanese).

П.В. Моргунова

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ БУДДИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ (нач. IX — XVI вв.)

Аннотация. Рассмотрена корейская буддийская архитектура периода государства Корё на примерах храма Пульгкса и грота Соккурам. Проведено сравнение храмовой и светской архитектуры для выявления стилистических особенностей первой. Рассмотрено и буддийское прикладное искусство как неотъемлемая часть композиции.

Ключевые слова: история средневековья, государство Корё, буддизм, буддийская архитектура.

Автор: Моргунова Полина Вячеславовна, студент первого курса магистратуры «Тихоокеанская археология» Дальневосточного федерального университета. E-mail: polly.pion.1999@gmail.ru

Morgunova P. V.

Features of Korean Buddhist architecture (early IX — XVI centuries)

Abstract. The article discusses the Korean Buddhist architecture of the period of the Goryeo state using the examples of the Bulgksa temple and the Seokkuram grotto. It also compares temple and secular architecture to identify the Buddhist stylistic features. Buddhist applied art is also mentioned as an integral part of the composition.

Keywords: medieval history, state of Goryeo, Buddhism, Buddhist architecture.

Author: Polina V. MORGUNOVA, Master's student at the Faculty of Pacific Archeology, Far Eastern Federal University (e-mail: polly.pion.1999@gmail.com).

Религия занимает важную часть в самосознании любого народа и глубоко укоренена в его культуре. Одной из важнейших религий корейского народа является буддизм, попавший на территорию Корейского полуострова (государства Когурё) в 372 г. и окончательно обосновавшийся там к 527 г., когда был официально принят правителем государства Силла. До сегодняшнего дня буддизм широко исповедуется в южнокорейском обществе, он наложил глубокий отпечаток на национальную культуру, что уверенно подтверждается тем фактом, что более 70 % культурных ценностей страны связаны с буддизмом.

В рассматриваемый период в странах Корейского полуострова сложилась сложная система верований. Помимо заимствования из Китая даосизма, конфуцианства и китайской версии буддизма, в Корее с древнейших времен имелись и собственные верования. Однако из всех заимствованных религий именно буддизм проявил в Корее наибольшую гибкость и способность адаптироваться к местным традициям. В частности, период Силла стал кульминацией корейской буддийской культуры.

Как светская, так и храмовая архитектура в основном состояла из деревянных строений. Со временем стили строительства трех стран начали расходиться, так что начиная с XII—XIII вв. можно выделить более заметные различия. Деревянная архитектура Кореи во многих отношениях находится на полпути между Китаем и Японией. Основной корейский тип строительства — деревянная постройка на гранитной основе, или так называемый *ханок*.

Крыша. Виды кровли можно разделить на несколько основных категорий.

Двускатная крыша — самый распространенный вид крыши, использовавшийся при постройке известных традиционных зданий Кореи, включая зал Кынджонджон во дворце Кёнбоккун, а также многие важные здания, включая дворцы, конфуцианские академии и дома представителей традиционной знати.

Крыша «матбэ» (чем-то похожая на мансардную крышу): эта простая форма крыши была разработана раньше других и сейчас считается каноном формы традиционной крыши корейских домов. Пример — павильон Кыннакджон эпохи Корё в храме Понджонса.

Уджингак (шатровая) — крыша встречается в основном в частных домах, крышу *уджингак* также можно увидеть на воротах дворца.

Мойм (собранный) — крыша: Другой тип шатровой крыши — каждая из граней поверхности кровли сужается по мере подъема, образуя вершину [Jackson, 2013, 47—49].

Крыши *кива* (черепичные) были более долговечными, чем крыши *чога* (соломенные), и использовались для маркировки важности здания, а также более высокого статуса его жителей [Jackson, 2013, 47—49]. Из эстетических соображений плитки изготавливались самых разных форм и иногда с нанесенными на них изображениями. Большинство черепиц, используемых для традиционных зданий, были украшены узорами в виде цветущих лотосов, облаков, лиц демонов или санскритских символов [Kim, 2006, 81—83].

Колонны можно рассматривать как одну из наиболее важных частей корейской архитектуры. Подготовке колонн всегда уделялось особое внимание. Во время строительства и подготовки древесины обязательно учитывалось, где у дерева находился раньше корень, чтобы не поменять концы колонны местами, это связано с шаманским поверьем о том, что установленные вверх ногами колонны принесут лому несчастье и разрушения. В Корее традиционно использовались различные приемы, чтобы колонны казались шире у основания, чем у вершины, или чтобы они расширялись в центре. Различные формы колонн в определенной степени указывали на социальный статус. Круглые колонны встречались в основном в королевских дворцах и буддийских храмах [Jackson, 2003, 50].

Бэхыллим обозначает хорошо известный европейской архитектуре со времен Древней Греции энтазис, практику делать колонны шире в средней части, чем в верхней и нижней частях. Обычно это делают для более эстетичного вида здания, подобный прием позволяет колонне выглядеть ровной по всей длине и не допускает, чтобы колонна выглядела тоньше в центре, позволяя ей создавать впечатление надежной опоры для тяжелой крыши.

Квисосым буквально означает «поднимающийся по углам». Этот термин относится к практике увеличения высоты колонн в здании от центра к углам, где они находятся на самом высоком уровне. Это постепенное увеличение высоты едва заметно невооруженным глазом и варьируется в зависимости от общего масштаба здания. Он разработан, чтобы компенсировать оптическую иллюзию, возникающую, когда все колонны имеют одинаковую высоту, в результате чего внешние края здания кажутся провисшими.

Анссоллим переводится как «наклон внутрь» и описывает способ возведения колонн под углом, при котором они совсем слегка наклоняются внутрь к центру здания. Этот метод также используется для избежания установки абсолютно вертикальных колонн на каждом конце здания, которые из-за оптической иллюзии кажутся наклоненными наружу, создавая видимость нестабильности. Этот прием ис-

пользовался при строительстве каменных пагод, а также деревянных построек [Park, Fouser, 2015, 97—98].

Окна и двери в корейской традиционной архитектуре, как правило, сделаны из дерева и полупрозрачной бумаги. Самый распространенный тип оконной конструкции — сетка из тонких, деревянных планок, переплетающихся друг с другом, известная как *чхансаль*. Эта структура сочетает в себе прочность и легкость, позволяя слоям бумаги, приклеенным к деревянному каркасу, пропускать свет и не давая им слишком легко рваться. *Чхансаль* также предоставляет возможность для создания замысловатых и красивых узоров. Когда-то в Корее для решетчатых окон часто использовались простые конструкции с вертикальными линиями. Однако во времена династии Корё узор решетки стал более изысканным. Именно в этот период в моду вошли природные узоры и изображения буддийских персонажей. В основном выделяют около 172 традиционных корейских узора.

Некоторые двери и окна *ханока* даже имеют *ккотсаль*, исключительно декоративную форму, которая выходит за рамки геометрических узоров, прямых деревянных частей и вместо этого использует декоративные узоры из резных цветов. *Ккотсаль* часто встречается в буддийских храмовых постройках [Kim, 2006, 83—85].

Ворота. Ворота были еще одной важной особенностью корейской традиционной архитектуры. Поскольку комплексы домов *ханок* обычно были окружены стенами, ворота представляли собой одно из немногих видимых впечатлений с улицы. Их различные формы использовались для обозначения социального статуса [Kim, 2006, 58].

Ворота очень важны в храмах, архитектура и планировка которых, как правило, отражают буддийские принципы и верования [Kim, 2006, 58]. Храмы и их территория представляют собой идеальное пространство в земном мире. Храмовые врата служили метафорическими и физическими границами между двумя разными мирами. В связи с этим ворота и двери храма были изящно украшены цветочными узорами и яркими красками [Suh, 2007, 155].

Вход и дорога восхождения к основным буддийским храмам включают трое главных ворот. Ворота *ильджумун* с колоннами и крышей, но без двери, указывают на начало территории храма. Хотя *ильджумун* имеют простую структуру и состоят всего из двух колонн, их крыша чаще всего богато украшена. Наконец, *хонсальмун* представляют собой избавление от душевной боли и обретение просветления. *Хонсальмун* — это тип ворот, которые использовались для обозначения входа в священные места, такие, как королевские гробницы. Они намного легче по конструкции, чем обычные ворота, с двумя красны-

ми колоннами и несколькими простыми деревянными прутьями, расположенными вертикально в виде «шипов» вдоль верхнего пролета. Считалось, что *хонсальмун* окрашены в красный цвет, потому что раньше считалось, что этот цвет не нравится призракам [Jackson, 2013, 58].

От ворот шли стены. Самый красивый тип стены называется *хвачходам* или *хвамундам*, и на ней изображены цветочные или растительные узоры. В это время каменные стены намеренно строились с некоторыми неровностями. Считалось, что именно изгибы, а не прямая линия обеспечивают стене большую прочность, тогда как промежутки между камнями пропускают ветер и дождевую воду, уменьшая давление, которое в противном случае могло бы привести к обрушению стены [Suh, 2007, 155].

Важно и цветовое решение строения. В Корее эта колористическая концепция называлась *танчхон*, что раньше означало красный и синий. В целом узоры в *танчхоне* представляли собой растительные мотивы, особенно стилизованные цветы лотоса, но в зависимости от назначения здания, покрашенного тем или иным цветом или сочетаниями цветов, использовались и другие узоры (за исключением особых случаев, таких, как буддийские пагоды или храмовые залы со статуями) [Kim, 2006, 54—61].

Претерпели изменения в Корее и буддийские мотивы, как, например, Дракон. Это мифическое животное уже было знакомо корейскому народу до прихода буддизма, поэтому в новом ключе дракон прижился довольно быстро. Изображения дракона находились за пределами внутреннего зала, например, на передних опорах, карнизах, на наружной стороне лестницы. Голова дракона, вырезанная из дерева или камня, нередко украшала навес над алтарем, его внутренние опоры или висела под потолком. Иногда статуи драконов украшали и охраняли вход в храм. В буддийской мифологии изначально драконы были злыми и враждебно относились к вере, но после их просветления Буддой они пришли защищать буддийские реликвии. Тоже касается и Маски монстра. Страшные разноцветные лица без тела или конечностей являются составной частью украшений как внутреннего зала, так и наружных стен буддийского храма. Обычно живописные или резные изображения масок выглядят из-под карнизов или располагаются на вершинах колонн перед залом, иногда они украшают алтарь внутри.

При пристальном изучении декоративной программы, к примеру, зал *Кыннакчон* храма Пончжонса, изображения рыб можно найти в нем практически повсеместно. Иногда рыба изображена отдельно,

иногда вместе с другими водными животными, такими, как крабы, черепахи, моллюски и лягушки. Часто рыба обнаруживается во рту дракона вместо жемчужины [Нео, 2005, 12—86].

Постепенно совершенствовались не только техничность и реалистичность изображения, но и создавались новые стили и колористические схемы настенных росписей. Так, центральное место павильона Чосаджон монастыря Пусокса занимает композиция с буддийскими божествами. Цветовой контраст киновари, золотисто-охристых оттенков и голубого фона, который художник использовал в своей работе, помог достигнуть запоминающегося эффекта, невольно побуждающего зрителей сосредоточивать внимание на лицах, руках и отдельных деталях изображения [Толстокулаков, 2002, 79].

Наибольшее распространение в этот период получает литье железных статуй. В X—XII вв. это были небольшие бронзовые и глиняные статуи буддийских божеств для домашних алтарей [Глухарёва, 1982, 112]. Показательным примером может послужить статуя Будды павильона Мурыансуджон монастыря Пусокса, вылепленная из глины и покрытая несколькими густыми слоями золотого лака. Будда сидит в традиционной позе со скрещенными ногами, лицо корейского фенотипа, спокойное, но не строгое, восходит к древним образцам. Знаменито и гигантское изваяние Майтрейи храма Кванчхокса, которое создавалось в течение 38 лет, и эта колоссальная скульптура высотой 21,5 м — самое крупное скульптурное изображение в стране. Статуя была вытесана из нескольких гранитных глыб. Голова, украшенная высокой пагодой, контуры тела и черты лица выполнены схематично [Воробьев, 2002б 88].

Храм Пульгукса был построен по всем стандартам того времени. Ядром храма Пульгукса является уникальная пара каменных пагод, стоящих в его главном дворе: Таботхап и Соккатхап. В некоторых пагодах есть изображения буддийских божеств или сложные «футляры» шарира (считаетсяместилищем кармы), вырезанные на четырех сторонах нижних ярусов. Иногда первый ярус заменяется четырьмя колоннами, однако, какие бы вариации мы ни рассматривали, ни одна другая пагода не может сравниться с Соккатхапом. Святилище разделено на два царства: землю Будды Шакьямуни и землю Амитабхи, Будды безграничного света. Главный двор, посвященный Будде Шакьямуни, включает в себя Тэунгджон, главный зал поклонения, в котором хранится триада Будды из позолоченной бронзы. Пара знаменитых пагод: Соккатхап и Таботхап стоят перед главным залом поклонения. Пагода Будды Шакьямуни представляет собой канон для корейских буддийских пагод [Kim, 2007, 147—151].

Храм-грот Соккурам расположен неподалеку от вершины горы Тохамсан, к востоку от города Кёнджу. Храм представляет собой весьма высокий уровень развития пещерного каменного зодчества. Специалисты отмечают некоторое сходство Соккурама с пещерными храмами Индии и Китая. Однако корейский пещерный храм отличается по конструкции от прототипов из-за геологических особенностей Корейского полуострова. Купол храма искусственно сложен из отдельных гранитных блоков, расположенных несколькими concentрическими кругами, причем одним концом каждый каменный блок наложен на лежащий под ним камень, а другим выступает по направлению к центру. Огромный каменный цветок лотоса служит замком свода, как бы завершая собой круглый зал, таким образом, купол представляет собой сочетание систем строения как ложного, так и истинного купольного свода [Yoon].

Главная скульптура Будды Соккурама представляет собой корейскую буддийскую скульптуру в зените развития натуроподобия в искусстве. Вырезанное из единого гранитного блока изображение Будды высотой 3,5 м сидит со скрещенными ногами на пьедестале-лотосе высотой 1,34 м. Левой рукой Будда указывает на землю, прося тем самым богов земли подтверждения того, что он избавился от наваждения демона Мары и достиг нирваны. На стене позади Будды установлен большой гранитный медальон, украшенный по краю лепестками лотоса, что создает иллюзию ореола вокруг его головы. Это одна из отличительных черт Соккурама. В большинстве других изображений Будды нимб обычно прикреплен к спине или голове [Kim, 2007, 131].

Период, начавшийся в эпоху Трех корейских государств, стал временем, когда были прочно заложены основы корейской буддийской культуры, происходит синтез буддизма не только с местными верованиями, но и с конфуцианством и даосизмом. Буддийский пантеон пополняется национальными духами и духами предков, а храмовый алтарь меняет свою форму. В сравнении со стилем Силла, где на первый план выступали выразительность и одухотворенность, скульптура и архитектура сон-буддизма периода Корё не достигают таких же высот по художественной значимости.

Вся традиционная архитектура Китая, Кореи и Японии в основном выполнялась из деревянных конструкций. Если сравнивать буддийскую и светскую архитектуру Кореи рассматриваемого периода, можно сделать вывод, что при наличии некоторых различий, зодчество Кореи развивалось в целом по китайскому образцу, мастера использовали тот же китайский вариант каркасно-столбовой конструкции. Храмы всегда украшались больше, чем другие сооружения,

благодаря чему параллельно развивались буддийская скульптура, живопись и прикладное искусство.

Сравнивая сон-буддийскую архитектуру на примере храмового комплекса Пульгукса и Соккурам с подобными храмами Китая и Индии, можно заметить отличия обычных корейских буддийских храмов в использовании иных материалов, а также в украшении комплекса как внешне, так и изнутри сон-буддийской символикой, в которой смешались индийские и китайские буддийские мотивы, а также корейские народные. От всех остальных схожих скальных храмов Соккурам отличается масштабом. Из-за твердой почвы корейские строители не могли вырезать помещение внутри породы, как в Индии или Китае.

Несмотря на сохранение в корейской архитектуре большого количества заимствованных из Китая канонов, сон-буддийскую архитектуру нужно рассматривать в комплексе составляющих строения видов искусства, таких, как скульптура, монументальная живопись и декоративно-прикладное искусство, ведь именно в подобном взаимодействии сон-буддийский храм приобретает культурную ценность.

Библиографический список

Воробьев М.В. Очерки культуры Кореи. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. 192 с.

Глухарёва О.Н. Искусство Кореи с древнейших времён до конца XIX века. М.: Искусство, 1982. 256 с.

Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. 240 с.

Heo Gyun. Korean Temple Motifs: Beautiful Symbols of the Buddhist Faith. translated by Timothy V. Seoul: «Dolbegae Publishers», 2005. 332 p.

Jackson B. Korean Architecture: Breathing with Nature. Seoul: Seoul Selection USA, Inc, 2013. 117 p.

Jeon Ho-tae. Goguryeo: In Search of Its Culture and History. Seoul: Hollym International Corp, 2008. 288 p.

Kim Dong-uk. Palaces of Korea. Seoul: Hollym International Corp, 2006. 137 p.

Kim Lena. Buddhish Sculpture of Korea. Seoul: Hollym International Corp, 2007. 223 p.

Park Ki-seok. Korean Cultural Heritage Vol. 1: Seen through Pictures and Names. Seongnam: Sigong Tech Co.,Ltd. Sigong Media Co., 2012. 311p.

Park Nani, Fouser R.J. Hanok: The Korean House. Seoul: Tuttle, 2015. 176 p.

Suh Jae-sik. Korean Patterns. Seoul: Hollym International Corp, 2007. 240 p.

World heritage of Korea. Bulguksa [Электронный ресурс] // Korean national heritage online. URL: https://web.archive.org/web/20060628044455/http://www.heritage.go.kr/eng/her/her_02.jsp (дата обращения: 16.04.2021).

Yoon Chae-Shin. The Stones of Seokguram Speak: Floor Plan and Wall Design of Seokbulsu Grotto [Электронный ресурс] // Journal of architectural history. Korea Science. URL: <https://www.koreascience.or.kr/article/JAKO202012758285218.page>

References

Glukhareva O.N. Iskusstvo Korei s drevneyshikh vremen do kontsa XIX veka [Korean Art from Ancient Times to late XIX]. M.: «Iskusstvo», 1982. (In Russian). 256 p. (In Russian).

Heo Gyun. Korean Temple Motifs: Beautiful Symbols of the Buddhist Faith. translated by Timothy V. Seoul: «Dolbegae Publishers», 2005. 332 p.

Jackson B. Korean Architecture: Breathing with Nature. Seoul: Seoul Selection USA, Inc, 2013. 117 p.

Jeon Ho-tae. Goguryeo: In Search of Its Culture and History. Seoul: Hollym International Corp, 2008. 288 p.

Kim Dong-uk. Palaces of Korea. Seoul: Hollym International Corp, 2006. 137 p.

Kim Lena. Buddhish Sculpture of Korea. Seoul: Hollym International Corp, 2007. 223 p.

Park Ki-seok. Korean Cultural Heritage Vol. 1: Seen through Pictures and Names. — Seongnam: Sigong Tech Co.,Ltd. Sigong Media Co., 2012. 311p.

Park Nani, Fouser R.J. Hanok: The Korean House. — Seoul: Tuttle, 2015. 176 p.

Suh Jae-sik. Korean Patterns. Seoul: Hollym International Corp, 2007. 240 p.

Tolstokulakov I.A. Oчерк istorii koreyskoy kul'tury [Notes on the history of Korean art]. — Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2002.240 p. (In Russian).

Vorob'yev M.V. Oчерki kul'tury Korei [Notes on Korean Culture]. Sankt-Peterburg: «Peterburgskoye vostokovedeniye», 2002. 192 p.

World heritage of Korea. Bulguksa // Korean national heritage online. URL: https://web.archive.org/web/20060628044455/http://www.heritage.go.kr/eng/her/her_02.jsp (accessed: 16.04.2021).

Yoon Chae-Shin. The Stones of Seokguram Speak: Floor Plan and Wall Design of Seokbulsu Grotto // Journal of architectural history. Korea Science. URL: <https://www.koreascience.or.kr/article/JAKO202012758285218.page> (accessed: 20.05.2021).

Е.Л. Логиновский

КРИЗИСНЫЙ ЭТАП ОТНОШЕНИЙ КНР И КНДР В РАБОТАХ СЕВЕРКОРЕЙСКИХ ИСТОРИКОВ (2014—2017)

Аннотация. Подобно другим деятелям гуманитарных и общественных наук Северной Кореи, ученые-историки регулярно обращались к тематике Китая в 2014—2017 гг., когда отношения КНДР и КНР переживали кризис. В серии истории и права «Вестника Университета имени Ким Ир Сена» за этот период вышло не менее 38 статей, отражающих перемены взглядов пхеньянской интеллектуальной элиты на Китай. В большинстве случаев отношение к современному Китаю выражалось через сюжеты связей корейских государств и Китая в древности. Работы историков в основном соответствовали конъюнктуре политических отношений, однако тезисы авторов во многих случаях допускают неоднозначные толкования. Фактически в каждом году кризисного периода выходили статьи, заметно не соответствовавшие актуальной политической линии в отношении КНР. Позиция ученых-историков Северной Кореи говорит о трудностях выработки единого курса в отношении Китая среди представителей интеллектуальной и политической элиты КНДР. Важными маркерами сдвигов в подходе к Пекину являются статьи, затрагивающие письменное наследие Ким Ир Сена.

Ключевые слова: КНДР, Китай, гуманитарные и общественные науки, внешняя политика, историография истории Кореи, периодические издания.

Автор: Логиновский Егор Леонидович, магистр востоковедения, переводчик 2-й категории, ООО «ССК «Звезда».

ORCID: 0000-0002-0753-5353. E-mail: login-egor@mail.ru

Loginovskii E.L.

**The Crisis in Sino-DPRK Relations:
Proceeding from North Korean History Research Papers,
2014—2017**

Abstract. Similar to fellow researchers occupied in the North Korean humanities and social science academic community, history experts commented on China-related issues on a regular basis, being influenced by negative trends in Sino-DPRK relationship in 2014—17. This four-year period produced at least 38 research papers, published in the history & law section of the *Journal of Kim Il Sung University*, thus highlighting the changes Pyongyang intellectual elites had experienced in their visions on China. Mostly, researchers shared their views on contemporary China by discussing the issues recorded in the ancient sources for Korean and Chinese mutual history. History scholars outlined the official bilateral agenda in their research works, but many experts made ambiguous proposals, and each year from 2014—17 became known for publications that had not complied notably with an official China policy. North Korean history research outcomes track uneasy developments in formulating a uniform China vision among DPRK's intellectual and political elites. Papers dealing with Kim Il Sung's written heritage are indeed prominent manifestations of shifts in the policy concerning Beijing.

Keywords: DPRK, China, foreign policy, humanities and social science, historiography of Korean history, periodicals.

Author: Egor L. LOGINOVSKII, M.A. (Asian & African Studies), translator (2 grade), Zvezda Shipbuilding Complex. 0000-0002-0753-5353 (e-mail: login-egor@mail.ru).

Информационная политика КНДР в приложении к освещению проблем отношений Пхеньяна и Пекина часто давала основания полагать, что она скорее поддерживала несовпадающие тенденции, повышая в различные моменты степень свободы для какой-либо из них, нежели бескомпромиссно выражала радикально комплиментарный или радикально критический подход северокорейских властей к Китаю. Это заметно даже по небольшой выборке свидетельств из общедоступных СМИ КНДР периода 2014—2017 гг., когда наблюдался кризис в двусторонних китайско-северокорейских связях. В свою очередь, менее известные СМИ республики, которые распространяются в большинстве случаев на условиях подписки (в частности, академическая периодическая печать), также дают значительный объем информации по известным переменам внешнеполитического курса Северной Кореи на китайском направлении.

Предпринятый нами ранее¹ анализ ряда работ представителей гуманитарных и общественных наук, опубликованных в «Вестнике Университета имени Ким Ир Сена» в годы кризиса, показал, что первая половина кризисного периода отмечена интересными образцами критики Китая, но в следующие два года китайская тематика утратила свое прежнее значение [Логиновский]. На практике наша рабочая гипотеза была такова: труды вузовских специалистов КНДР по гуманитарным и общественным наукам являются достойными изучения свидетельствами выработки внешнеполитических подходов руководства страны. Эта гипотеза доказала право на существование, поскольку объективно наблюдаемая картина двусторонних отношений КНДР и КНР в период с 2014 г. по конец 2015 г. отличается от той, что можно видеть на материале конца 2015—2017 гг. Главным здесь представляется решение официального Пхеньяна пойти на новое сближение с администрацией Си Цзиньпина при условии дальнейшего наращивания собственного ракетно-ядерного потенциала, а отказ ряда гуманитариев-авторов «Вестника...» от разработки китайской тематики стал, по-видимому, закономерным следствием этого решения.

В настоящей статье мы, опираясь на прежнюю гипотезу, рассмотрим 38 работ 2014—2017 гг., вышедших в серии истории и права «Вестника...» и каким-либо образом затрагивающих Китай во все исторические периоды. В силу ограниченного объема статьи для большей части источников указываются только авторы, а также месяц и год публикации².

Работы 2014 г.

Тема Китая освещалась неодинаково уже с начала года, хотя в целом интерес к ней был высоким. В течение года вышло 12 работ, затрагивающих китайскую тематику.

С одной стороны, заметной тенденцией было описание Китая либо политических сил прокитайской ориентации в иностранных государствах как союзников КНДР, или же Когурё, на которое, как известно, проецируются установки современного Пхеньяна (Хён Су Хян, Хо Мён Чхоль, Ким Чжин Пхён, январь; Ким Чжэ Сок, апрель). С другой стороны, при перечислении партнеров Северной Кореи в

---

¹ VIII международная научная конференция молодых востоковедов, ИКСА РАН, Москва, 26—27 ноября 2020 г.

² Стандартное распределение номеров журналов по месяцам см.: [Логиновский, с. 275].

годы холодной войны ряд авторов высокостатусных публикаций (Ли Сун Ён, Ким Хе Гён, январь) указывали сперва государства, известные своей ориентацией на СССР (Алжир, Куба, Лаос и др.), а уже затем — государства, близкие к КНР (Камбоджа и Египет середины 1970-х гг.).

В апреле 2014 г. комплиментарные упоминания Китая резко сократились. Примером этому служит высокостатусная работа Хон Чжон Иля об эпизоде революционной борьбы Ким Ир Сена — Сяохаэрбалинском совещании (август 1940 г.): в республике принято считать, что основное внимание тогда уделялось Советскому Союзу, а упоминания Китая были малозначительны. Вкупе с известными фактами сближения КНДР и РФ в начале 2014 г. можно опираться и на эти шаги научной общественности, говоря об оперативной переориентации внешней политики КНДР на Москву уже в первые месяцы после внутривнутриполитических событий в Пхеньяне 2013 г.

Во второй половине 2014 г. предпринимались попытки сделать образ Китая более привлекательным. В передовой статье (Чхве Су Нам, июль) говорится о подготовке и проведении Ким Ир Сеном зимнего совещания в Миньюэгоу (декабрь 1931 г.), на котором, как официально считается, вождь призывал подключать китайские вооруженные отряды к борьбе корейцев против японского империализма. Согласно Чхве, 19-летний Ким Ир Сен выступал перед смешанной корейско-китайской аудиторией и был воспринят ей так хорошо, что на обоих языках развернулась бурная деятельность по подготовке вооруженного сопротивления [Чхве Су Нам, 2014]. Позитивные сигналы в отношении Китая можно наблюдать также и в работах Ли Гван Чхоля (июль) и Тон Рён Чжу (октябрь), которые вводили небольшие положительные или нейтральные упоминания этой страны.

Тем не менее, отход от критики в адрес китайской администрации, который, например, в философско-экономической серии «Вестника...» начал утверждаться уже во второй половине 2014 г. [Логиновский, с. 277], был остановлен критическими выступлениями Пэк Ён Нама (июль) и Ом Мён Нама (октябрь). Оба труда справедливо будет отнести к числу рассуждений о том, будет ли китайское руководство включать историю Когурё и Пальхэ в историю своей страны. При учете политического значения подобных дискуссий для обоих корейских государств представляется очевидным, что статьи на такие темы призваны были доказать необходимость осторожной политики на китайском направлении.

Работы 2015 г.

Критическая тенденция в отношении Китая преобладала среди историков ведущего вуза КНДР большую часть года, что заметно и по тону статей, в ряде случаев безапелляционному, и по их количеству (6 работ). Устойчиво популярны были тогда сюжеты борьбы Когурё и Китая эпох Суй (Ли Гён Иль, июль) и Тан (Хо Мён Чхоль, январь; Чон Дон Чхоль, апрель).

Перемены начались осенью, когда свою статью о взглядах Сыма Цяня на древнекорейскую историю опубликовал Ким Ун (октябрь). В работе Кима неоднократно подчеркивается, что крах Древнего Чосона наступил не вследствие агрессии ханьского Китая, а из-за предательства собственных сановников. Нам неизвестно, чтобы до Ким Уна ученые КНДР выдвигали столь явно внутренние факторы неудач корейских государств в их войнах с Китаем. Такой новый подход, по нашему глубокому убеждению, согласуется с подготовкой разрядки в отношениях КНДР и КНР во второй половине года.

Интересно, что даже в условиях временного сближения двух государств северокорейское научное сообщество подвергалось индоктринации однозначно в сторону критики Китая. Такой вывод мы делаем на основании анализа передовой статьи уже известного Чхве Су Нама в октябрьском номере. Новая статья Чхве описывает Дахуанвайское совещание (февраль-март 1935 г.), которое было посвящено вопросам совместных действий корейских и китайских борцов [Чхве Су Нам, 2015].

На первый взгляд, повод для публикации отсутствует. Столь грубые расхождения с памятными датами в КНДР не допускаются, а научной новизны не наблюдается, так как полный официальный текст выступления был впервые отражен в письменном наследии Ким Ир Сена еще в середине 1990-х гг. Вождь высказывался преимущественно за активизацию борьбы против японского империализма, особо призывая корейские и китайские силы прекратить внутренние конфликты [Ким Ир Сен].

Тем не менее, в статье Чхве усиленно подчеркиваются вопросы неравноправия корейцев относительно китайцев, на которые Ким в свое время не делал чрезмерного акцента. В заключении сказано: «Надежное отстаивание чуждейской линии корейской революции и сегодня является вопросом жизни и смерти нашей нации и республики» [Чхве Су Нам, 2015, с. 7]. Такое истолкование речи на Дахуанвайском совещании следует воспринимать как прямую фальсификацию указаний вождя. Суть ее, по всей видимости, заключалась в подготовке мнения читателей о необходимости вести «корейскую революцию»

при опоре только на корейские ресурсы и в условиях реальной готовности элит к быстрому сворачиванию сближения с Китаем (которое действительно случилось уже в декабре 2015 г.).

Подобные высокостатусные заявления антикитайского характера, конечно, нивелируют значение более частных положительных либо нейтральных высказываний, к примеру, таких, как у малоизвестного автора Сим Гён Иля (октябрь). Он писал о вероятности «новой холодной войны» между «державами», среди которых конкретно назывались только США. В условиях 2015 г. такое высказывание могло равно относиться к Китаю или России.

Работы 2016 г.

В начале года прослеживался переход от весьма серьезной критики Китая к подготовке возможности восстановления позитивного образа этой страны. Консервативный тренд представлен в статье Пэк Ён Нама (январь), где критикуются неверные, с корейской точки зрения, суждения в древних китайских сочинениях, затрагивающих историю Когурё. Следует отметить, что градус критики снизился по сравнению с 2014—2015 гг. за счёт отказа от названия конкретных стран и сочинений. Тенденции к более нейтральному изображению Китая можно увидеть и в работах специалистов по новейшей истории (Пак Хак Чхоль, Син Бун Чжин, апрель).

С течением времени число статей с упоминанием темы Китая достигло показателя 2014 г. (12 работ), чему способствовала реакция академического сообщества на попытки Трудовой партии Кореи возобновить в июне диалог с Компартией Китая. Вообще во второй половине года наметилась двойственная тенденция с уже знакомыми чертами: работы, которые явно или скрыто, через использование обобщающих обозначений, упоминают Китай, несут противоположные послылы и при этом помещаются в один и тот же номер. Так, в июле статьи, где Китай выступает как часть нарратива антияпонского сопротивления в 1910—1930-е гг. (Ли Сун Ён, Пак Иль Хва), уравновешивались трудами, где эта страна служит целью националистических (Хван Син Чхоль) или регионалистских (Ким Чхан Хёк) построений.

В октябре усилились положительные тенденции изображения Китая. Единственным автором, кто упомянул эту страну лишь нейтрально, был Ким Бён Чхоль, остальные же (Хан Чжон Хып, Пак Хи Чхоль, Ким Пхён Рим) относились к Пекину комплиментарно. Мотивы написания работ этих трех авторов можно определить даже с минимальным погружением в контекст обстановки в Восточной Азии

в 2016 г.: хотя Хан и Пак в своих работах не пишут о Китае напрямую, выраженные ими сигналы были с наибольшей вероятностью адресованы руководству КНР, а Ким усиливает комплиментарное звучание этих работ.

По-прежнему наблюдалась двойственность особого рода: если Хан Чжон Хып концентрируется на шагах США по размещению системы ПРО ТНААД в Южной Корее и фактически говорит об общей угрозе для Пхеньяна и Пекина, то Пак Хи Чхоль, в работе которого высказаны претензии к «США и их спутникам» [Пак Хи Чхоль, с. 77, 78, 82], стремится доказать, что испытание водородной бомбы в январе не противоречило нормам международного права. Взгляды Пака можно трактовать как попытку заявить свою позицию государствам, располагающим ядерным оружием и не ассоциирующим себя с западными военно-политическими блоками, т. е. РФ, КНР или же им обеим. Подход Хан Чжон Хыпа развивает Ким Пхён Рим: в его статье в целом Китай называется открыто и показывается как союзник КНДР в сопротивлении американскому влиянию в АТР, а, в частности, подчеркивается, что решение разместить ТНААД в Южной Корее официально было принято в июле.

Подобные статьи говорят, на наш взгляд, что на фоне критики Пекина в адрес южнокорейских властей по проблеме ТНААД северокорейские элиты пытались солидаризироваться с администрацией Си Цзиньпина и в то же время убедить ее в правомерности шагов самого Пхеньяна к овладению новыми видами оружия массового поражения. Однако похоже, что комплиментарное видение Китая не имело тогда достаточной поддержки в элите КНДР: все четыре работы, как-либо подразумевающие Китай, были помещены на малопрестижные места номера.

Работы 2017 г.

В последний год кризиса китайско-северокорейских отношений историко-юридическая серия «Вестника...» сохраняла смешанный подход к китайской теме, однако интерес к последней продолжал сохраняться. За первую половину года было выпущено 3/4 всех исследований, затрагивающих Китай, за данный год (6 из 8 статей).

Инерция благожелательного взгляда на соседнюю страну, который утверждался в ряде работ июля и октября 2016 г., особенно наглядно отразилась в статье Ким Гым Хи (январь). Публикация этого автора посвящена описанию Корё в официальном китайском источнике по истории периода Сун. Отличительной особенностью работы является доказательство одного из положений северокорейской исто-

риографии древней истории Кореи с опорой на цитаты из сочинений китайских придворных историков. Мы полагаем, что такая манера исследования говорит и о прогрессе гуманитаристики КНДР, и о глубоко политическом сигнале, который призван углубить доверие к источнику конъюнктурно выгодных Пхеньяну высказываний.

Также в начале года вышло несколько статей, где Китай не заявлен ни открыто, ни через какие-либо синонимы или обобщения, однако предмет исследования этих работ, безусловно, имеет китайский вклад (Пэ Сун Ок, Пак Чжон Рок, январь) или же задан таким образом, что позволяет распространить его границы на современный Китай (Ким Гён Чхоль, апрель). Пэ обозревает политические контакты Пхеньяна и Ханоя в 1960—1970-е гг., приводя подробности о северокорейской военной помощи. Аналогичную помощь оказывал и Китай, поэтому не исключено, что одной из целей автора было в том числе и напоминание о борьбе КНДР и КНР за общие идеалы. Пак рассматривает связи КНДР с зарубежьем в 2000-е гг., упоминая такие страны, как Куба, Индонезия, Намибия, Ангола, Сирия, Малайзия и др. На момент выхода статьи все эти страны пользовались особым расположением Северной Кореи, но многолетнее тесное сотрудничество КНР с указанными странами также хорошо известно.

Ким Гён Чхоль, автор передовой статьи апрельского номера, писал о ключевых событиях в жизни КНДР в 2016 г. Он упоминает «происки империалистов, направленные на изоляцию и удушение социалистических стран в экономической и научно-технической сферах» (*сахвечжуи нарадыр-ый кёнчже мит квахаккисуль пуня-э тэхан чезукчжуичжадыр-ый корип апсальчхэктон*) [Ким Гён Чхоль, с. 5], однако никаких примеров, несмотря на форму множественного числа, в работе не приведено. Подобные формулировки позволяют добавить при необходимости любое дружественное государство в число объектов «происков», поэтому статья Кима, взятая в отдельности, не является ни комплиментарной, ни критической в отношении Пекина. В том же номере вышла работа известного китаевода Хо Мён Чхоля, послание которой о столкновении Когурё и танского Китая выражено одновременно двумя формулировками, несколько противоречащими друг другу.

Во второй половине года также возникали разнонаправленные сигналы относительно КНР. Первый (Чон Гван Сон, июль) являлся, скорее, очередным образцом оборонительного антиамериканского регионализма, тогда как другой (Пак Ки Чжон, октябрь) являлся уже открытым критическим выступлением против Китая. В статье, посвященной 80-летию создания труда «Задачи корейских коммунистов»

(10 ноября 1937 г.), Пак писал, что у китайских партизанских отрядов, наступавших вместе с Ким Ир Сенем осенью 1937 г., были крупные затруднения, но добавлял, что вождь оставался верен интернациональному долгу. Очевидно, что даже такой критический выпад содержал в себе мысль о будущей необходимости укреплять связи с Пекином, и эта мысль нашла свое воплощение в первой встрече Ким Чен Ына и Си Цзиньпина в марте 2018 г.

Заключение

Комплиментарные и критические обращения к теме Китая в серии истории и права «Вестника...» периода кризиса в отношениях КНДР и КНР показывают существенно более сложную картину, чем в случае с двумя ранее рассмотренными сериями гуманитарных и общественных наук того же издания. В ряде случаев авторы данной серии журнала выражали мнения, очевидно не совпадающие с известной на тот или иной момент ситуацией в отношениях двух государств. Примерами такой несогласованности служат положительные отклики о Китае при отрицательной конъюнктуре связей Пхеньяна и Пекина в 2014 г., начале 2016 г., на рубеже 2016—2017 гг., а также выступления антикитайского характера в периоды сближения с КНР осенью 2015 г. и летом 2016 г.

Эта сложная картина мнений ученых важнейшего вуза КНДР, рассмотренная с учетом статуса университета и особенностей подходов самих авторов, безусловно, отражает реальное соперничество точек зрения среди интеллектуальной элиты республики. Кроме того, факты высказывания противоположных подходов к разработке китайской проблематики дают основания считать, что даже в периоды устойчивого отношения к Китаю (с любым знаком) своё мнение по внешней политике в отношении важнейшего соседа страны могут заявлять различные группы внутри элиты КНДР.

Северокорейские академические издания неизменно поддерживают тенденцию дискуссий на внешнеполитические темы, которая проявляется в манипуляциях письменным наследием Ким Ир Сена во имя проработки актуальных на тот или иной момент установок руководства (к примеру, в статьях Хон Чжон Иля, Чхве Су Нама, Пак Ки Чжона). Работ подобного плана выпускается немного, и они служат маркерами сдвига реального политического курса, переходящих из теории в практику двусторонних отношений как относительно быстро (апрель 2014 г.), так и по прошествии двух-шести месяцев (октябрь 2015 г., октябрь 2017 г.). Иногда, как в июле 2014 г., за выходом таких статей значимых перемен не следует.

Библиографический список

Ким Гён Чхоль. Чучхе 105 (2016) нён-ый чаномхан тхучжэнсогесо ури кундэ-ва инмини сильчхоньро хвакчжынхан чучхе хёнмён-ый когвихан чинри : [Драгоценная правда чучхейской революции, подтверждённая нашей армией и нашим народом во впечатляющей борьбе 105 года чучхе (2016)] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (ёкса, поннюль). Пхеньян, 2017. Т. 63. № 2. С. 3—6. (На кор.).

Ким Ир Сен. Чосон хёнмён-ыль вихаё тхучжэнханьингосын чосон консанчжу-ичжадыр-ый чачжужок кволлида: Ванчхонхён Тахонве-есо чинхэнтвен тан мит кончхон канбухвеи-есо хан ёнсоль 1935 нён 2 воль 28 иль : [Бороться за корейскую революцию — суверенное право корейских коммунистов: речь на совещании партийных и комсомольских работников в Дахуанвае уезда Ванцин 28 февраля 1935 г.] // *Ким Ир Сен*. Ким Ир Сен чончжип 1 : [Полное собрание сочинений. Т. 1]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 1995. С. 234—246. (На кор.).

Логиновский Е.Л. Кризисный этап отношений КНР и КНДР в отражении северокорейской гуманитаристики (2014—2017) // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021 : [сб. ст.] / отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 272—282. DOI: 10.48647/IFES.2021.36.27.026

Пак Хи Чхоль. Ури конхвагуг-ый сусотханпоюнын кукчжепопчжогыро мунчжеситвельсу оннын хаппопчжикчжок кволли хэнса : [Обладание водородной бомбой — закономерная реализация прав нашей Республики, не подлежащая действию международного права] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (ёкса, поннюль). Пхеньян, 2016. Т. 62. № 4. С. 77—82. (На кор.).

Чхве Су Нам. Ханильтэчжон-ый чаномхан пхосон-ыль уллин кёуль Мёнвольгу хвейнын видэхан сурён Ким Ир Сен дончжиккесо чочжикчжидохасин ёксачжогин хвеи : [Давшее начало оглушительной канонаде великой антияпонской войны зимнее совещание в Миньюэгоу — историческое совещание, подготовленное и руководимое великим вождем товарищем Ким Ир Сеном] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (ёкса, поннюль). Пхеньян, 2014. Т. 60. № 3. С. 3—7. (На кор.).

Чхве Су Нам. Чосон хёнмён-ый чучхечжок росон-ыль хваккохи косухан ёксачжогин Тахонвэ хвеи : [Надежно отстаивавшее чучхейскую линию корейской революции историческое совещание в Дахуанвае] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (ёкса, поннюль). Пхеньян, 2015. Т. 61. № 4. С. 3—7. (На кор.).

References

Ch'oe Su Nam (2015). Chosŏnhŏngmyŏngŭi chuch'ejŏngnosŏnŭl hwakkohi kosuhan ryŏksajŏgin Tahongwaehoeŭi : [The Historic Dahuangwai Meeting Has Steadfastly Defended the Juche Line of the Korean Revolution]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ryoksa, pomnyul)*. Vol. 61. No. 4: 3—7. (In Korean).

Ch'oe Su Nam (2014). Hang'ildaejŏnŭi jang'ŏmhan p'osong'ŭl ullin kyŏul Myŏngwŏlgu hoeŭinŭn widaehan suryŏng Kim Il Sŏng tongjikkesŏ chojikjidohasin

ryöksajögin hoeüi : [The Winter Mingyuegou Meeting Which Sounded a Glorious Cannonade of the Great Anti-Japanese War Was a Historic Meeting Organised and Guided by the Great Leader Comrade Kim Il Sung]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ryoksa, pomnyul)*. Vol. 60. No. 3: 3—7. (In Korean).

Kim Il Sung (1935). Chosönhyöngmyöngül wihayö t'ujaenghanün'gösün Chosön gongsanjuüijadürüi chajujökkwöllüida: Wangch'önghyön Tahongwaeesö chinhaengdoen tang min kongch'öng kanbuhoeüiesö han yönsöl 1935 nyön 2 wöl 28 il : [Fighting for the Korean Revolution Is an Independent Right of Korean Communists: Speech Delivered at the Meeting of the Party and Young Communist League Cadres Held in Dahuangwai, Wangqing County, February 28, 1935]. *Kim Il Sung* (1995). Kim Il Sung chönjip 1 : [Kim Il Sung Complete Works, vol. 1]. Pyongyang: Chosön rodongdang ch'ulp'ansa: 234—246. (In Korean).

Kim Kyöng Ch'öl (2017). Chuch'e 105 (2016) nyönüi changömhan t'ujaengsogesö uri kundaewa inmini shilch'önüro hwakchünghan chuch'ehyöngmyöngüi kogwihan chilli [Precious Truth of the Juche Revolution that Our Army and People Proved in Practice during Impressive Struggle in the Year Juche 105 (2016)]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ryoksa, pomnyul)*. Vol. 63. No. 2: 3—6. (In Korean).

Loginovskii E.L. (2022). Krizisnyi etap otnoshenii KNR i KNDR v otrazhenii severokoreiskoi gumanitaristiki (2014—2017) : [The Crisis in Sino-DPRK Relations: A North Korean Humanities' Vision, 2014—2017]. Kulintsev Yu.V. (ed.), *Vostochnaya Azia: proshloe, nastoyashchee, budushchee. 2021* : [East Asia: past, present and future. 2021]. Moscow: Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) Press: 272—282. DOI: 10.48647/IFES.2021.36.27.026 (In Russian).

Pak Hui Chol (2016). Uri konghwagugüi susot'anboyunün kukcheböpchöküro munjeshidoelsu ömnün happöpchökkwöllüi haengsa : [Possession of Hydrogen Bomb Is an Exercise of Our Republic's Right that Cannot Be Governed by International Law]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ryoksa, pomnyul)*. Vol. 62. No. 4: 77—82. (In Korean).

Н.В. Финько

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ГОРОДСКОЙ ГИГИЕНЫ В КОРЕЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ РЕФОРМ 1896—1905 гг.

Аннотация. Период конца XIX — начала XX в. до сих пор остается одним из наиболее противоречивых периодов процесса модернизации на Корейском полуострове. Наибольшее внимание исследователей последние два десятилетия привлекает период Корейской империи (1897—1910 гг.). Первые годы после ее провозглашения стали временем проведения множества модернизационных реформ, направленных на укрепление независимости корейского национального государства. Под непосредственным контролем корейского правительства начинается модернизация страны: реформы государственного и административного устройства, экономики, армии, образования, и в том числе системы здравоохранения. Также начался активный процесс трансформации городского пространства Сеула: запущены первые трамвайные линии, создана новая система городских дорог, строятся линии электропередач, водопроводных труб и др. В статье делается попытка связать трансформацию систем здравоохранения с качественными изменениями городского пространства в Корее в конце XIX — начале XX в. Мы увидим результаты создания административного органа Бюро гигиены: контроль за профилактикой эпидемий, открытие первых общественных туалетов в Сеуле, создание «санитарной полиции», которая оказывала помощь и обеспечивала соблюдение санитарных норм в общественных местах и пр. Также в рамках программы профилактики эпидемии проводились очистка водных путей и инспекция пищевых предприятий в столице. Наконец, что не менее важно, проводились общественно-просветитель-

тельские кампании по развитию гигиенической культуры и распространению практики повседневной гигиены в корейском обществе, которые спонсировались правительством Корейской империи.

Ключевые слова: Корейская империя, Сеул, модернизация, городское пространство, здравоохранение, гигиена.

Автор: Финько Нина Викторовна, ассистент кафедры корееведения, СПбГУ. E-mail: nvfinko@gmail.com

Finko N. V.

Social and Urban Hygiene Issues in Korea in the Context of the Modernization Reforms of 1896—1905.

Abstract. Over the last two decades a noticeable shift has taken place in the focus of research on the history of modernization process in Korea at the turn of 20th century. The proclamation of the Korean Empire in 1897 was a landmark event on the way to the modernization of the country. It affected the key spheres of life of the Korean society: reform of the state and administrative structure, economy, the army, education and as well as public health. Furthermore, the transformation of the urban space of Seoul began: introduction of the first tram lines, creation of a new system of city roads, electricity and water pipes etc. This article seeks to link the transformation of health care system and urban hygiene with qualitative changes of Korean urban space at the end of the 19th and beginning of the 20th century. It was the time when Western hygiene and medicine were imported, and these new practices subsequently formed a new health care system together with existing medicine and urban hygiene. We will see the results of introductions of Bureau of hygiene that opened the first public toilets in Seoul, creation of “sanitary police” that helped and enforced sanitation in public places. Also, within the framework of the epidemic prevention program, waterways were cleaned, and food enterprises were inspected. Last but not the least, the introduction of educational programs was created and sponsored by the Korean government for the development of hygiene culture and the dissemination of the practice of daily hygiene in Korean society

Keywords: Korean Empire, Seoul, modernization, urban space, health care, hygiene.

Author: Nina V. FINKO, assistant, Department of Korean studies, St. Petersburg University (e-mail: nvfinko@gmail.com).

В XIX в. сфера общественного здравоохранения в странах Запада становится одним из ключевых элементов модернизации. Наличие централизованной административной системы здравоохранения и социальной гигиены в стране в определенном смысле являлось «барометром», с помощью которого можно было определить уровень разви-

тия страны и эффективность ее политической власти. Понятие общественного здравоохранения включает в себя комплекс мер по предупреждению болезней и распространения эпидемий, укреплению здоровья и продления жизни населения. В условиях XIX в. реализация подобных мер была возможна через проведение противоэпидемических мероприятий, обеспечение доступности необходимой для людей медицинской помощи, формирование представлений о здоровом образе жизни среди населения, а также создание городской инфраструктуры в соответствии с новыми санитарными нормами [Chevallier].

На Дальнем Востоке развитие сферы общественного здравоохранения во второй половине XIX в. становится важным инструментом для защиты национального суверенитета государства от внешней агрессии. Правительствами Китая, Японии и Кореи были проведены реформы в сфере общественного здравоохранения и гигиены, которые должны были показать, что «универсальный уровень здоровья нации» ими достигнут [Rogaski].

Сфера медицины в период Чосон (1392—1897)

На протяжении почти всего периода Чосон (1392—1897) сфера медицины на Корейском полуострове была организована согласно системе *самыйса* (三醫司, кор. три лекарских ведомства). Центральным административным органом выступало ведомство *Чоныйгам* (典醫監). Через орган *Нэыйвон* (內醫院) осуществлялось оказание медицинской помощи для королевской семьи и высокопоставленных чиновников. А «клиники» *Хеминсо* (惠民署) оказывали платные медицинские услуги для обеспеченных слоев населения, но при них также существовали пункты бесплатной медицинской помощи *Хваринсо* (活人署), которые оказывали экстренную помощь при вспышках голода или, например, чумы [Син Гюхван, с. 141].

На рубеже XVIII—XIX вв. население страны значительно увеличилось, но качество и условия жизни оставались на низком уровне. Вспышки эпидемий уносили сотни тысяч жизней ежегодно. Так, например, в 1821 г. от холеры в стране погибло по разным подсчетам до 130 тыс. человек [Shannon, с. 68]. Традиционная восточная медицина, для которой свойственно использование натуральных лекарственных средств и неинвазивный подход к лечению заболеваний, не справлялась с вызовами нового времени.

Открытие страны в 1876 г. становится важным этапом в формировании общественно-политических идей на Корейском полуострове. В 1880-е гг. в Корею молодые сановники возглавили так называемые

мое «движение за большую открытость», *кэхва ундон*. Ким Оккюн — лидер этого движения — был одним из первых, кто ввел понятие «гигиена» (衛生) в корейскую общественно-политическую мысль. Он утверждал, что уровень развития общественного здравоохранения напрямую отражает уровень социально-экономического и политического развития государства. В своем трактате «Краткое изложение о методах дорожных работ» (治道略論) Ким Оккюн отмечает, что улучшение городской инфраструктуры и создание системы социальной и городской гигиены помогло бы не только бороться с частыми вспышками болезней, но и продемонстрировало бы готовность и возможность Кореи существовать согласно новым международным стандартам. Подобные преобразования, по его мнению, могли бы стать важным политическим инструментом модернизации Кореи и укрепления ее независимости [Shin Dongwon, с. 7—16].

Идеи Ким Оккюна поддерживали и другие сторонники движения *кэхва ундон*, например, Юн Гильчжун в своей книге «Наблюдения из путешествий по странам Запада» (西遊見聞) и Пак Ёнхё в записях «Наставления королю» (建白書). Но реформаторам не хватило ни политического влияния, ни финансовой поддержки для реализации своих идей на практике.

Следующий серьезный шаг в рамках формирования современной системы общественного здравоохранения Кореи был сделан в период реформ годов *кабо* и *ыльми* (1894—95 гг.). Население страны начали знакомить с процессом вакцинации. В подчинении у палаты *Ыйчжонбу* (Палаты обсуждения политики) создается первое «Бюро гигиены», в ведении которого находились дела по профилактике инфекционных заболеваний [Кочжон силлок]. Но лишь административных изменений было недостаточно для создания эффективной системы здравоохранения. Нововведения периода реформ *кабо* и *ыльми* не прошли испытание очередной вспышкой эпидемии холеры в 1895 г.

Вопросы гигиены в период Корейской империи

С провозглашением Корейской империи в 1897 г. начинается новый этап процесса модернизации на полуострове. Реформы, проводимые в период 1897—1905 гг., были направлены на укрепление абсолютной власти корейского монарха. Модернизация страны теперь проходила под непосредственным контролем императора Кореи. В модернизационном процессе создание централизованной общенациональной системы здравоохранения и распространение идей социальной гигиены играли ключевую роль. Правительство подходило к

этому вопросу комплексно и пытались объединить сферы здравоохранения, медицинского обслуживания и фармации в единую централизованную структуру.

В первую очередь происходит реформирование административной системы здравоохранения. В 1899 г. Бюро гигиены (衛生局) теперь находится в прямом подчинении Министерства внутренних дел *Небу*. Бюро наделяется полномочиями по осуществлению контроля за эпидемиологической ситуацией в стране, организацией поставок и распределением вакцин по больницам. Также при нем был открыт учебно-методический центр инфекционного контроля. В последующие годы подобные центры стали строиться и в провинциях. Главным учреждением, предоставлявшим медицинские услуги, стала больница *Чечжунвон* (濟衆院), где принимали всех, от представителей высшего сословия до простолюдин. Изначально бедных в больнице лечили бесплатно, но позже, когда поток больных сильно увеличился, в больнице стали брать небольшую плату за лекарства и процедуры. В целом реализация реформ проходила при финансовой поддержке правительства Корейской империи. В первые годы на развитие сферы здравоохранения и общественной гигиены было выделено 100 тыс. вон, что в 2 раза превышало сумму, выделенную в период реформ *кабо* и *ыльми* [Shannon, с. 146]. Важным отличием больницы *Чечжунвон* от учреждений, входивших в систему *самыйса*, было использование знаний западной медицины. Изначально врачами в больнице были пресвитерианские миссионеры во главе с доктором Г. Алленом. Через некоторое время при больнице были открыты курсы «западной медицины» для корейских врачей. Позже, в 1899 г., при финансовой поддержке корейского правительства была открыта первая Корейская государственная медицинская школа *Бйхаккё* (кор. медицинская школа) [Син Гюхван, с. 141].

Изменения в сфере общественного здравоохранения в Корее в период Корейской империи повлияли на перемены, происходившие с городским пространством столицы государства — Хансоном (сов. Сеул).

Многие путешественники, побывавшие в Корее в первые годы после «открытия», делились в своих мемуарах воспоминаниями о том, насколько грязным и зловонным оказался Сеул. Например, американский миссионер Джордж В. Гилмор, работавший в Корее в 1880-х гг., писал: «Кто бывал в Сеуле, скажет вам, что здесь не больше трех дорог. Та, что ведет ко дворцу, — это единственная дорога, которая содержится в чистоте и достаточно широкая. Остальной город в узких и извилистых улочках ... почти через самый центр проходит от-

крытый трубопровод, протекающий по бокам улиц ... и это труба — главная канализационная сеть города» [Gilmore, с. 44—47]. А так описывает свои первые впечатления от знакомства с Сеулом одна из самых известных британских путешественниц по Корее Изабелла Бишоп: «Невозможно передать бедность и убожество этого прекрасного столичного города ... примерно четверть миллиона человек живут буквально «на земле» ... и без того узкие улочки сужаются до смрадных дыр или зеленых, покрытых слизью канав, в которых собираются все отходы домов» [Bird, с. 33—34].

Решение проблемы «смрадных дыр или зеленых, покрытых слизью канав» было возложено на Бюро гигиены. Для оказания помощи и обеспечения соблюдения санитарных норм в общественных местах была организована своего рода «санитарная полиция» (경찰위생사무제도). На законодательном уровне устанавливались правила, запрещавшие спать, выбрасывать отходы и испражняться на улицах, пить некипяченую воду и пр. Для профилактики эпидемий были созданы специальные карантинные зоны, в первую очередь в портовых городах, а также близ железнодорожных станций, куда помещались корейцы, контактировавшие с больными холерой или оспой. Император Кочжон верил, что внешний облик страны и ее жителей неразрывно связаны друг с другом, а следование новым нормам общественной гигиены помогает достижению всеобщей национальной цели создания сильного и процветающего корейского государства. Поэтому, например, публичная дефекация, неопрятный внешний вид, безответственное отношение к своему и общественному здоровью считались знаком варварского и антипатриотичного поведения. Продвижение программ по развитию гигиенической культуры в корейском обществе осуществлялось в первую очередь через пропаганду гигиены в газетах, уличные плакаты и листовки. В рамках проводимой политики были открыты первые общественные туалеты, организованы отряды по сбору мусора из домов, проводились очистка водных путей и инспекция мест общественного питания [Shin Dongwon].

Одну из важнейших задач в процессе формирования городской гигиены составляет грамотная организация системы дорог, водоснабжения и канализации. Первые изменения в городском пространстве Сеула начались еще во второй половине 1896 г., когда Министерством внутренних дел был обнародован приказ № 9 от 28 сентября [Кочжон силлок], согласно которому впервые в истории корейского государства предполагалась плановая реконструкция столицы. В «Плане работ по реконструкции города Хансон» (한성 도시개조사업) в первую очередь уделялось внимание реорганизации дорог и дорожного движе-

ния. Дома и магазины, которые мешали свободному движению по улицам, были снесены уже к середине октября 1896 г. К концу года большая часть плановых работ была завершена, и в декабре правительство утвердило объем бюджетных расходов для работ по расширению других дорог столицы.

Благодаря «Плану работ по реконструкции города Хансон» изменилась и дорожная структура города. Новым центром столицы в период Корейской империи становится дворец Кёнунгун (сов. Токсугун), от которого теперь «радиусами/лучами» расходились улицы, по нескольким направлениям создавая У-образные соединения. Таким образом формировалась одна главная кольцевая дорога, соединяющая радиальные дороги с теми, что выходили за пределы городских стен. Так в Сеуле была введена радиальная система дорог [Ли Тхэчжин].

Также в период Корейской империи началась работа над установкой систем электроснабжения и водопроводных сетей. В январе 1898 г. было создано совместное корейско-американское предприятие «Хансон Электрик Компани» (Hansong Electric Company), которое стало ответственным за прокладку в Сеуле, а после и в других крупных городах страны линии электропередач, водопроводных труб и телефонных линии. Согласно японским записям, составленным в период генерал-губернаторства (1910—1945), за время существования Корейской империи была построена 6,832-метровая система канализационных сетей по всему Сеулу [RK Ministry of Environment]. Компания «Коллбран — Боствик Девелопмент» (Colbran Bostwick Development) ввела и первую современную систему водоснабжения в Сеуле 9 декабря 1903 г. А в августе 1905 г. лицензия была передана компании «Кориан Вотэр Воркс» (Korean Water Works Co.), которая начала строительство первых водоочистных сооружений [Young Jun Choi].

Заключение

Вторая половина XIX века для Корейского полуострова становится периодом коренных изменений всех сфер жизни общества. После «открытия» страны в 1876 г. и начала активных международных контактов необходимость проведения реформ была очевидна. Сформировавшаяся к середине 1880-х — начале 90-х гг. прогрессивная корейская элита осуществляет первую, но безуспешную попытку модернизировать Корею. Провозглашение Корейской империи в 1897 г. становится новым этапом проведения модернизационных реформ в стране. Корейским правительством была предложена новая система здравоохранения, согласно которой была сформирована новая цен-

трализованная административная система, а также разработаны программы профилактики эпидемии и общественно-просветительские кампании по развитию гигиенической культуры и распространению практики повседневной гигиены в корейском обществе. В свою очередь подобные изменения в сфере здравоохранения повлияли и на внешний вид столицы государства — Хансона. В период 1896—1905 гг. происходит серьезная трансформация городского пространства Сеула, которую можно назвать одними из наиболее заметных и успешных проектов в рамках процесса модернизации Кореи. Создание новой инфраструктуры, реорганизация схемы дорого и дорожного движения, строительство зданий и общественных объектов с учетом западных инноваций полностью изменили облик города и образ жизни внутри городских стен.

Библиографический список

Кочжон силлок // Чосон ванчжю силлок. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13106028_004 (дата обращения: 23.05.2021) (На ханмуне).

Кочжон силлок // Чосон ванчжю силлок. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13309029_002 (дата обращения: 17.12.2020) (На ханмуне).

Ли Тхэчжин. Этапы развития городского пространства Сеула в период Чосон // Исследования Сеула. 1994. No. 1. С. 23—47 (На кор.).

Син Гюхан. Становление национальной системы здравоохранения и государственной медицины: опыт Кореи и Китая в конце XIX — начале XX вв. // Востокведение. 2007. No. 139. С. 137—174. (На кор.)

Bird Bishop Isabella. Korea and her Neighbours: A narrative of travel with an account of the vicissitudes and poition of the country. London: John Murray, 1905.

Chevallier Fabienne. Le Paris moderne. Histoire des politiques d'hygiène (1855—1898). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. 412 p.

Gilmore George W. Korea from its Capital, with a chapter on missions. Philadelphia: Presbyterian Board of Publication and Sabbath-School Work, 1892. 389 p.

RK Ministry of Environment. Modernization of the Sewerage system in Korea. History of Korea's Sewerage System Development. URL: https://www.ib-net.org/docs/History_of_Korea%27s_sewerage_system_development.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

Rogaski, Ruth. Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China. Berkeley. University of California Press, 2004. 415 p.

Shannon Kerry S. Cleanliness and Civilizationю Public Health and the Making of Modern Japan and Korea, 1868—1910. PhD. dissertation, UC Berkley. URL: https://digitalassets.lib.berkeley.edu/etd/ucb/text/Shannon_berkeley_0028E_18828.pdf (дата обращения: 15.11.2021)

Shin Dongwon. Hygiene, medicine, and modernity in Korea, 1876—1910 // East Asian Science, Technology and Society. 2009. Vol. 3. No. 19. P. 5—26.

Young Jun Choi. Efficient Drinking Water Supply System. URL: <https://www.seoulslution.kr/en/content/2372> (дата обращения 15.10.2021).

References

Bird Bishop Isabella (1905). Korea and her Neighbours: A narrative of travel with an account of the vicissitudes and poition of the country. London: John Murray.

Chevallier Fabienne (2010). Le Paris moderne. Histoire des politiques d'hygiène (1855—1898). Rennes: Presses universitaires de Rennes. 412 p.

Gilmore George W (1892). Korea from its Capital, with a chapter on missions. Philadelphia: Presbyterian Board of Publication and Sabbath-School Work. 389 p.

Kojong sillok // *The Veritable Recodrs of thr Joseon Dynasty*. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13106028_004 (дата обращения: 23.05.2021) (На ханмуне)

Kojong sillok // *The Veritable Recodrs of thr Joseon Dynasty*. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13309029_002 (дата обращения: 17.12.2020) (На ханмуне)

RK Ministry of Environment. Modernization of the Sewerage system in Korea. History of Korea's Sewerage System Development. URL: https://www.ib-net.org/docs/History_of_Korea%27s_sewerage_system_development.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

Rogaski, Ruth (2004). Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China. Berkeley. University of California Press. 415 p.

Shannon Kerry S. Cleanliness and Civilization. Public Health and the Making of Modern Japan and Korea, 1868—1910. PhD. dissertation, UC Berkley. URL: https://digitalassets.lib.berkeley.edu/etd/ucb/text/Shannon_berkeley_0028E_18828.pdf (дата обращения: 15.11.2021)

Shin Dongwon (2009). Hygiene, medicine, and modernity in Korea, 1876—1910 // East Asian Science, Technology and Society Vol. 3. 2009. No. 1. P. 5—26.

Shin Ky-hwan (2007). The Making of the National Health Care System and State Medicine: Experiences of Korea and China in the Late 19th and the Early 20th Centuries // Dongbang hakji No. 139: 137—174. (На кор.)

Yi Tae-jin (1994). Urban Development in Seoul during the Joseon Dynasty. Seoul Studies vol. 1: 23—47 (На кор.)

Young Jun Choi. Efficient Drinking Water Supply System. URL: <https://www.seoulslution.kr/en/content/2372> (дата обращения: 15.10.2021).

С.А. Абрамов

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО КНР В ПЕРИОДЫ 13-й и 14-й ПЯТИЛЕТОК: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Рассмотрено развитие патентного права КНР в сравнении 3-го и 4-го изменения Закона КНР о Патентах. Сделана попытка определить взаимосвязь конфуцианских правовых традиций и патентного права в Китае. Особое место занимает оценка нововведений в патентном праве КНР, вступивших в силу 1 июня 2021 г.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, патентное право, сравнительное право, 13-я пятилетка, 14-я пятилетка, конфуцианство.

Автор: Абрамов Сергей Александрович, аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Среднерусский институт управления — филиал. ORCID: 0000-0001-6968-033X.
E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Abramov S. A.

Chinese patent law during the 13-th and 14-th five year plan: a comparative study

Abstract. The article examines the development of Chinese patent law on the basis of the 3rd and 4th amendments to the Patent Law of the PRC. An attempt is made to determine the relationship between Confucian legal traditions and patent law in China. A special place in the article is taken by the assessment of novelties in the Patent Law of the PRC, which come into force on June 1, 2021.

Keywords: intellectual property, patent law, comparative law, 13th five-year plan, 14th five-year plan, confucianism.

Author: Sergey A. ABRAMOV, Ph.D. student, RANEPa — Central Russian Institute of Management. ORCID: 0000-0001-6968-033X (e-mail: sergey.abramov86@gmail.com).

17 октября 2020 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВНСП) объявил, что 4-е изменение Закона КНР о патентах вступит в силу 1 июня 2021 г. Усилия, направленные на модернизацию законодательства об интеллектуальной собственности (ИС), включают в себя изменение Закона КНР о Товарных знаках, который вступил в силу 1 ноября 2019 г., и решение ПК ВНСП от 11 ноября 2020 г. о вступлении в силу с 1 июня 2021 г. изменений в Законе КНР об авторском праве.

Первый Закон КНР о патентах был принят в 1984 г. и впоследствии пересматривался в 1992, 2000 и 2008 гг. Действующий в период 13-й пятилетки патентный закон вступил в силу 1 октября 2009 г. с целью защиты прав патентообладателей, продвижения изобретений и их использования [Yu, Peter K.].

В Китае патенты делятся на три категории: 1) изобретения; 2) полезные модели и 3) промышленные образцы. Такой правовой режим имеет широкое международное распространение.

В свете постоянной критики со стороны иностранных компаний и правительств на протяжении многих лет в связи с недостаточной патентной защитой и пробелами правоприменения в Китае первый проект 4-го изменения Закона КНР о патентах был опубликован 2 декабря 2015 г., еще до начала 13-й пятилетки.

Однако только 17 октября 2020 г., к концу 13-й пятилетки, изменения Закона КНР о патентах были окончательно одобрены.

Четвертое изменение Патентного закона увеличилось с 76 до 82 статей, число глав (8) осталось прежним. Закон устанавливает основные правила подачи, экспертизы, предоставления, действительности и защиты патентных прав КНР в период 14-й пятилетки [Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуанли фа...].

С объявлением о вступлении в силу 1 июня 2021 г. 4-го изменения Закона КНР о патентах, наконец, был предпринят решающий шаг по улучшению и укреплению фундаментальных правил подачи, экспертизы, предоставления, действительности и защиты патентных прав в Китае. Многие статьи патентного закона остались в силе, некоторые были изменены или перенумерованы с добавлением новых правовых норм.

Необходимо проанализировать содержание 4-го изменения Закона КНР о патентах в соотношении с его прежней редакцией.

Тысячелетняя история Китая может быть выражена через разнообразные объекты прав ИС, будь то сочинения Конфуция или же разнообразные технологические открытия, которые подарила миру великая цивилизация [Zhang N., p. 10]. Вплоть до XV века китайские технологические изобретения владели умами европейских ученых. Фрэнсис Бэкон даже утверждал о том, что китайский порох и компас изменили лицо человечества и положение вещей во всем мире.

В настоящее время изучение права ИС через призму конфуцианского учения является перспективным направлением юридических исследований КНР. В данном контексте патентное право, в основе которого лежит концепция исключительных прав и коммерческой выгоды, вступало в противоречие с идеями Конфуция: «Учитель редко говорил о выгоде, воле неба и человеколюбии» [Переломов, с. 63].

Однако конфуцианские постулаты как базис для императорских экзаменов предполагают определенную взаимосвязь между креативностью его участников и полученными ими результатами интеллектуальной деятельности, подобно тому, как патент является исключительным правом, вознаграждением за уникальную творческую деятельность [Shi Wei, p. 454].

Определённые отсылки к трудам Конфуция мы можем найти в гл. 1 Закона КНР о патентах, начиная с 1984 г., ст. 1 формулирует цели принятия Закона, а именно, поощрение изобретательского творчества и содействие его прикладного использования: «...Хотя он и прочитал 300 стихотворений, он не сможет самостоятельно отвечать на вопросы. Какая польза от того, что он столько прочитал?» [Переломов, с. 99].

Более того, конфуцианская этика способна обосновать существование и дальнейшее развитие коллективных форм ИС, принудительных лицензий и пр.: «Если ты не будешь учить Стихи, у тебя не будет ничего, о чем говорить» [Переломов, с. 138].

Примечательно, что ст. 2 нового патентного закона позволяет предоставлять охрану отдельным частям формы промышленных образцов, то есть регистрация промышленного образца в КНР будет производиться в отношении целого изделия или его части. Эта новация сближает патентное право Китая с другими основными юрисдикциями (США, Европейского союза, Великобритании, Японии и Кореи). В ГК РФ подобный критерий в отношении промышленных образцов не закреплен.

Из 4-го изменения Закона КНР о патентах исчезла статья об использовании патента в общественных интересах (ст. 14 прежней редакции), согласно которой в случае, если патенты на изобретения предприятий и учреждений государственной собственности имеют важное значение для государственных или общественных интересов.

Вместе с тем гл. 6 4-го изменения Закона КНР о патентах о принудительных лицензиях на использовании патентов сохранила содержание нормы об «общественном интересе» в ст. 49 [Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуаньли фа...]. Новации ст. 50—51 позволяют патентообладателям подавать отзывную декларацию для реализации открытой лицензии с преимуществом сокращения или освобождения от патентных аннуитетов, а ст. 47 продлевает срок давности по искам о нарушении патентных прав с 2 до 3 лет.

В ст. 20 нового Патентного закона впервые вводится понятие «принципа добросовестности» (*bona fides* — лат.), которому должны соответствовать подача заявки на патенты и само осуществление патентных прав. В статье присутствует предупреждение о злоупотреблении патентными правами, с целью нанести ущерб общественным интересам или законным правам и интересам других лиц.

Злоупотребление патентными правами для исключения или ограничения конкуренции, которое представляет собой монополистическое поведение, должно рассматриваться в соответствии с антимонопольным законом КНР.

В ст. 24 4-го изменения Закона КНР о патентах, регулирующей сохранение соответствия критерию новизны в отдельных случаях, добавлен 4-й критерий, описывающий публикацию патента впервые в общественных интересах, когда в стране объявлено чрезвычайное положение или произошла чрезвычайная ситуация. Введение данного критерия напрямую связано с пандемией коронавируса.

Сроки действия патентных прав в ст. 42 нового патентного закона закреплены следующие: сроки патентных прав на изобретение и полезные модели остались без изменений: 20 и 10 лет соответственно; срок патентных прав на промышленные образцы увеличился с 10 до 15 лет. Срок рассчитывается с даты подачи заявки. Однако в новой редакции держатель патента может требовать компенсацию за необоснованную задержку в процессе выдачи регулятором патента на изобретение. Компенсация предоставляется за период действия патентного права, за исключением необоснованной задержки по вине заявителя.

Чтобы компенсировать время, потраченное на рассмотрение и утверждение патентов на новые лекарства, регулятор по запросу патентообладателя предоставляет компенсацию за срок действия патентно-

го права в КНР, связанного с лекарством. Период компенсации не должен превышать 5 лет, а общий срок действия патентных прав после утверждения нового лекарственного средства для продажи не должен превышать 14 лет.

Изменения в ст. 63 Закона КНР о патентах об ответственности за подделку патентов заключаются в увеличении размера штрафа с 4- до 5-кратной суммы от незаконно полученного дохода, а при отсутствии незаконно полученного дохода или его размера менее 50 тыс. ю. жэньминьби допускается применение штрафа в размере до 250 тыс. ю. жэньминьби; при наличии состава преступления правонарушитель привлекается к уголовной ответственности.

Некоторые другие заметные изменения нового патентного закона включают в себя ст. 70, которая позволяет Китайскому национальному управлению интеллектуальной собственности (СНПА) разрешать споры о нарушении патентных прав как на национальном уровне (централизовано), так и на местном уровне (межрегиональном).

Четвертое изменение Закона КНР о патентах в ст. 71 оговаривает, что правила о возмещении ущерба в результате нарушения патентных прав претерпевают благоприятные для патентообладателей изменения. Изменения включают: увеличение установленного законом ущерба (с 10 000—1 000 000 юаней жэньминьби до 30 000—5 000 000 юаней жэньминьби), введение штрафных санкций, до 5 раз превышающих размер ущерба, установленного в соответствии с законом, и перекладывание бремени доказывания ущерба в действиях о нарушении патентных прав (если нарушитель не может предоставить приемлемые доказательства, то суд может сослаться на претензии и доказательства от патентообладателя для определения ущерба). Все это важные шаги, необходимые для защиты законных прав и интересов как национальных, так и иностранных патентообладателей на основе прозрачности и доверия.

Ст. 76 нового патентного закона вводит систему «patent linkage», или систем «проверки патентного статуса», патентных связей, которая устанавливает связь между лекарственным препаратом и патентами, относящимися к нему. Одной из ключевых целей системы проверки патентного статуса, или «patent linkage», является достижение баланса между эффективной защитой патентных прав на оригинальные лекарственные средства и выводом на рынок воспроизведенных лекарственных препаратов [Борзова М., с. 7]. Защита прав на изобретения в фармацевтическом секторе является одним из факторов, стимулирующих развитие инновационных разработок и создающих стабильность регуляторного режима в отрасли.

Подобная система позволяет заявителю или патентообладателю фармацевтического патента оспаривать непатентованный лекарственный препарат на предмет нарушения патентных прав, инициируя судебное решение о нарушении патента в отношении дженерика во время собственной регистрации в Управлении по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов Китая (CFDA). Действие судебного решения может потенциально приостановить процесс утверждения, конкурирующего дженерика регулирующими органами. Кроме того, CFDA было делегировано создание системы, аналогичной «Оранжевой книге» в США, то есть китайской платформы для регистрации лекарств и патентов.

Подводя итоги развития китайского патентного права к началу 14-й пятилетки, можно отметить укрепление правового регулирования промышленного как вида ИС; утверждение принципа добросовестности; введение в закон норм, связанных с борьбой с коронавирусом; усиление ответственности за нарушение патентных прав и введение системы проверки патентного статуса.

Между тем более очевидной и прочной стала взаимосвязь между китайским правом ИС и учением Конфуция в связи с необходимостью нового трансформационного использования ИС.

Библиографический список

Борзова М. Система «Patent Linkage» в иностранных правовых порядках: баланс противовесов. Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской техники. 2018. № 9. С. 6—14.

Переломов Л.С. Конфуций: Лунь юй. М.: Восточная литература. 588 с.

Чжунхуа жэньминь гунхэо чжуаньли фа [Патентный закон КНР] URL: https://www.cnipa.gov.cn/art/2020/11/23/art_2197_155169.html (дата обращения: 12.05.2021) (На кит.).

Shi Wei. The Paradox of Confucian Determinism: Tracking the Root Causes of Intellectual Property Rights Problem in China. *The John Marshall Review of Intellectual Property Law*, 2008. Vol. 7, No. 3. p. 454—468. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2024628> (дата обращения: 12.05.2021).

Yu, Peter K. Intellectual Property and Confucianism. Diversity in intellectual property: identities, interests and intersections. Irene Calboli and Srividhya Ragavan, eds., Cambridge University Press. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781107588479.014> (дата обращения 12.05.2021).

Zhang N. A Confucian Analysis on the Evolution of Chinese Patent Law System. Singapore: Springer, 2020. P. 144.

References

Borzova Maria (2018). Sistema «Patent Linkage» v inostrannykh provoporyadkakh: balans protivovesov [Patent LINKAGE in foreign legal systems: balance of counterweights]. *Remedium. Zhurnal o rynke lekarstv i meditsinskoy tekhniki*. № 9: 6—14. (In Russian).

Perelomov L.S. (2001). *Analects of Confucius*. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAS. 588 p. (In Russian).

Shi Wei (2008). The Paradox of Confucian Determinism: Tracking the Root Causes of Intellectual Property Rights Problem in China. *The John Marshall Review of Intellectual Property Law*, Vol. 7, No. 3: 454—468. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2024628> (accessed: 12.05.2021).

Yu, Peter K. (2015). Intellectual Property and Confucianism. Diversity in intellectual property: identities, interests and intersections. Irene Calboli and Srividhya Ragavan, eds., Cambridge University Press. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781107588479.014> (accessed: 12.05.2021).

Zhang N. (2020) A Confucian Analysis on the Evolution of Chinese Patent Law System. Singapore: Springer, 144 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-981-13-9027-2_6 (accessed: 12.05.2021)

Zhōng huá rén mín gòng hé guó zhuān lì fǎ [Patent law of China] URL: https://www.cnipa.gov.cn/art/2020/11/23/art_2197_155169.html (accessed: 12.05.2021). (In Chinese).

Н.В. Селезнева

ИНСТИТУТЫ КОНФУЦИЯ В НОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. Институты Конфуция являются китайским глобальным культурно-образовательным проектом, который рассматривался Китаем и как дипломатические площадки, площадки для межкультурного обмена, и как один из инструментов китайской «мягкой» силы, а также как платформа, с которой будет «рассказываться китайская история». Институты Конфуция были призваны способствовать национальному культурному строительству и усилению влияния «мягкой силы культуры» Китая. Активные действия Китая по наращиванию своей «мягкой» силы за рубежом и широкомасштабная работа по открытию Институтов Конфуция не могли не привлечь внимания к этому проекту как государственных регуляторов, так и академического сообщества и широкой общественности. Одним из камней преткновения стала неопределенность позиционирования Институтов Конфуция, которая выразилась в неопределенности юридического статуса и сферы деятельности данной организации. Во-первых, китайская сторона принимала активное участие на правительственном уровне в открытии и финансировании Институтов Конфуция при том, что Институты Конфуция позиционировались как межвузовские проекты и встраивались в структуры зарубежных вузов на правах структурных подразделений, что явилось причиной негативной реакции со стороны зарубежных государственных регуляторов. Во-вторых, китайская сторона, установив низкий порог входа в проект для зарубежных партнеров, получила гораздо большую финансовую нагрузку, чем планировала. В-третьих, сконцентрировавшись на преподавании китайского языка, китайская сторона не смогла обес-

печить должного качества обучения, чем вызвала негативную реакцию от зарубежного профессионального сообщества и широкой общественности. Данные факты свидетельствуют о том, что изначально китайской стороной были допущены существенные просчеты в позиционировании Институтов Конфуция, которые не были сняты даже после проведения реорганизации системы управления данного культурно-образовательного проекта.

Ключевые слова: Институт Конфуция, проблема позиционирования, реорганизация Ханьбань, проблема развития, «мягкая» сила Китая.

Автор: Селезнева Наталья Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Selezneva N.V.

Confucius Institutes in the New Era: The Problems of the Status

Abstract. Confucius Institutes are a Chinese global cultural and educational project, which was considered by China as a diplomatic platform, a platform for intercultural exchange as one of the tools of Chinese soft power, as well as a platform “to talk about Chinese history”. The Confucius Institutes were designed to promote national cultural development and enhance the influence of the soft power of culture of China. China's active efforts to build up its soft power abroad and large-scale work to open Confucius Institutes could not fail to draw attention to this project from both government regulators and the academic community and the general public. One of the stumbling blocks was the uncertainty of the status of Confucius Institutes, that was expressed in the uncertainty of its legal status and scope. First, China at the government level took an active part in establishing and funding the Confucius Institutes. At the same time, Confucius Institutes had the status of interuniversity projects and were integrated into the structures of foreign universities as structural subdivisions that caused a negative reaction from foreign government regulators. Secondly, the Chinese participants, having established a low threshold for entering the project for foreign partners, received a much greater financial burden than planned. Thirdly, concentrating on teaching the Chinese language, the Chinese part of the project was unable to provide the proper quality of training, that caused a negative reaction from the foreign professional community and the general public. All these facts indicate that initially China made significant mistakes in the marketing of the Confucius Institutes, which were not corrected even after the reorganization of the management system of this cultural and educational project.

Keywords: Confucius Institutes, problem of status, reorganization of Hanban, development problems, Chinese soft power.

Author: Natalia V. SELEZNEVA, Candidate of Philology, Associate Professor at Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (e-mail: xie-ling@yandex.ru).

Институты Конфуция являются китайским глобальным культурно-образовательным проектом, который рассматривался Китаем и как дипломатические площадки, площадки для межкультурного обмена, как один из инструментов китайской «мягкой силы», а также как платформы, с которой будет «рассказываться китайская история». Институты Конфуция были призваны способствовать национальному культурному строительству и усилению влияния «мягкой силы культуры» Китая [Wang Hui, Chen Yang, 2019], что красноречиво говорит о том, что данные культурно-образовательные организации должны были играть важную роль во внешней культурной политике Китая, которая с начала XXI века предпринимает активные усилия по формированию и наращиванию своей «мягкой» силы. Концепция «мягкой» силы приобрела в Китае исключительно культуросцентричный характер, на теоретическом уровне выразилась в программе «выхода культуры вовне» (文化走出去), а на практическом — в разворачивании глобальной сети культурно-образовательных центров — Институтов и Классов Конфуция.

Активные действия Китая по наращиванию своей «мягкой» силы за рубежом и широкомасштабная работа по открытию Институтов Конфуция не могли не привлечь внимания отечественных и зарубежных специалистов к сфере гуманитарного и образовательного сотрудничества с Китаем. Институты Конфуция стали объектом научного исследования, в том числе и в работах отечественных китаистов (см. работы О.Н. Борох, А.В. Бояркиной, Т.Л. Гурулевой, Н.В. Кухаренко, А.В. Ломанова, А.А. Маслова, С.В. Михневича, М.П. Самойловой, Е.А. Лобановой и др.).

За более чем 15 лет существования данного проекта накопилось немало проблем, которые оказывают существенное влияние на восприятие Институтов Конфуция в мире. Всю совокупность проблем развития целесообразно разделить на два блока: внутренние проблемы и внешние вызовы [Селезнева, 2021], при этом внешние вызовы по большей части обусловлены внутренними проблемами Институтов Конфуция.

Говоря о внутренних проблемах, с которыми столкнулись Институты Конфуция, китайские эксперты сходятся на том, что самыми важными проблемами являются: неопределенность позиционирования, нехватка профессиональных педагогических кадров, отсталость

методов преподавания, проблемы управления, структурные проблемы, проблемы качества [Han Lijun, Mou Dai, 2016] и др.

Рассмотрим такую внутреннюю проблему, как неопределенность позиционирования и тех последствий, которые были вызваны данной проблемой. Неопределенность позиционирования Институтов Конфуция следует рассматривать как неопределенность юридического статуса и сферы деятельности. Это связано с тем, что китайская сторона, занявшись экстенсивным развитием и разворачиванием глобальной сети Институтов Конфуция, получила перекокс своих ожиданий, реальной практики реализации проекта и реакции на него со стороны других стран.

Проблема юридического статуса Институтов Конфуция обусловлена тем, что Китай презентовал свой проект не как сеть государственных информационно-культурных центров, а как партнерский проект между иностранными вузами и вузами Китая по созданию совместных подразделений внутри зарубежного вуза. При этом Институты Конфуция не являлись самостоятельным юридическим лицом и не подпадали под различные ограничения об иностранных агентах, которые действуют во многих странах. Между тем, являясь по сути межвузовским проектом, Институты Конфуция управлялись и финансировались при активном участии правительства Китая. Так, главный руководящий орган Институтов Конфуция — Штаб-квартира Институтов Конфуция / Канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань)¹ — находилась в непосредственном подчинении у Госсовета КНР, а члены Госсовета не только принимали деятельное участие в церемониях открытия, ежегодных съездах Институтов Конфуция, всемирного конкурса «Китайский язык — это мост» и других знаковых мероприятиях, но и являлись непосредственными руководителями данной организации. Не только члены Госсовета, но и премьер-министр КНР, председатель КНР принимали участие в торжественных мероприятиях, что явилось причиной определенного недовольства со стороны западных стран. Кроме того, Институты Конфуция получали повсеместную поддержку по линии дипломатических представительств КНР за рубежом — послы, консулы, консулы по образованию и культуре курируют, оказывают поддержку деятельности Институтов (Классов) Конфуция за пределами Китая. Такое активное участие со стороны китайского правитель-

---

¹ Китайские исследователи отмечают, что Штаб-квартира Институтов Конфуция / Канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) является одной структурой.

ства естественным образом привлекло внимание государственных регуляторов к деятельности Институтов Конфуция, которыми неоднократно предпринимались попытки (нередко успешные) по закрытию Институтов Конфуция или по переводу их в статус самостоятельных юридических лиц, поскольку их деятельность явно выходила за рамки межвузовского проекта. С другой стороны, Институты Конфуция по целому ряду признаков не подходят под статус иностранных информационно-культурных центров [Селезнева, Хрипунов, 2021], что вносит неопределенность в их статус.

Второй аспект проблемы неопределенности позиционирования связан с тем, что Институты Конфуция сконцентрировались на преподавании китайского языка, однако не смогли обеспечить качество этого процесса. Если обратиться к уставу Институтов Конфуция [Kongzi xueyuan zhangcheng], который был принят в 2006 г., то можно увидеть, что согласно ст. 11 Институты Конфуция предоставляют следующие услуги: развитие преподавания китайского языка; повышение квалификации преподавателей китайского языка, предоставление учебных материалов по китайскому языку; осуществление экзаменов по китайскому языку и сертификация преподавателей китайского языка; предоставление консультаций по вопросам китайского образования, культуры и др.; проведение культурных и языковых мероприятий. Несложно заметить, что основной упор изначально делался на преподавание китайского языка и вся деятельность Институтов Конфуция строилась вокруг данной задачи.

В «Плане развития Институтов Конфуция с 2012 по 2020 г.» [Kongzi xueyuan fazhan jihua] вторая хронологическая часть (2015—2020 гг.) посвящена усилению и активизации качественной составляющей работы Институтов Конфуция. Однако на практике оказалось, что Китай, взяв на себя обязательства по предоставлению учебных материалов и отправке китайских преподавателей в Институты Конфуция, был не в состоянии обеспечить качественное преподавание китайского языка, что вылилось в проблему «сань цзяо» [Huang Jingyan, 2017] (низкий уровень преподавателей китайского языка, учебных материалов и методик преподавания) и привело к тому, что в адрес Институтов Конфуция стали поступать негативные отзывы относительно качества их работы и предоставляемых услуг.

Кроме того, запуская проект «Институт Конфуция» китайская сторона широко распахнула двери для зарубежных участников, желающих обзавестись таким культурно-образовательным подразделением на своей базе, и обозначила слишком низкий порог входа в данный проект для зарубежных партнеров, что в результате привело к не-

оправданно высоким расходам на открытие и содержание Институтов Конфуция для китайской стороны. Китайские эксперты не раз поднимали вопрос о том, что неэффективные Институты Конфуция оттягивают на себя финансирование, не давая развиваться более перспективным отделениям. Помимо этого, после прихода Си Цзиньпина и обнаружения новой китайской внешнеполитической инициативы «Пояса и пути», китайскими экспертами стал обсуждаться вопрос о нерациональности размещения Институтов Конфуция, расположение которых не в полной мере удовлетворяет потребностям реализации новой инициативы [Wang Hui, Chen Yang, 2019].

Такое положение дел не устраивало и китайскую сторону. Багаж накопленных проблем и невозможность их эффективного решения явились причиной того, что руководством Ханьбань было принято решение об открытии специализированных научно-исследовательских и аналитических центров, которые должны заниматься своевременным реагированием на проблемы Институтов Конфуция, выработкой эффективных решений и разработкой стратегии развития перехода к внутренним преобразованиям. Говоря о роли и значении аналитических центров, ответственных за выработку стратегии развития Институтов Конфуция, следует отметить что, во-первых, создается проблемно-ориентированный механизм решения проблем, а аналитические центры должны внимательно следить за реальностью развития Институтов Конфуция и проводить исследования по ряду проблем, которые требуют немедленного решения. Во-вторых, создается механизм совместного использования информации и ресурсов. В-третьих, создается открытый механизм сотрудничества для постепенного расширения и формирования альянса мозговых центров Институтов Конфуция [Zhang Qingli, 2018].

Как показало время, идеи, заложенные руководством Ханьбань в работу аналитических центров, стали той базой, на которой была осуществлена реорганизация системы управления Институтами Конфуция в июле 2020 г. В результате реорганизации вместо Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) и Штабквартиры Институтов Конфуция, которые рассматриваются даже китайскими специалистами как единая структура [Bai Ziwei], были созданы Центр языкового образования и сотрудничества (Zhongwai yuyan jiaoliu hezuo zhongxin / Center for Language Education and Cooperation (CLEC)) и Китайский международный фонд образования (Zhongguo guoji zhongwen jiaoyu jijinhui / Chinese International Education Foundation) [Shiying guoji...].

Как повлияла реорганизация на прояснение китайской позиции позиционирования Институтов Конфуция? Во-первых, путем реорганизации была снята проблема широкой вовлеченности правительства КНР в деятельность Институтов Конфуция. Если раньше Ханьбань находилась в непосредственном подчинении Госсовета КНР, то сейчас Центр языкового образования и сотрудничества (ЦЯОС) подчиняется Министерству образования. Во-вторых, реорганизация является попыткой диверсифицировать источники финансирования Институтов Конфуция. Так, если раньше финансирование было правительственным, то сейчас финансированием проекта занимается Китайский международный фонд образования (КМФО), учредителями которого являются китайские вузы и некоторые китайские компании. Кроме того, помимо Институтов Конфуция, которыми теперь занимается КМФО, обладающий правом в том числе и на открытие новых центров с таким названием, ЦЯОС предлагает зарубежным партнерам различные формы сотрудничества, что позволяет китайской стороне сократить свои финансовые издержки на создание новых культурно-образовательных центров, выбрав наиболее оптимальный формат сотрудничества для каждого отдельного случая.

Китайский международный фонд образования обладает всеми правами на использование бренда «Институтов Конфуция». На официальном сайте КМФО размещен устав [Zhangcheng], который был принят 26 июня 2020 г. путем голосования на первом заседании правления. Из общих положений устава следует, что Фонд изучает и предлагает перспективные направления развития Институтов Конфуция и международного китаеведческого образования во всем мире; устанавливает стандарты и критерии бренда «Институт Конфуция», обладает полномочиями для учреждения Институтов и Классов Конфуция; обладает правом оценивать качество организации обучения в Институтах и Классах Конфуция; может разворачивать другую деятельность по международному преподаванию китайского языка, соответствующую целям деятельности Фонда. Однако в документах пока ничего не говорится о том, чем же будут являться сами Институты Конфуция. На сегодняшний день новый устав Институтов Конфуция еще не принят.

Исходя из заявлений Ма Цзяньфэй¹ [Zhang Qingli, 2018], можно сделать вывод, что скорее всего Институты Конфуция по-прежнему в

---

¹ Ма Цзяньфэй с 2004 г. являлся замдиректора Ханьбань; с 2007 г. занимал пост заместителя генерального директора Штаб-квартиры Институтов Конфуция; с 2011 г. — партсекретарь Ханьбань, с июля 2020 г. — партсекретарь ЦЯОС и его председатель.

основном будут заниматься преподаванием китайского языка, но, поскольку своими силами обеспечить качественное преподавание китайского языка и культуры на сегодняшний день не представляется возможным, то Институты Конфуция будут вынуждены активнее привлекать местных специалистов, к чему также вынуждает ситуация с COVID-19. Институты Конфуция будут в меньшей степени ожидать от китайской стороны предоставления педагогического контингента, а также будут более активно развивать различные формы онлайн-образования. С другой стороны, ситуация с COVID-19 является мощным стресс-тестом для Институтов Конфуция. Институты Конфуция в период 2020—2021 гг. уже столкнулись с проблемой массового оттока слушателей. Во-первых, по причине того, что изначально невысокое качество образования в аудитории в какой-то степени компенсировалось живым общением с носителями языка, а с переходом на онлайн-обучение проблема качества образования обострилась многократно по причине отсутствия эффективных методик такого обучения. И, несмотря на то, что китайская сторона на протяжении 2020—2021 гг. организовывала различные бесплатные онлайн-конкурсы, челленджи, марафоны и языковые лагеря для зарубежных слушателей, мотивация у слушателей Институтов Конфуция была невысокой. Во-вторых, Институты Конфуция неизбежно столкнутся с недобором новых обучающихся по причине закрытия Китая и его политике «нулевой терпимости» к COVID-19 и невозможности поехать в страну изучаемого языка в обозримом будущем для учебных, туристических и бизнес целей. Данная ситуация может стать причиной того, что Институты Конфуция могут начать переориентировать свою деятельность с исключительно преподавания языка и культуры для последующего пребывания в Китае на преподавания китайского языка для практической деятельности на местах. О такой возможности свидетельствует продвижение программы «Китайский +», анонсированной еще в 2018 г. и получившей официальное закрепление в официальных документах Центра языкового образования и сотрудничества (см. сайт ЦЯОС). Данная программа предполагает параллельное изучение китайского языка и какой-либо рабочей специальности и ориентирована в основном на сотрудничество с профессионально-техническими учебными заведениями. Кроме того, не исключена возможность того, что Институты Конфуция попытаются стать центрами научного притяжения для консолидации местного китаеведческого сообщества, а также осуществления научно-исследовательской и аналитической деятельности по различным направлениям, выходящим за рамки образования.

Предшествующие 15 лет показали, что Китай оказался не готов взять ту планку, которую сам себе обозначил, заявив о широкомасштабном разворачивании проекта под названием «Институт Конфуция» как площадки для распространения китайского языка за рубежом и трибуны, с которой будет «рассказываться китайская история». Нерешенность внутренних противоречий проекта явилась причиной того, что внешняя реакция со стороны государственных контролирующих органов, СМИ, общественного мнения и профессиональных китаеведческих кругов в зарубежных странах на Институты Конфуция была совсем не той, которую ожидал Китай. Перспективы Институты Конфуция напрямую связаны с тем, насколько Китай будет заинтересован в их развитии в дальнейшем, насколько будет возможно вписать Институты Конфуция в новые внешнеполитические инициативы Китая и использовать их для реализации поставленных задач. Именно это будет являться драйвером развития Институты Конфуция и мощным стимулом для решения внутренних проблем и противоречий. С другой стороны, активная позиция руководства вузов-партнеров по проекту «Институт Конфуция», соответствие требованиям государственных регуляторов и высококлассный профессиональный коллектив Институты Конфуция на местах, могут служить доказательством их жизнеспособности и эффективности, а также могут рассматриваться как «точка роста» влияния Китая за рубежом и один из важных ресурсов «мягкой» силы Китая.

Библиографический список

Бай Цзывэй. Кунцзы сюэюань чжуаньсин фачжань яньцзю [Исследование трансформации и развития Институты Конфуция]. URL: <http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/4651.htm> (дата обращения: 29.10.2021) (На кит.).

Ван Хуэй, Чэнь Ян. Цзюйю дашуцзю дэ дай и лу яньсянь гоцзя кунцзы сюэюань фэньбу яньцзю [Размещения Институты Конфуция в странах, примыкающих к «Поясу и пути», на основе анализа больших данных] // Юньнань шифань дасюэ сэюбао. 2019. 17(01). С. 10—24. (На кит.).

Кунцзы сюэюань фачжань цзихуа (2012—2020 нянь) [План развития Институты Конфуция 2012—2020 гг.] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201302/t20130228_148061.html (дата обращения: 28.10.2021) (На кит.).

Кунцзы сюэюань чжанчэн [Устав Институты Конфуция] URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/zsdwxxgk/200610/t20061001_62461.html (дата обращения: 28.10.2021) (На кит.).

Селезнева Н.В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI. М.: ИКСА РАН, 2021. С. 291—305.

Селезнева Н.В., Хрипунов И.Г. Проблемы и перспективы деятельности Институтов и Классов Конфуция в Российской Федерации // Российский совет по международным делам (РСМД): Раздел сайта «Аналитика и комментарии» URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/problemy-i-perspektivy-deyatelnosti-institutov-i-klassov-konfutsiya-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 28.10.2021).

Хань Лицзюнь, Моу Дай. Кунцзы сюэюань вэньхуа чуаньбо дэ куньцин юй индуй [Сложности распространения культуры Институтами Конфуция и их преодоление] // Жэньминь луньтань, 2016 (4). С. 253—255 (На кит.).

Хуан Цзиньянь. Хайвай кунцзы сюэюань дэ фачжань куньцин юй цзецзюэ луньцин [Сложности развития зарубежных Институтов Конфуция и пути решения] // Цзюаньцзун. 2017. № 20. URL: <http://www.qikan.com.cn> (дата обращения: 28.10.2021) (На кит.).

Чжан Цинли. Кунцзы сюэюань цзиньжу нэйхань фачжань цзедуань [Институты Конфуция вступают в этап внутреннего развития] // Чжунго шэхуэй кэсюэбао. URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201811/t20181119_4777643.shtml (дата обращения: 29.10.2021) (На кит.).

Чжанчэн [Устав КМФО]. URL: <https://www.cief.org.cn/zcc> (дата обращения: 04.04.2021). (На кит.).

Шиин гоцзи чжунвэнь цзююй шиэ фачжань: цзююйбу шэли чжунвай юйянь цзюло хэцзо чжунсинь [Адаптируемся к развитию международного преподавания китайского языка: Министерство образования учредило Центр языкового образования и сотрудничества]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/05/content_5524342.htm (дата обращения: 25.10.2021) (На кит.).

References

Bai Ziwei (2021). Kongzi xueyuan zhuanxing fazhan yanjiu [Research on the Transformation and Development of Confucius Institutes]. URL: <http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/4651.htm> (accessed: October 29, 2021) (In Chinese).

CIEF Zhangcheng [Constitution of Chinese International Education Foundation]. URL: <https://www.cief.org.cn/zcc> (accessed: April 4, 2021). (In Chinese).

Han Lijun, Mou Dai (2016). Kongzi xueyuan wenhua chuanbo de kunjing yu yingdui [The Dilemma and Countermeasures of Confucius Institute's Cultural Communication]. *Renmin luntan*, 2016 (4): 253—255. (In Chinese).

Huang Jingyan (2017). Haiwai kongzixueyuan de fazhan kunjing yu jie jue lunjing [The Development Dilemma of Overseas Confucius Institutes and the Solution].

Juanzong, 2017. № 20. URL: <http://www.qikan.com.cn> (accessed: October 28, 2021) (In Chinese).

Kongzi xueyuan fazhan jihua (2021—2020 nian) [Confucius Institute Development Plan 2012—2020] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201302/t20130228_148061.html (accessed: October 28, 2021) (In Chinese).

Kongzi xueyuan zhangcheng [Constitution of Confucius Institute] URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/zsdwxxgk/200610/t20061001_62461.html (accessed: October 28, 2021) (In Chinese).

Selezneva N.V. (2021) Instituty Konfuciya kak instrument «myagkoj sily» Kitaya: problemy i perspektivy razvitiya v novuyu epohu [Confucius Institutes as a tool of China's «soft power»: problems and prospects of development in a new era]. *China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXVI* / Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of China and contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2021: 291—305. (In Russian).

Selezneva N.V., Hripunov I.G. (2021) Problemy i perspektivy deyatel'nosti Institutov i Klassov Konfuciya v Rossijskoj Federacii [Problems and Prospects for the Activity of Institutes and Classes of Confucius in the Russian Federation] The Russian International Affairs Council (RIAC). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/problemy-i-perspektivy-deyatelnosti-institutov-i-klassov-konfutsiya-v-rossijskoy-federatsii/> (accessed: October 28, 2021) (In Russian).

Shiying guoji zhongwen jiaoyu shiye fazhan: jiaoyubu sheli zhongwai yuyan jiaoliu zhongxin (2020) Adapt to the development of international Chinese education: The Ministry of Education establishes a Chinese language exchange center between China and foreign countries]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/05/content_5524342.htm (accessed: October 25, 2021) (In Chinese).

Wang Hui, Chen Yang (2019). Jiyu dashuju de yi da yi lu yanxian guojia kongzi xueyuan fenbu yanjiu [Research on the Distribution of Confucius Institutes in Countries along the Belt and Road Based on Big Data]. *Yunnan shifan daxue xuebao*. 2019. Vol. 17(01): 10—24. (In Chinese).

Zhang Qingli (2018) Kongzi xueyuan jinru neihan fazhan jieduan [Confucius Institute enters the stage of connotative development]. *Zhongguo shehui kexuebao*. URL: http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201811/t20181119_4777643.shtml (accessed: 29 October, 2021) (In Chinese).

Е.О. Заклязьминская

«КРАСНЫЙ» ТУРИЗМ В КИТАЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Развитие «красного» туризма как элемента партийной пропаганды в Китае началось в 2004 г. Предпосылкой стал политический кризис, возникший на фоне недостаточно эффективной борьбы с распространением тяжелого острого респираторного синдрома (SARS). В стране нарастала угроза национальной безопасности в виде внешней ценностно-идейной экспансии стран Запада. Появилась потребность в формировании новых механизмов, нацеленных на укрепление патриотической культуры и распространение социалистических ценностей. Вначале «красные» туры рассказывали о революционной борьбе Коммунистической партии Китая в 1921—1949 гг. Постепенно они были обогащены сюжетами из истории «нового Китая» (1949—1977 гг.) и рассказами о ходе политики реформ и открытости (с 1978 г.).

За время реализации программы властям Китая удалось увеличить интерес молодежи к коммунистическому движению, укрепить лояльность к политической власти и способствовать развитию остальных центральных и северо-восточных районов страны. В условиях пандемии COVID-19 «красный» туризм становится значимым инструментом восстановления внутреннего туристического рынка. В рамках средне- и долгосрочного планирования он будет обеспечивать защиту культурного суверенитета и способствовать строительству культурно развитой модернизированной социалистической державы.

Ключевые слова: Китай, пандемия, COVID-19, «красный» туризм, пропаганда, идеология, культурный суверенитет

Автор: Заклязьминская Екатерина Олеговна, к.э.н., н.с., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. ORCID: 0000-0003-2777-4973. E-mail: ekaterina.zakl@gmail.com

Zakliazminskaia E.O.

“Red” Tourism in China: Ideological Propaganda and Cultural Construction in a Pandemic

Abstract. The development of “red” tourism as an element of party propaganda in China began in 2004. The reason was the political crisis that arose against the background of an insufficiently effective fight against the spread of severe acute respiratory syndrome (SARS). The threat to national security in the form of external value-ideological expansion of Western countries was growing in the country. The need arose for the formation of new mechanisms aimed at strengthening the patriotic culture and spreading socialist values. Initially, the “red” tours talked about the revolutionary struggle of the Chinese Communist Party in 1921—1949. Gradually, they were enriched with stories from the history of the “new China” (1949—1977) and the open-door policy (since 1978). During the implementation of the program, the Chinese authorities managed to increase the interest of young people in the communist movement, strengthen their loyalty to political power and contribute to the development of the backward central and northeastern regions of the country. In the context of the COVID-19 pandemic, “red” tourism is becoming a major factor in the recovery of the domestic tourism market. Within the framework of medium and long-term planning, it will ensure the protection of the country’s cultural sovereignty and contribute to the construction of a culturally developed modernized socialist country.

Keywords: China, pandemic, COVID-19, “red” tourism, propaganda, ideology, cultural sovereignty.

Author: Ekaterina O. ZAKLIAZMINSKAIA, Ph.D. (Economics), Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science. ORCID: 0000-0003-2777-4973 (e-mail: ekaterina.zakl@gmail.com).

Предпосылки становления «красного» туризма в Китае

Инициатива властей Китая по строительству «красных» туристических маршрутов нацелена на преодоление проблем, возникших в ходе проведения политики реформ и открытости, в первую очередь в политической плоскости.

Разгоравшийся политический кризис в стране после вспышки тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) в 2003 г. в связи с обвинениями Китая в недостаточно эффективном реагировании на эпидемиологическую угрозу привел к пересмотру подходов к противодействию традиционным и новым вызовам и угрозам. Обострились риски распространения западных ценностей. Вслед за развитием общества прежние инструменты идеологической пропаганды теряли свою значимость. Появилась потребность в создании новых механизмов, нацеленных на формирование патриотической культуры. «Красный» туризм стал одним из инструментов пропаганды историко-патриотического наследия и социалистических ценностей в меняющемся обществе Китая.

В 2004 г. на национальном уровне была принята «Программа развития «красного» туризма», рассчитанная до 2010 г. Началась разработка туристических маршрутов, повествующих об истории Коммунистической партии Китая (*далее КПК*) и ее революционном пути. В центральных, северо-восточных и юго-восточных районах страны были выделены 12 специализированных туристических зон и первые 100 объектов показа.

Инициатива властей по формированию патриотической культуры была продолжена в последующие периоды развития страны. Задачи «красного» туризма нашли отражение в специализированных программах 12-го (2011—2015 гг.) и 13-го (2016—2020 гг.) пятилетних планов. В 2018 г. с созданием нового Министерства культуры и туризма была начата работа по интеграции культуры и туризма. В туристические продукты стали включать сюжеты, повествующие не только о революционной борьбе КПК в 1921—1949 гг., но и о новой истории Китая (1949—1977 гг.) и о политике реформ и открытости (с 1978 г.).

Идеологическая пропаганда

Развитие «красного» туризма как инструмента пропаганды подразумевает, с одной стороны, формирование развитой системы патриотического воспитания, с другой стороны, создание системы, замещающей западные ценности, просачивающиеся на территорию Китая при помощи различных каналов (*СМИ, социальные сети, деятельность ТНК и пр.*).

Работу в области «красного» туризма координирует специальная руководящая группа, в которую входят представители 11 министерств страны и 3 структур, входящих в состав КПК. Ключевую роль в раз-

вители программ играет Отдел пропаганды ЦК КПК, который проверяет объекты показа и их туристические продукты на соответствие «китайскому» пути и политическому курсу.

Власти Китая увеличивают количество достопримечательностей, включенных в «красные» списки. За время реализации программы их количество выросло до 300. Регулярно появляются новые «неофициальные» центры притяжения, которые не подпадают под контроль Отдела пропаганды. Например, в последние годы растет интерес к посещению деревни Лянцзяхэ, в которой в пещере 7 лет прожил юный будущий председатель КНР Си Цзиньпин во времена «культурной революции».

Среди новых трендов стоит отметить увеличение доли молодых путешественников и рост расходов на «красный» туризм. В 2019 г. около 50 % всех туристов были представлены гражданами, родившимися после 1980—1990 гг. XX века. 30 % семей с детьми предпочитают «красные» туры другим видам туристических путешествий [Шанбаньнянь цзуй жэ хунсэ люйю...]. В 2019 г. средние расходы на «красное» путешествие составили 1287 юаней (около 200 долл.) на человека, в 2020 г. — уже 1903 юаня (около 300 долл.).

За время существования инициативы китайцами было совершено около 5 млрд путешествий с целью знакомства с коммунистической историей страны. В 2019 г. доля «красного» туризма составила около 11 % от всего объема внутренних туристических поездок. До пандемии темпы прироста количества поездок по «красным» маршрутам опережали темпы прироста объемов внутреннего туризма.

Государственная поддержка

Популярность «красных» маршрутов определяется государственной поддержкой и преференциями, предоставляемыми властями.

Во-первых, центральное правительство оказывает финансовую помощь проектам «красного» туризма. В первые годы реализации программы (2004—2008 гг.) было выделено около 1,86 млрд юаней (290 млн долл.) 181 проекту в области транспорта, энергетики и водоснабжения, способствующему развитию туристической инфраструктуры в «красных» районах [Li Yiping, Hu Zhi Yi, Zhang Chao Zhi]. Вслед за ростом количества туристов программы росли расходы центральных властей на ее развитие. Например, только в 2020 г. из центрального бюджета на «красный» туризм было выделено 6 млрд юаней (930 млн долл.) [14,1 и жэньцы чусин...].

Во-вторых, популярность «красного» туризма определяется программами социальной поддержки. Власти рекомендуют достопримечательностям вводить систему социальных льгот: предоставлять 50%-ную скидку на входные билеты для школьников, студентов, пенсионеров, солдат Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и пр.

Государственная поддержка оказывается лишь в случае соблюдения ряда правил: *во-первых*, достопримечательность должна быть социально ориентирована и проводить политику льготных входных билетов, *во-вторых*, она должна согласовывать маршруты и содержание программ с Отделом пропаганды ЦК КПК.

Социальная направленность «красных» туров определила ее невысокую экономическую отдачу: в 2019 г. доходы от «красного» туризма составили 426 млрд юаней (66 млрд долл.). 11 % всех туристов по стране потратили всего 7 % от совокупного объема доходов отрасли [2020 нянь Чжунго цюаньюй люйюе...]¹.

Культурное строительство

До 2025 г. Китай планирует достичь прогресса в строительстве социалистической культурной державы, а к 2035 г. завершить работу в этой области. Основа Китая как культурной державы — социалистические ценности. Власти страны планируют транслировать их при помощи ряда инструментов, в которые входят программы «красного» туризма. Страна стремится к формированию развитой системы защиты культурного суверенитета. К 100-летию страны в 2049 г. Китай планирует стать процветающей, сильной, демократической, культурно развитой, гармоничной и красивой модернизированной социалистической державой, которая не «соскользнет на «западную колею» [Цюаньмянь баво шэхуэйчжуи...] Китайский дух, национальная мощь и социалистические ценности станут основными драйверами развития страны].

В условиях внешней неопределенности, давления на Китай со стороны других полюсов силы (*в первую очередь стран Запада и их союзников*), обвинения в несоблюдении прав человек в Синьцзяне, напряженной ситуации вокруг принятия Закона о национальной безопасности в Гонконге, ухудшения отношений с Тайванем после сближения острова с США и Евросоюзом и ряда других крупных угроз Китай вынужден укреплять культурный суверенитет и вести активную пропаганду социалистических ценностей.

---

¹ Расходы китайских туристов считаются доходами туристической отрасли. — Прим. авт.

«Красный» туризм и пандемия

Накануне пандемии в 2019 г. количество туристов по «красным» маршрутам составило 1,4 млрд человек, доходы превысили 400 млрд юаней [Хунсэ IP цуйшэн “Дакажэ”...]. В условиях пандемии COVID-19 и закрытых границ «красный» туризм подтолкнул восстановление всей туристической отрасли страны.

В 2020 г. доля туристических путешествий по «красным» маршрутам составила всего 3,5 % от совокупного количества внутренних путешествий, поскольку, несмотря на усилия властей, они пользовались популярностью у старшего поколения, которое ограничило свои перемещения из-за рисков заражения вирусом.

В связи с празднованием 100-летнего юбилея КПК в июле 2021 г. Министерство культуры и туризма разработало 100 специальных праздничных туристических продукта для стимулирования внутреннего спроса. За первое полугодие 2021 г. количество бронирований входных билетов «красных» достопримечательностей выросло на 208 % к аналогичному периоду 2020 г. «Красный» туризм полностью восстановился от последствий пандемии, и по количеству бронирований показал рост на 25 % к «докризисному» 2019 г.

Наибольшей популярностью у туристов пользуются «красные» достопримечательности крупных городов Китая (*Пекина и Шанхая*) и объекты показа, расположенные на свежем воздухе.

В Пекине центрами притяжения туристов стали площадь Тяньаньмэнь, Национальный музей Китая и Военный музей китайской народной революции. В Шанхае туристов привлекает Дом-музей I съезда КПК.

Основными центрами туристического притяжения в других районах Китая стали озеро Наньху, где расположена копия «красной лодки», на которой продолжилось прерванное нелегальное заседание I съезда КПК, гора Юэлушань, по которой любил прогуливаться молодой Мао Цзэдун, и гора Цзинганшань, где была создана первая революционная база КПК. Значимой локацией является канал Хунци («*Красное знамя*»), длина которого составляет около 71 км. Уникальностью сооружения заключается в том, что оно было построено местными жителями.

Потенциал «красного» туризма в условиях пандемии определяется значительным количеством объектов показа, расположенных на свежем воздухе (*горы, каналы, озера и пр.*). Получают распространение программы, объединяющие различные виды туризма: «красный + зеленый» (*экологические туры по «красным» маршрутам*), «красный +

народный» (*изучение истории коммунистического движения и национального фольклора*) и «красный + сельский» (*туры в сельскую местность, связанную с коммунистической историей*) [2021 Чжунго лююю...].

Выводы

«Красный» туризм является одним из наиболее популярных видов туризма в Китае. К его особенностям относятся преференциальная государственная поддержка, социальная ориентация и контроль наполнения программ со стороны Отдела пропаганды ЦК КПК. Социальная направленность «красных» туров определяет их невысокую экономическую отдачу. Однако они играют значительную роль в строительстве культурной державы в Китае и в защите культурного суверенитета. Потенциал развития «красного» туризма внутри Китая и за рубежом не исчерпан и будет раскрываться в условиях пандемии и после нормализации эпидемиологической ситуации.

Библиографический список

14.1 и жэньцы чусин, хунсэ лююю чжэн цяоцяо чуцюань [1,41 млрд человек путешествуют, «красный» туризм постепенно становится популярным за пределами привычного круга]. URL: <https://m.traveldaily.cn/article/144774> (дата обращения: 30.09.2021) (На кит.).

2020 нянь Чжунго цюаньюй люююе фачжань сяньчжуан: цюаньюй лююю туйдун лююю сяофэй Лююю етай цюаньянь шэнцзи [Развитие мировой туристической индустрии Китая в 2020 г.: туристические кластеры способствуют росту туристического потребления и всестороннему обновлению туристической отрасли]. URL: <https://www.qianzhan.com/analyst/detail/220/200117-763973c4.html> (дата обращения: 05.07.2021) (На кит.).

2021 Чжунго лююю сян нэй фали [В 2021 г. туризм Китая идет «внутрь»]. URL: <http://society.people.com.cn/n1/2021/0101/c1008-31986485.html> (дата обращения: 01.07.2021) (На кит.).

Хунсэ IP цуйшэн “Дакажэ” няньцинхуа чую жэду чисюй шэнвэнь [«Красная» интеллектуальная собственность стимулирует моду на «отметиться» [в достопримечательности] Продолжает увеличиваться тенденция на «омоложение» участников экскурсий] // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-06/16/c_1127565791.htm (дата обращения: 15.11.2021) (На кит.).

Цюаньянь баво шэхуэйчжуи сяньдайхуа цянго дэ чжаньюэ нэйхань хэ тэчжэн [Полностью уловить стратегический смысл и характеристики современной и

мощной социалистической страны]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2021/0118/c40531-32002508.html> (дата обращения: 16.11.2021) (На кит.).

Шанбаньнянь цзуй жэ хунсэ люйю муэдэи топ10: Чанша дисы [Топ-10 самых популярных «красных» туристических направлений в первой половине года: Чанша на 4-м месте]. URL: https://dekaen.com/whhlyt/news/mtjj/202106/t20210624_19788436/ (дата обращения: 04.10.2021) (На кит.).

Li Yiping, Hu Zhi Yi, Zhang Chao Zhi (2010) Red tourism: sustaining communist identity in a rapidly changing China // *Journal of Tourism and Cultural Change*, 8:1-2, 101-119, DOI: 10.1080/14766825.2010.493939 (На англ.).

References

14.1 yi renci chuxing, hongse lvyou zheng qiaojiao chuquan. [1.41 billion trips, red tourism is quietly out of the circle]. URL: <https://m.traveldaily.cn/article/144774> (accessed: September 30, 2021) (In Chinese).

2020 nian Zhongguo quanyu lvyouye fazhan xianzhuang: quanyu lvyou tuidong lvyou xiaofei lvyou yetai quanmian shengji. [Development Status of China's All-for-One Tourism in 2020: All-for-One Tourism Promotes Tourism Consumption and Comprehensive Upgrade of Tourism Form]. URL: <https://www.qianzhan.com/analyst/detail/220/200117-763973c4.html> (accessed: July 5, 2021) (In Chinese).

2021 Zhongguo lvyou xiang nei fali. [In 2021, China's tourism pushes inwards]. URL: <http://society.people.com.cn/n1/2021/0101/c1008-31986485.html> (accessed: July 1, 2021) (In Chinese).

Hongse IP cuisheng “dakare” nianqinghua chuyou redu chixu shengwen. [Red IP spawns “punch-in fever”, and the popularity of youth travel continues to heat up]. *Xinhua*. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-06/16/c_1127565791.htm (accessed: November 15, 2021) (In Chinese).

Li Yiping, Hu Zhi Yi, Zhang Chao Zhi (2010) Red tourism: sustaining communist identity in a rapidly changing China. *Journal of Tourism and Cultural Change*, 8:1-2, 101-119, DOI: 10.1080/14766825.2010.493939 (In English).

Quanmian bawo shehuizhuyi xiandaihua qianguo de zhanlve neihan he tezheng. [Fully grasp the strategic connotation and characteristics of a powerful modern socialist country]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2021/0118/c40531-32002508.html> (accessed: November 16, 2021) (In Chinese).

Shangban nian zuire hongse lvyou mudidi TOP10: Changsha disi. [Top 10 hottest red tourist destinations in the first half of the year: Changsha fourth]. URL: https://dekaen.com/whhlyt/news/mtjj/202106/t20210624_19788436/ (accessed: October 4, 2021) (In Chinese).

И.В. Дьячков

БОРЬБА С ПАНДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ И КНДР¹

Аннотация. Как Северной, так и Южной Корее удалось выработать весьма эффективный ответ на пандемию коронавируса. Стратегии двух корейских государств были различны. В основе плана действий КНДР — идея тотальной изоляции от внешнего мира, чтобы любыми средствами не допустить попадания коронавируса в страну. Власти вынуждены пойти на такие меры из опасений, что несовершенная северокорейская медицина попросту не справится с возможной вспышкой болезни. Южнокорейский ответ более привычен и гибок. Он подразумевает тестирование, отслеживание передвижений инфицированных и создание гибкой многоуровневой системы дистанцирования. Однако общий и главный «секрет» корейского успеха прост: продуманные и решительные действия власти опираются на разумную, добросовестную позицию общества, в культурно-цивилизационном смысле готового к коллективным действиям и самоограничениям ради общего блага.

Ключевые слова: КНДР, коронавирус, пандемия, Республика Корея, COVID-19.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-7058-0811.
E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

---

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 19-18-00142.

Dyachkov I.V.

Battle Against the COVID-19 Pandemic in the DPRK and the Republic of Korea¹

Abstract. Both North and South Korea have worked out very effective responses to the current COVID-19 pandemic. The two Korea's strategies are drastically different. North Korean plan proceeds from total isolation designed to prevent introducing COVID-19 to the country. Local authorities had to resort to such measures fearing that the North Korean imperfect medical system may collapse under pandemic pressure. South Korean response is more 'traditional' and flexible. It comprises testing, tracing the carriers' movement and creating a multilevel distancing system. Yet the common and main Korean 'know-how' is simple: well thought-out and decisive actions of the government find support in the society's level-headed and responsible attitude. Koreans as a civilization are culturally ready for collective action and self-restraint in the name of common good.

Keywords: coronavirus, COVID-19, DPRK, pandemic, Republic of Korea.

Author: Ilya DYACHKOV, Ph.D. (History), Associate Professor, Dept. of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Dept. of Oriental Studies, MGIMO University. ORCID: 0000-0001-7058-0811 (e-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru).

Главной угрозой двух последних лет стала пандемия новой коронавирусной инфекции. В этой сложной ситуации наглядно проявились не только возможности и способности различных государств по разрешению кризисов, но и культурно-цивилизационные особенности тех или иных стран и народов. Не секрет, что значительных успехов в сдерживании заболеваемости добились страны Северо-Восточной Азии — Китай, откуда началось распространение инфекции, Япония, а также Республика Корея и КНДР. Рассмотрим на корейском примере, какие факторы определили такой результат.

КНДР выбрала специфический путь, доступный, пожалуй, только ей — полную изоляцию. Северная Корея, даже несмотря на наложенные на неё жёсткие санкции, практически полностью исключают нормальную внешнеэкономическую деятельность, вопреки бытующему мнению, до пандемии не была стопроцентной «страной-отшельницей», однако превратилась в неё вскоре после первых сообщений о вирусе.

---

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation, grant number 19-18-00142.

Прекратилось всё трансграничное сообщение — как торговля, так и пассажирские рейсы. Поэтому, кстати, завершившие командировку российские дипломаты были вынуждены покинуть страну на дрезине в конце февраля 2021 г. [Российские дипломаты]. Этот пример, впрочем, показывает, что из КНДР можно выехать (по крайней мере, иностранцам), но въезжать в страну сейчас строго запрещено. Вообще, судя по всему, северокорейцы взяли курс на вытеснение иностранных дипломатов: в открытую это не говорится, но власти создают все условия, чтобы «лишние люди» покинули страну.

Прервалась и торговля с Китаем, на долю которого приходится большая часть северокорейского внешнего товарооборота — как легального, так и теневого. Такая решительность не привела к голоду, но создала ощутимый дефицит по ряду категорий продуктов и потребительских товаров [Дьячков]. При этом, судя по демонстрации новых ракет на парадах в октябре и январе, пандемия, вопреки представлениям некоторых специалистов, не мешает военным разработкам — для властей они приоритетны в любой ситуации. Примечательно также, что, несмотря на очевидные трудности и конкретные просчёты (о которых нередко говорит и сам лидер КНДР Ким Чжоньин [Сообщение]), страна далека от коллапса. Иными словами, северокорейские строжайшие самоограничения, среди прочего, подтверждают повторяемый отечественными специалистами тезис о не только политической, но и практической неэффективности санкций.

Изначально казалось, что изоляция вряд ли будет долгой, тем более что похожие меры КНДР принимала ранее на менее продолжительный срок во время вспышек лихорадки Эбола и атипичной пневмонии в 2010-х гг. Сейчас, по прошествии полутора лет, становится ясно, что изоляция может сохраниться в ближайшие *годы*. Впрочем, Северная Корея, видимо, готовится ограниченно впускать зарубежные товары и создаёт соответствующую инфраструктуру. Тем не менее, страна пока что отказывалась даже от гуманитарной помощи и, видимо, из тех же соображений под разными предложениями уходит от предлагаемых поставок вакцин [Cha].

Ограничения коснулись и внутриэкономической деятельности. Так, несмотря на «социалистический»¹ подъём в рыбопромышленной отрасли в последние годы, северокорейские власти строго запретили рыбакам выход в море, ссылаясь на возможность принести из такой

---

¹ В современном северокорейском официальном дискурсе слово «социализм» стало эвфемизмом для повышения уровня жизни, вызванного ограниченными рыночными преобразованиями Ким Чжоньина.

вылазки опасную заразу. В течение вот уже полутора лет центральная пресса поучает, что даже в перелётных птицах, погодных явлениях и приносимых с ветром «странных предметах»¹ необходимо видеть в первую очередь угрозу заражения «злостным вирусом» [Интенсивней вести].

В КНДР также были приняты ныне всем привычные профилактические меры. Так, судя по фотографиям в официальных СМИ и сообщениям российских дипломатов, северокорейцы с начала 2020 г. стали массово носить маски. К слову, это не стало абсолютным новшеством: общеазиатская «мода» на использование масок для защиты от сезонной аллергии и неприятных погодных явлений пришла в страну несколькими годами ранее. Маски обязательны на улице и на всех публичных мероприятиях, за исключением некоторых мероприятий с участием вождя (также с весны 2021 г. средства защиты разрешили надевать молодожёнам во время свадебной церемонии [Посол РФ]).

Причины подобной строгости понятны, и высшее руководство говорит о них открыто: уровень северокорейской медицины не позволит справиться с пандемией [Посол России]. Население принимает новое положение вещей безропотно: жители страны давно привыкли жить в достаточно жёстких рамках, строгость которых определяется властью через идеологическую работу. Сейчас пропаганда апеллирует к тому, что преодоление пандемии — ключевой вопрос для выживания корейской нации. В массовом сознании эта идея подкрепляется представлением о сохранившейся только на Севере «чистоте» корейской крови. Так защита от пандемии становится не только вопросом личного здоровья, но и священного долга перед страной, предками и потомками.

Эти соображения также отражаются в отказе от партии вакцины «Астра-Зенека» со ссылкой на возможные побочные эффекты и подозрения по поводу китайских препаратов [Cha]. К слову, Россия на политическом уровне предлагает здесь свои услуги [Россия готова], но внутренний дефицит вакцин и нежелание коммерческих компаний поставлять препараты безвозмездно препятствуют этому начинанию.

Кроме того, в северокорейской пропаганде закреплена конфуцианская по своей природе мысль [Асмолов, 2017, 27], что «сознательность» и идейная подготовка являются ключом к решению любых

---

¹ Под последними, скорее всего, подразумеваются агитационные материалы, периодически распространяемые южнокорейскими активистами при помощи воздушных шаров.

проблем. Поэтому (и не только из-за нехватки материальных ресурсов) северокорейский лидер, критикуя недостатки в борьбе с пандемией и другими бедами, традиционно напирал на необходимость совершенствовать кадровую работу. Иными словами, несмотря на её чрезвычайность, рецепт борьбы с ней в целом северокорейцам привычен. Это — «правильное» восприятие ситуации, единство мысли и действий, которое уже помогало власти и обществу выйти из более глубокого кризиса — экономических трудностей и голода 1990-х гг. Недаром руководство страны сегодня намеренно апеллирует именно к этому сюжету [Речь].

Северокорейские власти утверждают, что случаев инфекции в стране не зафиксировано (за исключением южнокорейского перебежчика, у которого летом 2020 г. якобы был выявлен коронавирус, хотя тут заболевание, скорее всего, имело политическую природу [КНДР заявила]). Можно относиться к сообщениям об абсолютной стерильности КНДР с той или иной степенью скептицизма, однако не приходится сомневаться, что значительных вспышек заболевания не было.

В Республике Корея события развивались в более традиционном ключе. Несмотря на высокую плотность населения в городах, после первых вспышек властям и обществу довольно быстро удалось выстроить систему, позволяющую эффективно контролировать распространение инфекции. У этой системы три столпа — массовое тестирование, слежение за заболевшими и нарушителями, а также многоступенчатый режим ограничений.

Массовое тестирование на первых порах стало главным рекламируемым южнокорейским ноу-хау. Мощная фармацевтическая промышленность позволила Республике Корея производить большое количество качественных тест-систем. На улицах и автодорогах были развёрнуты палатки, где может провериться любой желающий [Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021, 126]. Такие пункты действуют до сих пор и пользуются большим добровольным спросом. Расходы на лечение заболевших берёт на себя государство, оно также обеспечивает население масками и другими предметами необходимости.

Второй компонент южнокорейской системы борьбы с пандемией, как правило, афишируется меньше. Это — тщательное отслеживание всех инфицированных и контактировавших с ними по данным сотовой связи и геолокации, данным банковских карт и камер наблюдения [All About]. Так, южнокореец может получить на телефон сообщение, что в такое то время в таком то месте рядом с ним находился один из подтверждённых заболевших, поэтому следует пройти тест.

Так же отслеживается поведение и передвижение заболевших и отправленных в карантин граждан. Примечательно, что такая строгая система появилась в Южной Корее задолго до пандемии — как результат расширения полномочий Минздрава по итогам эпидемий атипичных пневмоний 2013 и 2015 гг. По современным масштабам вспышки были микроскопическими, но они вызвали в стране панику и стоили рейтинга тогдашнему президенту Пак Кынхе [Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021, 126—7].

Третий «секрет» южнокорейского успеха — четырёхуровневый порядок введения ограничений в городах. В зависимости от уровня заболеваемости власти запрещают те или иные мероприятия или действия или, наоборот, снимают запреты. Например, при заболеваемости по Сеулу 500—1000 человек в день объявляется третий уровень, на котором запрещено собираться от 5 человек и более для частных мероприятий, от 50 и более для публичных (за исключением вакцинированных лиц), рестораны работают только на вынос, общественные бани закрываются в 22:00 — и так далее по различным категориям заведений [Краткое описание]. Такая чёткая система позволяет гражданам и компаниям сферы обслуживания планировать свою жизнь и работу даже в пандемию. Ношение масок (в том числе на улице), поддержание 1,5-метровой дистанции и тому подобные «базовые» меры воспринимаются как само собой разумеющиеся и сохраняются в том числе на низшем, первом уровне. К слову, при посещении всех общественных заведений у гостей сканируют личный коар-код, что становится дополнительным средством отслеживания передвижений.

Южнокорейские власти довольно быстро приняли рекламировать свой успешный опыт, отдельно подчёркивая, что страна прошла пики заболеваемости без «антидемократических» локдаунов. В то же время такую тотальную слежку, постоянно осуществляемую в «фоновом режиме», трудно назвать атрибутом свободного общества. Надо сказать, что помимо высоких технологий для контроля используются и традиционные средства: приспустившему на улице маску сделают замечание (для этого даже готовы остановиться проезжающие водители), а о нарушителе того или иного правила тут же сообщат властям соседи. Интересно, что такая высокая сознательность действует только на родной «почве» — то ли из-за государственного контроля, то ли из-за повышенного беспокойства о судьбе именно родины, а не человечества. Например, по сообщениям сотрудников южнокорейских компаний в Москве, южнокорейские менеджеры-экспаты, даже заболев коронавирусом, нередко продолжают выходить на работу и общаться с коллегами и подчинёнными.

Южная Корея не уходила в полную изоляцию, как Северная, однако ввела свои достаточно жёсткие ограничения на сообщение с внешним миром. Было приостановлено действие большей части соглашений о безвизовом режиме¹, а все въезжающие обязаны пройти строгий двухнедельный карантин. Прибывающих иностранцев за свой счёт (примерно 1500 долл.) размещают в хорошем отеле, где им, однако, запрещено выходить даже в коридор. «Гостям» оставляют воду и еду под дверью, а мусор выносят в пакетах, маркированных как биологически опасные отходы. До заселения и в ходе карантина прибывших иностранцев тестируют, что, однако, никак не влияет на длительность «заточения». В карантин (бесплатный по месту жительства) отправляются и прибывающие извне южнокорейские граждане, в том числе вакцинированные, причём двухнедельный срок изоляции строго соблюдается. Учитывая действие этих мер, которые не планируется отменять в ближайшее время, довольно нелепо выглядит рекламная кампания туризма в Южной Корее, проводимая в российской прессе в честь года взаимных обменов [Журман].

Прививочная кампания в Республике Корея также проводилась по регламенту (по возрастным группам начиная от старших) и являлась обязательной, что не вызывает возражений в обществе (скорее, недовольство вызывают периодические задержки поставок [Cha, Shin]). Несмотря на сравнительно позднее начало прививочной кампании (конец февраля 2021 г.), к октябрю страна достигла целевого показателя вакцинации в 70 % (к декабрю показатель уже превысил 90 %). Южная Корея использует импортные прививки американского производства. В основном это препараты «Модерна» и «Файзер»; вакцина «Астра-Зенека» после сообщений о редких побочных явлениях менее популярна. При этом в стране по лицензии производятся и другие вакцины, которые не идут на внутренний рынок — «Спутник V» [Быстрее] (для ближневосточных потребителей), «Астра-Зенека» (в частности, для украинского рынка [На Украину]). В целом завершив вакцинацию населения, вдохновлённые успехом власти начали было снимать ограничения, однако с распространением новых, более заразных штаммов «дельта» и «омикрон» заболеваемость стала резко расти, и ограничения были возвращены.

---

¹ Здесь не обошлось без политики: Сеул постарался не раздражать своих наиболее значимых партнёров. Так, граница с Китаем не была закрыта даже в период первичного распространения инфекции оттуда, а соглашение с США о безвизовом режиме так и не было заморожено (хотя даже с Канадой — было).

Подводя итог, можно сказать, что и в Северной, и в Южной Корее решающим фактором стала высокая сознательность и дисциплинированность корейцев, готовых строго выполнять медицинские рекомендации и жертвовать частью личного комфорта ради общего благополучия. В обоих случаях эффективность ответа была обеспечена не только продуманностью и чёткостью принятых властью мер, но и готовностью населения их добросовестно выполнять. Эта главная «военная тайна» чрезвычайно проста и при этом совершенно немыслима для современной России или стран Запада, где граждане, кажется, больше боятся не смертельной болезни, унесшей жизни почти 4,5 млн человек, а мер по борьбе с ней.

Сразу после начала пандемии начали распространяться конспирологические версии об искусственном происхождении коронавируса, «доказательством» для некоторых версий служит якобы более высокая устойчивость азиатов к болезни. Нередко в подобном ключе приводятся и данные по Корее. На вопрос об истоках пандемии должны отвечать биологи, а не гуманитарии. Тем не менее, любой востоковед может подтвердить, что низкие темпы распространения инфекции¹ — следствие не некоего «расового» иммунитета, а цивилизационных особенностей. В КНДР и Республике Корея способность поддерживать высокий уровень дисциплины в течение длительного времени, готовность жертвовать личными интересами во благо коллектива, а также прочность горизонтальных связей стали надёжной опорой для эффективных действий власти, и такая синергия позволяет Северу и Югу держать темпы распространения инфекции под контролем.

Библиографический список

Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 704 с.

Быстрее, больше, безопасней: как в Южной Корее производят «Спутник V» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210506/vaktsina-1731257686.html> (дата обращения: 31.07.2021).

Дьячков И.В. Корейский полуостров в 2020 г.: коронавирус и политика. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-v-2020-godu-koronavirus-i-politika/> (дата обращения: 30.07.2021).

---

¹ Увы, с распространением более заразного штамма «дельта» летом 2021 г. заболеваемость выросла и в Южной Корее.

Журман О. Для россиян все дешевле. Республика Корея приглашает туристов из России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/reg-dfo/respublika-koreia-priglashaet-turistov-iz-rossii.html> (дата обращения: 31.07.2021).

КНДР заявила, что перебежчик с Юга принес первый случай Covid-19. У него не было вируса, говорят в Сеуле // Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53553239> (дата обращения: 31.07.2021).

Кори туги чхеге кэё [Краткое описание системы дистанцирования] // Официальный южнокорейский портал о КОВИД-19. URL: <http://ncov.mohw.go.kr/socdisBoardView.do?brdId=6&brdGubun=1> (дата обращения: 31.07.2021). (На кор.)

На Украину доставили более 360 тыс. доз корейской версии AstraZeneca // Раша тудэй. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/855838-ukraina-koreiskaya-astra-zeneca> (дата обращения: 31.07.2021).

Писанпанёкчоньль тоук кандонопхи. Чонёмпёнчонпхасатхээ симгаксоньль чансикхаго каксонхаго то ханда [Интенсивней вести борьбу с эпидемией в чрезвычайных условиях! Необходимо снова и снова отказываться от иллюзий, вновь осознав серьёзный характер ситуации с распространением инфекции] // Нодон синмун. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2021-05-06-0017 (дата обращения: 30.07.2021). (На кор.)

Посол России в КНДР: мы привыкли к новым условиям жизни в Пхеньяне // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/interview/749660> (дата обращения: 30.07.2021).

Посол РФ в КНДР: российских дипломатов не страшат тяготы коронавирусной блокады // ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/11146461> (дата обращения: 30.07.2021).

Речь уважаемого товарища Ким Чен Ына при закрытии VI слета секретарей ячеек ТПК. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?type=cforev&stype=2&ctype=3&page=1&lang=rus&mtype=view&no=33951> (дата обращения: 30.07.2021).

Российские дипломаты выехали из КНДР на самодельной дрезине. // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/02/25/rossijskie-diplomaty-vyehali-iz-kndr-na-samodelnoj-drezine.html> (дата обращения: 30.07.2021).

Россия готова поставлять вакцины и медоборудование в КНДР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210707/kndr-1740195073.html> (дата обращения: 30.07.2021).

Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008—2020 гг.) / А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков. М.: Просвещение, 2021. 448 с.

All About Korea's Response to COVID-19. Government of the Republic of Korea. Seoul : Ministry of Foreign Affairs, 2020. 239 p.

Cha Sangmi, Shin Hyonhee. S.Korea COVID-19 vaccine rollout grinds to halt as new cases hit record high // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skorea-reports-new-coronavirus-cases-top-1000-7th-straight-day-2021-07-13/> (дата обращения: 31.07.2021).

Cha Sangmi. N.Korea rejected AstraZeneca's COVID-19 vaccine over side effects, says think-tank // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/nkorea-rejected-astrazenecas-covid-19-vaccine-over-side-effects-says-think-tank-2021-07-09/> (дата обращения: 30.07.2021).

Чосоннодондан чунанвивонхве че8ки че2ча чончхигук хвактэхвеи кванхан подо [Сообщение о 2-м расширенном заседании Политбюро ЦК ТПК 8-го созыва] // *Uriminzokkiri*. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=crevo4&stype=4&ctype=0&mtype=view&no=7590> (дата обращения: 30.07.2021). (На кор.)

References

All About Korea's Response to COVID-19. Government of the Republic of Korea. Seoul : Ministry of Foreign Affairs, 2020. 239 p.

Asmolv K.V. (2017). *Korejskaya politicheskaya kul'tura: Tradicii i transformaciya* [Korean Political Culture: Traditions and Transformation]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke. 704 p.

Bisangbanyeokjeoneul deouk gangdonopi. Jeonyeombeongjeonpasataeui simgakseongeul jaesinhago gakseonghago tto gakseonghaeya handa [Let us intensify the battle against the epidemic! We must once again realize the seriousness of the situation with spreading infection and lose all illusions]. *Rodong Sinmun*. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2021-05-06-0017 (accessed: 30.07.2021). (In Korean)

By'stree, bol'she, bezopasnej: kak v Yuzhnoj Koree proizvodyat "Sputnik V" [Faster, more, safe: how South Korea Produces Sputnik-V Vaccines]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20210506/vaktsina-1731257686.html> (accessed: 31.07.2021). (In Russian)

Cha Sangmi, Shin Hyonhee. S.Korea COVID-19 vaccine rollout grinds to halt as new cases hit record high. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skorea-reports-new-coronavirus-cases-top-1000-7th-straight-day-2021-07-13/> (accessed: 31.07.2021).

Cha Sangmi. N.Korea rejected AstraZeneca's COVID-19 vaccine over side effects, says think-tank. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/nkorea-rejected-astrazenecas-covid-19-vaccine-over-side-effects-says-think-tank-2021-07-09/> (accessed: 30.07.2021).

D'yachkov I.V. Korejskij poluostrov v 2020 godu: koronavirus i politika [Korean Peninsula in 2020: coronavirus and politics]. *MGIMO*. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-v-2020-godu-koronavirus-i-politika/> (accessed: 30.07.2021). (In Russian)

Joseonrodongdang jungangwiwonhoe je8gi je2cha jeongchiguk hwakdaehoeuie gwanhan bodo [Report on Enlarged Meeting of 2nd Political Bureau of 8th C.C., WPK]. *Uriminzokkiri*. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=crevo4&stype=4&ctype=0&mtype=view&no=7590> (accessed: 30.07.2021) (In Korean)

KNDR zayavila, chto perebezchik s Yuga prines pervyj sluchaj Covid-19. U nego ne by'lo virusa, govoryat v Seule [DPRK claims that South Korean defector brought first case of COVID. He wasn't infected, says Seoul]. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53553239> (accessed: 31.07.2021).

Kori tugi chaegae kaeyo [Distancing System Overview]. Official South Korean website on COVID-19 regulations. URL: <http://ncov.mohw.go.kr/socdisBoardView.do?brdId=6&brdGubun=1> (date of access: 31.07.2021). (In Korean)

Na Ukrainu dostavili bolee 360 ty'syach doz korejskoj versii AstraZeneca [Ukraine got more than 360 thousand doses of South Korean AstraZeneca]. *Russia Today*. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/855838-ukraina-koreiskaya-astrazeneca> (accessed: 31.07.2021). (In Russian)

Posol RF v KNDR: rossijskix diplomatov ne strashat tyagoty' koronavirusnoj blokady' [Russian Ambassador in DPRK: our diplomats are not afraid of quarantine measures]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/interviews/11146461> (accessed: 30.07.2021). (In Russian)

Posol Rossii v KNDR: my' privy'kli k novy'm usloviyam zhizni v Pxen'yane [Russian Ambassador in the DPRK: we are used to new life conditions in Pyongyang]. *Interfax*. URL: <https://www.interfax.ru/interview/749660> (accessed: 30.07.2021). (In Russian)

Rech' uvazhaemogo tovarishha Kim Chen Y'na pri zakry'tii VI sleta sekretarej yacheek TPK [Kim Jong-un's Speech during the closing ceremony of Party meeting]. *Uriminzokkiri*. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cforev&stype=2&ctype=3&page=1&lang=rus&mtype=view&no=33951> (accessed: 30.07.2021).

Rossijskie diplomaty' vy'exali iz KNDR na samodel'noj drezine [Russian diplomats left the DPRK on a self-made railcar]. *Rossijskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2021/02/25/rossijskie-diplomaty-vyehali-iz-kndr-na-samodelnoj-drezine.html> (accessed: 30.07.2021). (In Russian)

Rossiya gotova postavlyat' vakciny' i medoborudovanie v KNDR [Russia is ready to provide the DPRK with vaccines and medical technics]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20210707/kndr-1740195073.html> (date of access: 30.07.2021). (In Russian)

Sovremennaya Koreya: metamorfozy' turbulentny'x let (2008—2020 gg.) [Modern Korea: Metamorphosis of turbulent history] / A.V.Torkunov, G.D.Toloraya, I.V.D'yachkov. Moskva: Prosveshhenie, 2021. 448 p. (In Russian)

Zhurman O. Dlya rossiyan vse deshevle. Respublika Koreya priglashaet turistov iz Rossii [Everything is cheaper for Russians. ROK invites Russian tourists]. *Rossijskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/reg-dfo/respublika-koreia-priglashaet-turistov-iz-rossii.html> (accessed: 31.07.2021).

А.С. Старшинов

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация. Рассмотрено влияние пандемии коронавируса на положение христианства в Республике Корея. Проведен сравнительный анализ реакций протестантских и католических церквей (основных направлений христианства в этой стране) на вызовы пандемии, и выделены долгосрочные изменения в религиозном ландшафте страны, к которым может привести COVID-19. Рассмотрены статистика, медиаресурсы и политические заявления властей, направленные на оценку тех или иных церковных институций. Пандемия COVID-19 в целом оказала негативное влияние как на корейский католицизм, так и на протестантизм (приведя, например, к общему уменьшению количества прихожан), но степень её влияния была неравномерной. Так, в случае церквей протестантских деноминаций ущерб оказался гораздо сильнее — на них пришлось большое количество случаев кластерных заражений коронавирусом, и уровень доверия к ним в корейском обществе сильно упал. Это продиктовано совокупностью факторов: децентрализованностью протестантских церквей, экономическими особенностями их функционирования, реакцией СМИ и государства на ряд кластерных заражений. Католическая же церковь ввиду более жесткой и централизованной структуры и более гибкой политики в отношении богослужений практически избежала кластерных заражений и демонстрирует гораздо больший потенциал для восстановления после пандемии. Несмотря на то, что долгосрочный тренд на уменьшение популярности также присутствует в случае католической церкви, уровень доверия корейского общества к ней остался на высоком уровне.

Ключевые слова: COVID-19, протестантизм, католицизм, Республика Корея, Синчхончжи.

Автор: Старшинов Александр Сергеевич, магистрант, НИУ ВШЭ. E-mail: alex.starshinov@gmail.com

Starshinov A.S.

Impact of COVID-19 Pandemic on Christianity in the Republic of Korea

Abstract. The article examines the impact of COVID-19 pandemic on Christianity in the Republic of Korea. This paper compares reactions of Protestant and Catholic churches (as the main forms of Christianity in this country) to the challenges of the pandemic and highlights the possible long-term changes in the country's religious landscape that can be caused by COVID-19. The article uses statistics, media resources and political statements by the authorities aimed at assessing religious institutions. In general, though COVID-19 pandemic had a negative impact on both Korean Catholicism and Protestantism (leading, for example, to an overall decrease in the number of active believers), the degree of such impact was uneven. In case of Protestant churches, the damage was much stronger — they accounted for a large number of cluster infection cases, and the level of trust in them has fallen dramatically in the South Korean society. This is determined by a combination of factors: decentralized nature of Protestant churches, economic factors, the reaction of the media and the state to a number of cluster infection cases in these churches. On the other hand, South Korean Catholicism, due to tighter and more centralized structure and more flexible policy in relation to worship, practically avoided cluster infections and demonstrates much greater potential for recovery after the pandemic. Despite the fact that the long-term trend of its decreasing popularity is also present, the level of trust of the Korean society in Catholicism remained at a high level.

Keywords: COVID-19, Protestantism, Catholicism, Republic of Korea, Shincheonji.

Author: Alexander S. STARSHINOV, master's program student, HSE University (e-mail: alex.starshinov@gmail.com).

Пандемия коронавирусной инфекции оказала большое влияние на сферу религии по всему миру, и религиозный ландшафт Республики Корея не стал исключением, также подвергшись изменениям. В контексте пандемии одной из самых важных проблем для религиозных институтов является возможность осуществления религиозных практик в период распространения коронавирусной инфекции, и в данном контексте основным вопросом является не столько коронавирусная инфекция сама по себе, сколько политика правительства в этой сфере, что неизбежно приводит к большему взаимодействию с

государством. Перед лицом таких кризисных ситуаций особенную важность имеет и характер публичного взаимодействия с другими общественными институтами и обществом в целом, так это напрямую отражается на имидже и престиже религии.

Христианство является самой популярной религией в Республике Корея и на протяжении долгого времени имело (и частично продолжает иметь) высокое социальное и политическое значение для корейского общества. Основными ветвями христианства, представленными в Республике Корея, согласно последним официальным данным Министерства статистики за 2015 г., являются протестантизм (19,7 % населения) и католицизм (7,9 %) [2015 Ингу чутхэкчхон часа, с. 17], хотя некоторые исследователи скептически относятся к маркировке некоторых церквей как протестантских, предпочитая называть их «сектами» или «новыми религиозными движениями» [Kim, David W. & Bang, Won-il, 2019]. Тем не менее, и в статистических данных, и в публичном дискурсе доминирующим является именно разделение на протестантство и католичество. Несмотря на то, что православие также представлено в религиозном ландшафте Республики Корея, количество православных прихожан крайне низко, и оно не оказывает сколько-либо значительного влияния на религиозную сферу страны.

Вскоре после начала пандемии правительство Республики Корея ввело четырехступенчатую систему социального дистанцирования, которая в зависимости от ступени ограничивает максимальную заполняемость помещений, запрещает собрания свыше определенного количества человек и устанавливает временной лимит на работу предприятий. Эти меры напрямую повлияли на корейское христианство, и оно было вынуждено реагировать на вызовы COVID-19, как осмысляя сам феномен пандемии, так и взаимодействуя с государством и обществом в публичном поле. Тем не менее, несмотря на то, что в общем и целом в сложном положении оказались все религиозные конфессии РК, степень негативного влияния коронавируса на христианство сильно варьируется в зависимости от конгрегации.

Если говорить о более популярном в корейском обществе протестантизме, то следует отметить, что он исторически имеет намного более сегментированную структуру и состоит из множества отдельных организаций, размер которых варьируется от так называемых мегацерквей до маленьких церквей (менее 100 прихожан). Соответственно, по этой причине трудно говорить о каких-либо скоординированных действиях по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, так как они во многом зависят от конкретной церкви либо церковных объединений.

Хронологически первый случай массового заражения коронавирусной инфекцией связан с протестантской мегацерковью Синчхончжи (конец февраля 2020 г.). И хотя, как отмечает К.В. Асмолов [Асмолов, 2020, с. 44], Синчхончжи — это «довольно типичная для Южной Кореи протестантская секта, являющаяся христианской только по названию», в общественном дискурсе такого рода секты ассоциируются именно с протестантизмом, а потому напрямую влияют на общее восприятие этого течения христианства.

Если ретроспективно проследить развитие кластера коронавирусной инфекции в Синчхончжи, то важно отметить, что на момент заражения «пациента 31» антиковидная политика еще не была настолько жесткой, к примеру, все еще разрешались богослужения в церкви. Таким образом, на момент этого кластерного заражения политика Республики Корея в сфере борьбы с коронавирусом еще находилась в процессе формирования, и кейс Синчхончжи как раз стал тем, что в полной мере сформирует такую политику государства. Несмотря на это, после возникновения очага инфекции в этой церкви правительство заявило, что церковь Синчхончжи препятствовала усилиям по сдерживанию распространения COVID-19, и начало уголовное расследование в отношении церкви и ее лидера, Ли Манхи, который был взят под стражу (во многом из-за общественного запроса на это), однако впоследствии был оправдан по статьям, связанным с неподчинением мерам, направленным против распространения коронавирусной инфекции. При этом важно понимать, что политический аспект «протеста против антиковидных мер» в случае Синчхончжи отсутствовал (организация, например, приостановила все богослужения после случая массового заражения) и был, по сути, искусственно раскручен правительством Республики Корея и медиа. Показательно и то, что министр юстиций Республики Корея Чху Миэ одобрила обыски и изъятие документов из церкви, при этом сославшись на опрос общественного мнения — несмотря на то, что для таких действий не было достаточно юридических оснований [South Korea authorizes raid of Shincheonji...]. Одним из возможных объяснений этого может быть факт политизации пандемии, на который указывает К.В. Асмолов [Асмолов, 2020, с. 49] — для правительства Республики Корея неудачи и успехи в борьбе с коронавирусной инфекцией были вопросом легитимности, потому жесткий ответ государства на вспышку заражения в Синчхончжи скорее следовал логике поиска «козла отпущения».

Кейс церкви Саран Чеиль стал вторым наиболее известным случаем массового распространения коронавирусной инфекции (август 2020 г.). Он также случился в протестантской конгрегации, однако су-

ественно отличался от кейса Синчхончжи. Случай Саран Чеиль имел ярко выраженный политический аспект и случился уже после того, как были ужесточены меры социального дистанцирования. Её лидер, Чон Гванхун, был известен как критик Мун Чжэина с самого начала его президентства. Соответственно, его неприятие антиковидных мер и продолжение богослужений, которое по словам медиа «спровоцировало вторую волну [массового] заражения коронавирусом», имело (и продолжает иметь) политический аспект. После случившегося массового заражения в церкви именно Чон Гванхун организовал антиправительственный митинг в августе 2020 г., им же был организован новый митинг в августе 2021 г., хотя сам пастор там не присутствовал. При том интересно отметить, что в случае Чон Гванхуна характерно противостояние с местными властями вне зависимости от их политической принадлежности — и предыдущий прогрессивный мэр Сеула Пак Вонсун, и текущий консервативный мэр О Сехун одинаково конфликтовали с ним — что дополнительно указывает на его политическую маргинальность.

Общим для этих двух кейсов было то, что они оба крайне активно освещались медиа (как корейскими, так и зарубежными), что оказало сильное влияние на публичное отношение к протестантизму в принципе. Тем не менее, мнение, что именно протестантские церкви ответственны за распространение коронавируса, частично имеет под собой и реальную почву — согласно статистике, подавляющее количество кластерных заражений возникло именно в протестантских деноминациях с общим количеством зараженных около 8 тыс. человек (включая кейс Синчхончжи) [Хангук кёхвева кхорона 19 чиптан камьён, с. 8]. Более того, анализ, который провели Ли Сэхван и О Сель, говорит о том, что эти кластерные заражения по большей части возникали именно в маленьких церквях (менее 100 прихожан) [Lee, Oh, 2021]. Негативное отношение общества могло быть также усилено публичной позицией, которую озвучивают некоторые протестантские пасторы — к примеру, часть церквей пыталась подать в суд на правительство Республики Корея за «ограничение религиозных свобод» [Посукёхве 497 кот «Тэмён ебэ хоён ёнгу»...].

Существует несколько причин, почему протестанты более скептически относятся к соблюдению карантинных мер, введенных государством. Помимо институциональных (протестантизм не централизован) и психологических причин (некоторые пасторы и прихожане считают онлайн-богослужения «ненастоящими»), существует и важное экономическое измерение этой проблемы, так как подавляющее количество протестантских церквей (в особенности маленьких) живет

за счет пожертвований, которые было бы невозможно собрать онлайн. Как отмечает Ким Чжинхо, ситуация коронавирусных ограничений «создаёт экономические трудности для [маленьких] церквей, что заставляет их яростно сопротивляться рекомендациям правительства» [The Volatile Mix Of A South Korean Church, Politics...]. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев явный политический аспект несоблюдения антиковидных мер отсутствовал

Вместе с этим следует отметить, что децентрализованность протестантизма дала и примеры церквей, которые максимально серьезно отнеслись к соблюдению мер против коронавирусной инфекции. Так, к примеру, Собрание протестантских церквей (которое считается политически прогрессивным) напротив, перевело все богослужения в формат онлайн даже на момент послабления мер и выпустило заявление, приносящее извинения за то, что другие протестантские церкви «поставили все общество в серьезную опасность» [NССК «Кхорона чэхваксан чунсима кёхве иссо чхамдам...»].

В общем и целом, корейский протестантизм действительно не смог последовательно отреагировать на вызовы пандемии, в результате чего в общественном сознании его имидж стал ассоциироваться с ковид-диссидентством и неподчинением мерам, направленным на борьбу с COVID-19. Так, согласно недавним опросам общественного мнения, корейцы стали гораздо более подозрительно относиться к протестантизму в целом — например, 82-й доклад Министерства информации РК отмечает, что за последний год уровень доверия к протестантизму в целом упал с 32 до 21 % [Че 82 хо. Кидоккё тхонге, с. 3]. Он же указывает на то, что уровень доверия к протестантизму среди непротестантов составил всего лишь 9 % [Там же].

Если же говорить о корейском католицизме, следует отметить, что он обладает рядом отличительных особенностей, главной из которых является его институциональная централизованность (он управляется Конференцией католических епископов Кореи). Из-за этого католические церкви продемонстрировали более гибкую и скоординированную политику в отношении предотвращения распространения коронавирусной инфекции, полностью перенеся все богослужения в онлайн-формат после кейса Синчхончжи, как того требовало правительство Республики Корея [Catholic Church in Korea Responding to the COVID-19 Pandemic], и уделяя повышенное внимание социальному дистанцированию, ношению масок и другими мерам профилактики COVID-19, когда запрет на богослужения в храмах был ослаблен. Благодаря этому количество кластерных заражений в католических церквях было сведено к минимуму, и, согласно анализу Корейского като-

лического института общественных проблем, составило всего 2 случая (общее количество зараженных — 19 человек) [Хангук кёхвева кхорона 19 чиптан камъён, с. 8]. Соответственно, внимание медиа не было приковано к католицизму, а если и было, то в положительном ключе, в особенности при сопоставлении с протестантизмом.

Благодаря этому католическая церковь демонстрирует гораздо больший потенциал для возможного восстановления после пандемии коронавируса, так как, согласно опросам, её имидж не понес сильных репутационных потерь, и католицизм (наряду с буддизмом) все еще остается религией, которой больше всего доверяют корейцы [Хёнсиле камгаге мунчже?]. Несмотря на то, что долгосрочный тренд на уменьшение популярности также присутствует в случае католической церкви, негативное влияние непосредственно пандемии наблюдается гораздо меньше, чем в случае протестантизма.

О неравномерной потере популярности католицизма и протестантизма косвенно свидетельствуют и опросы общественного мнения — если сравнить опросы за 2014 и 2021 гг., проводимые Gallup Korea, то за данный период количество протестантов уменьшилось на 4 %, католиков — на 1 % [Хангугине чонгё 1984—2021 (1) Чонгё хёнхван].

Таким образом, хотя пандемия COVID-19 в целом оказала негативное влияние как на корейский католицизм, так и на протестантизм (приведя, например, как к общему уменьшению количества прихожан, так и к дополнительным сложностям при взаимодействии с паствой), степень её влияния была неравномерной. Так в случае церквей протестантских деноминаций ущерб оказался сильнее, что продиктовано совокупностью факторов: структурными особенностями протестантизма (в первую очередь, его децентрализованностью), экономикой таких церквей, реакцией СМИ на ряд кейсов касательно возникновения очагов заражения COVID-19. Стоит отметить и то, что правительство Республики Корея также использовало кейс Синчхончжи в политических целях, хотя в большинстве случаев несоблюдение антиковидных мер в церквях протестантских деноминаций не носило прямого политического характера. Одним из немногих исключений здесь стал только кейс Саран Чеиль, что во многом обусловлено одиозностью личности Чон Гванхуна.

Католическая же церковь ввиду практически полного отсутствия массовых случаев заражения (что произошло благодаря более жесткой и централизованной структуре и более гибкой политике в отношении богослужений), демонстрирует гораздо больший потенциал для восстановления после пандемии. Несмотря на то, что долгосроч-

ный тренд на уменьшение популярности также присутствует в случае католической церкви, для неё долгосрочный ущерб от пандемии, вероятно, будет гораздо меньше, чем в случае протестантизма.

Библиографический список

2015 Ингу чутхэкчхон часа : [Перепись населения и жилого фонда за 2015 г.] (На кор.).

НССК «Кхорона чэхваксан чунсима кёхве иссо чхамдам... Кипхын сачжве» : [НССК: «[Протестантская] церковь находится в центре повторного распространения коронавируса, и это катастрофа ... [Мы приносим] глубокие извинения»] // Yonhap. 17.08.2020. URL: <https://bit.ly/32nbXtm> (дата обращения: 12.11.2021) (На кор.).

Асмолов К.В. Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 40—52.

Посукёхве 497 кот «Тэмён ебэ хоён ёнгу» тэмён чипхве ёнда : [497 консервативных церквей проводят офлайн-конференцию, где «требуют разрешить богослужение лицом к лицу»] // Hankyoreh. 06.01.2021. URL: <https://bit.ly/3FiiVP8> (дата обращения: 12.11.2021) (На кор.).

Хангугине чонгё 1984—2021 (1) Чонгё хёнхван : [Религиозная принадлежность корейцев 1984—2021 (1) Текущая ситуация] // Gallup. 07.04.2021. URL: <https://bit.ly/3FfE10A> (дата обращения: 13.11.2021) (На кор.).

Хангук кёхвева кхорона 19 чиптан камьён : [Корейские церкви и кластерные заражения коронавирусной инфекцией] // Christian Institute for the Study of Justice and Development. URL: <https://bit.ly/3N0cHE2> (дата обращения: 12.11.2021) (на кор.).

Хёнсиль камгаге мундже? : [Проблема с восприятием реальности?] // News'n'Joy. 01.09.2020. URL: <https://bit.ly/3EcxRNf> (дата обращения: 15.11.2021) (На кор.).

Че 82 хо. Кидоккё тхонге : [Выпуск 82. Статистика по протестантизму] // Numbers. 29.01.2021. URL: <https://bit.ly/327qVpb> (дата обращения: 12.11.2021) (На кор.).

Catholic Church in Korea Responding to the COVID-19 Pandemic // Catholic Bishops' Conference of Korea. 12.08.2020. URL: <https://bit.ly/3J05gOO> (дата обращения: 12.11.2021).

Kim, David W. & Won-il Bang. Guwonpa, WMSCOG, and Shincheonji: Three Dynamic Grassroots Groups in Contemporary Korean Christian NRM History // Religions. Vol. 10. No. 3. 212. P. 1—18.

Lee, Saehwan & Oh Seil. Religion and Public Conflict in the Post-COVID Era: The Case of Protestant Churches in South Korea // Religions. Vol. 12. No. 10. 851. P. 1—18.

South Korea authorizes raid of Shincheonji amid COVID-19 outbreak. UPI. 04.03.2020. URL: <https://bit.ly/3yVuvNO> (дата обращения: 14.11.2021).

The Volatile Mix Of A South Korean Church, Politics And The Coronavirus // NPR. 15.09.2020. URL: <https://n.pr/3spADfU> (дата обращения: 12.11.2021).

References

- 2015 Ingu jutaekchong josa [2015 Population and Housing Census] (In Korean)
- Asmolv K.V. (2020). Politika gosudarstv Koreyskogo poluostrava v oblasti bor'by s korona-virusom [COVID-19 Policies of North and South Korea]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, No. 3: 40—52.
- Bosugyohoe 497 got 'Daemyeonyebae heoyong yogu' daemyeon jiphoe yeonda [497 conservative churches hold an offline conference, where they 'demand to allow face-to-face worship']. *Hankyoreh*. 06.01.2021. URL: <https://bit.ly/3FiiVP8> (accessed: 12.11.2021) (In Korean).
- Catholic Church in Korea Responding to the COVID-19 Pandemic. Catholic Bishops' Conference of Korea. 12.08.2020. URL: <https://bit.ly/3J05gOO> (accessed: 12.11.2021) .
- Hanguginui jonggyo 1984—2021 (1) Jonggyo hyeonhwang [Religious Affiliation of Koreans 1984—2021 (1) Current Situation]. Gallup. 07.04.2021. URL: <https://bit.ly/3Ffe10A> (accessed: 13.11.2021) (In Korean).
- Hanguk gyohoewa korona 19 jipdangamnyeom [Korean churches and cluster infections]. *Christian Institute for the Study of Justice and Development*. URL: <https://bit.ly/3H0cHE2> (accessed: 12.11.2021) (In Korean).
- Hyeonsil gamgage munje? [Problem with the perception of reality?]. *News'n'Joy*. 01.09.2020. URL: <https://bit.ly/3EcxRNf> (accessed: 15.11.2021) (In Korean).
- Je 82 ho gidokgyo tonggye [Issue 82. Statistics on Protestantism]. *Numbers*. 29.01.2021. URL: <https://bit.ly/327qBpb> (accessed: 12.11.2021) (In Korean).
- Kim, David W. & Bang Won-il. (2019). Guwonpa, WMSCOG, and Shincheonji: Three Dynamic Grassroots Groups in Contemporary Korean Christian NRM History. *Religions* 10, No. 3, 212: 1—18.
- Lee, Saehwan & Oh Seil. (2021). Religion and Public Conflict in the Post-COVID Era: The Case of Protestant Churches in South Korea, *Religions* 12, No. 10, 851: 1—18.
- NCKK “Korona jaehwaksan jungsime gyohoe isseo chamdam... Gipeun sajoe” [NCKK ‘[Protestant] church is at the center of the re-spread of the COVID-19, this is a disaster... [We offer] deep apologies]. *Yonhap*. 17.08.2020. URL: <https://bit.ly/32nbXtm> (accessed: 12.11.2021) (In Korean).
- South Korea authorizes raid of Shincheonji amid COVID-19 outbreak. *UPI*. 04.03.2020. URL: <https://bit.ly/3yVuvNO> (accessed: 14.11.2021).
- The Volatile Mix Of A South Korean Church, Politics And The Coronavirus. *NPR*. 15.09.2020. URL: <https://n.pr/3spADfU> (accessed: 12.11.2021).

Д.Е. Шкатов

СИСТЕМА ПРОПАГАНДЫ КНДР В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. Дан анализ системы органов пропаганды КНДР, а также пропагандистской деятельности КНДР в Интернете и внутри страны в 2020—2021 гг. В северокорейской пропаганде можно выделить два четких трека — внутренний и внешний, которые при этом взаимосвязаны и влияют друг на друга. На внешнем треке пропаганды появились новые форматы работы с иностранной аудиторией, которые показали свою относительную эффективность. При этом полностью отойти от предыдущих методик северокорейским информработникам не удалось. На внутреннем фронте главной задачей было объяснение трудностей, связанных с полным закрытием границ на фоне распространения коронавируса. Параллельно с этим прослеживается тренд на завершение институционального и идеологического оформления единоличной власти генерального секретаря Центрального комитета Трудовой партии Кореи, председателя Государственного совета КНДР Ким Чен Ына на фоне 10-летнего юбилея начала его правления. В частности, это выражается появлением понятия «кимченызм», которое может дополнить или заменить «кимирсенизм-кимчениризм».

Ключевые слова: КНДР, пропаганда, идеология, Ким Чен Ын, коронавирус, Ютьюб, кимченызм.

Автор: Шкатов Данил Евгеньевич, лаборант-исследователь Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН, магистрант МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: shkatov_d_e@my.mgimo.ru

Shkatov D.E.

The DPRK propaganda system during the age of coronavirus

Abstract. The article analyzes the system of the DPRK propaganda bodies, as well as the DPRK's propaganda activities on the Internet and within the country in 2020—21. Two distinct tracks can be seen in North Korean propaganda — internal and external ones. They are interconnected and influence each other. New formats of work with a foreign audience have appeared on the external propaganda track and have shown their relative effectiveness. At the same time, the North Korean media workers did not succeed in completely deviating from the previous methods. On the internal track, the main challenge was to explain the difficulties of complete self-blockade amid the spread of the coronavirus. At the same time, there is a trend towards the completion of the institutional and ideological formation of the one-man rule of the General Secretary of the Central Committee of the Worker's Party of Korea, the Chairman of the State Council of the DPRK, Kim Jong-Un, amid the 10th anniversary of the beginning of his rule. In particular, this is expressed by the emergence of the concept of «Kimjongunism», which can supplement or replace «Kimilsungism-Kimjongilism».

Keywords: DPRK, propaganda, ideology, Kim Jong-Un, coronavirus, YouTube, kimjongunism.

Author: Danil E. SHKATOV, Assistant Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and contemporary Asia, RAS; undergraduate student, MGIMO-University. ORCID: 0000-0001-6690-018 (e-mail: shkatov_d_e@my.mgimo.ru).

Пандемия коронавируса не только вынудила КНДР закрыть границы и ввести ряд ограничительных мер внутри страны, но и поставила новые задачи, стоящие перед системой государственной пропаганды. Целью данной работы является рассмотрение двух треков северокорейской информационной политики — внешнего и внутреннего, а также попытка проследить, насколько эти нарративы пересекаются и/или дополняются друг другом.

Гипотеза заключается в следующем: в то время как на внешнем треке северокорейской пропаганды видны новые форматы и подходы как к форме, так и к содержанию, на внутреннем направлении методы работы остаются прежними, при этом интенсивность пропаганды усиливается. При этом оба этих направления не существуют независимо, а влияют друг на друга.

Организационная структура северокорейской системы пропаганды выглядит следующим образом. Центральным органом, отвечающим за индоктринацию, является Отдел пропаганды и агитации Цен-

трального комитета Трудовой партии Кореи, который работает в тесной связи с Отделом организационной и руководящей работы. Каждая ячейка партии на уровне провинции, города и уезда тоже имеет свои отделы пропаганды. Кроме того, в ведении Отдела пропаганды и агитации находятся Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), Центральный комитет телевидения Кореи (ЦКТК), издательство ТПК, такие крупные газеты, как «Нодон синмун» и «Минчжу Чосон», основные художественные объединения КНДР [Сончжонсондоньбу ...].

Что касается организационной структуры пропаганды для внешней аудитории, то она выглядит следующим образом. Во-первых, главным органом на этом направлении является ЦТАК. Кроме непосредственно своей деятельности, ЦТАК управляет фирмой «Сонгван», которая, по сведениям портала «Эн-кей ньюс», управляет северокорейскими Интернет-каналами в соцсетях. Существуют и другие официальные сайты, которые не аффилированы с ЦТАК. Это официальный сайт правительства КНДР «Нэнара», сайт Комитета за мирное объединение Родины «Ури минчжоккири», радиостанция и интернет-сайт «Голос Кореи», портал «Корея сегодня», портал «Ариран меари», принадлежащий ассоциации «Ариран». Свой сайт и версию на английском языке имеет и газета «Нодон синмун».

Северокорейская информационная политика, ориентированная на зарубежную аудиторию, подверглась заметным изменениям в 2020 г. Знаковой стала попытка информационных ведомств из КНДР освоить нетрадиционный для них формат работы — использование социальных сетей, а именно «Youtube», «Instagram»¹ и их китайских аналогов. Информагентства КНДР и ранее действовали в Интернете. Подобные попытки выйти на платформы популярных социальных сетей предпринимались и раньше, но тогда это было слепым копированием материалов, которые были созданы для внутренней аудитории. Примером может служить ставший известным канал «Эхо правды» («Echo of Truth», до лета 2020 г. названия менялись). До рубежа 2019—2020 гг. там размещались вырезки из северокорейских новостей и телеуров мемуаров Ким Ир Сена.

Изменения выражаются в следующем. Во-первых, в КНДР попытались перенять мировые практики создания контента для соцсетей. Вместо цитирования ЦКТК или ЦТАК северокорейские авторы стали использовать такие форматы, как, например, видеоблог. Так, на канале «Эхо правды» публиковали видеодневник девушки по имени Ына,

¹ Соцсеть принадлежит Meta, признанной в России экстремистской организацией

от лица которой рассказывалось о повседневной жизни корейцев, ассортименте магазинов, у прохожих (скорее всего, актеров) спрашивали, как они переносят ограничительные меры. В аналогичном формате создавались видео и на русском языке, сделанные от лица девушки по имени Чинхи. Такой более личный и «человечный» подход сразу нашёл отклик — на сентябрь 2020 г. (перед блокировкой канала) общее число просмотров достигло 1,7 млн, средний показатель для видео составил 30 000. Это небольшой показатель по меркам «Youtube», но даже это было большим успехом для северокорейского контента. Ориентированный на китайские соцсети канал «Нью ДПК» («New DPRK») достиг больших показателей — 533 000 и 65 000 подписчиков на июль 2020 г. [North Korea debuts new propaganda 'vloggers'...] на платформах «Вейбо» и «Билибили» соответственно.

При этом стоит заметить, что, несмотря на новизну формата, авторы не смогли отойти от прежних идеологических установок в производстве контента. Канал перешел от видео-дневника о повседневной жизни к видеоблогу о главных событиях с точки зрения официального дискурса КНДР: юбилей ТПК, создание 2 партийных дивизий для ликвидации ущерба от наводнений, начало работ по сборке урожая и т. д. Параллельно наблюдалась типичная для северокорейских медиа тяга к секретности — ретушировались лужи или стройки на фоне, цены в магазинах [Ibid].

Однако внимание со стороны мировых СМИ [North Korean Propaganda Gets a YouTube Makeover...] сыграло злую шутку с северокорейскими ресурсами — вслед за возросшим интересом пришли санкции со стороны администрации «Youtube». В декабре 2020 г. канал «Эха правды» был заблокирован, а все материалы удалены. Аналогичным образом регулярно удаляются материалы каналов не из КНДР, которые транслируют северокорейский контент. Подобные решения обосновываются санкционным режимом ООН, в рамках которого подобная деятельность в Интернете может расцениваться как способ получения иностранной валюты [Citing legal complaints, YouTube purges...].

КНДР не прекратила свою деятельность на «Youtube». После удаления «Эха правды» в декабре 2020 г. был создан канал «Самджиён» («Sam jiyon»), на который были еще раз загружены удаленные видео, а в качестве обновлений стали публиковать материалы корейского телевидения и сайтов «Ури минжоккири», «Чосоный оныль» и т.д. [Ютьюб-канал «Sam jiyon»]. Новый для КНДР формат видеоблога продолжает появляться на новом канале «Мокран ТВ» («Mokran TV»), однако внимания иностранной аудитории канал пока не привлека-

ет — на 14 ноября 2021 г. у него всего 202 подписчика [Ютьюб-канал «Mokran TV»].

Отдельно необходимо выделить южнокорейское измерение северокорейской пропаганды. На этом направлении в основном работают два ресурса — «Ури минчжоккири» и «Ариран Меари». Примечательным является последний по нескольким причинам. Во-первых, именно там публикуются наиболее тиражируемые материалы с критикой южнокорейского общества и капитализма. В 2021 г. можно отметить два ярких случая: критическую статью, посвященную тяжелым условиям работы корейский поп-исполнителей [Пук “Би-Ти-Эс тынь аидол хангуксо...] и заметку про сериал «Игра в кальмара», показывающий несправедливость капиталистического общества [Намчосон сахвевый силъсанъль...]. Во-вторых, поскольку в идеале целевой аудиторией должна быть Республика Корея, на «Ариран Меари» часть материалов (зачастую это критика южнокорейских консерваторов, в особенности кандидата в президенты Юн Сок Ёля [Ирэсо тхоронхверьль пхихангонга?]) написана по правилам южнокорейской орфографии. Материалы при этом часто выкладываются под псевдонимами, напоминающими имена пользователей южнокорейских форумов.

Пропаганда, направленная на внутреннюю аудиторию, тоже не была статична в исследуемый период. С одной стороны, руководство КНДР вынуждено реагировать на кризис, связанный с коронавирусом, а с другой — продолжает строить вертикаль власти с председателем Государственного совета и генеральным секретарем ЦК ТПК Ким Чен Ыном во главе.

Беспрецедентные меры по изоляции помогли сдержать распространение вируса в КНДР, но негативно сказались на экономике. Поэтому перед руководством стояла задача объяснить населению, почему приходится переносить такие трудности. Внутри страны была развернута кампания по пропаганде личной гигиены, использования средств дезинфекции и т. д. Изменилось освещение международных новостей — если до коронавируса в СМИ КНДР присутствовали аналитические статьи, посвященные актуальным вопросам международных отношений и не все из них сводились к критике капиталистического общества, то в эпоху коронавируса подавляющее большинство публикаций стало посвящено пандемии коронавируса, стихийным бедствиям и несчастным случаям в других странах [Ланьков, 2020]. Несмотря на участие в программе «Ковакс», внутренние северокорейские СМИ, по словам посла России в КНДР А.И. Мацегоры, не сообщали даже о факте разработки вакцины, что дипломат трактовал как

знак того, что КНДР еще долго не планирует открывать границы [Посол РФ в КНДР: российских дипломатов...].

Но вскоре после выхода этого интервью в северокорейских СМИ все же появились сообщения о кампаниях вакцинации в других странах. Правда, сообщения эти были негативными. Так, в выпуске от 4 мая газета «Нодон Синмун» писала: «Ситуация во многих странах ясно свидетельствует, что вакцина — не универсальное решение». В статье писалось о большом количестве побочных эффектов и даже случаях смерти вакцинированных. Поэтому статья призывала граждан Северной Кореи и дальше готовиться к усиленным противоэпидемическим мерам. [Пукхан, кхорона пэксинэ “манньнъ хгёльчхэк аня...] Кроме того, опасения по поводу безопасности вакцин, вероятно, привели к отказу от поставок вакцин «АстраЗенека» в республику в рамках механизма «Ковакс»

Весной 2020 г. из-за коронавирусных ограничений были отменены такие традиционные мероприятия, как, например, празднование Дня солнца (день рождения Ким Ир Сена) 15 апреля. Но уже летом 2020 г. партийные и идеологические мероприятия начали проводить в прежнем масштабе. Заметными были массовые демонстрации, проведенные по всей стране, с критикой запусков антисеверокорейских листовок, которые проводились правозащитными организациями Республики Корея.

Целый ряд массовых собраний, число участников которых доходило до 10 000 человек, прошел вслед за VIII съездом ТПК. Это VI съезд секретарей ячеек ТПК, X съезд Союз молодежи (решением съезда переименован из «кимирсенко-кимченирского» в социалистический), VIII съезд объединенных профсоюзов Кореи, VII съезд Корейского социалистического союза женщин. На мероприятиях была высказана поддержка курса, провозглашенного на съезде партии. Само проведение съездов основных общественных организаций КНДР, приуроченных к съезду партии, можно трактовать как дальнейшую институционализацию партийной жизни и переход к более регулярному проведению мероприятий подобного формата. Для сравнения, VIII съезд партии был проведен спустя 4 года после VII съезда ТПК, в то время как VI съезд был проведен более 40 лет назад, в 1980 г.

Постепенно оформляется культ личности руководителя КНДР Ким Чен Ына. До этого официальной идеологией страны, наряду с чучхе и сонгун (последний стал упоминаться чуть реже в годы правления Ким Чен Ына), являлся «кимирсенизм-кимчениризм». Однако недавно появились сведения, что в КНДР начали использовать поня-

тие «кимченынизм» [“Ким Чжоньнэ чольттэчхуньсонь”...]. Параллельно в северокорейской печати появляются публикации, призывающие быть всецело верными руководителю КНДР и подчеркивающие единоличность его правления [Ibid], а пресса стала употреблять эпитет «великий» («위대한», «видэхан») по отношению к Ким Чен Ыну [Пукхан, “видэхан Ким чжоньын сидэ пиннэя”...]. Вполне возможно, что это своеобразная подготовка к 10-летию юбилею правления северокорейского лидера. Нельзя не отметить и тот момент, что в исследуемый период стали видны и другие аспекты культа — например, официальное упоминание Университета национальной обороны им. Ким Чен Ына [Чосоннодоньдань чхангон 75 толь...]. Можно предположить, что в относительно недалеком будущем мы сможем увидеть дальнейшую институционализацию культа личности наподобие той, что существует в отношении отца и деда — с обязательными портретами в учреждениях и значками.

В заключение можно сказать следующее. Внешний и внутренний треки пропаганды частично отличаются по наполнению, но при этом не существуют независимо друг от друга. В силу специфики организации системы пропаганды пропагандой на разных направлениях занимаются люди из одних ведомств. Поэтому на внешнем треке информантам КНДР не удается отойти от устоявшегося подхода к пропаганде.

Если более подробно говорить о треках пропаганды, можно выделить следующее. Во-первых, в пропаганде, направленной на внешнюю аудиторию, наблюдаются некоторые качественные изменения. Северокорейские информационные агентства пытаются заимствовать мировые практики работы с аудиторией, что на какое-то время вызвало рост интереса международной аудитории. Во-вторых, на внутреннем фронте система пропаганды на данном этапе выполняет две главные задачи. Первая — это объяснение экономических трудностей на фоне пандемии и закрытия страны, что достигается за счет преимущественно негативного освещения событий за границей. Второе — усиление культа личности Ким Ченына и его постепенное институциональное оформление.

Библиографический список

Ирэсо тхоронхверьль пхихангонга? [Так он уклонился от дискуссии?..] // Agirang Meari. 25.09.2021. URL: <http://www.arirangmeari.com/index.php?t=yard&no=334> (дата обращения: 12.11.2021) (На кор.).

Ким Чжонинэ чольтгэчхуньсонь”... пукхан, 'юильчжок ёньдочхеге' сурипчунь [«Абсолютная верность Ким Чен Ыну»... В Северной Корее создается система «единоличного руководства»] // Yonhap. 03.11.2021. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20211103039300504?section=nk/news/all> (дата обращения: 13.11.2021) (На кор.).

Ланьков А. Н. Политика редакционная и внешняя. Как в Северной Корее освещают международные новости // Carnegie Endowment. 22.07.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82327> (дата обращения: 12.11.2021).

Намчосон сахвэй сильсаньль пхонноханьин Ти-Ви-гьк «Очжино геим» инги [Популярность сериала «Игра в кальмара», выявляющего реальность южнокорейского капиталистического общества] // Arirang Meari. 12.10.2021. URL: <http://www.arirangmeari.com/index.php?t=news&no=17808> (дата обращения: 12.11.2021) (На кор.).

Посол РФ в КНДР: российских дипломатов не страшат тяготы коронавирусной блокады // ТАСС. 14.04.2021. URL: <https://tass.ru/interviews/11146461> (дата обращения: 13.11.2021).

Пукхан, “видэхан Ким чжонгын сидэ пиннэя”... самдэхёнмён сонгучжатэхве пхемак (чонгхап) [В Северной Корее заявляют: должна засиять эпоха великого Ким Чен Ына... Закрытие съезда передовиков движения трех революций. (Итоги)] // Yonhap. 22.11.2021. <https://www.yna.co.kr/view/AKR20211122005451504?section=nk/news/all> (дата обращения: 29.11.2021) (На кор.).

Пукхан, ххорона пэксинэ “маннынъ хгэльчхэк аня... пангёкчон чангьихва” [В Северной Корее заявляют, что вакцина от коронавируса «не панацея... противоэпидемическая борьба будет затяжной»] // Yonhap. 04.05.2021. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210504024600504?section=nk/news/all> (дата обращения: 30.11.2021).

Пук “Би-Ти-Эс тынь аидол хангуксо ноечхором чхакчхви тангхэ”... Си-Эн-Эн: “кынго опсо” [В Северной Корее заявляют, что «БТС и другим айдолы эксплуатируются, как рабы»... Си-Эн-Эн: «Заявления необоснованны»] // Donga Ilbo. 18.03.2021. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20210318/105948140/1> (дата обращения: 12.11.2021) (На кор.).

Сончжонсондоньбу — пукхан чонгбо пхотхол [Отдел пропаганды и агитации — Портал информации о Северной Корее] // Министерство объединения РК. URL: <https://nkinfo.unikorea.go.kr/nkp/term/viewNkKnlwdgDicary.do?pageIndex=1&dicaryId=128> (дата обращения: 11.11.2021) (На кор.).

Чосоннодондань чхангон 75толь кёнчхук ёльбёнсьик кохэнъ [Торжественно прошел парад в честь 75-летия основания ТПК] // Red Star TV. 10.10.2020. URL: <http://www.redstartv.org/news/75/2020-10-10-1882>. (дата обращения: 13.11.2021) (На кор.).

Ютьюб-канал «Mokran TV». URL: <https://www.youtube.com/channel/UCx0eTZwNNkMСуY1KB7vxbBQ> (дата обращения: 11.11.2021).

Ютьюб-канал Sam jiyon. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCsUzcuvRZmPFIqPcnmo3xw/featured> (дата обращения: 11.11.2021).

Citing legal complaints, YouTube purges more North Korea-focused channels // *NK News*. 14.01.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/01/citing-legal-complaints-youtube-purges-more-north-korea-focused-channels/?t=1607725347003> (дата обращения: 11.11.2021).

North Korea debuts new propaganda ‘vloggers’ to attract foreign viewers // *NK News*. 21.10.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/10/north-korea-debuts-new-propaganda-vloggers-to-attract-foreign-viewers/> (дата обращения: 11.11.2021).

North Korean Propaganda Gets a YouTube Makeover: Fewer Parades, More Pizza // *The New York Times*. 12.09.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/12/world/asia/north-korea-kim-jong-un-propaganda.html> (дата обращения: 11.11.2021).

References

Chosŏllodongdangch'anggŏn 75tolkyŏngch'ung yŏlbyŏngshik sŏngdaehi kŏhaeng [Parade in Honor of the 75th Anniversary of Founding of WPK was Solemnly Held]. *Red Star TV*. 10.10.2020. URL: <http://www.redstartv.org/news/75/2020-10-10-1882> (accessed: 13.11.2021) (In Korean).

Citing legal complaints, YouTube purges more North Korea-focused channels. *NK News*. 14.01.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/01/citing-legal-complaints-youtube-purges-more-north-korea-focused-channels/?t=1607725347003> (accessed: 11.11.2021).

Iraesŏ t'oronhoerŭl p'ihan'gŏn'ga? [So That's How He Dodged Discussion?]. *Arirang Meari*. 25.09.2021. URL: <http://www.arirangmeari.com/index.php?t=yard&no=334> (accessed: 12.11.2021) (In Korean).

“Kim Jŏngŭn-e chŏltaech'ungsŏng”... puk'an, 'yuilchŏng yŏngdoch'egyeo' suripchung [“Absolute Loyalty to Kim Jongun” ... System of “One-man Leadership” is Being Created in North Korea]. *Yonhap*. 03.11.2021. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20211103039300504?section=nk/news/all> (accessed: 13.11.2021) (In Korean).

Lan'kov A.N. (2020). Politika redaktsionnaya i vneshnyaya. Kak v Severnoy Koreye osveshchayut mezhdunarodnyye novosti [Editorial and Foreign Policy. How Foreign News are Covered in North Korea]. *Carnegie Endowment*. 22.07.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82327> (accessed: 12.11.2021).

Namjosŏn shilsangŭl p'ongnohanŭn TV-kŭk “ojingŏ keim” in'gi [Popularity of a TV-series “Squid Game”, which criticizes the reality of South-korean society]. *Arirang Meari*. 12.10.2021. URL: <http://www.arirangmeari.com/index.php?t=news&no=17808> (accessed: 12.11.2021) (In Korean).

North Korea debuts new propaganda ‘vloggers’ to attract foreign viewers. *NK News*. 21.10.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/10/north-korea-debuts-new-propaganda-vloggers-to-attract-foreign-viewers/> (accessed: 11.11.2021).

North Korean Propaganda Gets a YouTube Makeover: Fewer Parades, More Pizza. *The New York Times*. 12.09.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/12/world/asia/north-korea-kim-jong-un-propaganda.html> (accessed: 11.11.2021).

Posol RF v KNDR: rossiyskikh diplomatov ne strashat tyagoty koronavirusnoy blokady [Russian Ambassador to the DPRK: Russian diplomats are not afraid of difficulties amid Covid blockade]. *TASS*. 14.04.2021. URL: <https://tass.ru/interviews/11146461> (accessed: 13.11.2021) (In Russian).

Puk, “BTS tǔng aidol han'guksō noyech'ōrōm ch'akch'wi tanghae” ... CNN “kǔn'gōōpsō” [North Korea: Idols such as BTS are exploited as slaves in South Korea ... CNN: there are no proofs]. *Donga Ilbo*. 18.03.2021. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20210318/105948140/1> (accessed: 12.11.2021) (In Korean) .

Puk'an, k'orona paekshine “mannǔng haegyōlch'aek anya ... pangyōkchōn changgihwa” [North Korea says, that Covid-vaccine “is not a universal solution... anti-e[idemic fight will be long]. *Yonhap*. 04.05.2021. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210504024600504?section=nk/news/all> (accessed: 30.11.2021) (In Korean).

Puk'an “widaehan Kim Jōngǔn shidae pinnaeya”... 3taehyōngmyōng sōn'gujadaehoe p'yemak (chonghap) [North Korea says: the era of the great Kim Jong-un should shine ... Closing of the congress of the leaders of the movement of three revolutions. (Round-up)]. *Yonhap*. 22.11.2021. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20211122005451504?section=nk/news/all> (accessed: 29.11.2021) (In Korean).

Sōnjōnsōndongbu — puk'an chōngbo p'ot'ol [Propaganda and Agitation Department — North Korea Information Portal]. *Ministry of Unification of the ROK*. URL: <https://nkinfo.unikorea.go.kr/nkp/term/viewNkKnlwDgDicary.do?pageIndex=1&dicaryId=128> (accessed: 11.11.2021) (In Korean).

YouTube-channel «Mokran TV». URL: <https://www.youtube.com/channel/UCx0eTZwNNkMCyY1KB7vxbBQ> (accessed: 11.11.2021).

YouTube-channel Sam jiyon. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCsUzcu vRZmPfJIqPcnmo3xw/featured> (accessed: 11.11.2021).

Список авторов

Абрамов Сергей Александрович, аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Среднерусский институт управления — филиал.

ORCID: 0000-0001-6968-033X

E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Акуленко Вадим Сергеевич, к.и.н., старший преподаватель кафедры корееведения, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет.

ORCID: 0000-0002-0449-471X

E-mail: akulenko.vs@dvfu.ru; vakulenco@mail.ru

Ван Цзинвэй (王景伟, КНР), аспирант Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: wjw07@yandex.ru

Виноградов Илья Сергеевич, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-5572-3471

E-mail: vinbel19@mail.ru

Волошина Анна Валерьевна, м.н.с. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-7508-8735

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Гурковский Александр Александрович, магистрант, ДВФУ.

E-mail: gurkovskii.aa@students.dvfu.ru

Дьячков Илья Владимирович, к.и.н., доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7058-0811

E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Елисеева Мария Владимировна, аспирант Департамента мировой экономики и международного бизнеса Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

ORCID: 0000-0002-6815-129X

E-mail: mveliseeva2020@edu.fa.ru

Заклязьминская Екатерина Олеговна, к.э.н., н.с., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0003-2777-4973

E-mail: ekaterina.zakl@gmail.com

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, ученый секретарь ИКСА РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0001-6164-3518

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Зуева Александра Георгиевна, аспирант Института Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-9394-0733

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Игнатов Александр Александрович, аспирант, МГИМО Университет; научный сотрудник, Центр исследований международных институтов РАН-ХиГС; старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (ГАУГН).

ORCID: 0000-0001-6740-4454

E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Корнеев Константин Анатольевич, к.и.н., с.н.с. Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0003-3930-6309

E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Купина Людмила Константиновна, м.н.с., выпускник аспирантуры, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

ORCID: 0000-0002-0467-602X

E-mail : kupina.liudmila@gmail.com

Логиновский Егор Леонидович, магистр востоковедения, переводчик 2-й категории, ООО «ССК «Звезда».

ORCID: 0000-0002-0753-5353

E-mail: login-egor@mail.ru

Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-5150-7747

E-mail: 88am@mail.ru

Моргунова Полина Вячеславовна, студент первого курса магистратуры «Тихоокеанская археология» Дальневосточного федерального университета.

E-mail: polly.pion.1999@gmail.ru

Нежданов Владимир Львович, ассистент Тюменского государственного университета, соискатель в Дипломатической академии МИД России.

ORCID: 0000-0002-1533-069X

E-mail: vn1993@yandex.ru

Нолев Евгений Владимирович, к.и.н., с.н.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, председатель РОО «Совет молодых ученых Республики Бурятия».

ORCID: 0000-0001-7756-7791

E-mail: nolev@inbox.ru

Печищева Людмила Александровна, к.и.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ.

E-mail: mayflower-85@inbox.ru

Поленова Анна Львовна, н.с. Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0003-1854-6733

E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Сазонов Сергей Леонидович, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Селезнева Наталья Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет.

E-mail: xie-ling@yandex.ru

Семенов Олег Юрьевич, к.и.н., доцент, начальник отдела сопровождения учебного процесса в бакалавриате по направлению «Востоковедение и африканистика», НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

E-mail: osemenov@hse.ru

Старшинов Александр Сергеевич, магистрант, НИУ ВШЭ.

E-mail: alex.starshinov@gmail.com

Финько Нина Викторовна, ассистент кафедры корееведения, СПбГУ.

E-mail: nvfinko@mail.com

Харитоновна Анна Михайловна, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ.

ORCID: 0000-0003-4234-5579

E-mail: a.kharitonova@spbu.ru

Ширгазина Эльза Рифовна, м.н.с. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

E-mail: e.shirgazina8@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-7715-2991

Шкатов Данил Евгеньевич, лаборант-исследователь Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН, магистрант МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-6690-0181

E-mail: shkatov_d_e@my.mgimo.ru

Шуплецова Ксения Васильевна, аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: noisetepost@gmail.com

List of authors

ABRAMOV Sergey A., Ph.D. student, RANEPА — Central Russian Institute of Management.

ORCID: 0000-0001-6968-033X

E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

AKULENKO Vadim S., Ph.D (History), Senior lecturer, Department of Korean Studies, Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University.

ORCID: 0000-0002-0449-471X

E-mail: akulenko.vs@dvf.u.ru; vakulenco@mail.ru

DYACHKOV Ilya, Ph.D. (History), Associate Professor, Dept. of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Dept. of Oriental Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7058-0811

E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

ELISEEVA Maria V., postgraduate student at the Department of World Economy and International Business of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-6815-129X

E-mail: mveliseeva2020@edu.fa.ru

FINKO Nina V., assistant, Department of Korean studies, St Petersburg University

E-mail: nvfinko@gmail.com

GURKOVSKII Aleksandr A., Master's students, FEFU

E-mail: gurkovskii.aa@students.dvf.u.ru

IGNATOV Alexander A., Researcher, Center for International Institutions Research, RANEPА, Moscow.

ORCID: 0000-0001-6740-4454

E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

KHARITONOVA Anna M., Assistant Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-4234-5579

E-mail: a.kharitonova@spbu.ru

KORNEEV Konstantin A., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0003-3930-6309

E-mail: korneev@ifes-ras.ru

KUPINA Liudmila K., Junior Researcher, graduate school alumni, the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN).

ORCID: 0000-0002-0467-602X

E-mail: kupina.liudmila@gmail.com

LOGINOVSKII Egor L., M.A. (Asian & African Studies), translator (2 grade), Zvezda Shipbuilding Complex.

0000-0002-0753-5353

E-mail: login-egor@mail.ru

MAMAKHATOV Tlesh M., PhD (Economics), Leading researcher at the Center “Russia. China and the World”, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

MOKRETSKII Alexander Ch., Senior Researcher of the Center “Russia, China, the world”, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5150-7747

E-mail: 88am@mail.ru

MORGUNOVA Polina V., Master's student at the Faculty of Pacific Archeology, Far Eastern Federal University.

E-mail: polly.pion.1999@gmail.com

NEZHDANOV Vladimir L., assistant teacher, Tyumen State University; applicant, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

ORCID: 0000-0002-1533-069X

E-mail: vn1993@yandex.ru

NOLEV Evgenii V., PhD (History), Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Chairman of the Regional Public Organization “Council of Young Scientists of the Republic of Buryatia”.

ORCID: 0000-0001-7756-7791

E-mail: nolev@inbox.ru

PECHISHCHEVA Liudmila A., Ph.D. (History), Associate professor, Department of Foreign Area Studies and Foreign Affairs, Faculty of International Relations, Political Studies and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (RSUH).

E-mail: mayflower-85@inbox.ru

POLENOVA Anna L., Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0003-1854-6733

E-mail: polenova@ifes-ras.ru

SELEZNEVA Natalia V., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University.

E-mail: xie-ling@yandex.ru

SEMENOV Oleg Y., Ph.D. (History), Associate Professor, Head of the Study Office, BA Programme in Asian and African Studies, Higher School of Economics — Saint-Petersburg.

E-mail: osemenov@hse.ru

SHIRGAZINA Elsa R., junior researcher, Primakov Institute of World Economy and International relations.

ORCID: 0000-0001-7715-2991

E-mail: e.shirgazina8@imemo.ru

SHKATOV Danil E., Assistant Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and contemporary Asia, RAS; undergraduate student, MGIMO-University.

ORCID: 0000-0001-6690-018

E-mail: shkatov_d_e@my.mgimo.ru

SHUPLETSOVA Kseniya V., graduate student, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University.

E-mail: noisettepost@gmail.com

STARSHINOV Alexander S., master's program student, HSE University.

E-mail: alex.starshinov@gmail.com

VINOGRADOV Ilia S., Senior Research Fellow, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5572-3471

E-mail: vinbel19@mail.ru

VOLOSHINA Anna V., Junior researcher, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-7508-8735

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

ZAKHAROVA Liudmila V., Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Leading Researcher, Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0001-6164-3518

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

ZAKLIAZMINSKAIA Ekaterina O., Ph.D. (Economics), Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science.

ORCID: 0000-0003-2777-4973

E-mail: ekaterina.zakl@gmail.com

ZUEVA Alexandra G., Postgraduate student of the Institute of China and contemporary Asia of the RAS.

ORCID: 0000-0002-9394-0733

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Научное издание

**Восточная Азия:
прошлое, настоящее, будущее.
2022**

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 09.12.2022. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 20,7.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)

Электронная библиотека ИКСа РАН

www.iccargas.ru

Почтовый адрес ИКСа РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5